

Л.С.Левитская

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

тшшт

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л. С. Левитская

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Ответственный редактор
Б.А. Серебrennikov

Книга представляет собой первое относительно полное изложение истории словоизменительных и словообразовательных форм чувашского языка. Автор обобщает и критически пересматривает результаты предшествующих исследований и предлагает собственное объяснение некоторых грамматических формантов.

Рассчитана на тюркологов, научных работников и преподавателей вузов, на специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, а также историков, занимающихся проблемой этногенеза народов Поволжья.

Л 70103-140 ВЗ-41-30-76
013(02)-76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга является продолжением исследований автора в области истории чувашского языка¹. Она написана с целью обобщить результаты предшествующих изысканий, предложить свою интерпретацию ряда чувашских словоизменительных и словообразовательных форм и привлечь внимание специалистов к спорным вопросам тюркской исторической морфологии. Кроме того, она, как и "Историческая фонетика", в известной мере должна явиться основой при написании задуманной нами работы по истории болгарской лексики.

Рукопись этой книги закончена в 1970 г. Сейчас, вероятно, многое в ней было бы написано по-иному: исследования в советской и зарубежной тюркологии последних лет значительно расширили возможности историка языка. Но и содержащееся в данной работе, быть может, окажется небесполезным для тех, кто занимается или интересуется проблемами и состоянием тюркского, в первую очередь чувашского, исторического языкознания.

Хотелось бы сердечно поблагодарить всех, кто способствовал выходу книги в свет.

¹ См.: Л.С. Левитская, Историческая фонетика чувашского языка, а.к.д., М., 1966.

Первым опытом исторической морфологии чувашского языка можно считать исследование В. Шотта "De lingua Tschuwaschorum" /224/, где автор выясняет происхождение ряда чувашских суффиксов и местоименных основ путем сопоставлений и идентификации с другими тюркскими языками. Важный этап в создании чувашской исторической морфологии представляют книги Н.И. Ашмарина, в которых предлагаются этимологии многих формообразующих и словообразующих суффиксов. Исторические комментарии Н.И. Ашмарина продолжены современными исследователями. Многое, имеющее прямое отношение к истории чувашского языка, можно найти в работах по алтаистике и сравнительной тюркологии, принадлежащих перу зарубежных исследователей, особенно Г. Рамstedта, М. Рясаяна, Н. Поппе, И. Бенцинга, О. Прицака и других. Очень перспективными являются сравнительно-исторические и историко-типологические разыскания Б.А. Серебренникова, обратившего внимание на некоторые общие тенденции в развитии морфологической системы тюркских и финно-угорских языков поволжского ареала. Мы старались учесть и по возможности использовать и оценить все, сделанное предшественниками, особенно чувашскими языковедами. Ссылки на их труды приводятся по ходу изложения соответствующих проблем.

Хотя сведений по чувашской исторической морфологии накоплено довольно много, цельное изложение ее основных проблем с привлечением сравнительных данных из других тюркских языков и диалектов предлагается, кажется, впервые.

Для создания полноценной исторической морфологии чувашского языка необходимы по крайней мере две предпосылки:

1) наличие сравнительно-исторической морфологии тюркских языков, дающей картину общетюркского (точнее предтюркского) состояния, а следовательно, реконструкции морфологической системы тюркских языков до выделения тюркских предков чувашей из общетюркской общности;

2) разработанность чувашской исторической диалектологии, которая, в свою очередь, обусловлена состоянием диалектологии описательной.

Обе эти предпосылки пока отсутствуют. Поэтому многие наши предположения и выводы могут оказаться предварительными, так как основаны на ограниченных источниках.

Данные чувашской диалектологии

Общеизвестно, что диалекты и говоры являются одним из важнейших источников при изучении истории различных языков. Данные диалектов дополняют и разъясняют многие факты, почерпнутые из письменных памятников. В диалектах и говорах часто сохраняются архаичные явления, легче прослеживается генезис новообразований.

Диалектные данные со времени А.А. Шахматова постоянно привлекаются историками русского языка. Пристальное внимание к диалектам как источнику для исторических разысканий в последние годы проявили германисты. Для языков с непродолжительной письменной традицией диалекты — один из важнейших источников сведений об их истории. Так, например, исторические грамматики многих финно-угорских языков (пермских, марийского) строятся почти исключительно на данных диалектов и говоров и сравнительном материале других финно-угорских языков.

Советскими тюркологами уже давно осознана необходимость привлечения диалектных данных для сравнительно-исторического изучения тюркских языков. При исторической интерпретации фонетических явлений (соответствий), при этимологизации грамматических форм и слов очень многие тюркологи использовали данные диалектов и говоров. Однако теоретическая постановка проблемы, осмысление использования диалектных данных как методического приема сравнительно-исторических исследований по тюркским языкам приходится на 50 — 60-е годы.

В докладе Э.В. Севортяна на ашхабадском совещании 1959 г. говорится: «Мы вправе утверждать, что наибольшего успеха в историко-тюркологическом исследовании можно добиться путем сопоставления показаний памятников, диалектов конкретного тюркского языка и сравнительно-исторических данных тюркских языков» /28а, стр. 22/. Эта мысль была подхвачена и проиллюстрирована в ряде докладов на III Региональном совещании по диалектологии тюркских языков в Баку (1960 г.). Следующим шагом явились статьи и выступления акад. В.М. Жирмунского, в которых он призывал к историческому осмыслению лингво-географических разысканий. Однако тюркская историческая диалектология и лингвистическая география делают еще первые шаги. А многие описания тюркских диалектов и говоров пока мало пригодны для исторической интерпретации.

Первые образцы использования данных чувашских диалектов для объяснения фонетических и морфологических феноменов были даны Н.И. Ашмариним. Установленная им традиция была успешно продолжена Т.М. Матвеевым, В.Г. Егоровым, Ф.Т. Тимофеевым и новым поколением чувашских диалектологов. В настоящее время мы располагаем описанием основных говоров верхнего диалекта. Значительный материал собран и по другим говорам, в том числе и по говорам чувашей, проживающих вне пределов Чувашской республики. В последние годы успешно проводится лингво-географическое описание чувашских диалектов.

До сих пор изучение чувашских диалектов и говоров велось на основе программы-вопросника, в которой были отражены основные фонетические, грамматические и лексические расхождения, выявленные к моменту составления программы. Такой прием изучения диалекта (говора), на наш взгляд, имеет существенные недостатки. Описанию диалекта (говора) как языковой единицы (пусть условной) не хватает цельности, она предстает как набор фактов (по терминологии диалектологов, особенностей), а не как система. Например, Л.П. Сергеев /77, стр. 160/ отмечает, что в моргаушском говоре неупотребительны такие временные формы, как прошедшее многократное, давнопрошедшее определенное. Но из описания говора остается неясным, какова же система его временных форм, как передаются значения прошедшего многократного или давнопрошедшего. Иными словами, диалектолог не показывает, существуют ли в говоре какие-то отличные по структуре формы прошедшего многократного и давнопрошедшего, или их значения распределяются между меньшим числом временных форм, или передаются иным способом.

В XIX в. в сундырских говорах была зарегистрирована форма прошедшего времени типа *kajsačâp*, *kajsačân*, *kajsa* 'я ходил' и т.д. Л.П. Сергеев отмечает в моргаушском говоре только форму 2-го лица единственного числа *kajsačân* 'ты ведь уходил', но не показывает ее места среди других временных форм.

Некоторые явления, звуковые соответствия, грамматические формы, слова, не зарегистрированные в программе, вообще выпадают из поля зрения исследователя. А как раз среди них могут оказаться архаизмы, столь ценные для языковеда-историка.

Нам представляется, что лингво-географическое изучение чувашских говоров, позволяющее на основе пространственного размещения языковых явлений предложить хронологическую интерпретацию ряда языковых процессов, должно дополняться монографическим описанием пространственных языковых единиц (диалектов, говоров). Только полная регистрация архаизмов, новообразований, дублетных форм (хронологических и пространственных) дает возможность создать историческую диалектологию, являющуюся необходимой предпосылкой для создания истории чувашского языка. Пока что в нашем распоряжении оказывается довольно отрывочный материал, не всегда рассчитанный на нужды историка языка.

Однако диалектные данные уже сейчас позволяют уточнить этимологии ряда чувашских морфем и служат материалом для морфологической реконструкции. Так, например, в чувашском языке имеется деепричастная форма на *-masseren/-messeren* со значением 'каждый раз, когда', 'всякий раз как'. Проф. В.Г. Егоров полагал, что в ее основе лежит отрицательная форма причастия будущего времени, т.е. причастие на *-mas*. Иной точки зрения придерживался Н.И. Ашмарин, по мнению которого аффикс *-masseren* состоит из аффикса глагольного имени на *-ma* и послелога *seren*. Чувашские диалектные формы типа *kajmakseren*, *kajmaksajran* подтверждают правильность предположения Н.И. Ашмарина. По семантике чувашской форме на *-masseren* соответствуют татар. и баш. *-yan sajân* (*hajân*

Без привлечения данных чувашских говоров было бы трудно этимологизировать чувашскую форму на *-maskân*, по значению близкую к супину.

Однако встречающийся в говорах вариант аффикса *-maskân* позволяет разложить ее на аффикс глагольного имени *-mak* и послелог *šân* 'для', 'за', тождественный с общетюркским *uđun~üđin*.

Сравнивая диалектные формы родительного падежа множественного числа *ačaşen'*, *ačaşan'*, *ačaşan*, мы можем восстановить первоначальный вариант **ačaşenin*, откуда *ačaşen'* и *ačaşan'* > *ačaşan*, т.е. варианты с соблюдением гармонии гласных. Кстати, вариант *ačaşenən* тоже засвидетельствован в чувашских говорах.

В чувашских говорах (см., например, записи А. Регули) сохранились реликтовые формы уступительного наклонения, более архаичный вариант послелога *pek* 'как', 'подобно' — *ker*, несколько вариантов аффикса орудного (творительного) падежа *-pa*, *-pala*, *-palan*, *-pen*, деепричастных аффиксов *-atšân*, *-atšân* и т.д. До сих пор остается неясным происхождение показателя множественного числа в глагольных формах 3-го лица множественного числа настоящего времени типа: *kajášâ* 'они идут'. Варианты верховых говоров типа *kajáččâ* помогают реконструировать форму *kajatčâ*, где *-t* — показатель временной основы, а *-č* — показатель множественности (кооперативности), встречающийся в составе и некоторых других формантов (возможно, мар. *šamâč* < чув. *sam* + *-č*).

Памятники языков чувашской (булгарской) группы

Не давая подробного обзора и анализа всех памятников чувашского языка¹, мы здесь укажем лишь на те, которые могут быть использованы при написании исторической морфологии.

Булгаризмы венгерского языка, датируемые, как правило, V-IX вв., показательны для истории ряда словообразовательных аффиксов (хронологизация некоторых фонетических процессов). Булгарские эпитафии (XIII-XIV вв.) содержат архаичные формы числительных, некоторые падежные форманты и некоторые данные о системе глагола. Интересный материал предлагают тексты (диалектные), грамматики и словари XVIII и XIX вв. Своеобразным памятником чувашского языка являются фольклорные тексты, содержащие большое число морфологических архаизмов. Достаточно указать, например, на форму уступительного наклонения типа *kilçin*, сохранившуюся в наговорах, форму на *-sarâ*, бытующую в народной песне и т.д. Памятники фольклора, несомненно, нуждаются в специальном исследовании с лингвистической точки зрения.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего использовалась внешняя реконструкция, т.е. сравнение с данными других тюркских языков и на его основе восстановление исходного состояния корневой или аффиксальной морфемы. Так реконструировались некоторые местоимения, числительные, послелоги, притяжательные аффиксы и т.д. Таким же путем использовались диалектные

¹ Об этом см., например, у В.Г. Егорова /43/.

данные. Далее сравнивались члены парадигмы и восстанавливалось ее исходное состояние (некоторые глагольные парадигмы, парадигма склонения во множественном числе).

Применялся и сопоставительный анализ семантически близких структурных моделей (основа + аффикс) и отдельных аффиксов в чувашском и других тюркских языках, в чувашском и финно-угорских языках. Этот анализ помогает выбрать наиболее вероятную из существующих гипотез или предложить новую интерпретацию анализируемой формы (например, некоторых причастий, деепричастий, словообразовательных аффиксов).

Заимствования и новообразования устанавливались главным образом с учетом относительной хронологии фонетических изменений. Так, например, причастие на *-aḷan*, бытующее и во многих кыпчакских языках, могло проникнуть в чувашскую систему после исчезновения гуттуральных. Аффикс *-ēḷk*, видимо, попал из какого-то кыпчакского источника после того, как чувашский *č > ś*.

ТРАНСКРИПЦИЯ

В работе использована в несколько модифицированном, по техническим причинам, виде латинская транскрипция, принятая в некоторых исследованиях по чувашскому языку.

И М Я

ФОРМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Насколько известно, в чувашском языке пока не обнаружено никаких бесспорных следов¹ общетюркского аффикса множественного числа *-lar/-ler* или его фонетических вариантов. О происхождении аффикса *-lar/-ler* писали многие исследователи². Наиболее привлекательной нам кажется идея Т. Ковальского – В. Котвича /197, стр. 31; 194, стр. 29/, сближавших *l* аффикса *-lar/-ler* с другими *l*-показателями в тюркских (и даже алтайских) языках (по В. Котвичу, со значением комитатива типа якутского *-lan* и *l̄:n*). Из тюркских *l*-показателей генетически близкими к *l* в *-lar*, как нам представляется, являются *l* со значением совокупности, множества в *-lik/-lik* и *-lak/-lek*³. Во второй части аффикса *-lar* – *-ar*, – быть может, представлен аффикс с разделительно-собирательным значением, так как тюркская форма множественного числа выражает одновременно идею собирательности и разделительности. Например: тур. *kuşlar* ‘(разные) птицы’, но *kuş* ‘птица’ и ‘птицы’ (весь класс)⁴.

В чувашском языке морфологическим показателем множественного числа имен является аффикс *-sem*. В верховых говорах он выступает, как правило, в двух вариантах: *-sam/-sem*, в козловском – в виде *-səm*, в низовых как *-sem*, *-səm*, *-sen*.

Чувашский показатель множественности, вероятно, сравнительно поздно происхождения⁵: во многих говорах он не имеет сингармонических

¹ И. Бенцинг /176, стр. 722/ ссылается на слово *Füler* – название старинного города Билярска.

² Библиография приведена у А.Н. Кононова /57, стр. 85/; см. также: /58, стр. 3-4/.

³ Ср.: Т.М. Гарипов /31, стр. 88/.

⁴ Ср.: К. Менгес /200, стр. 111/, Б.А. Серебренников /125/, но: А.М. Шербак /156/.

⁵ Иначе думают исследователи, предлагающие этимологии на общеалтайской почве: О. Прицак и поддерживавший его Г.Е. Корнилов.

вариантов и, кроме того, аффиксы принадлежности присоединяются к именам перед аффиксом множественного числа⁶. В других тюркских языках аффиксы принадлежности присоединяются к именным основам, уже оформленным аффиксом множественного числа: ср. чув. *uŋəm ʃem* 'мои кони' и тюрк. *allaŋm* то же⁷.

Происхождение чувашского аффикса множественного числа до сих пор не установлено. В. Шотт сближал его с тюрк. *katuŋ, kamu* 'все' /224, стр. 15-16/. Г. Рамстедт /219, стр. 22/ и М. Ряснен /221, стр. 167/ возводили его к *sajın* 'каждый', 'весь'. Б. Мункачи /201/, Л. Патрубань /205/, Н.И. Ашмарин /10, стр. 150-151/, В.Г. Егоров /43, стр. 36/ и И. Бенцинг /176, стр. 722/ связывали его с общетюркским *san* 'число', 'большое количество'. Исследователи также указывали на сходство чувашского *-sam/-sem* с селькупским показателем множественности *-saŋ*, камасинским *-saŋ* /66, стр. 87; 63/ и марийским *-šamšē* (< *šam-šē*) /29, стр. 65/. При этом обычно источником для последних признавался чувашский язык.

О. Прицак /213, § 40/ полагает, что *-sem-š-sen* < *-sa + in*, где **sa* и **in* – показатели множественности. А.Н. Кононов /58, стр. 4/ считает гипотезу О. Прицака наиболее вероятной. К точке зрения О. Прицака⁸ близка и идея Г.Е. Корнилова о составном характере *sen* /63, стр. 194/: *-se* (общеалтайский? – Л.Л.) + *-n*, выступающий как буферный согласный перед падежными аффиксами с гласным в абсолютном анлауте.

Обратимся теперь к парадигме склонения имени с аффиксом множественного числа:

осн. пад. *açaşem* 'дети' (*açaşam, açaşəm, açaşen*)
 род. пад. *açaşen'* (*açaşenən, açaşəmən, açaşen'*,
açaşan', açaşanən)
 дат.-вин. пад. *açaşene* (*açaşama, açaşəne, açaşe, açaşan'e, açaşan'a*)
 местн. пад. *açaşençe* (*açaşamra, açaşənçe, açaşan'çe, açaşan'ça*)
 исходн. пад. *açaşençep* (*açaşamran, açaşan'çen*) и т.д.

Сравнение форм родительного (= притяжательного) падежа позволяет восстановить исходную форму **açaşenin*, откуда объяснимы *açaşen'*, *açaşan'* (< *açaşen'ən*) и *açaşan'* в верховых говорах, где употребительны

⁶ Н.И. Ашмарин /10, стр. 380-381/ отмечает в малокарачклинском говоре формы типа *xəzəzəmənçän* 'от его дочерей', где аффикс принадлежности ставится дважды: перед аффиксом множественного числа и после него. Это, по-видимому, новообразование.

⁷ Особый случай представляют такие примеры, как тур. *annemgilde* 'в семье моей матери', кат. *babamlarğa* 'к семье моего дедушки'.

⁸ О. Прицак, опираясь на существование аффикса *-se* в чувашских говорах, полагал, что *-sen* < *-se-n*. Однако *-se* – форма дательного падежа, развившаяся из *-səne*, ср. параллельные формы *laşaşne* и *laşaşe*.

сингармоничные варианты и других аффиксов (*-pak/-pek, -pa/-pe, -šən/-şən*). Та же склоняемая основа **açaşen* < *açaşen'* е восстанавливается и при сравнении форм дательного-винительного падежа. Н.И. Ашмарин /14, стр. 268/ считал исходным вариантом аффикса множественного числа *-sen*⁹. Точку зрения Н.И. Ашмарина разделяли многие исследователи (М. Ряснен, В.И. Котлеев, Г.Е. Корнилов).

Объяснения требует форма местного (соответственно исходного) падежа на *-sençe*, выступающая вместо "закономерной" *-sente* (ср. *măkân* < *măkân'* 'мак'). Она "совпадает" (*-če* < *-t'e*) с формой местного падежа у имен с аффиксом принадлежности 3-го лица: *ŋvələnçe* 'у его сына', *xəzənçe* 'у его дочери'. Это дало повод И.А. Андрееву /4, стр. 50 и сл./ попытаться обосновать еще одну гипотезу о происхождении чувашского аффикса множественного числа. И.А. Андреев согласен с теми исследователями, которые сближают чувашское *-sam/-sem* со словом *sam* (ср. венг. *szám* (из булг.) < *sa:n* 'число', 'большое количество'), причем форму *san* он считает исходной. Это *san*, сочетаясь с определением-именем, первоначально было оформлено притяжательным аффиксом 3-го лица *-ə*, т.е. *aça sanə*; в низовом диалекте: *açaşanə > açaşənə > açaşen'*; в верховом:

san'ə > san'ə > san > sam
*sen'ə > sen > sem*¹⁰.

За гипотезу Ашмарина – Андреева как будто говорит следующее. В ряде тюркских языков *san* сохранило значение «большое количество», «множество», «большое неопределенное число». Например, каз. /55/: *san kisi keldi* 'множество людей приехало', кир. /57/: *san* 'несметное количество', 'десять тысяч' и т.д. Возведение аффикса *-sam/-sem* к *san-ə* позволяет объяснить формы местного и исходного падежей.

Однако эта гипотеза, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем обосновании. Во-первых, сочетания *aça sanə* или *aça senə* пока нигде не зафиксированы. Во-вторых, остается неясным, почему в основном падеже *ə* всегда дает нуль/, т.е. *açaşənə > açaşen'* (ср. *leš/leže* и т.д.), а в остальных падежах (кроме дательного-винительного, где имеем *açaşene* вм. ожидаемого *açaşenəne > açaşenne*¹²) этот *ə* сохраняется. Наконец, умлаут типа **sani > *seni* не подтвержден пока в низовом диалекте другими примерами, ибо чувашские слова *pat* 'близость', *kap* 'подобно' имели, вопреки утверждению И.А. Андреева /4, стр. 53/, архетипы с гласным переднего ряда (**bāt ~ тюрк. bet* и **kār ~ тюрк. кер*).

Рассмотрим точку зрения Г. Рамстедта, согласно которой чувашское **sen'* < *sajın*. Фонетически эта этимология вполне допустима: *sajın > säjin >*

⁹ Первоначально он думал, что *sem > sen* под влиянием *-n* родительного падежа /10, стр. 46/.

¹⁰ То же находим у Н.И. Ашмарина /10, стр. 150-151/: *šınsem* 'людям. *šın semə*. По мнению И. Бенцинга /176, стр. 722/, низовое *sem* < **san* верховая же форма возникла из древнего субстантива *sa:m* без послесловного суффикса.

¹¹ Ср. у В. Котвича /192, стр. 177/.

¹² Ср. объяснение И.А. Андреева /4, стр. 53/.

sen' (ср. чувашские формы от того же **saj*: *seren*, *sejren*, *sajran*, *saran*, *saren'* 'каждый', 'еже-').

Во многих тюркских языках известно слово (послелог) *sajın* 'каждый', 'еже-', которое обычно трактуется /57, стр. 306; 41, стр. 234/ как деепричастие от глагола *saj-* 'считать'¹³ (иначе: /33, стр. 105/: *saj* + *-in*).

По В. Котвичу /64, стр. 116/, *saju*, *sajın* < *sa-* 'считать', при этом *saju*, *saja*, *saj* – деепричастные формы, а *-in* – окончание творительного падежа. Этому *sajın* в чувашском языке по значению и употреблению соответствует вышеупомянутое *seren* и его варианты. Быть может, чувашское *seren* < *sajran* < **sajran* (т.е. исходный падеж от *sajı*)¹⁴ вытеснило ранее *sajın*¹⁵, взявшее на себя роль показателя множественности.

Возможность использования слова со значением "каждый" в качестве показателя множественности подтверждается и типологическими параллелями. Так, в маньчжурском языке множественное число может быть выражено сочетанием существительного со словами: *geren* 'все', *eiten* 'каждый', *geren niyalma* 'все люди', *eiten jaka* 'каждая вещь', 'все вещи' и адвербиальными вспомогательными словами *gemu*, *tome* (= 'все'): *niyalma gemu sambi* 'все люди /это/ знают' /см., например: 97, стр. 20/.

Способность к дальнейшей грамматизации послелога *sajın* ~ чув. *sen'* можно проиллюстрировать примерами из других тюркских языков: тел. *piçigi sain* 'каждое письмо' /106, IV, стр. 225/; алт. *mân kiži sain ajtım* 'Я каждому порознь говорил' /106, IV, стр. 225/, *jâr sajı bardıñ* 'ты бродил по всем странам' /106, IV, стр. 295/; сюг. *kün sein* 'с каждым днем', *sik se:n* 'по каждой двери' /132, стр. 25/, *kalık ulus jer sajı akeldi* 'народ принес в каждый дом' /33, стр. 105/; кир. *kişi sajın ajtım* 'я говорил каждому человеку', *rajon sajın toktop žūñup oturduk* 'в каждом районе делали остановку' /85, стр. 59, 60/; кбал. *sabijlerin arbazla sajın kîçîrîb izlej edile* 'они разыскивали своих детей в каждом дворе и ждали их' /144, стр. 79/, ср. чув. *kilşeren şūret* 'ходит по всем домам' /180, стр. 264/.

При допущении Г. Рамстедта, что *sen'* < *sajın* (*sen* могло измениться в *sem* под влиянием аффикса творительного падежа), остаются неясными формы местного и исходного падежей на *-nçe*, *-nçen*. Возможно, они возникли из формы родительного (= притяжательного) падежа, которая воспринималась как аналогичная местоименным основам на *-n* в косвенном падеже. Так, парадигма склонения имени во множественном числе могла сложиться в такой последовательности:

¹³ В тюркских языках он употребляется с именами, обозначающими время (*kün sajın* 'ежедневно', *jıl sajın* 'ежегодно') и причастиями (*okıñan sajın* 'каждый раз читал' и т.д.).

¹⁴ Косвенно это подтверждается возможностью замены в некоторых случаях имени с послелогом *seren* именем в исходном падеже, ср.: Н.И. Ашмарин /13, стр. 342/.

¹⁵ Ср.: тур. *sajı*, азерб. *saj* 'число', 'счет'; чаг. /106, IV, стр. 219/: *saj* 'счет'.

I. *açaşen*
açaşenən > *açaşen'* и *açaşan'*
açaşene

II. *açaşençe* и *açaşançe*
açaşençen и *açaşançen*
(склоняемая основа = основе притяжательного падежа по типу местоимений *leğ(ə)*, *xəşş(ə)* и т.д.);

III. *açaşenpe* > *açaşempe*
açaşanpe > *açaşampe*

IV. "Вычленение" основы *açaşem* = форме основного падежа.

Парадигма типа: *açaşamən*, *açaşama*, *açaşamta* и т.д., по-видимому, представляет собой новообразование.

Гипотеза О. Прицака (*sen* < *se* + *-n*) отчасти разобрана И.А. Андреевым /4, стр. 48-49/. В алтайских языках многие аффиксы множественности сводимы к комбинации двух элементов (часто формантов с собирательным значением) /208; 209; 149; 228/. Принятие гипотезы О. Прицака предполагает признание относительной древности чувашского аффикса множественного числа¹⁶. Об этом как будто свидетельствует наличие аффикса *-sañ* в некоторых самодийских языках. Однако вопрос о возможности древнечувашско-самодийских контактов¹⁷ и о происхождении самодийского *-sañ* нуждается в дальнейшей разработке¹⁸.

Если все же предположить, что *-se/-sa* в аффиксе *-sen/-sem* . . . было когда-то самостоятельным формативом с собирательным значением, то напрашивается сравнение его с аффиксом *-sar*. Этот аффикс выступает в некоторых словах с собирательным значением (теперь большинство из

¹⁶ Ср., однако: Б.А. Серебрянников /192, стр. 93-99/.

¹⁷ О контактах самодийцев с древними тюрками см.: /218; 185; 191/.

¹⁸ О происхождении камасинского *-sañ* см. интересное замечание А. Йоки /191, стр. 37/. Г.Е. Корнилов, поддерживающий идею о чувашском происхождении камасинского аффикса *-sañ*, приводит еще несколько лексических заимствований из чувашского языка в камасинском /63, стр. 195/. Чувашский характер некоторых из них вызывает у нас сомнения. Так, камас. *kälğa* 'ухо (у котла)' сопоставимо с хак. *xälğa* 'ручка (ведра, котла)', алт., тел. лэб., шор. кюэр. *kilī* 'ручка у котла' /106, II, стр. 707, 781/ 'дужка или ухо у котла' /28, стр. 160/, саг. *kilčī*, *kilji* и алт. *kilji* /28, стр. 783, 784, 781/ 'дужка у котла'; камас. *bo:rsu* 'барсук' (с акулаутным ларингальным смычным, на который почему-то не обратил внимания Г.Е. Корнилов) восходит к хак. *porsix* 'барсук' (ср. алт. *horsuk*) и т.д. Если действительно чувашское *tarağan* 'тараган' < *tar-* 'убегать' 'убегающий', то причастие на *-ağan*, как новообразование, не могло попасть в камасинский из чувашского (в других тюркских языках чув. *tar-* 'убегать' ~ *tez-*).

них известно как топонимы): *xurānşar* 'березняк' от *xurān* 'береза'¹⁹, *ju-manşar* уст. 'дубняк', теперь — названия нескольких сел (*ju-man* 'дуб'), *Kajāksar*, *Varaksar*, *Olāxsar* топонимические названия (*kajāk* 'дичь', *varak* 'овражек', *olāx* 'луг')²⁰. Семантико-структурные параллели производным с аффиксом *-sar* находим в марийских производных с аффиксом *-la* (один из формантов множественного числа) и *-ér*: мар.гор. *kožla* 'ельник' от *kož* 'ель', *šapmila* 'осинник' от *šapki* 'осина', *kožer* 'ельник', *tumér* 'дубняк', *pister* 'липняк'²¹.

В современном чувашском языке функции аффикса *-sar* перешли к общетюркскому *-lik > -lāx*: *xūrānlāx* 'сосняк', 'сосновый лес', *xurānlāx* 'березняк', 'березовый лес', *ju-manlāx* 'дубняк', *vārenelāx* 'кленовая заросль', 'лес из клена' и т.д.

ФОРМЫ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Морфологический способ выражения принадлежности малоупотребителен в современном чувашском литературном языке, а особенно в верховых говорах²². Обычно используются аналитические формы: сочетание личного местоимения в притяжательном падеже и определяемого имени. Аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица выступают главным образом для передачи различных эмоциональных оттенков: нежности, уважения, вежливости и т.д.²³.

Чувашские аффиксы принадлежности генетически тождественны с общетюркскими:

1-е л. ед.ч. *-m* ~ общетюрк. *-m*;

1-е л. мн.ч. *-mər* ~ общетюрк. *-miz*, где *r ~ z* — показатель множественности;

2-е л. ед.ч. *-u* (*-ü*), *-ə* (*-ə*), вероятно, *< *ür*²⁴ общетюрк. *-ŋ*;

¹⁹ Ср. тат. диал. *kajānsar* 'березовый лес' (из чув.? — Л.Л.) и чувашские названия селений *Xurānşor* и *Xurānşur* (от *xurān* 'береза'? — Л.Л.).

²⁰ М.Р. Федотов /142, стр. 118/ сопоставляет это *-sar* с тат. *-sar* (*-zar!* — Л.Л.) персидского происхождения в словах типа *gölzar* 'цветник' /см. также: 74, стр. 52/. Примечательно, что в современных грамматиках татарского языка аффикс *-zar*, кажется, даже не упомянут.

²¹ Ср. чув. *Vārener* (название леса) от *vārene* 'клен'.

²² Ср. сходную картину в марийском языке /29, стр. 71/.

²³ Н.И. Ашмарин /15, VII, стр. 27 и 15, VIII, стр. 230, 253/ отмечает, что и аффикс принадлежности 3-го лица может выражать уменьшительность, ласкательность, например: *kuşə* 'глазок' (букв.: 'его глаз'), *uli* 'сыночек', *uri* — ласкательное название медведя в сказке.

²⁴ Ср. азерб. диал. *-r* (аффикс принадлежности 2-го л. ед.ч.) и *-rüz* (аффикс принадлежности 2-го л. мн.ч.), а также древнетюрк. *-r* /186, стр. 97/.

2-е л. мн.ч. *-r < *r* *rür* ~ общетюрк. (*r*)*rüz*²⁵, где *r* идентичен с аффиксом принадлежности 2-го л. ед.ч., а *z ~ r* — показатель множественности;

3-е л. ед. и мн.ч. *-ə* (после согласных) *< *i* ~ общетюрк. *i*; *-i* (после гласных), возможно, *< *ja < *ji*²⁶: *uga* 'нога', *uŋi* 'его нога' *< uga + -ə < urjə*.

Наряду с аффиксами принадлежности 3-го лица *-ə*, *-i* в чувашском языке наличествует аффикс *-š* (*-šə*, *-əšə*, *-šə*), который употребляется главным образом с терминами родства²⁷: *ašə* 'его, их отец' *< ata + -šə*; *aməšə*, *amšə* 'его, их мать' *< ama + -šə*; *piččəš* 'его, их старший брат' и т.д.²⁸. Этот же аффикс входит в состав аффикса порядковых числительных *-məš* и может быть выделен в некоторых местоимениях²⁹.

Что касается происхождения чувашских и общетюркских аффиксов принадлежности, то наиболее бесспорным представляется тождество аффикса 1-го лица *-m* с *m*, выступающим в личном местоимении (*mān* и т.д.)³⁰. Связь аффикса принадлежности 2-го лица *-ŋ* с личным местоимением *sān* остается пока не доказанной³¹. Аффикс принадлежности 3-го лица *-i > -ə*, по всей вероятности, генетически тождествен алтайскому местоимению 3-го лица /221, стр. 18/. Аффикс принадлежности 3-го лица *-šə*, вероятно, происходит из общетюркского *-si*. Некоторые исследователи (например, Г.Рамстедт, В.Котвич, А.Н.Кононов) усматривают в нем сложный аффикс: *-s* — показатель множественности, *-i* — показатель лица³². К.Менгес /200, стр. 114/, оспаривая предположения других исследователей о происхождении *-si*, сближает его с указательным *s-* местоимением уральских языков. Распределение аффиксов *-i* (после основ на согласный) и *-si* (после основ на гласный) в тюркских языках не совпадает с их рас-

²⁵ В тюркских языках известны четыре основных варианта аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа: *-ŋüz. . .*; *-nüz. . .*; *-rüz*, *-rüs*, *-rül. . .*; *-rüz*. Что касается тув., хак., кир. *-qar* ~ алт. *-gar*, он восходит к *-ŋ + -lar* (показатель множественного числа), ср. шор. *-larŋ* с обратной последовательностью аффиксов.

²⁶ Фонетически ср.: *işel//jəşel*, *ilen//jəlen* и т.д.

²⁷ Все термины родства представляют собой "основы" на гласный: *ama* 'мать', *teŋe* 'старший брат' и т.д. Если бы они в 3-м лице употреблялись с аффиксом принадлежности *-i* по типу: *uga* 'нога', *uŋi* 'его нога', то возникла бы опасность смешения их со звательными формами типа: *piçi* 'старший брат (мой)', *aŋi* 'моя сестра' и т.д.

²⁸ Ср., однако: *əne pānüşə* 'теленки коровы'; *attışə* 'его салоги', *vəjəşə* 'его игра' /78, стр. 182/.

²⁹ См. ниже, стр. 33, 35.

³⁰ То же самое и в истории финно-угорских языков.

³¹ Ср.: Г.Рамстедт /108, стр. 72/.

³² По мнению М.Рясянена /111, стр. 44/, "чередование *-si ~ -i* является, по-видимому, влиянием синтаксической фонетики или ударения".

пределением в чувашском, где аффикс *-ӗ* и его варианты встречаются со строго определенной группой слов.

Варианты аффикса *-ӗ*: *-ӗӗӗ*, *-ӗӗ* представляют собой плеоназм: *-ӗ + -ӗӗ*. Двойное употребление аффикса принадлежности 3-го лица не раз отмечалось тюркологами, в том числе в татарских диалектах /76; 27/.

Как уже отмечалось выше, аффикс множественного числа в чувашском языке следует за аффиксом принадлежности: *ut̃m̃ṣam* 'мои кони'. В остальных тюркских языках аффикс множественного числа предшествует ему: *atlatm̃* 'мои кони'.

ЗВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Звательные формы имен существительных, обозначающих родственные отношения, распространены в различных тюркских языках:

тув.	<i>avaj</i>	'мама' (<i>ava</i> 'мать'),
	<i>ačaj</i>	'папа' (<i>ača</i> 'отец') /52, стр. 149/;
ккал.	<i>ataj</i>	'бабушка',
	<i>babaj</i>	'дедушка' /18, стр. 179/;
узб.	<i>bābaj</i>	'дедушка' /57, стр. 129/33.

В кумыкском языке отмечены звательные формы на *-v*: *agav* 'дядя', *iniv* 'младший брат' /160, стр. 329/. В хакасском в качестве звательной формы употребляется соответствующий термин родства с аффиксом принадлежности 2-го лица. Естественно, что употребление звательной формы всякий раз сопровождается интонацией обращения.

Все вышеупомянутые звательные формы представлены в современном чувашском языке. Так, в верховом диалекте показатель звательной формы *-j* совершенно сросся с основой и, видимо, уже не воспринимается как таковой:

<i>api</i>	'мама'	<	<i>apa</i>	+ <i>-j</i>
<i>aji</i>	'папа'	<	<i>ača</i>	+ <i>-j</i>
<i>jīsni</i>	'зять'	<	<i>jīsna</i>	+ <i>-j</i> и т.д.

Очень интересны звательные формы в краснотечайском говоре, где имеются формы на *-(a)j/-(e)j*: *araj* 'мать', *kokkaj* 'дядя'; на *-u*: *kokku* 'дядя', *iñku* 'жена старшего родственника'; на *-uk*, *-ok*: *ažuk* 'отец', *močok* 'дед'³⁴. Аффикс *-uk* употребляется и с собственными именами. Чу-

³³ В некоторых языках (башкирский, кумыкский и т.д.) звательные формы почти вытеснили из употребления форму основного падежа: баш. диал. *iñaj* 'мать'.

³⁴ Для сравнения укажем на уменьшительный суффикс *-uk* в коми: *piuk* 'сын', *nyluk* 'доченька' и *-ko* в коми диал.: *ton'-ko* 'невестка' (*-ko*, вероятно, из русского просторечия), а также на марийский суффикс *-uk* в уменьшительно-ласкательном значении, который употребляется с собственными именами. И.С. Галкин /30, стр. 31/ относит марийский и чувашский *-uk* к заимствованиям из русского языка.

вашские (краснотечайские) *kokku*, *iñku*, видимо, аналогичны по образованию хакасским *aʃaŋ* 'твой дядя', т.е. чув. *u* ~ хак. *ŋ* (аффикс принадлежности 2-го лица).

В низовом диалекте чувашского языка отмечены звательные формы на *-ev*: *attev* 'отец', *annev* 'мать', видимо, близкие к соответствующим кумыкским.

Г. Рамstedт полагал, что звательные формы на *-i* (типа чувашских *ati*, *ani*) являются общеалтайскими /108, стр. 63/.

Аффиксы, образующие звательные формы, вероятно, были генетически близки (тождественны) с аффиксами экспрессивной оценки (уменьшительно-ласкательными). В коми-зырянском языке имеется уменьшительный суффикс *-ōj* (*voк-ōj* 'мой брат', первоначально: 'братец') < *-ō* (суффикс с уменьшительно-ласкательным значением) + *-j* (уменьшительный суффикс)³⁵.

Тюркский аффикс *-j*, вероятно, входит в состав сложного аффикса *-kaj/-kej* < *-ka/-ke* + *-j*³⁶ (ср. уменьшительные аффиксы *-kač*, *-č*).

ФОРМЫ ПАДЕЖЕЙ

Притяжательный падеж

В современном чувашском языке показатель притяжательного падежа имеет следующие варианты:

- ән/-ән* (после основ на согласный и *-u*, *-ü*);
- н* (после основ на *-a*, *-e*, *-ӑ*, *-э*, *-i*);
- әнн/-әнн* (после основ на *-a*, *-e*);
- јәнн/-јәнн* (после основ на *-a*, *-e*, *-i*).

Таким образом, после основ на согласный и *-u*, *-ü* (*-әнv*, *-әv*) выступает *-әнн/-әнн*, после основ на гласный — *-н*, *-әнн/-әнн*, *-јәнн/-јәнн*, т.е. мы имеем такое же распределение вариантов аффикса притяжательного падежа, как в тюркских языках юго-западной группы, например:

азер.:	<i>-in/-in</i> , <i>-nin/-nin</i> ,
туркм.:	<i>-in/-in</i> , <i>-nin/-nin</i> ,
гаг.:	<i>-in/-in</i> , <i>-nin/-nin</i> ; и т.д.

Если показатель притяжательного падежа присоединяется к словам типа: *al̃* 'рука', *jit̃* 'собака' (конечным *э*, *ӑ* основы предшествует один согласный), то согласный, как правило, удваивается: *al̃* — *all̃n*, *jit̃* — *jitt̃n*. То же самое наблюдается в дательном-винительном падеже. Это явление исследователи трактуют по-разному. Н.И. Ашмарин (как пишет Н.А. Андреев /74, стр. 16/) усматривал здесь своеобразное отталкивание

³⁵ Звательные формы в марийском и мордовских языках, видимо, тюркского происхождения.

³⁶ Ср., например: тат. *tuçankaj* 'родименький', *başkaj* 'головушка' и *änkäj* 'мамаша', *ätkäj* 'папаша'.

от омонимии: *sūtān* 'света' (*sūtā* 'свет'), но *sūtān* 'пригорка' (*sūtā* 'пригорок'). Г. Рамсгедт выводил такие формы, как *pullān* 'рыбы', из **baikkān* /108, стр. 34/.

Так как слова типа *alā* (с сонорным в инлауте) имеют в исходе гласный, можно предположить, что при склонении к ним присоединялись аффиксы *-jān* // *-nān* (притяж. пад.) и *-ja*, *-na* (дат.-вин. пад.), т.е. *alā* + *-jān* // *-nān* > *alānān* > *alnān* > *allān*; *alā* + *-na* > *alāna* > *allā*, т.е. формы *allān*, *allā* явились результатом ассимиляции. Этот процесс был потом обобщен и на основы типа *jīā* 'собака'.

Вариант аффикса притяжательного падежа *-(i)n/-(i)n* большинство исследователей, например В.А. Богородицкий /25, стр. 151-152/ и М.Рясянен /221, стр. 56-57/, считает первичным; вариант *-nān*, возможно, появился вначале при склонении основ на *-n* (например, в местоименном склонении); вариант *-jān* возник из *-iān* (*j* — так называемый соединительный гласный). Общетюркский аффикс притяжательного падежа *-(i)n/-(i)n* многие исследователи считают общеалтайским и даже урало-алтайским. К. Менгес /200, стр. 109/ указывает, что этот падеж в алтайских языках — адессивного происхождения³⁷.

Дательно-винительный падеж

В современном чувашском языке дательный и винительный падежи имеют единый показатель:

- a/-e (после основ на согласный и -и, -ü, -ä, -э);
- je (после основ на -i);
- na/-ne (после основ на -a, -e).

В чувашских говорах с основами на *-a*, *-e* выступает аффикс *-ja*, *-je*, например: моргауш. *lašaja* 'лошади', 'лошадь'; ишлейск. *элеја* 'корове', 'корову'; красночет. *ацаја* 'ребенку', 'ребенка'.
Имена с основами на *-и*, *-ü* могут иметь в дательно-винительном падеже окончания *-ja*, *-a*, например: ишлейск. *рэпа*, моргауш. *рэпија* 'теленку', 'теленка'.

Таким образом, выявляются следующие варианты показателя дательно-винительного падежа:

- a/-e (после основ на согласный и -и, -ü, -ä, -э);
- na/-ne (после основ на -a, -e, -и, -i);
- ja/-je (после основ на -a, -e, -i, -и, -ü).

Суммируя эти данные, можно сделать вывод, что вариант *-a/-e* встречается главным образом после основ на согласный, а *-na/-ne*, *-ja/-je* —

³⁷ Ср. происхождение пермского родительного падежа. /Возможно, притяжательный падеж происходит от инструктива или от комитатива. — Прим. отв. ред./

после основ на гласный, т.е. мы имеем такое же распределение вариантов, как и в азербайджанском, гагаузском, туркменском и турецком языках:

- азер.: -a/-ā и -ja/-jā,
-ī/-i и -nī/-ni;
- гаг.: -a/-ā и -ja/-jā,
-ī/-i и -jī/-jī;
- туркм.: -a/-e и -a/-ā;
-ī/-i и -nī/-ni;
- тур.: -a/-e и -ja/-je,
-ī/-i и -jī/-jī.

Для общетюркского языка на основании древнетюркских памятников можно предположить существование аффикса винительного падежа *-γ(-γ, -iγ, -uγ, -üγ, -aγ, -äγ)*. Этот аффикс в результате фонетической эволюции мог дать в чувашском *-ä/ə* (*-iγ > -i > -ä*). Гласный *ä* (ə), являющийся крайне неустойчивым, не был удачным показателем для выражения важной грамматической функции. К тому же показатель винительного падежа от слов типа *хэг* 'девушка' совпал с аффиксом принадлежности 3-го лица, т.е. *хэгэ* 'девушку' и 'его девушка'. Поэтому создалась предпосылка для его «прояснения» в *-a/-e* и совпадения с формантом дательного падежа³⁸. В древнечувашском языке, таким образом, вероятно, еще существовало два падежных аффикса:

вин.пад.	дат. пад.
<i>-i/-i > -ä/ə</i>	<i>-a/ə</i>
<i>(-jī/-jī, -nī/-ni, -jā/-jā, -nā/-nā)</i>	<i>(-ja/-je, -na/-ne)</i>

Что касается тюркского показателя дательного падежа *-γa/-ge* // *-ka/-ke*, то вслед за Б.А. Серебрянниковым можно предполагать, что это сложный показатель, состоявший из *-k* и *-a*³⁹. Реликты падежа на *-k* (направительного?) сохранились в туркменском языке и у халаджей, например: туркм. *jokañk* 'кверху' (сальр., мары), *ičeñk* 'внутри', *bir jeñk* 'куда-нибудь', *añk-bäñk* 'туда-сюда', *kajak* 'назад', *ovak* 'в деревню' (з.г. йомуд диал.); халаджские формы: *burak* 'сюда', *peñk* 'куда', *meñk* 'мне'⁴⁰. Вполне вероятно, что тот же *k* мы имеем в инфинитиве на *-mak/*

³⁸ Ср. смещение дательного и винительного падежей в одном из турецких говоров Болгарии, которое, по словам Т. Ковальского /196/, имеет чисто фонетическое происхождение.

³⁹ См. также точку зрения К. Менгеса /200, стр. 110/.

⁴⁰ Иную трактовку эти формы получили у А.М. Щербак (см.: А.М. Щербак, Существовал ли в тюркском языке дательно-направительный падеж на *-k*?, — "Советская тюркология", 1973, № 3, стр. 59-62).

-mek /61; 123/. Падежный показатель -а, возможно, первоначально имел значение особого пространственного падежа⁴¹.

В большинстве современных тюркских языков показателем винительного падежа является -ni/-ni, который обязан своим появлением местоименному склонению (mān-i → mā-ni). Этот показатель появился в результате переразложения местоименных основ⁴². В тюркских языках юго-западной группы он стал выступать с основами на гласный, хотя наряду с ним используется и обычный -i/i с так называемым "вставочным" j⁴³.

Местный падеж

Показателем местного падежа является аффикс -ra/-re, -ta/-te, -če.

Генетически чувашский аффикс совпадает с общетюркским -da/-de, -da/-de⁴⁴, который в большинстве современных тюркских языков представлен в виде -da/-de и его фонетических вариантов.

Распределение вариантов аффикса в чувашском языке, кажется, идентично древнетюркскому: -ta/te (после l, r, n), -ra/-re (после всех остальных звуков), ср.: чув. *tulta* 'на дворе', *pirte* 'у нас'; ен.орх. *jolta*, *költe*, *anta* и т.д. /92, стр. 29/. В чувашских говорах правило распределения вариантов аффикса местного падежа нарушается: *xavelre* 'на солнце', *vaşanra* 'в лощине' /10, стр. 120/45.

Вариант аффикса местного падежа -če появляется после аффикса принадлежности 3-го лица и аффикса множественного числа: *xəra* 'его дочь': *xəran'te* > *xəranče* 'у его дочери', *ivəls* 'его сын': *ivəlan'te* > *ivəlanče* 'у его сына', *amanşem* (*amanşen'*) 'мельницы': *amanşen'te* > *amanşenče* 'на мельницах'.

⁴¹ По словам Н. Поппе, "the suffix -a was probably an Altaic illative suffix" /207, стр. 199/.

С показателем другого пространственного падежа -d этот -a стал передавать значение местно-исходного падежа.

⁴² См., например: В.А. Богородицкий /25, стр. 155/.

⁴³ Вопрос о природе так называемых вставочных j, n исследован пока недостаточно.

⁴⁴ Исходной формой местного падежа было -ta (-da). Если бы существовало общетюркское -da, то во многих тюркских языках ожидалось бы -ja (ср. *adak* > *ađak* > *ajak*). Поэтому -da > -da > -za > -ra в чувашском, вероятно, локальное явление, т.е. следует различать общетюркский -d > -δ > -z > -r (*adak* > *ađak* > *ajak* > *ura*) и собственно чувашский -da > -da > -za > -ra. — Прим. отв. ред.

Нам кажется, что в аффиксе местного падежа δ не изменился в j из-за наличия вариантов аффикса дательного падежа типа -ja. — Л.Л.

⁴⁵ Диалектологи отмечают параллельное употребление аффиксов -ta/-te и -ra/-re у имен с основой на -n, -l: *kilte*//*kilre*, *amanča*//*amanra* /79, стр. 181/.

Некоторые исследователи отождествляют аффикс чувашского местного падежа -ra/-re с древнетюркским -ra/-re в образованиях типа *içgā* 'внутри' /92, стр. 28; 74, стр. 19; 116, стр. 59/. Думается, что для такого отождествления пока нет оснований⁴⁶ (ср.: /221, стр. 63-64/; там же литература).

В общетюркском в интервокальной позиции имело место *d* > δ, откуда и в чувашском: δ > z > r (ср. *adak* > *ađak* > *ura* 'нога'); *d* удержался только в сочетаниях *ld*, *rd*, *nd*, а аффикс -ra/-re распространился на все основы, помимо оканчивающихся на -l, -r, -n.

Аффикс -ra/-re в древнетюркском встречается в словах, обозначающих место и время и представляющих уже для того времени реликтовые образования. В языке енисейско-орхонских памятников отмечены такие формы, как *tašra* 'вне', 'снаружи', *içre* 'внутри', *öñre* 'раньше', *kisre* 'после', 'затем', *asra* 'внизу', *üzre* 'наверху' (ср. также: *soñra* 'потом', *lāgā* 'где'). Верхней хронологической границей δ > r в языках булгарского типа (т.е. в языках) пока считается XIII век.

Выше уже упоминалось (стр. 20), что аффикс -da/-de можно рассматривать как состоящий из двух элементов: -d (-t?) + -a⁴⁷. Этот t мы склонны видеть (вслед за А. Габэн) в так называемых служебных именах типа: *alt*, *ast*, *üst*, *art* (ср.: *asra*, *üzre*, *arka*) и в аффиксе исходного падежа -dän/-än < t ~ d + -in (инструментальный падеж?). Первоначально аффикс -da/-de был аффиксом местно-исходного падежа.

Исходный падеж

Показателем исходного падежа является -ran/-ren и -tan/-ten (после основ на -l, -r, -n). Чувашский -ran/-ren (-tan/-ten) соответствует тюркскому -dan/-den, -dan/-den (после основ на -l, -r, -n), представленному в современных тюркских языках в различных фонетических вариантах.

По мнению многих исследователей, например М. Рясненна /221, стр. 62/, тюркский -dan/-den восходит к более раннему аффиксу местно-исходного падежа -da/-de⁴⁸ + аффикс инструментального падежа⁴⁹. Исходный падеж на -dan/-den относят к падежам сравнительно позднего происхождения.

⁴⁶ Ср. хотя бы чув. *tulta* и др. тюрк. *tašra*.

⁴⁷ А.М. Щербак /154, стр. 81/ указывает, что в тюркских текстах X-XIII вв. из Восточного Туркестана формы местного падежа в немногочисленных случаях употребляются в значении направительного.

⁴⁸ Ср., например, данные древнетюркского и халаджского языков, диалектов азербайджанского языка, где аффикс -da имеет и аблативное значение.

⁴⁹ По К. Менгесу /200, стр. 110/, -n является древним суффиксом рало-алтайского латива.

В ряде тюркских языков сохранился другой показатель исходного падежа: *-dīn/-din*, который, по мнению Г. Рамстедта, возник из наречных образований на *-i* + аффикс инструментального падежа⁵⁰. Аффикс *-dīn/-din* представлен в древнеуйгурском языке, караханидском, хорезмийском тюркском и новоуйгурском; sporadически он встречается и в других тюркских языках, главным образом в наречных образованиях.

Чувашский *-ran/-ren*, *-tan/-ten* после аффикса принадлежности 3-го лица и аффикса множественного числа выступает как *-çen*: *xəɾə* 'его дочь', *xəɾənçen* 'от его дочери'; *tʊzla* 'его сын', *tʊzlançen* 'от его сына'; *amanşet* 'мельница', *amanşençen* 'от мельниц'.

В говорах в ряде слов после *l*, *n* может выступать вариант *-ran/-ren* вместо закономерного *-tan/-ten*: *şınran* 'от человека', *junran* 'из крови', *çulran* 'из камня' и т.д.

Совместный падеж

Показателем совместного (точнее, творительно-совместного) падежа в чувашском языке является аффикс *-pa/-pe*. Реже встречаются его варианты *-pala/-pele* и *-palan/-pelen*⁵¹.

Некоторые исследователи рассматривали этот аффикс как результат фонетического развития послелога *birlen*, *birle*, *bilen*, *bile* /72, стр. 26; 108, стр. 54-55/. Иначе объяснял происхождение чувашских *-pa*, *-pala*, *-palan* В. Котвич /64, стр. 321/. Он полагал, что *-pala* является сложным суффиксом, возникшим из двух элементов: *-pa* и *-la*. Аналогию к чувашским *-pa* и *-pala* он усматривает в караимском языке, где имеются *-ba* и *bila* (по В. Котвичу). Точка зрения, близкая к гипотезе В. Котвича, была высказана Б.А. Серебrenниковым /227, стр. 132-134/, который также полагает, что в аффиксе *-pala* представлены два элемента: *-pa*, являющийся показателем древнетюркского совместно-творительного падежа, и *-la* — древнее окончание комитатива. В. Котвича и Б.А. Серебrenникова поддержал И.П. Павлов, который сближает *-pa*, *-pala*, *-palan* с монгольским аффиксом орудного падежа *-bar/-ber*, а *-la* считает идентичным с *-la*, сохранившимся в наречных образованиях типа: *şarle*, *uksalla* и т.д.⁵²; *-n* в *-palan*, по И.П. Павлову, показатель старого инструментального падежа. В современном чувашском языке есть слово *pərle*, прототипом которого является форма *birlä*. Поэтому И.П. Павлов сомневается в возможности параллельного развития: *birlä* > *pala* и *birlä* > *pərle*.

Нам все-таки кажется, что прототипом чувашского *-pala*, *-palan*, *-pa*, как и караимского *-ba*, шорского *-pila* и *-pa* и т.д., послужили общетюркские *birlä*, *birlän*.

⁵⁰ Мы усматриваем в аффиксе *-din* падежную форму на *-d(-t)* + аффикс инструментального падежа *-n*.

⁵¹ Иногда чувашские диалектологи отмечают, что форма на *-pala/-pele* характерна для лиц старшего поколения.

⁵² И.П. Павлов, К вопросу о происхождении аффиксов комитатива в чувашском языке (доклад на Симпозиуме по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков).

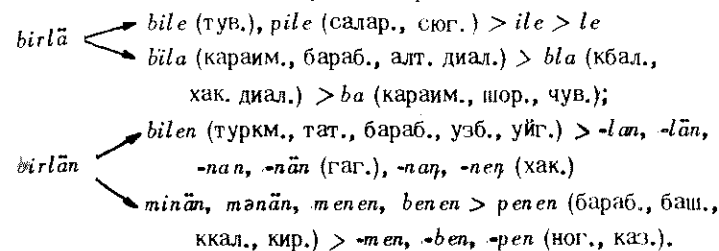
Почти всеми чувашеоведами признано, что совместный падеж в чувашском языке — это новообразование. Аффиксы чувашского комитатива выступают с основным падежом множественного числа и родительным падежом (так называемой *n*-основой) местоимений; чувашский комитатив в большинстве тюркских языков имеет в качестве соответствия имя с послелогом⁵³. Чувашские *pala* и *pəle* могут происходить из разных источников (хронологически и территориально), имея один и тот же прототип: *birlä*.

А. Габэн /186, стр. 136/ производит *birlä* из *bir* + *i-l* 'объединяться'. Более вероятной нам представляется другая гипотеза: *bir* + *-lä*, где *-lä* — аффикс адвербиального падежа⁵⁴.

Чувашское *-pala/-pele*, видимо, восходит к *birlä* > *bəle* > *pele*; **ble* дало *pe* (осюда *-pe/-pa*); *-n* в *palan/-pelen* — показатель старого инструментального падежа.

Ступень **ble*, **bla* находим в карачаево-балкарском языке в виде послелога *bla* (ср. хак. диал. *bla*, *pla* и т.д.).

Итак, древнее *birlä*, *birlän* могло трансформироваться в различных тюркских языках и диалектах следующим образом:

В алтайском (и др.) аффиксе *-la/-le* можно усматривать контаминацию реликтов адвербиального падежа на *-la/-le* и *-la/-le* < *bile*. Поэтому чувашская форма *-pele*, *-pala* может иметь двойное объяснение:

1) *birlä* > *bile* > *bəle* > *bele* (э или *i* > *e*, так же, как *bilen* > *minen* > *menen*);

2) *birlä* > *bile* > *bəle* > *ble* > *be* + *-le* (аффикс адвербиального падежа).

Так как аффиксы *-pala/-pele* и *-pa/-pe* по значению не различаются /74/55 и аффикс *-pala/-pele* встречается в языке людей старшего поколения в сказках и песнях /77, стр. 101/, а в быстрой по темпу речи преоб-

⁵³ Творительный или орудный падеж отмечен в хакасском, караимском, казахском и шорском языках.

⁵⁴ А.К. Боровков писал: "Видимо, следует различать случаи с *-la* (*-lä*, *-le*, *-ile*) и случаи с послелогом *birlä* как два параллельные явления" /26, стр. 30/. А.К. Боровков приводит также примеры на орудное значение *-la*: *tjülä* 'ночью', *çorla* 'раз'.

⁵⁵ Интересен вариант *palen*, отмеченный Г.Е. Корниловым, появление которого он приписывает татаро-башкирскому влиянию.

ладает -pa, -pe /78, стр. 150/, можно полагать, что -pa, -pe все же является заключительной стадией в трансформации *paŕe*⁵⁶. В нескольких чувашских словах аффикс комитатива выступает как -pen⁵⁷ (ср.: ног., каз. *ben, ten, pen*): *jetipen* 'потихоньку', 'медленно', *tajapen* 'постепенно', 'медленно'.

Лишительный падеж

Показателем лишительного падежа является аффикс -sâr/-sâr, который генетически тождествен общетюркскому привативному аффиксу -sîz/-sîz.

Некоторые исследователи современного чувашского языка (например: 74, стр. 24-26) указывают на необходимость различать падежный (т.е. словоизменительный) аффикс -sâr/-sâr и словообразовательный аффикс -sâr/-sâr, омонимичный первому. Падежный аффикс может присоединяться к именам существительным (в том числе оформленным аффиксами принадлежности и числа), местоимениям и числительным, в то время как словообразовательный аффикс присоединяется преимущественно к именам существительным.

Принято считать, что чувашский лишительный падеж по своей семантике противостоит творительному и выражает синтаксические отношения. Словообразовательный аффикс -sâr/-sâr по своей семантике противостоит словообразовательному аффиксу -lâ/-lâ (аффиксу обладания) и выражает лексическое значение. Эта характеристика, на наш взгляд, нуждается в дополнении.

В большинстве тюркских языков, а не только в чувашском, аффикс -sâr/-sâr (-sîz/-sîz) занимает как бы промежуточное положение между чисто словообразовательными и словоизменительными морфемами⁵⁸. На это в свое время обратили внимание Ж. Дени¹⁸², § 881/, Е.Д. Поливанов /100, стр. 9/, В.М. Насилов /90/, А.М. Шербак /154, стр. 100/, М. Закиев /46/, наконец, И.А. Андреев /2, стр. 100, 102-103/.

Аффикс -sîz/-sîz и его варианты присоединяются к именам существительным, местоимениям, числительным. Имя с аффиксом -sîz/-sîz не меняет своего лексического значения (аффикс выражает идею отсутствия предмета, лица), оно может выступать определителем к имени и глаголу и само иметь определители, например:

чув. *Viletap epê sanşâr* (Артемьев) 'Я умру без тебя!';

⁵⁶ В одном из чувашских говоров Башкирии отмечен параллелизм в использовании падежных аффиксов -pa/-pe// -paŕa/-peŕe// -paŕan/-peŕen /79, стр. 180; ср. также стр. 105, 140/.

⁵⁷ Вероятно, аффикс -pen не является сокращенной формой типа *pen < repen < pilen < bilen*, а разложим на *pe + -n* (инструктив), т.е. это формант довольно позднего образования.

⁵⁸ И. Бенцинг причисляет лишительный падеж к "Unechtenkasus".

туркм. *Meñliň bolva menňiň hem geçer* (Кербабаев) 'Если будет заседание, пройдет и без меня!';

тур. (XV-XVI вв., по Ж. Дени) *jardeminsiz* 'без его помощи';

уйг. (В.М. Насилов /90/) *nuqsatimsiz* 'без моего разрешения';

чув. (И.П. Павлов /95/) *Pärtenex te pâr açamşâr jultâm...*, 'Вдруг я остался без единственного моего ребенка...';

азер. *vätänimsiz* (Э.В. Севортян /115/) 'без мзей родины!'.
По словам Э.В. Севортяна, "...словообразовательные возможности рассматриваемого аффикса ограничены определенным составом основ, и уже по одной этой причине показатель -сыз не может быть отнесен к словоформам, отличаясь и в этом пункте от аффикса -лы" /115, стр.78/. Однако на стр. 82 он замечает, что "аффиксу -сыз не чужда грамматическая функция".

Материалы различных тюркских языков показывают, что тенденция к превращению аффикса -sâr/-sâr (-sîz/-sîz) в показатель словоизменения (падежный аффикс), т.е. к усилению его грамматической функции, была заложена в системе самих тюркских языков⁵⁹. Ее наиболее яркое проявление в чувашском языке, возможно, было поддержано тем, что в соседних финно-угорских языках имеется особый лишительный падеж или его реликты. По свидетельству И.С. Галкина /30, стр. 31-32/, лишительный падеж существовал в древнемарийском языке. Его следы особенно хорошо сохранились в горном и восточном наречиях марийского языка (например, мар. гор. *talə oksade kodân* 'он остался без денег').

Лишительный падеж наличествует в пермских языках: коми и удмуртском, а также в мордовском. При этом по своему происхождению формы лишительного падежа и в этих языках связаны со словообразовательными формами адъективного характера.

Происхождение аффикса -sîz до сих пор остается неясным⁶⁰. Наиболее известны точки зрения В. Банга: -sîz < si- 'ломать' + -z — показатель настоящего-будущего времени в отрицательной форме (см.: /57, стр. 148/), Г. Рамстедта: -sîz = монгольское отрицание -sar/-ser < *sar, которое встречается в гольдском *sarsar* 'туда-сюда', 'в различных направлениях' и монгольском *sami* 'рассеяться', 'распасться' /108, стр. 214-215/, и Н.А. Баскакова: -si — "основа дезидеративного глагола" + -z — аффикс именного отрицания /19, стр. 47/.

Причинно-целевой падеж

Этот падеж является новообразованием. Его показатель -šân/-šan, по всей вероятности, развился из общетюркского послелого *üçin*, который, присоединяясь к имени, выражает причинно-целевые отношения. В пользу послеложного происхождения этого аффикса говорит то, что -šân/-šan выступает с притяжательным падежом личных местоимений: *siranşân*

⁵⁹ Ср., например, баш. диал. -hâđ, который "функционально приблизился к падежной форме" /24, стр. 98/.

⁶⁰ См. также ниже, стр. 128.

‘ради вас’, *manşân* < *manânşân* ‘ради меня’. Вместо общетюркского *üçin*, *için* в чувашском ожидалось бы *aşan*, *sân*. При словах с гласными заднего ряда *sân* могло дать *şân* ⁶¹.

А. Габэн /186, стр. 142/ возводит послелог *üçün* к слову *üç* ‘цель’ (**üçü-* > *üçü-* ‘anzieleu’); А.Н. Кононов /57, § 391/ поддерживает этимологию, по которой *üçün* происходит из *üç* ‘конец’, ‘причина’ + *-ün* – аффикс инструментального падежа или, скорее, аффикс принадлежности 3-го лица в форме для косвенных падежей ⁶².

В тюркских языках послелог *üçün* представлен в двух вариантах:

- 1) *üçün* (узб., кум., кир.), *uşın* (ккал.), *užun* (тув.);
- 2) *üçü:n* (туркм.), *üçün* (уйг., хак., шор., караим., *üşin* (ног., каз.), *için* (гаг., тур.), *icin* (караим. гал.), *içün* (клат.), *öşön* (баш.), *öçän* (тат.).

Наиболее близки к чувашскому аффиксу: узб. *-çün*, клат. *-çün*, азерб. диал. *-çin*, *-çün*, *-çün*.

Направительный падеж

Аффикс направительного падежа – сложный, он состоит из показателя дательного падежа *-a/-e*, *-na/-ne* и показателя собственно направительного падежа *-lla/-lle*.

В некоторых исследованиях по современному чувашскому языку образования с аффиксом *-alla/-elle* отнесены к наречным /72, стр. 76; 39, стр. 890; 74, стр. 283-284/ ⁶³.

Н.И. Ашмарин /10, стр. 129/ отмечает аффикс *-alla/-elle* в числе сложных падежных окончаний, а вслед за ним И. Бенцинг /177, IV/ причисляет эту форму к комбинированным падежам. В качестве особой направительной формы выделяет образования на *-alla/-elle* И.П. Павлов /95, стр. 125-126/.

Употребление аффикса *-alla/-elle* лексически ограничено: он встречается с именами, обозначающими место и время. Образования типа *vârtanalla* ‘по направлению к лесу’, ‘к лесу’ не отмечены в других тюркских языках. Но аффикс направительного падежа существовал в финно-угорских языках: марийском /29, стр. 28-29/ и пермских /122, стр. 48-49/.

⁶¹ Тот же процесс, вероятно, имел место и в слове **aş* < *iç* ‘внутренность’: **aş* > *âş* (в сочетании со словом с гласными заднего ряда).

⁶² Ранее то же у О.Бётлингга, К. Брокельмана, В. Банга, А. Габэн, А. Зайончковского и Н.А. Баскакова. Иначе: Г. Рамстедт /216, стр. 71/: причастие от глагола *iç-* ‘anschauen’.

⁶³ Возможно, аффикс *-lla/-lle* генетически родствен аффиксу *-lla/-lle* в наречных образованиях, выражающих подобие, сравнение и т.д. То же самое развитие семантики мы видим у аффикса *-ça*, который в тувинском выступает с директивным значением, в хакасском – с продольным и эквативным значением и в большинстве тюркских языков – с эквативным и отчасти терминативным значением.

Чувашский аффикс направительного падежа *-lla* иногда производят из формы *alla* ‘к руке’.

Марийское *çodraškâla* ‘по направлению к лесу’ (из *çodraške* ‘в лес’ + *-la*) по структуре идентично с чувашским *vârtanalla*. Реликты направительного падежа сохранились в коми и удмуртском /122, стр. 48-49/. Возможно, в чувашском языке когда-то существовала структурная модель типа современного *-alla*, которая была поддержана аналогичными по структуре и семантике образованиями финно-угорских языков ⁶⁴.

Инструментальный падеж

В древнетюркском языке аффикс инструментального падежа *-in/-in* // *-n* был, вероятно, еще продуктивным: др. уйг. *ol ödün* ‘тем временем’, ен. орх. *eligin* ‘рукой’, *közün* ‘глазом’, *jajın* ‘летом’ и т.д.

В современных тюркских языках его можно встретить в словах с временным и обстоятельственным значением, т.е. по существу старая падежная форма превратилась в наречие: караим. *kışın* ‘зимой’, *jazın* ‘летом’; гаг. *ilkin* ‘сперва’, *bu jilın* ‘в этом году’; тув. *çazın* ‘весной’, *çajın* ‘летом’; шор. *arajın (par)* ‘потихоньку (иди)’, тат. *öñön* ‘ночью’, *köndäzän* ‘днем’; алт. *çinän* ‘истинно’ и т.д.

В современном чувашском языке формы на *-ân/-än* // *-n* распространены значительно шире, чем в остальных тюркских языках (см., например: /74, стр. 27 и 278-282/. Возможно, как это было замечено И.С. Галкиным /29, стр. 27/, сохранению и распространению общетюркского инструктива в чувашском языке способствовало наличие *n*-инструктива в финно-угорских языках ⁶⁵ (ср. коми и удмуртские наречия, возникшие из формы творительного падежа: коми *podön* ‘пешком’, удм. *tulysen* ‘весной’ и т.д. ⁶⁶).

Остаточные падежные формы

Среди чувашских наречий встречаются падежные формы, которые представлены очень ограниченным числом слов. Например, в таких словах, как *şullen* ‘ежегодно’, *kullen* < **kunle-n* ‘ежедневно’, диал. *şarlen* ‘каждую ночь’, находим сложный (двойной) падежный показатель: *-le* (адвербиальный падеж) и *-n* (старый инструментальный падеж) ⁶⁷.

⁶⁴ Ср., например, директив на *-тан* < *-та* + *-tu* в древнетюркском. Направительный падеж существует в хакасском (форма на *-sar/-sarı*, восходящая к послеложной конструкции и являющаяся новообразованием, что подтверждают данные хакасских и шорских диалектов).

⁶⁵ Нам кажется, что грамматикализация чувашского словообразовательного аффикса *-sâr/-sâr* также связана с существованием лишительного падежа в некоторых финно-угорских языках.

⁶⁶ См., например: Б.А. Сребренников /121, стр. 14-18/.

⁶⁷ Ср. мар. *keçalen* ‘подневно’ < *keçe* ‘день’. Аффиксу *-len* в марийском языке посвящена специальная статья Е.И. Коведяевой «Суффикс *-len* в кунгурском говоре восточного наречия марийского языка» (“Советское финно-угроведение”, 1972, 8:1, стр. 29-31), в которой убедительно доказывается его финно-угорское происхождение.

Какой-то древний падежеобразный аффикс *-l* сохранился, видимо, и в следующих наречных формах:

mal, val 'перед' < *oŋ, õŋ* 'перед' + *al*,
xĩşal 'зад' < *xĩş* 'зад' + *al*,
şal 'внутренняя сторона' < *şş* 'нутро' + *al*,
ajal 'низ' < *aj* 'нижняя сторона' + *al*,
şiel 'верх' < *şi* 'верхняя сторона' + *el*.

Возможно, аффикс *-al* сложный и состоит из *-a* (аффикс направительного падежа) + *-l*⁶⁸ (аффикс какого-то пространственного падежа). Сходные, как нам кажется, по структуре и семантике формы наличествуют в марийском языке⁶⁹: *üləl* 'низ', 'нижний', но *ül-nõ* 'внизу', *ülän* 'внизу', *üläk(õ)* 'вниз', *jãmal* 'низ', *jãmak* 'вниз', *jãmaç* 'снизу'. Сюда же, вероятно, можно отнести *l* в мансийском *ela-l* 'вперед', хантыйском *tal-ta* 'оттуда' (но *ta-ta* 'здесь') и т.д.

В нескольких чувашских словах и формах имеется аффикс экватива – сравнительного падежа *-ça/-če*, например: *mişe* < **minče* 'сколько (по числу)' и причастия на *-anşi/-enşi* < *-anča, -enče* /176/70.

Сюда же, вероятно, относятся наречия *aranşâ* 'немного', 'чуть' < *aran* и *majşâ* 'по пути' < *maj*; *tanşin* 'соответственно' < *teŋ* + *-če* + *-i* (посессивный аффикс) + *-n* /176, стр. 718/.

История происхождения падежных форм⁷¹

В современном чувашском языке наличествуют следующие падежи: основной или неопределенный, форма которого совпадает с основой имени (является нулевой), притяжательный, дательно-винительный, местный, исходный, являющиеся продолжением соответствующих падежных форм общетюркской системы;

инструментальный, также отражающий общетюркское состояние, но перешедший в разряд реликтовых падежных форм;

совместный, лишительный, причинно-целевой и направительный, являющиеся новообразованиями.

При этом совместный и причинно-целевой падежи сложились на основе сочетания имени с послелогом; направительный и лишительный были стимулированы влиянием финно-угорского субстрата, хотя тенденция к усилению грамматической функции так называемых привативных форм прослеживается в различных тюркских языках.

В чувашской падежной системе получили отражение следующие общетюркские (пратюркские?) падежные формы:

⁶⁸ Ср.: /122, стр. 48/.

⁶⁹ Ср.: /29, стр. 54; 121, стр. 37 и 229, стр. 15/.

⁷⁰ Иначе считают И.А. Андреев /3, стр. 239-240/, а также Ф.Т. Тимофеев /133/.

⁷¹ Интересные соображения об истории чувашской падежной системы высказаны А.И. Ивановым /49/.

пространственные падежи на *-t (-ta)* (местный падеж, исходный падеж), на *-a* (дательный падеж, местный падеж);
инструментальный падеж на *-n* (наречные образования с инструментальным значением, исходный падеж);
обстоятельный падеж на *-la* (направительный падеж и совместный падеж).

Трансформации этой системы были вызваны:

а) внутренней перестройкой системы (часть функций инструментального падежа на *-n* перешла к новому инструментально-совместному падежу);

б) фонетическими процессами (слияние формантов винительного и дательного падежей);

в) внешними факторами (наложение тюркской системы на какую-то финно-угорскую "оживило" старый инструментальный падеж и стимулировало формирование лишительного и направительного падежей);

г) общеязыковой тенденцией превращения служебных слов (послелогов) в аффиксы (формирование совместного и причинно-целевого падежей).

МЕСТОИМЕНΙΑ

Личные местоимения

В современном чувашском языке имеются следующие личные местоимения:

<i>erä, er</i> 'я',	<i>eşa, es</i> 'ты',
<i>erät, erit</i> 'мы',	<i>eşät, eşir</i> 'вы'.

Местоимение 3-го лица единственного числа *väl* 'он', 'она', 'оно' является лично-указательным.

Чувашскому *erä* соответствуют тур. *ben*, туркм. *men*, тат. *min* и т.д. ('я'). Обычно слагают (Н. Бендинг, Н. Поппе), что *erä* < *e* + **bi*, где *e* – действительный элемент неясного происхождения⁷², а *bi* идентично общетюркскому **bā* ~ **bi* в *bän* ~ *män* ~ *min*⁷³ и *biç* < **bi* + *-z* (ср. также монгольское *bi* 'я', маньчжурское *hi* 'я').

По мнению Н.И. Амираева /9, стр. 55/, начальная *e* в местоимении *erä* восходит к указательному наречию *ev* (конечный согласный которого утрачен), т.е. *erä* первоначально означало «вот я». Несколько иначе его трактует Н.А. Андреев /74, стр. 125/, полагая, что *e* либо идентичен с частицей *e* 'вот', конкретизирующей значение местоимения, либо этот элемент негюркского (например, финно-угорского) происхождения.

⁷² Б. Мункачи /202, стр. 128/ называет этот *e* эмфатической частицей.

⁷³ О происхождении *v* в личных местоимениях см.: В. Банг /173, §40/; Б. Мункачи /202, стр. 125, 126/; ср. также мнение Г. Рамстедта, который считает, что конечный *v* основы утратился /108, стр. 69/.

Быть может, появление *e* в местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа обусловлено тем, что конечный *ə* < *i* крайне неустойчив. Не случайно *e* в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа не является общечувашским (ср. сундырские *per* и *ser*), он не выступает и при склонении этих местоимений (*pirən*, *sire* и т.д.).

Наряду с *epə* в чувашском языке выступает склоняемая местоименная основа 1-го лица *man* (ср. тюркские *mān*, *ben*, *min* и т.д.), по-видимому, восходящая к *mān*, т.е.:

притяж. пад. *man* (< *manān*), *manān* < **māniŋ*
дат.-вин. пад. *mana* < **māŋā* и **māni*
местн. пад. *manğa* < **māndā*
исходн. пад. *manğan* < **māndān* и т.д.

Чувашскому *eşə* 'ты' соответствуют тюркские *sān*, *sin* и т.д.

Структура *eşə* аналогична *epə*, т.е. *e* + **si*, где *e* — уже упомянутый дейктический элемент, а **si* идентично общетюркскому *si* в *siz* < **si* + *z* и родственно мон. *ši* 'ты' и маньчж. *si* 'ты'.

Склоняемая местоименная основа 2-го лица единственного числа *sap* общетюрк. **sān*.

В качестве личного местоимения 3-го лица единственного числа «он», «она», «оно» выступает указательное местоимение *vəl* (тюркские *ol*, *o*, *ul*, *u*), которое имеет в чувашском языке множество фонетических вариантов: *vələ*, *vu*, *vo*, *ul*, *ulə*, *u*, *o*, *olə*, *o^u*.

В чувашском литературном *vəl* < *ul* < *ol* < *o-l* (*l* — дейктический элемент?) *v* появился, вероятно, в результате делябиализации *u⁷⁴*.

Склоняемой основой местоимения *vəl* является *un* (*unən*, *unğa* // *unğa*, *unğan* // *unğan* и т.д.). В дательном и винительном падежах в литературном языке выступает *əna* < **una* (ср. *una* в низовом диалекте и *ona* в верховом).

Местоимение 1-го лица множественного числа *epir*, *epər* 'мы' соответствует общетюркскому *biz*.

Что касается форманта *-r* (**e-pi-r*) ~ общетюрк. *-z*, то многие исследователи считают его показателем множественности⁷⁵ или двойственного числа.

В чувашских говорах встречаются варианты *per*, *jerər*, *ipir*. Склоняемой основой является **pir* (*pirən*, *pire*, *pirte*, *pirten*)⁷⁶ и *pirən* (притяж. пад.?) (*pirənçe*, *pirənçen*).

⁷⁴ Появление "протетического" *v*, *h* у местоимений 3-го лица наблюдается в различных диалектах и говорах, например в узбекских говорах Южной Каракалпакии: *vo*, *vu*, *hu* 'он', в хорезмийских говорах узбекского языка: *vu*, *hu*; в говорах азербайджанского языка: *ho*.

⁷⁵ Иногда в тюркском *biz* усматривают сочетание местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, т.е.: *bi + si*.

⁷⁶ Иногда "протетический" *e* сохраняется и у склоняемой основы: *epirten* 'от нас' (ибрайкинский говор) /78/, стр. 172/.

Местоимение 2-го лица множественного числа *eşir*, *eşər* 'вы' соответствует общетюркскому *siz*. По своей структуре *eşər* < **e-si-r* идентично *epir*. Склоняемые основы **sir* и *sirən*. Диалектальные формы *ser*, *isir* и *jeşər*.

Литературная форма местоимения 3-го лица множественного числа — *vəşem*, в говорах встречаются: *vələsam*, *vəşem*, *uşam*, *vəşam*, *oşam*, *əşem*, *əşəm*, *ouşam*, *uşem*, *uşen*, *əşəm⁷⁷*.

Таким образом, местоимение *vəşem* < *vəl + -sem (-sam)*, т.е. местоимение 3-го лица единственного числа *vəl* (*o*, *u*) + аффикс множественного числа, и по структуре совпадает с общетюркским *olar*, *onlar* < *o + -lar* или **ol + -lar* (иначе: /202, стр. 128/: **ol-ar*, где *ar* множественное число от *an*).

Лично-возвратное местоимение

Основа этого местоимения *xa* < **əxa* может быть выделена при сравнении следующих форм:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>xat</i> < * <i>xa-m</i>	<i>xatəŋ</i> < * <i>xa-m-ŋ</i>
2-е л.	<i>xu</i> < * <i>xa-ŋ</i>	<i>xəvəŋ</i> , <i>xəŋ</i> < * <i>xa-ŋ-əŋ</i>
3-е л.	<i>xəj</i> < * <i>xa-j-i</i>	

(где *-m*, *-ŋ* < *ŋ*, *-i*, *-məŋ*, *-əŋ* < *ŋəŋ* — аффиксы принадлежности).

По значению чувашское лично-возвратное местоимение совпадает с тюркскими *öz* 'сам' < 'сущность', 'тело', **boδ* > *boj*, *bos*, *bot* 'сам' < 'тело', 'главная часть вещи' и т.д., *kāntü*⁷⁸ 'сам', 'свой' и якутским *oñiä* 'сам' < 'тело' (из мон.).

Этимология чувашского *xa* < **əxa* неясна⁷⁹.

Г. Рамstedт /219, стр. 16/ сопоставлял его с усилительной частицей *ok*⁸⁰, которая первоначально могла быть полнозначным словом и употреблялась самостоятельно. Быть может, это первоначальное *ok* со значением 'сходство' дошло до нас в глаголе *okša-* 'быть похожим'. Видимо, мнение Г. Рамstedта разделяет и М. Ряснен /221, стр. 39/. Н.И. Ашмарин сближал чув. *xəj* с алтайским *hoj* и указывал, что *xəj* представляет собой первоначальную форму местоимения /10, § 21/. Это сближение Н.И. Ашма-

⁷⁷ В низовых говорах аффикс множественного числа выступает в одном варианте: *-sem*, тогда как в верховых обычно находим *-sam/-sem*.

⁷⁸ Вопрос об этимологии слова *kāntü* не решен. Основные гипотезы о его происхождении приведены А.Н. Кононовым /56, стр. 176/. Наиболее достоверными представляются гипотезы С.Е. Малова и Е.И. Убрятовой.

⁷⁹ См., например: /176, стр. 738; 74, стр. 128-129/.

⁸⁰ Ср.: К. Брокельман /179, стр. 191/, где приводятся такие примеры: *sān ök* 'du selbst', *ol āmi ök käl dūr* 'bringe den Mann selbst', *saqa q*, *saqar oq*, *maqa oq* и т.д.; А.М. Щербак /154, стр. 128/: *öwä-ök* 'тот же самый', *олок* 'тот же', *шолок* 'вот тот же'; К. Грэнбек /187, стр. 178/: *nlar-ox*, *anlatmy-ox* 'ipsement' (*kensi*, *öz*, *ol.* — *Л.Л.*).

рина маловероятно по фонетическим причинам. К тому же из формы *xâj* трудно вывести *xam* и т.д., тогда как **xa + j + i* закономерно дает *xâjâ*, *xâj*, а **xa + γ < η* — *xu*.

В ряде чувашских говоров формы лично-возвратного местоимения 2-го и 3-го лица совпадают⁸¹:

ишлейск. *xva* < **xâva* 'ты сам', 'он сам';
моргауш. *xoa* 'ты сам', 'он сам';
сундыр. *âγa* 'ты сам', 'он сам'.

Однако при склонении эти местоимения во всех падежах, кроме притяжательного, различаются:

притяж. пад.	<i>xun, xvun</i> 'тебя самого'	<i>xvan, xun</i> 'его самого'
дат.-вин.пад.	<i>xupa</i>	<i>xvane, xune</i>
местн.пад.	<i>xunça</i>	<i>xvançe, xunçe</i>
исходн. пад.	<i>xunçan</i>	<i>xvançen, xunçen</i>
совм. пад.	<i>xunpa</i>	<i>xvanpa, xun'pe</i>
лишит. пад.	<i>xunçâr</i>	<i>xvançâr, xun'çâr</i>
пр.-цел. пад.	<i>xunçân</i>	<i>xvançân, xun'çân</i>

Указательные местоимения

В чувашском языке имеются следующие указательные местоимения: *ku* 'этот' (диал. *ko, kâv*), *leçâ* (диал. *jeçâ*) 'тот', *šakâ* (*šak*) 'этот', 'вот этот', *šavâ* (*šav, šal, ša*) 'вон тот', *vâl* 'тот', *xajxi* 'упомянутый'.

Местоимение *ku* 'этот' чаще употребляется при прямом указании на предмет. Ему противопоставляется местоимение *leçâ* 'тот': *ku çâvaš*, *leçâ tuçar* 'это чуваш, то — татарин'. *šakâ* 'вот этот' выражает по сравнению с *ku* усиленную указательность; *šavâ* 'вон этот', 'вон тот' соотносится с *šakâ* в пространственном и временном плане, обозначая предмет более удаленный, ранее упомянутый. Наконец, *vâl* 'тот', 'онный', 'упомянутый' передает третью степень удаленности предмета от говорящего.

Структура чувашской системы указательных местоимений почти аналогична башкирской: *bâl* 'этот', *tægâ* 'тот', *ðšô* 'вот этот', 'этот самый', *šul* 'вон тот', 'тот самый', *ul* 'тот' и татарской: *bu* 'этот', *tægâ* 'тот', *šul* 'этот (уже знакомый)', *šul* 'тот (уже знакомый)', *ul* 'тот'.

Чувашское местоимение *ku* многие исследователи возводят к монгольской усилительной частице /176, стр. 736; 221, стр. 36; 219, стр. 13/ Н.И. Ашмарин /10, стр. 51/ считал его идентичным общетюркскому *bu*,

допуская *b ~ k* (*p ~ k?* — Л.Л.)⁸³, к его мнению присоединился Ф.Д. Ашнин /16, стр. 425/.

С.Е. Малов /71, стр. 176-177/ отмечал, что некоторое чисто внешнее(?) сходство с чувашским *ku* имеет местоимение *gu* 'этот дальний' в языке желтых уйгуров.

Чувашское *leçâ* 'тот' разложимо на *le + çâ*, так как *le* легко выделяется в *lere* 'там', *leja* 'туда', *leren* 'оттуда', а *-çâ* < *-si* — аффикс принадлежности 3-го лица.

Ряд исследователей (Н. Поппе, И. Бенцинг) сопоставляют *le* с монгольской указательной частицей *ele*. Г. Рамстедт /108, стр. 75/ возводит *le* к *âl-a*, где *-a* имеет восклицательный, звательный характер, а *âl* — к местоименной основе *ol*.

Быть может, *l* в чувашском *le* тот же элемент, что и *l* в *ol, šol, bâl* и т.д.; *le* < **ale* < *ele* нам кажется более вероятным, чем *le* < *âl-a* < *ol-a*; ср. совр. мон. *la/le* (усилительная частица, более ранняя форма которой была *ele*).

Указательное местоимение *šakâ* Г. Рамстедт /108, стр. 75/ рассматривал как *š-akâ*, где *š* < **iç*, а *akâ* < *egü*, причем **iç* сближается им с тунг. *içe* 'sehen' ~ тюрк. **ış* 'sieh'.

Н. Поппе /102, стр. 62/ возводит *šakâ* к *šavkâ* < **čägü-kü* < **č-ägü-kü*, где **č* ~ мон. *č*, *ägü* — основа монгольского указательного местоимения *egü-*, *kü* — монгольская частица *kü*.

И. Бенцинг /176, стр. 736/ разлагает *šakâ* < **sâ-kü*, где *kü* более древняя форма указательного местоимения *ku*.

Ф.Д. Ашнин склонен рассматривать *šakâ* как *š-akâ*, где *š* — указательная частица типа тюркских *oş, uş, iş, ş, şu* и т.д., *a* — эмфатический гласный, *kâ* — указательное местоимение, т.е. *šakâ* < *š* (*š*) — *a-ku*.

Предположение Ф.Д. Ашнина кажется вероятным, так как в чувашском языке имеются указательные частицы *akâ* 'вот' (о более близком предмете) и *avâ* 'вон' (о более далеком предмете). Поэтому логичным является *šakâ* < *š-akâ* 'вот этот' и *šavâ* < *š-avâ* 'вон этот', 'вон тот'⁸⁴.

При этимологии *avâ* < **ägü* и *akâ* < **ägü kü* (Н. Поппе) или < **ägü ki*, где *ki* — окончание адъектива (Г. Рамстедт), или < **ägü-ki*, где *ki* идентично *gi* в *tigi* (М. Ряснен /221, стр. 37/), возникает вопрос о природе гипотетического **ägü*. Н. Поппе /102, стр. 62/ сближает его с основой монгольского указательного местоимения *egü* (*e-n-e* 'этот', *egü-n-ü* — род. пад., *egü-ber* творит. пад.).

Относительно элемента *-gü* писал В. Котвич /194, стр. 71-73/, указывая на его присутствие в целом ряде алтайских (тюркских, монгольских и унгусо-маньчжурских) местоимений⁸⁵.

⁸³ Ср.: чув. *püçe ~ күçe* 'безбородый', 'безусый', *künçak ~ pünçak* 'обшивка'.

⁸⁴ Ср. Н.И. Ашмарин /10, стр. 194/. По И. Бенцингу /176, стр. 736/: *avâ* < **šâ bu*.

⁸⁵ Ср., например, тюркское *nägü* 'какой', 'какого свойства', 'как'. Тимологии этого слова предложены В. Котвичем, К. Брокельманом и Л.В. Радловым.

⁸¹ Ср. совпадение аффиксов принадлежности 2-го и 3-го лица единственного числа в некоторых говорах, например: *xâgâ* 'твоя дочь' и 'его дочь'.

⁸² Ср.: Г. Рамстедт /108, стр. 75/. Связь чувашского *ku* с монгольским *kü* оспаривал М. Левицкий /198, стр. 257/.

Таким образом, у алтаистов вырисовывается следующая система указательных местоимений, сохранившихся в тюркском и монгольском в виде усилительных частиц:

*kü — *ele
*egü-kü — *egü
*3-egü-kü — *3-egü

Позднее в эту систему вошло общетюркское лично-указательное местоимение *ol* > *vâl* 'он', 'тот' < *o* + *l*.

Чувашские указательные местоимения *ku* и *leṣṣa* принадлежат, по-видимому, к древнейшему пласту чувашской лексики, являясь наследием периода "тюркско-чувашской" общности.

Что касается возраста *śakṣ* и *śavā*, то нам представляется, что допустима несколько иная этимология и хронологизация этих местоимений.

Местоимения *śakṣ* и *śavā* могли образоваться в чувашском языке в период его самостоятельного существования⁸⁶ (ср. многообразие местоимений с усиленным дейктическим значением в различных тюркских языках) из указательной (усилительной) частицы *śś* (*śś*), частицы *a* (*ā*) и указательных местоимений *ku* и *bu* (*vu*), т.е.:

śś (*śś*) + *a* + *ku* > *śakṣ*
śś (*śś*) + *a* + *bu* > *śavā*⁸⁷

(ср. караим. *uṣru* 'вот этот', тур. *iṣbu* 'сей', уйг. *uṣbu*, *ṣbu*, *ṣbu* 'этот самый', якут. *subu* 'вот этот самый' по структуре и значению однотипные с чувашскими *śakṣ* и *śavā*).

Указательное местоимение *xajxi* 'тот самый', 'упомянутый' является производным от местоимения *xaj* с аналогичным значением.

По мнению И. Бенцинга /176, стр. 736/, *xajxi* < **xalā-xi* 'теперешний' (из арабского) или < **xāḡā-xi* 'тот же самый'. Последнее предположение кажется более вероятным (ср. структуру чувашского *leṣṣa* 'тот').

Н. Поппе /102, стр. 63/ возводил *xaj* к **uqaj* (~ *iqaj*), сближая последнее с *uq* 'начало', 'происхождение'.

Быть может, чувашское *xaj* сопоставимо с междометием (частицей?) *xa* 'смотри-ка', 'глянь-ка', употребляемым для направления внимания на известный предмет.

Ср. также частицу *xaj* 'вот': *xaj śumār śuma puṣlarā* 'Вот пошел дождь'⁸⁸. В тюркских языках юго-западной группы — турецком, туркмен-

⁸⁶ Ср.: Ф.Д. Ашнин /16, стр. 429/: *śakṣ* < *śa-ku*, а *śavā* < *śa-vâl*.

Последнее маловероятно, ибо *vâl* в чувашском представлено только в ряде говоров. Кроме того, нельзя забывать о чувашских *avā* и *aḡā*.

⁸⁷ Ср. новоуйг. *āvi* 'тот самый' < *ānā bu*.

⁸⁸ Мы уже видели, что многие чувашские местоимения генетически родственны (или даже тождественны) усилительным и выделительным частицам: ср. *xāḡ* и *ak*, *ś* в *śavā*, *śakṣ* и *śś*, *āś* и т.д.

ском, азербайджанском — встречается указательная частица *ha* 'вот же', по семантике напоминающая чувашские частицы *xa* 'же', 'да' и *xaj* 'вот'.

Вопросительные местоимения

В чувашском языке имеются следующие вопросительные местоимения: *kam* 'кто', *mən*, *məsker* 'что', *ma* 'что', 'зачем', 'почему', *xāṣ*, *xāṣā* 'который', *miṣe* 'сколько (по числу)', *mənle* 'какой', *jeple* 'какой', 'как', 'что за'.

Местоимение *kam* 'кто' является общетюркским (азер., кир., тур., туркм. и др. *kim*, тув. *kīm*, алт., шор., хак. *ket*, баш. айск. *kām*) и восходит к более древнему *kām* (ср. мон. *ken*), возможно, из **kā* (**ki*) + *m*.

Чувашское *mən* 'что' И. Бенцинг /176, стр. 736/ возводил к *mīn* (*mī* — турецкая вопросительная частица).

С точки зрения Ф.Г. Исхакова, *mən* близко стоит к тюркским *mā*, *me* в *pāmā*, *pāte* < *nā* (*ni*) + *me*.

По мнению Н. Поппе /102, стр. 63-64/89 у *mən* < *mīn* нет надежных соответствий в родственных языках, но оно ничего общего не имеет и с финно-угорскими местоимениями типа венгерского *mi* 'что'.

Возможно, *mā* в чувашском *mən* представляет собой контаминацию общетюркской и финно-угорской местоименных основ (*a* + гласный и *m* + гласный), а *n* — местоименный аффикс, распространенный в урало-алтайских языках. Общетюркское *mṣ* могло сохраниться в известной вопросительной частице *mī*, *mi* и т.д.

Местоимение *mən* лежит в основе следующих производных: *məsker* < *mən* + *sker* 'что'; *miṣe*, диал. *miṣe* 'сколько' < **miṣe* (ср. диал. *miṣe*, *māṣe*, где *-ṣe* — показатель экватива, такой же, как в тюркских *nece*, *kanča* 'сколько')⁹⁰, *mənle*, диал. *malle* 'какой' < *mən* + *-le* (*-le*, видимо, тот же аффикс, что и в наречных образованиях со значением качества и сравнения); *mənṣan* (причинно-целевой падеж от местоимения *mən*) 'почему, зачем'.

Mən употребляется и в сочетаниях *mən ṣuxlā* и *mən ṣul* 'сколько', где *ṣuxlā* и *ṣul* восходят к *ṣux* < *ṣak* ~ *caḡ* 'пора', 'размер' и т.д. (*ṣaklā* 'равный'); ср. тат. *ni ṣaklā* 'как много', 'сколько'.

Чувашское *xāṣ*, *xāṣā* 'который' соответствует встречающемуся почти во всех тюркских языках местоимению *kajsi* 'который'.

Как думают некоторые исследователи, *xāṣā* следует возводить к *kaji* + *-si* или *kaj* + *-si*⁹¹ (*-si* > *-ṣā* — аффикс принадлежности 3-го лица, который находим также в чувашском *leṣṣa* 'тот'). По мнению Н.И. Ашма-

⁸⁹ Примечательно, что в финно-угорских языках в качестве основ вопросительных местоимений выступают *k8* (например, морд. *ki*, мар. *ke*, *kö*, *kü*, удм. *kin* 'кто') и *m8* (фин. *mi-tä* 'что', лант. *mi-mā* 'что' и т.д.).

⁹⁰ В чувашском языке из **miṣe* ожидалось бы **māṣe* (ср. *mənle*), поэтому в *miṣe* мы склонны видеть контаминацию с татарским *niṣā*.

⁹¹ Ср.: К. Брокельман /179, § 17 (81)/.

рина /10, стр. 200/, *xəʃə* происходит от основы *xə*, встречающейся также в наречии *xəʃan*, т.е. Н.И. Ашмарин имел в виду то же *kaj*.

Местоимение *jeple* 'какой' по своей структуре, как это было отмечено Н.И. Ашмариным, аналогично *apla*, *kapla*, *šapla* 'такой'.

Г. Рамстедт полагал /108, стр. 78/, что *jeple* является производным от местоименной основы *je* 'что' и разлагал его на *je* + *kār* 'образец' + *-lā* (< *-laju*).

Точку зрения Г. Рамстедта разделял и Н. Поппе /102/.

Нам кажется, что *jeple* разложимо на **je* + *-pe* + *-le*, где *-pe* — аффикс инструментального падежа⁹², а *-le* — совместного /ср.: 64, стр. 148-149/. В чувашских говорах наряду с *jeple* встречаем еще *jepe*, *lepe* и *leple*⁹³.

В чувашских говорах (например, ишлейском) отмечено также вопросительное местоимение *ma*, *me* 'почему', 'зачем'⁹⁴. Его можно сравнить с горномарийским *ma* 'что' (мар. луг. *mo*) и татарским диалектальным *mägä* 'почему', 'зачем' (тат. лит. *nigä*) < *mä* + *-gä* (в чувашских говорах, например моргаушском, имеется частица *ke* /77, стр. 106, 171/, в красночетайском *ke/ka* /78, стр. 38/).

От вопросительных местоимений с помощью препозитивной отрицательной частицы *ni* образуются отрицательные местоимения типа: *niŋam* 'никто', *niŋan*, *niŋ* 'ничего', *niŋəʃə* 'некоторый', *nijeple* 'никакой'. Факультативно к ним может присоединяться постпозитивная частица *ta*: *niŋam ta*. Частица *ni*, как считает Н.А. Андреев /74, стр. 139/, является заимствованием из русского языка.

Чувашские отрицательные местоимения по своей структуре совпадают с удмуртскими, коми и марийскими⁹⁵: коми *ne-kod* 'никто', мар. *nigō* 'никто' < *ni-kō*, удм. *no-kin* 'никто'.

Чувашские отрицательные местоимения — категория относительно новая. Надо отметить, что в таких тюркских языках, как алтайский, хакасский, шорский, нет отрицательных местоимений; значение русских местоимений типа "никто", "ничто" и т.д. передается неопределенным местоимением в сочетании с отрицательной формой сказуемого.

В большинстве тюркских языков к отрицательным местоимениям причисляются сочетания иранского по происхождению слова *heš* (*hiš*, *iš* и т.д.) с вопросительными и неопределенными местоимениями. Этот факт тоже свидетельствует о довольно позднем происхождении отрицательных местоимений.

92 Ср. караим. *neb'a* и *nebe* 'чем'.

93 Чувашский *l'* в говорах иногда чередуется с *j*: *lešə ~ ješə*, *leš-~ ješ-* и т.д.

94 Его производными являются *mara* и *mere* 'зачем же' < *ma*, *me* + *ara*. Интересны и чувашские *mānta*, *mānta* < *mān* + *ta* 'зачем', 'для чего' и *āmta* 'почему', 'зачем'.

95 Как отмечает Б.А. Серебренников /122, стр. 211/, структура отрицательных местоимений в пермских языках представляет кальку структуры отрицательных местоимений русского языка.

Из чувашских неопределенных местоимений, которые сформировались также на основе вопросительных местоимений, примечательны так называемые местоимения неведения. Они образуются при помощи препозитивной частицы *ta/te*: *taŋam* 'кто-то', 'неизвестно кто'; *temən*, *tem* 'что-то', 'неизвестно что'; *temənle*, *temle* 'какой-то', 'некий' и т.д.

Н.И. Ашмарин полагал /10, стр. 207/, что частица *ta* одного происхождения с эрзя-мордовским *ta* в местоименных наречиях: *маков* 'куда-то', 'некуда', *макода* 'как-то', *макосо* 'где-то'⁹⁶.

Частица неведения *ta/te* может употребляться самостоятельно /15, XIII, стр. 257-258/.

По семантике к чувашской частице неведения *ta/te* близки алт. *ta* 'не знаю' (*ta, kajdan kelgen kiži* 'не знаю, откуда пришел этот человек'; *ta men, ta sen* 'я или ты, не знаю'), тув. *ta* 'неизвестно', 'не знаю', 'кто его знает', хак. *taŋ*, уйг. *taŋ* 'не знаю', лобн. *taŋ* 'просто так', 'кто знает' (при этом говорящий разводит руками). В.В. Радлов /106, III, стр. 803-804/ связывал тел., кир. *taŋ* — восклицание удивления, сомнения со словом *taŋ* 'удивление', 'чудо' (ср. туркм. *taŋ* 'удивление').

Определительные местоимения

К определительным местоимениям принято относить⁹⁷ так называемые определительные коллективные: *pur*, *purte*, *purə*, *pur pur*, *purəš*, *mənpur*, *purəm*⁹⁸, *veš* и определительные обособленные: *xarəŋr*, *xarŋam*, *xajrəŋr*, *xəj*, *kašni*, *ilti*, *urəx*, *teper*⁹⁹.

Из перечисленных местоимений только *pur*, *purə* 'все' и *purəm* 'целый', 'весь' можно считать общетюркскими. Чувашское *pur* восходит к общетюрк. *bar* 'есть', 'имеется' < 'наличие', 'существование' (ср.: караим. *bar* 'все', 'весь', тат. *bar* 'все' и т.д.)¹⁰⁰.

Соответствия чувашского *purə* < *pur* + *ə* (аффикс принадлежности 3-го лица в выделительной функции) встречаются во многих тюркских языках: туркм. *ba: rī*, кум. *barī*, ног., каз. *bārī*, кир. *barī*.

Местоимения *purte*, *purəš*, *mənpur*, *pur pur* восходят к чувашскому *pur*: *purte* < *pur-ə-te*, где *te* — усилительная частица, ср.: *purətmər ta* 'все мы' (диал. *purətmər ta*), *purəŋr ta* (диал. *purəŋr ta*) 'все вы'; *purəš* 'все без исключения' < *pur-ə* + *-šə*, *pur* + *-i* + *-si* (ср.

96 Ср. эрзя-мордовские *ков* 'куда', *кода* 'как', *косо* 'где'.

97 См., например: /74, стр. 141-145; 95, стр. 187/.

98 А. Рабэн /186, стр. 106/ называет слова типа *bütün*, *barča unbestimmte Zahlwörter* (неопределенные числительные).

99 Определительные местоимения образуются еще от местоимений неведения при помощи постпозитивной частицы *ta/te*: *taŋam ta* 'всякий', *temən te* 'все, что угодно' и т.д.

100 В тюркских языках представлены главным образом производные от слова *bar*, например: тат. *barlək*, *barča*, уйг. *barlik*, *barčā*, шор. *par-īn*, *parčan* и т.д.

тюрк. *biñsi*; возможно, *kaj-i-si* > *kajsi*); аффикс -(ə)š, вероятно, идентичен аффиксам -š, -šə, -šə в именах, означающих протяжение, величину: *sūlāš* от (*sūlā*) 'высота', *urlāš* от (*urlā*) 'ширина' и т.д.;

mānpur 'весь', 'все, что имеется' < *mān* 'что' + *pur*;
pur pur 'всякий' образовано путем удвоения *pur*.

Чувашское *paṭəm* 'целый', 'весь', как и азерб., кат. *bütin*, туркм. *bütin*, бараб. *pütin*, караим. *bütin*, *bitin*, хак. *pūdün* и т.д., является производным от глагола *būt-* 'завершать', 'выполнять'.

Чувашские *ves* 'весь' и *kašni* 'каждый' заимствованы из русского языка.

Во многих тюркских языках имеется местоимение *her* 'каждый' (из перс.), оно входит в структуру чувашских *хаpṛāg* 'каждый', 'всякий' < *ха* *bir* и *хаpṛam* *xāg* 'каждый' < *xāg* *kām* *ok*; чувашское *хаpṛāg* 'каждый' иногда производят от *хаpṛāg*, усматривая в г > j влияние аналогии (*хаj*, 'тот', 'упомянутый'). Однако более вероятной представляется контаминация чувашского *хаpṛāg* 'всякий', 'каждый' и татарского *kajbər* 'некоторый'.

Чувашские *йи* 'прочий', 'остальной' < *йиṭ* 'излишек', 'остаток' < общетюрк. *arīk* + *-i* (аффикс принадлежности 3-го лица в выделительной функции) и *терər* 'другой' < *te* 'еще' + *pər* 'один', по-видимому, новообразования, возникшие в период самостоятельной истории чувашского языка.

Угṛэх 'другой' < **адйиṭ*, **адйиṭ* < **адйиṭ* 'отделять', 'разделять' (тот же корень в др. тюрк. *adīn*, як. *айн*, ср. тюрк. *адін* 'иной', 'другой', осм. /106/: *айиṭ* 'другой', 'иначе'; осм. *айиṭ* 'другой', 'отличный'), вероятно, представляет архаизм. На это отчасти указывает фонетическое развитие слова: *адйиṭ*, *адйиṭ* > *угṛэх*, но ауслаутный *x* < *k*, возможно, примета заимствования из какого-то тюркского языка¹⁰¹, тем более, что глагол *адйиṭ* в чувашском не сохранился (чув. *уйгṛл*, *уйгṛт* сравнительно новые заимствования из тюркских языков кыпчакского типа, ср.: тат. *айгṛл*- и *айгṛт*, ног. *айгṛл*- и *айгṛт*, кир. *айгṛл*- и *айгṛт*).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные

Чувашские количественные числительные от 1 до 10, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 1000 являются общетюркскими.

Рассмотрим их и в указанной выше последовательности:

"Один"

Чув. *pər*, *pəre*, *pərre* соответствуют тур. *bir*, як. *би:г*, тат., баш., каз. *bər*, хак. *pər* и т.д.

Этимология *pər* < *bir*, *би:г* неясна /112, стр. 146/. Это слово не имеет пока надежных параллелей в других алтайских языках. Г. Рамстедт сопоставляет его с монгольским *būni* 'все', 'все', 'каждый' /108, стр. 65/.

¹⁰¹ Ср. чув. диал. *уйгṛэх* 'другой' /15, III, стр. 194/.

"Два"

Чув. *ik*, *ikə*, *ikkə* соответствуют узб., уйг., як. *ikki*, хак. *əkkə*, азерб., туркм. *iki*, баш., тат. *ikə*, тув. *iji*, алт., кир. *eki* и т.д.

Этимологически родственными общетюрк. *ekki* являются чув. *ikṛ*, *ikṛər* 'двойня', гаг. *ikkiz*, туркм. *ekki*, тур. *iki*, азерб. *əkkiz*, кир. *egiz*, тат. *igəz*, тув. *ijis*, як. *igire* (из мон.), мон. *ikira*,

По модели *ikṛ*, *ekiz* (z, возможно, показатель собирательности или двойственного числа) образовано и тур. *üçü* 'тройня'.

Общетюрк. *eki*, *ekki*, возможно, < **ek* с гипотетическим значением 'задний', 'поздний', 'второй', ср.: азерб. *ilk* 'первый', *ilki* 'первенец', азерб. диал. *ilkindi* 'закат' и тюрк. *ikindi* 'второй', 'время перед заходом солнца' (ср.: /108, стр. 65/, но иначе: /101, стр. 104-108/).

"Три"

Чув. *viš*, *višə*, *viššə* 'три' соответствуют азерб., туркм., кир. *üç*, тат. *ç*, тув., шор. *üš*, як. *üs*, караг. *üjš* и т.д.

Г. Рамстедт /217, стр. 19/ сопоставляет тюрк. *üç* с мон. *üčüken* 'мало', 'немного' (ср. кир. *birdin* *üčü* 'несколько', 'небольшое число'; 'двари', 'три-четыре', 'пять-шесть')¹⁰².

Возможно, "три" было когда-то предельным числом со значением неопределенного множества. Чувашское *viš*, *višə*, *viššə* восходит к древнечувашскому *üč* или *ü:č*.

"Четыре"

Чув. *təvat*, *təvatə*, *təvattə* соответствуют туркм. *dört*, тат., баш. *ürt*, як. *üört*, ног., кум., тур. *dört* и т.д.

Обычно общетюрк. *dört* сопоставляют с мон. *dörben* 'четыре' /108, стр. 64; 112, стр. 148/. Сюда же относятся мон. *dönen* 'четырёхгодовалый (о животном)' и *döči* 'правнук правнука'.

Чув. *təvat* < **tüvāt* < др. чув. *dört* (к *ö:* > *əva* ср. *kəvak* 'синий' < *tö:k* и т.д.).

"Пять"

Чув. *pilək*, *pillək* 'пять' соответствуют кирг., кум. *beš*, туркм. *bä:š*, к. *biš*, тат., баш. *biš* и т.д.

Др. чув. "пять", по-видимому, звучало как **be:l* ~ **biel*.

Многие исследователи полагают, что тюркское числительное пять этимологически должно быть связано с одним из названий руки (счет по альцам: пять пальцев, рука-пятерня → пять).

В качестве этимологически родственных слов обычно указывают на алт. *belek*, азерб., уйг. *biläk*, кир., кум., туркм. *bilek*, баш., тат. *boläk*

¹⁰² В.А. Гордлевский /32, стр. 131/ почему-то приводит в значении "пять" кир. *u:č*, а не *üč*, отождествляя это *u:č* с "конец" и "горсть". Однако "горсть" по-киргизски будет *u:č*, а *üč* 'пять' при игре в ордо и детских играх в альчики /157, стр. 826/.

(в большинстве языков «предплечье», «запястье», азерб., тур. «кисть руки»).

При сопоставлении *beš* и *bilek* возникают некоторые трудности фонетического порядка. Так, в турецком языке при *beš* 'пять' имеем *bilek* 'кисть руки', т.е. *e* ~ *i*, в туркменском при *bā:š* 'пять' — тоже *bilek*, т.е. *ā: ~ i*. Чувашский *l* в *pilək* закономерно соответствует общетюркскому *š* в *beš*. Но как рассматривать соотношение *l* и *š* в общетюркских *beš* и *bilek*? Представляют ли они собой разные морфемы или варианты одной фонемы в позиции после долгого и краткого гласного, т.е. **be:š*, но **bēl* ~ **bil*?

Семантически сближение числительного "пять" и обозначение руки вполне правомерно.

В качестве типологической параллели можно привести этимологию мон. *tabun* 'пять', предложенную Г. Рамstedтом /217, стр. 11-12/103. Г. Рамstedт сопоставил мон. *tabun* 'пять' с тел., шор. *tabaš* 'кисть руки', 'ладонь', 'стопа', бараб. *tabak*, шор. и т.д. *taban* 'подошва' и т.д.

Что касается структуры чувашского *pilək* < **bel* + (*ə*)*k*, то она, возможно, сопоставима с тюрк. *ilk* ~ *ilək* < *il* 'перед', 'первый', ср. тат. диал. (у крещеных татар) *bilək aj* — пятый месяц года по древнему местному календарю.

"Шесть"

Чув. *ult*, *ultā*, *ultā* (др. чув. *altū*) "шесть" соответствуют азерб., кир., кум. *altū*, як. *alta*, тув. *aldī*, узб. *dlū*.

Г. Рамstedт полагал, что *altū* происходит от глагола *al-* 'взять', 'брать' /108, стр. 65; 217, стр. 15-16/, связывая происхождение *altū* со счетом по пальцам: "Daumen-Greifer".

М. Хартман предлагает для *altū* архетип **alt-dī* /189, стр. 155/ со значением "он велел брать".

Этот же архетип *alt-dī* восстанавливает и М. Ряснянен /221, стр. 76/, высказывая, на наш взгляд, очень интересную гипотезу о происхождении тюркских числительных от 6 до 10, а также 20, 30, 40, 60, 70.

М. Ряснянен считает, что эти числительные возникли во время какой-то игры, например, в *Rennspiel*.

В поддержку его гипотезы можно указать на существование у тюркских народов различных игровых считалок, где употребляются особые (архаичные?) формы числительных и своеобразные счетные слова. Например, чувашское название игры "рэггэм-рэггэм" и считалка: *рэггэм-рэггэм, иккэм-иккэм, иккеleşе, авкалаша*, ...; азерб. *üçüm* — название игры в кости, туркм. *oñat* 'четыре', кир. *üç* 'пять' (в игре в кости) и т.д. 104.

Примечательно также, что в ряде тюркских языков вместо *jigimi*

103 Ср.: В. Котвич /193, стр. 171-172/.

104 Ср.: З.Б. Мухамедова, Особенности числительных, употребляемых в детской считалке при игре в "Хекгал", — «Тезисы сообщений на Симпозиуме по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» М., 1967, стр. 25-27.

'двадцать', *otuz* 'тридцать', *kırk* 'сорок', *altmış* 'шестьдесят', *yetmiş* 'семьдесят' для обозначения круглых десятков употребляются числительные:

işkon (сюг.), *üçön*, *üçen* (сюг., тув.) 'тридцать', *ärtön* и т.п. (сюг., тув., як., алт.) 'сорок', *pişon* и т.п. (сюг., тув., як., алт.) 'пятьдесят', *altın* и т.п. (сюг., тув., як., алт., хак.) 'шестьдесят', *jetin* и т.п. (сюг., тув., як., алт., хак.) 'семьдесят'.

Очень интересна система счета у желтых уйгуров, где, как указывал С.Е. Малов /69, стр. 276-277/, числительные *jigimä*, *otuz* и т.д. служат для обозначения порядка десятка или разряда десятка, а *işkon*, *üçon* и т.д. выражают целые десятки.

"Семь"

Чув. *siç*, *siçä*, *siçä* 'семь' соответствуют азерб. *jeddi*, кум. *jetti*, уйг. *jäuä*, шор. *çetti*, тат. *jida*, алт. *d'eti*, як. *sättä* и т.д.

Чув. *siç*, *siçä* происходит из др. чув. **jeti* (*t* перед *i* изменился в *ç*). Г. Рамstedт /108, стр. 66/ производит *jeti* от глагола *je-* 'есть', 'кушать', т.е. 'палец-едок' — 'палец для еды'. М. Ряснянен /221, стр. 76-78/ вслед за М. Хартманом /189, стр. 155/ считает его производным от глагола *jet-*: *jeti* < *jet-di* 'готово', 'достигнуто'.

Структурное сходство *altū*, *jetti*, возможно, является типологическим; ср. русские "пять", "шесть".

"Восемь"

Чув. *sakâr*, *sakkâr* 'восемь' соответствуют азерб., уйг., узб. *sakkiz*, тат. *sigöz*, як. *açıs*, тур. *sekiz* и т.д. Древнечувашская форма — **sekir*. Наиболее интересной представляется этимология М. Ряснянена /221, стр. 76/, связавшего это слово с глаголом *sek-* 'прыгать', 'скакать', т.е. *sekiz* < *sekkiz* < **sekgiz* 'вели прыгать'. Другие этимологии названы А.Н. Самойловичем (/112, стр. 150/; см. также: /215, стр. 205, прим. 1/).

По структуре *sekkiz*, *sekiz* (так же, как и *tokkuz* 'девять') напоминают *çkiç* 'пара', 'двойня' (реликты какой-то системы счета? — Л.Л.).

"Девять"

Чув. *täxâr*, *täxxâr* 'девять' соответствуют азерб. *dokuz*, узб. *doqqiz*, уйг. *tokkuz*, як. *toçus*, тат. *tuçuz* и т.д. Древнечувашская форма — **tokur*.

Многие исследователи полагают, что *tokuz* получило конечный *z* под воздействием *sekiz*. М. Ряснянен /221, стр. 78/ производит *tokkuz* из **tokkuz* 'вели стучать'. Г. Рамstedт /108, стр. 66/ связывает его с мон. *tokur* 'несгибающийся', 'скрюченный (о пальце?)'.

"Десять"

Чув. *vun*, *vunä*, *vunnä* (диал. *von*, *vonä*, *vonnä*, *vännä*) 'десять' соответствуют туркм. *on*, як. *цон*, тат., баш. *un*, тур., азерб., уйг. *on* и т.д.

Древнечувашская форма *on*, судя по эпиграфическим памятникам Волжской Булгарии, к XIII в. развилась в *van*, откуда современные *von//vun*.

Г. Рамstedт /108, стр. 66/ усматривал тюркское *on* 'десять' в монгольских числительных от шестидесяти до девяноста.

Количественные числительные от одиннадцати до девятнадцати образуются по общетюркской модели: название десятка + название соответствующей единицы¹⁰⁵. Например: *vunprag* 'одиннадцать', *vunzakâr* 'восемнадцать' и т.д.

"Двадцать"

Чув. *širam* 'двадцать' соответствуют як. *sürbä*, хак. *šibirgi*, туркм. *jigirmi*, тур., азерб. *jigirmi* и т.д.

В древнечувашском, по-видимому, было **jegirmi* > *jejirmi* > *ji:mi*. В Банг /167, стр. 527/ понимал *jigirmi* как "Zweitschaft", т.е. как абстрактное имя на *-mä*, *-mi* от глагола *iki-* 'удваивать'. То же морфологическое образование, но от другого глагола, усматривает в *jigirmi* М. Ряснян /221, стр. 76/: *jigürmā* 'das Rennen' ('бег', 'скачки').

Точка зрения Г. Рамstedта /108, стр. 66/ аналогична гипотезе В. Банга и кажется нам более убедительной. "Двадцать" по отношению к "десяти" при счете действительно представляет собой "удвоение": "10 x 2" (ср.: /32, стр. 132/).

"Тридцать"

Чув. *vätär* 'тридцать' соответствуют тур., азерб., гаг. *otuz*, тат. *utäz*, уйг. *otuz*, алт. *odus*, як. *otut* и т.д. (*vä* в чувашском *vätär*, видимо, результат своеобразного развития древнечувашского *o* в *otur*: *vutur* > *vätär*).

Этимология *vätär* ~ *otuz* неясна: М. Ряснян /221, стр. 76/ отождествляет это слово с *otuz* 'садись'. Г. Рамstedт /108, стр. 66/ приводит в качестве возможной параллели корейское *potari*, *pottari* 'узел', 'пучок'¹⁰⁶. Интересные материалы о числительном "тридцать" даны у В.А. Гордлевского /32/, по мнению которого "30" когда-то было у тюрков максимальным числом.

"Сорок"

Чув. *xarax* 'сорок' соответствуют хак. *kîrk*, туркм. *kîrk*, азерб. *kîrx* и т.д.

По мнению М. Рясняна /221, стр. 76/, *kîrk* означает «Bruch», т.е. «поломка», «излом». Но в азербайджанском наряде с *kîrx* 'сорок' имеем *kîrk* 'разбитый'; 'обломок', 'излом', 'крохи'; в турецком *kîrk* 'сорок',

¹⁰⁵ Ср. систему счета у древних тюрков и желтых уйгуров: название единицы + название последующего десятка. Например: сюг. 'одиннадцать' *riñrîmno* из *riñ* 'один' + *rîmno* 'двадцать', т.е. 'один-к/ двадцать'.

¹⁰⁶ Другие гипотезы см. у А.Н. Самойловича /112, стр. 143, 149/.

kîrk 'разбитый', 'осколок' и т.д. Вероятно, был прав В.А. Гордлевский, когда он писал, что «... под словом *kîrk* разумелось не определенное, не точное количество единиц, а только "множественное" число, множество, много (звук *k* в слове *kîrk*, может быть, тоже признак множественности)?» /32, стр. 133-134/.

К примерам В.А. Гордлевского можно добавить следующие данные. В пословицах, поговорках различных тюркских народов *kîrk* часто выступает в значении множества (пределного числа):

тур. *sana kîrk kere söjlädim* 'я тебе тысячу раз говорил'; *kîrk jülda bir* 'раз в сто лет'; *kîrk jil jařmur jařsa memere keçmez* 'хоть сорок лет дождь будет идти, он не пройдет сквозь мрамор';

узб. *kirkiya äidiřan kirk birigä xäm äidädi* 'перенесший сорок перенесет и сорок первое';

тат. *kârân äš kâräk jâldan söñ da bälänär* 'кривда и через сорок лет вскроется';

баш. *kâr kâš bär jaklä, kârân kâš bär jaklä* 'сорок человек за одно и то же, один упрямый за свое';

туркм. *kîrk jil maja geřjânçäñ, bir jil ner geđ* 'чем сорок лет бродить верблюдицей, лучше один год броди нером (верблюдом)'; *tip jarađi biter, dil jarađi kîrk jüldam bitmed* 'рана от сабли заживает, рана от языка не заживает и через сорок лет'.

Н.И. Ашмарин отмечает, что *xarax* в чувашском является символическим числом /15, XVII, стр. 46/.

Чувашское *xarax* тоже выражает значение неопределенного множества: *xarax šäl viřar tuxsassân, xarax jala sarâlat* 'пройдя сквозь сорок звуков, распространяется на сорок деревень (о слухах)'.

В тюркском фольклоре (сказках, эпосе) *kîrk* 'сорок' выступает как эпическое число; например: кир. *kîrk čoro* 'сорок витязей – сподвижников главного богатыря', туркм. *kîrk ülla* 'сорок золотых', *kîrk ajal* 'сорок жен', каз. *kîrk kîz nögör* 'сорок девушек-нукеров' и т.д. 107.

В тюркских языках Сибири и у желтых уйгуров "сорок" выражается как "четыре – десять", т.е. четыре десятка: тув. *đörtön*, як. *üört uon*, алт. *törtön*, сюг. *türtön*.

"Пятьдесят"

Чув. *äl, alä, allä* 'пятьдесят' соответствуют туркм., тур., балк. *elli*, азерб. *älli*, тат., баш. *illa*, узб., уйг. *ellik*, хак. *iläg*.

Чувашское *alä* < **älig*.

В.А. Гордлевский посвятил числительному «пятьдесят» специальную статью /32/, в которой он ссылается и на взгляды своих предшественников. Как будто бы все исследователи единодушны в том, что усматривают этимологическую связь между числительным *elli* 'пятьдесят' и одним из

¹⁰⁷ Ср. употребление числительного "сорок" в Огуз-наме (А.М. Шербаков, Огуз-наме, Мухаббат-наме, М., 1959, стр. 23, 32, 36, 62).

тюркских названий руки (кисти): чув. *al*, *alā*, туркм., тур. *el*, азерб. *āl*, як. *āli*, *ili*; лоб. *ilik* и т.д.

В алтайском, тувинском, якутском языках и языке желтых уйгуров находим соответственно: *bežen* (алт., тув.), *biqs uon* и *pison* < **beš on* 'пять десятков'.

"Шестьдесят" и "семьдесят"

Чув. *utməl* 'шестьдесят' и *šitməl* 'семьдесят' образованы по одной модели: *utməl* < *ut* < *ultā* < *altū* + *məl* < **mīl* ~ тюрк. *mīš* и *šitməl* < *šit(a)* < *jetī* + **mīl* ~ *mīš*.

Ряд исследователей видел в *mīš* (*mīš*) ~ *mīl* (*mīl*) особое название для "десяти" 108 /112, стр. 151-153/.

По мнению М. Рясненена /221, стр. 76/, *altmīš* первоначально означало «он велел взять», *jetmīš* — «он достиг».

"Восемьдесят" и "девяносто"

Чув. *sakārvun*, *sakārvunā*, *sakārvunnā* 'восемьдесят' и *tāxārvun*, *tāxārvunā*, *tāxārvunnā* 'девяносто' (тув. *sezen*, як. *aγīs uon*, алт. *segizen*, туркм. *hekeθen* 'восемьдесят'; тув. *tozan*, як. *toγus uon*, алт. *toγuzon*, туркм. *toγban* 'девяносто') восходят к **sekir* 'восемь' + *vun* < *on* 'десять' и **tokur* 'девять' + *vun* < *on* 'десять', т.е. этимология их прозрачна.

"Сто"

Чув. *śar* 'сто' (< **jūr*) соответствуют туркм. *jūd*, як. *sū*: *s*, тат. *jöz*, кир. *jūz*, хак. *śūs* и т.д.

Г. Рамстедт /108, стр. 67/ производит тюркское *jūz* от глагола *jū-* 'нагружать', 'навьючивать', что нуждается в более строгом обосновании.

"Тысяча"

Чув. *rip* (диал. *rcn*) 'тысяча' соответствуют тур. *bin*, азерб. *min*, туркм. *mīn*, уйг. *mīn*, хак. *tuṣ*, тув. *tuṣ*, тат. *mān*, г.з.с.т. *mōn*, *mōn* и т.д.

Та же основа представлена в названиях тысячи в монгольских и многих тунгусо-маньчжурских языках.

Г. Рамстедт /108, стр. 67/ и Н. Поппе /101, стр. 117-118/, указывая на чрезвычайную фонетическую близость тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских слов со значением "тысяча", не решились считать эти слова общим праязыковым достоянием и были склонны причислять их к заимствованиям (тюркский → монгольский → тунгусо-маньчжурский? — Л.Л.).

108 Ср.: скг. *alton*, тув. *aldan*, як. *alta uon*, алт. *altan*, хак. *ālton* < *ali* 'шесть' + *on* 'десять'; скг. *jeton*, тув. *čeden*, як. *sättä uon*, алт. *d'eten*, хак. *čiton* 'семьдесят' < *jetī* 'семь' + *on* 'десять'.

Атрибутивная и субстантивная форма количественных числительных

Чувашские количественные числительные от одного до десяти имеют две формы (с кратким или долгим согласным в основе) в зависимости от атрибутивной или субстантивной функции в речи:

атрибутивная форма	субстантивная форма
<i>pər</i>	<i>pərrə</i>
<i>ik, iķə</i>	<i>ikkə</i>
<i>viś, viśə</i>	<i>viśśə</i>
<i>təvat, təvatə</i>	<i>təvattə</i>
<i>pilək</i>	<i>pillək</i>
<i>ult, ultə</i>	<i>ulttə</i>
<i>śič, śičə</i>	<i>śiččə</i>
<i>sakəṛ</i>	<i>sakkəṛ</i>
<i>təxəṛ</i>	<i>təxxəṛ</i>
<i>vun, vunə</i>	<i>vunnə</i> 109

При этом большинство числительных в атрибутивной форме имеют два варианта с гласным ə (ə̃) в ауслауте и без него. Этот гласный в числительных *iķə* (< *eki*), *ultə* (< *altū*) и *śičə* (< *jetī*) выглядит как этимологический, * в словах *viśə* (< *ũč*), *təvatə* (< *dō:rt*) и *vunə* (< *o:n*) представляется "добавочным" (появившимся по аналогии). Следует отметить, что появление "добавочных" и исчезновение этимологических ауслаутных ə, ə̃ свойственно большой группе чувашских слов (существительных и прилагательных). Т.М. Матвеев /73, стр. 6-9/ справедливо указывал на параллельное осуществление в чувашской речи процессов выпадения и наращивания гласных ə, ə̃ в ауслауте.

Появление (исчезновение) ə, ə̃ в ауслауте чувашских слов (в том числе количественных числительных) в речи обусловлено и синтаксической фонетикой (сандхи, темп речи и т.д.).

Субстантивная форма числительных от одного до десяти отличается от атрибутивной наличием долгого согласного (*ik, iķə śin* 'два человека', *ikkə* 'два', 'двойка' (при счете). Т.М. Матвеев /73, стр. 10/ считает, что субстантивные формы количественных числительных — формы с эмфатической долготой согласного. Долготу такого же происхождения Т.М. Матвеев усматривает и у некоторых прилагательных в предикативной позиции *əčək śin* 'маленький человек', но *ku śin pəččəkə* 'этот человек мал'). При этом эмфаза достигается также прибавлением выделительного ə.

Эмфатическое экспрессивное удлинение согласного отмечено в айкомском говоре башкирского языка (*āddām* 'человек!', *baxxəṛ* 'бедняжка') и диалекте западносибирских татар (*awwəl* 'большая деревня', *össön jul* 'очень длинная дорога', *paltta* 'острый топор', *iššək* 'большая дверь' и т.д.).

109 Субстантивная форма отмечена и у числительного *al, alə* 'пятьдесят': *allə*, но в литературном языке она не употребительна.

Г.Х. Ахатов /8, стр. 77-78/ приводит в качестве форм количественных числительных, употребляемых при абстрактном счете: *ikkə* 'два', *altuš* 'шесть', *jettə* 'семь', *unnə* 'десять'.

В большинстве тюркских языков, насколько нам пока известно, атрибутивная и субстантивная формы количественных числительных не различаются, но иногда (например, в айском говоре башкирского языка) при абстрактном счете вместо количественных употребляются собирательные числительные (*bəräü*, *ikkü*, *ösäü*, *dürtäü* и т.д.)¹¹⁰.

Количественные числительные с долгим согласным (первоначально экспрессивные формы? — Л.Л.) отмечены в ряде тюркских языков: *ikki* 'два' (уйг.), *ikkə* (хорезм.); *jättü* 'семь' (уйг.), *jetti* (узб., кум.), *jeddə* (хорезм.), *jeddi* (азер.), *çetti* (шор.), *sättä* (як.); *säkkiz* 'восемь' (уйг., узб., азер.), *sekkəs* (хорезм.); *tokkuz* 'девять' (уйг.), *tökkiz* (узб.), *dokkis* (хорезм.), *dokguz* (азер.); *ottuz* 'тридцать' (< *oltuz*?) (уйг.), *öttiz* (узб.); *ällə* 'пятьдесят' (хорезм.), *älli* 'пятьдесят' (азер.).

Быть может, в некоторых из этих числительных долгий согласный (точнее, два согласных) является этимологическим, т.е. два согласных на стыке основы и аффикса ассимилировались и дали долгий согласный (*ottuz* < *oltuz*, *jetti* < *jetidi*).

Чувашские формы с долгим согласным могут и не отражать соответствующие тюркские формы, так как противопоставление: сильный (долгий) — слабый (краткий) согласный, довольно распространенное в чувашских именах, могло быть морфологизовано в чувашских числительных. Его функциональной нагрузкой является различение атрибутивной и субстантивной форм числительных: *ikə* — *ikkə*.

Интересную интерпретацию атрибутивных и субстантивных форм чувашских количественных числительных предлагает Б.А. Серебряников /227, стр. 135-138/. Он полагает, что чувашские полные формы (субстантивные, по нашей терминологии) возникли под влиянием марийского языка, где также различаются полные и краткие формы количественных числительных (*kok* и *koktət* 'два', *kum* и *kumət* 'три' и т.д.)¹¹¹. Б.А. Серебряников указывает, что процесс образования полной формы чувашских числительных был сложным и насчитывал несколько ступеней. На первой из них к чувашским количественным числительным типа *viš* (*üč*) 'три', *vun* (*on*) 'десять' присоединился (под влиянием марийского) possessивный аффикс 3-го лица *ə*, который имел и указательную (дейктическую) функцию: так возникли формы *višə*, *vunə*. Но они вошли в ряд форм, первоначально оканчивавшихся на гласный: *ulčə*, *ikə* и таким образом различие полных и кратких форм нейтрализовалось. Возникла необходимость в новом средстве выражения этого различия. Таким средством и послужило удлинение корневого согласного как знак вторичного присоединения аффикса 3-го лица (т.е. *vunnəš* фактически *vunəš* + *-ə*, ср. *pusə* 'поле', но *pusi* 'его поле' < **pusə* + (j)ə).

Удлинение согласных в *pillək*, *sakkər* и *täxxər*, по мнению Б.А. Серебряникова /227, стр. 137/, является результатом действия ашлогии.

¹¹⁰ В говоре татар Среднего Прикамья собирательные числительные могут быть атрибутами /107, стр. 28/.

¹¹¹ В марийском языке *ət* местоименная (дейктическая) частица.

Мне кажется, что объяснять существование чувашских атрибутивных и субстантивных форм влиянием марийского языка пока преждевременно, хотя сама по себе эта марийско-чувашская параллель (как и ряд других) весьма показательна.

В финно-угорских языках сохранились следы так называемых меченых и немеченых пар числительных. Однако, как признает Б.А. Серебряников /122, стр. 216/, их назначение в прошлом остается неясным. Только в марийском языке формы типа *iktət* (меченые! — Л.Л.) последовательно выступают как субстантивы. Поэтому трудно судить, действительно ли марийский язык был толчком для появления чувашских числительных-субстантивов (ср. данные диалекта татар Западной Сибири! — Л.Л.).

Примечательно, что чувашские числительные в субстантивной форме имеют также значение "пяток", "десяток" и т.д. Например: *višə vunnəš* 'три десятка яиц'; *pirən kəšəl vərmana vunni-vunnipe kajša všlərəš* 'мы в этом году в лесу работали десятками' /15, V, стр. 267/.

По мнению Г. Рамштедта /108, стр. 67/, чувашское *vunnəš* < *onaŋonpaš*, т.е. является собирательным числительным.

Порядковые числительные

Порядковые числительные в чувашском литературном языке образуются от субстантивной формы количественных числительных прибавлением аффикса *-məš*: *ikkəməš* 'второй', *vunnəməš* 'десятый' и т.д.

В говорах встречаются два варианта аффикса порядковых числительных: *-məš* и *-məš* и две формы: субстантивная (*višəməš*) и атрибутивная (*višəməš*).

Функционально чувашский аффикс порядковых числительных *-məš* (*-məš*) совпадает с туркм. *-inji* (*-inji*), тат. *-ənçə* (*-əncə*), кум. *-inçi* (*-inçi*), др.-тюрк. *-nč*, *-nči*, як. *-is* (*-is*) и т.д.

В тюркском (общетюркском) аффиксе *-nč* (*-nči*) Г. Рамштедт /108, стр. 67/ усматривал аффикс имени действующего лица¹¹² *-č* — *či*. В Банг /167, стр. 524-525/ полагал, что *-nči* представляет собой аффикс абстрактного имени (*-nč*) + аффикс принадлежности 3-го лица (*-i*)¹¹³. М. Ряснен /221, стр. 83/ указывал на сходство общетюркского *-č* с тунгусским формантом *-či*, а *-i* считал аффиксом принадлежности 3-го лица.

А.Н. Кононов /61, стр. 272/ разлагает аффикс *-inči* на *-in* + *-či*, где *-in*, по его словам, идентичен *-in* в формах типа *birin-birin* 'по-одному', а *-či*, *-ji*, *-di* — древняя форма аффикса принадлежности 3-го лица.

Чувашский аффикс *-məš* анализировался П.И. Ашмариным /10, стр. 181/, который разлагал его на *-m* (древний аффикс чувашских порядковых числительных) и *-š* (аффикс принадлежности 3-го лица). П.А. Андреев '6' счи-

¹¹² Ср.: О. Бёглинк /178, стр. 167/; Ю. Немец /203, стр. 571/.

¹¹³ П.И. Ашмарин /11, стр. 108/, опираясь на данные нухинского диалекта (*-inči*) и чувашского языка (*-m*), полагал, что первоначально аффикс тюркских порядковых числительных имел *m*, который под влиянием аффрикаты дал *š*.

тает, что в чувашском аффиксе *-məš* слились два старых аффикса порядковых числительных: *-m* и *-š*.

В тюркских языках для образования порядковых числительных кроме аффикса *-inji*, *-inči* (в различных его вариантах) используются и другие аффиксы, правда, генетически близкие. Например, в туркменском языке встречаются аффиксы *-imji* (*-imji*), *-lenji* (*-lanji*), в азербайджанском (диалектах): *-imji* (*-imji*)¹¹⁴. Интерес представляют и узбекские формы *ikilamči* 'второй', 'второй раз', *uclamči* 'третичный', туркм. *ikilen* 'второй раз', 'вторично', а также *ikilānči* и т.д. в «Osttürkische Grammatik» К. Брокельмана /179, стр. 164/. Возможно, что в аффиксах *-lamči*, *-lenči*, *-imči* представлена одна структурная модель: аффикс собирательного имени (числительного) *-la* + *-m* или *-im* > *-in* + аффикс отвлеченного имени *-č* + аффикс принадлежности 3-го лица *-i* в выделительном значении (т.е. в известной степени были правы В. Банг, К. Брокельман и А.Н. нонов).

Количественные имена с собирательным и собирательно-разделительным значением с аффиксом *-m* встречаются в некоторых тюркских языках: тур. диал. *üçüm* 'треугольник (размер земельного участка)', тур. диал. *birem birem, birim birim* 'по-одному', азерб. *üçüm üçüm* 'по-три', *üçüm* 'треной', *dördüm* 'веревка или нитка, скрученная вчетверо', туркм. *üçem, dördem* (в считалке), тат. диал. *bişüm* 'ворох из пяти снопов'

В чувашском языке исследователи уже давно отметили числительные на *-m* /10; 6; 73/: *višəm* в: *višəm kun* 'третьего дня', *višəm šol* 'в третьем году', *višəm-tävatəm kon* 'на днях', *višan kon* 'третьего дня', *višmine* 'послезавтра', *uatmine* 'на четвертый день', *pišakmine* 'на пятый день вперед', *oltmine* 'на шестой день от сего дня', *šičmine* 'на седьмой день вперед'.

В болгарских эпиграфических памятниках находим: *١٣م* 'третий', *تۆتم* 'четвертый', *بیاالم* 'пятой', *وانم* 'десятый'. По-видимому, то же образование представляют чувашские слова: *üləm* 'впредь', 'после', *vəšəm* 'средний (о размере)', *pušlam* 'начало', 'начальный' (? - Л.Л.), *pəšəm-pəšəm, ikkəm-ikkəm* (в считалке).

От чувашских количественных числительных в прошлом могли образовываться субстантивные и атрибутивные формы с собирательно-выделительным значением. Последние, будучи определениями, могли восприниматься как порядковые числительные: *pəšəš* 'первый' /15, X, стр. 219 *šičəš* 'поминовение на 7-й день'¹¹⁵ (ср. в болгарских эпиграфических памятниках: *اكنش, الطش, جياتش, جيارمش*)¹¹⁶.

Субстантивная форма количественных числительных с выделительным аффиксом также по значению близка к современным порядковым числительным:

təvatəšə 'четвертый', 'четырёхлетний',
ujəx šiččəšə '7-й день луны',
ujəx təxxəšə '9-й день луны' /15, III, стр. 189-190/.

¹¹⁴ Ср. у Брокельмана /179, стр. 146/: *ikimčisi, säkizimčisi*.

¹¹⁵ Ср. *birü kün, ertesi kün*, где *-i, -si* — аффиксы принадлежности.

¹¹⁶ Подробнее см. у Н.А. Андреева /6/.

Генезис чувашского аффикса порядковых числительных станет яснее, если проанализировать чувашское *üləm* 'впредь', 'после' и его производные.

От чувашского *üləm* < *ül ~ il + əm происходит прилагательное-числительное *iləməš* ~ *ilməš*: *ilməš kaš* 'накануне вечером', *ilməš kun* 'на другой день', но во многих говорах: 'накануне' /15, III, стр. 110/. По семантике очень близкими являются выражения *ələkxi kun* 'третьего дня', 'накануне' и *ələksi, ələkšə kun* 'вчера', 'накануне', которым соответствуют: баш. *ələkkə kön* 'позавчера', диал. *ölkögön, öləkögön, əlkögön*. Вероятно, чувашское *iləməš* по структуре аналогично более позднему *ələkšə*: *il-əm + šə* и *ələk* < *ilək + šə* < *il* 'перед' ~ 'место перед дверью'.

Таким образом, современный аффикс чувашских порядковых числительных *-məš* состоит из следующих элементов: *-m* (аффикс собирательно-разделительных "групповых" числительных)¹¹⁷ + *-əš* (выделительный аффикс, генетически тождественный общетюркскому аффиксу принадлежности 3-го лица *-si*). Следовательно, гипотеза Н.И. Ашмарина — Н.А. Андреева является вполне приемлемой.

Наряду с *pəšəməš* в чувашском языке употребительны *pəvajxi, pəvejxi, pəvejxi, pəvajxi* 'первый' от *pəvaj, pəvej, pəvaj* (из русск.), *mal-tan-xi* < *mal-tan-xi* 'первый', 'передний' и *pušlaməš* 'первый', 'начальный', *te-pər* 'другой', 'второй' < *te-pər, te-pəre-məš* 'второй', 'другой'.

Примечательно, что и в других тюркских языках порядковое числительное со значением "первый", образованное от "один", употребляется редко. Чаще выступают формы от основ со значениями "начало", "перед" и т.д. 118: алт. *baštapkı, başamçı*, хак. *pastajı* от *-baş, pas* 'начало', тур. *ilk*, азерб. *äwvālinji* из ар. *äwvāl*, др.тюрк. *baštinkı* /186, стр. 104/.

Собирательные числительные

В большинстве тюркских языков собирательные числительные представляют собой образования на *-açu (-ägü)* /167, стр. 516; 179, стр. 162; 108, стр. 67-68/ в различных фонетических вариантах и их производные. Например: тат. *ikāw* 'двоем', кир. *ekēü*, кир. *ekö*, алт. *ekü*, узб. *ikkāw*.

Эти числительные могут принимать аффиксы принадлежности: тат. *ikāw-baz* 'мы двое'.

Второй аффикс собирательных числительных представлен в узбекском, алтайском, хакасском, шорском, тувинском языках: хак. *üžöləq* 'трое', 'втроем', *əköləq* 'двоем', тув. *üžele: /üžele:n* 'втроем', шор. *üžele, üčüle (zi)*, узб. *učala*, уйг. *üčülen*.

¹¹⁷ Нам кажется, что старые числительные на *-m* нельзя называть порядковыми. В некоторых современных говорах чувашского языка вместо порядковых числительных выступают количественные.

¹¹⁸ То же явление наблюдается и в языках иных семей: финно-угорских, индоевропейских.

В южных тюркских языках — турецком, гагаузском, туркменском и др. — "собирательность" часто выражается при помощи количественных числительных с аффиксами принадлежности. Например: гаг. *üçü* 'все трое', туркм. *üçümiň* 'мы втроем' и т.д.

Чувашский язык имеет несколько типов собирательных числительных. Общетюркский (?) тип на *-апу (-ägü)* представлен двумя числительными: *pärev* 'один', 'иной' (ср. тат. *bäraw* в том же значении) и *teprev*, *te-pärev* 'другой', 'иной' < *te-pärev*. Эти формы по семантике не относятся к собирательным и, вероятно, являются сравнительно новыми 119.

Наибольший интерес представляют формы типа: *iksämär* 'мы двое', *iksär* 'вы двое', *ikkäs* 'двое из них'.

Обычно исследователи (например, М. Ряснен /221, стр. 22/) усматривают в *-sämär*, *-sär* двойные аффиксы принадлежности, т.е. *-sə + -mər*, *-sə + -r*.

И. Бенцинг /176, стр. 732/ полагает, что *viśsär* появилось из «трое вы», т.е. *sär = sər* в *eşär* 'вы', а суффикс *-sämär* возник в результате ложной аналогии с формами *kiltär* 'вы пришли' и *kiltämär* 'мы пришли' 120. Этимология И. Бенцинга кажется нам сомнительной. Скорее в формах *iksämär*, *iksär* мы действительно имеем дело с двойным аффиксом принадлежности 121.

Сочетание двух аффиксов принадлежности 3-го лица явление общеизвестное: *birisi* < *bir-i + -si*, *kajsi* < *kaj-i-si*, даже *kaisisi* и т.д. 122 В говоре каринских и глазовских татар зарегистрированы формы: *bärsägöz gänä* 'только один из вас', *iksägöz-dä* 'обе' (ср. чув. *iksär* < **iksägär* *bärsäğöz da* 'все вы', *bärsäböz* 'один из нас' (ср. чув. *iksämär*). Эти формы числительных по структуре абсолютно аналогичны чувашским. Известно, что каринские татары — выходцы из Волжской Булгарии /127, стр. 54-55 и 76/. Вероятно, перечисленные формы числительных представляют архаизмы. Их источником для обоих языков мог быть какой-то кыпчакский диалект на территории Булгарии (ср.: карайм. *eksi* < *eki-si* 'двое', *ücsü* 'трое', СС: *ekkisi* 'двое', кбал. *törsü* 'четверо').

В "Словаре" Н.И. Ашмарина /15/ встречаются такие собирательные числительные на *-sämär (-sämər)*, *-sär (-sər)*: *iksämär* 'мы двое' (*iksä-*

119 В детских считалках встречаются также формы *ik-ikev*, *viś-viśev* /74, стр. 119/.

120 В моргаушском говоре чувашского языка /77, стр. 169/ употребительны лишь формы *iksär* 'вы оба', а вместо *iksämär* говорят *epär ikkän*.

121 Но заманчиво и предположение В. Котвича /194, стр. 25/, по которому в формах типа *iksämär* 'мы двое' представлен аффикс множественного числа (коллективности) *-s*. Существует и точка зрения, по которой *iksämär* < *iksem + әмәр*; *iksär* < *iksem-är*, т.е. *səm* < *-sem* (аффикс множественного числа).

122 См., например: /56, стр. 185, 187; 41, стр. 101; 99, стр. 112/.

märe te vürän siğä 'места хватит и на двоих'); *viśsär* 'вы трое', *pilläksär* 'пять из вас', *šičsämär*, *šičsämär* 'мы семеро', *šičsär* 'вы семеро', *sak-šärgämär* 'мы восьмеро', *sakkäršär* 'вы восьмеро', *täxäršämär*, *täxäršämär* 'мы девятером', *täxäršär*, *täxäršär* 'вы девятером', *vunšämär*, *vunšämär* 'мы десятеро', *vunšär*, *vunšär* 'вы десятеро', *vunpärsämär* 123 'мы одиннадцать', *vunpärsär* 'вы одиннадцать', *širamšämär* 'мы двадцать', *vätäršämär* 'мы тридцать', *vätäršär* 'вы тридцать', *šimalšämär* 'мы семьдесят'.

Количественные числительные выражают собирательное значение и будучи оформленными аффиксом принадлежности 3-го лица *-si* > *-šä* 124, например: *ikkäšä* 'двое', 'двое из них' < *ikkä + -šä* (*ikkisi - ikkäšä*), *šäršä* 'сто из них' < *šär + -ə + -šä* (двойной аффикс принадлежности).

В "Словаре" Н.И. Ашмарина отмечены такие формы: *ikkäšä*, *ikkäs*, *ikkäšä*, *ikkäs* 'двое из них', *viśšäš*, *viśšäšä*, *viśšäš*, *viśšäšä* 'они трое', 'трое из них', *tävättäšä* 'четверо из них', *pilläksäšä* 'пять из (группы)', *allitäšä* 'шесть из них', *šičšäš*, *šičšäšä*, *šičšäšä* 'семь из них', *sakkäräšä*, *sakkäräšä*, *sakkäräšä* 'восемь из них', *täxäräšä* 'девять из них', *vunnäšä*, *sakkäräšä*, *sakkäräšä* 'десять (из числа)', *širamäšä* 'двадцать из числа', *vätäräšä*, *vätäräšä* 'тридцать из них', *xäräšäšä* 'сорок из них', *alläšä*, *alläšä* 'пятьдесят из них', *šäräšä*, *šäräšä* 'сто из них', 'сто из числа', *pinäšä* 'вся тысяча'. Например: *Pär šullaxi šäräx kun vagem ikkäšä päre Šäpürän Xuşana tuşsa kajäšäšä* 'В один летний жаркий день они вдвоем выехали из Шивильска в Казань' (Эльгер).

Числительные типа *ikkäšä* скорее следует назвать собирательно-выделительной формой количественных числительных. В качестве иллюстрации можно привести такой пример: *Män ruñ jalta viśä uram: ikkšä vätäräm uramšem* (с. Тойси Батыревского района) 'Всего в деревне три улицы: две из них длинные улицы'.

Во многих чувашских говорах вместо литературного *iksämär* 'мы двое' употребляют *epär ikkän* 'мы вдвоем', т.е. количественное числительное выступает в форме старого инструментального падежа: *Epär ikkän kajša* (ишлейск.) 'Мы поехали вдвоем' 125.

В других тюркских языках часто употребляется инструментальный падеж собирательных числительных на *-апу, -апула: -апул и -апулан*, например: др. уйг. *äkigün*, хак. *iköleñ* и т.д.

123 Ср. интересные формы *vunpärsämär* 'мы одиннадцать', *vunpärsär* 'вы одиннадцать' /15, V, стр. 268/, *vätäršär* 'вы тридцать' /15, V, 336/.

124 Подробнее об аффиксе *-šä* см. выше, стр. 15.

125 'Мы двумя поехали', тогда как *epär ikkämär* 'мы два нами', т.е. синтаксические связи *ikkän* и *iksämär* в предложении различны.

126 Н.И. Ашмарин /10, стр. 187/ полагал, что *-n* является аффиксом родительного падежа. А.Н. Кононов /58, стр. 22/ усматривает в нем показатель собирательности, коллективности.

Разделительные числительные в чувашском языке образуются от количественных числительных путем прибавления аффикса *-šar/-šer* 127; *ikšer* 'по два', *sakkäršar* 'по восьми'.

Числительное *pär* 'один' представлено в двух формах *pärer* < *pär-er* и *päršer* 'по одному' 128.

Разделительные числительные данного типа встречаются во многих тюркских языках.

Обычно аффикс *-ar/-är* выступает после основ на согласный (например, тат. *dürär* 'по четыре'), а *-šar/-šer* после основ на гласный (например, тат. *altışar* 'по шести'), в хакасском языке к основанию на гласный присоединяется аффикс *-lar/-ler* (например, *dülär* 'по шести', *četiler* 'по семи').

Для древнетюркского (уйгурского) отмечена форма *ikirer* /186, стр. 105/129 (ср. хакасский, койбальский и карагасский *-lar/-ler*).

Из объяснений аффикса *-šar/-šer* наиболее распространенным является толкование его как результата неправильного морфологического разложения числительного *bešer* > *be šer* 'по пяти'. Под влиянием *bešer* появилось *altışar* 'по шести', а затем аффикс *-šar/-šer* «распространился» на все числительные с основой на гласный (/221, стр. 87; 167, стр. 526; 61, стр. 277/, там же ссылки на литературу). А.Н. Кононов усматривает в формах на *-šar/-šer* отглагольную форму, где *-š* словообразовательный аффикс, а *-ar/-er* идентичен аффиксу настоящего-будущего времени. А.М. Щербак /156, стр. 94/ считает *-š* «вставочным согласным».

Аффикс *-ar/-er* в *birer*, *üčer* и т.д. также толкуется исследователями по-разному. В. Банг видит в нем *Direktiv* на *-r* /167, стр. 526 и сл./; А.Н. Кононов — аффикс настоящего-будущего времени от глаголов на *-la, -ra* (исторически тот же *Direktiv*?), т.е. *birler* > *birrer* > *birer* /61, стр. 279/; М. Ряснен сопоставляет этот аффикс с конкретным словом *är//er* 'мужчина', 'человек' /221, стр. 87/. Э.Р. Тенишев указывает на похожую модель, правда, у собирательных числительных в языке желтых уйгуров: *üškösü* < *üš kışi* 'три человека (втроем)', *ört kışi* 'четыре человека (вчетвером)' и т.д. /132, стр. 22-23/ и О.П. Суник — в языке ульчей /164, V, стр. 159/: *ilan?i* 'трое' < *ilan n'i* 'три человека'.

По словам И. Бенцинга /176, стр. 732/ и М. Ряснена /221, стр. 87/, аффикс *-šar/-šer* в чувашском языке является заимствованием из других тюркских (кыпчакских? — Л.Л.) языков. Действительно, при чувашском *pibäk* < **bel* ~ тюрк. *beš* 'пять', аффикс *-šar/-šer* выглядит аномальным. Аффикс *-šar/-šer* имеет не типично чувашский облик и при допущении

127 Аффикс *-šar* может прибавляться и к именам с количественным, реже качественным значением: *saxalšar* 'помалу', 'понемногу'; *pärtašar* 'понемногу'; *pärčenšer* 'поодиночке'.

128 В моргаушском говоре имеем формы: *päršar*, *ikkšar viššar*, *toatšar*, т.е. аффикс представлен только вариантом с задним гласным.

129 Ср.: К. Брокельман /179, стр. 163/.

этимологии А.Н. Кононова /61, стр. 279/, ибо общетюркскому словообразовательному (залоговому) аффиксу *-š* в чувашском закономерно соответствует *-š, -s* (ср.: /74, стр. 172/).

Сам по себе факт заимствования аффикса для образования разделительных числительных не должен вызывать удивление: во многих других тюркских языках нет особых морфологических показателей для разделительных числительных, а "разделительность" выражается исходным падежом количественного числительного или его редупликацией. Например: туркм. *altıdan* 'по шести', тув. *bir-bir* 'по одному' и т.д.

Чувашские разделительные числительные употребляются и с аффиксом старого инструментального падежа: *pärerän-pärerän* 'по одному' /10, стр. 184/.

Числительные количественные приблизительные

В чувашском языке встречаются числительные *širämleže* 'около двадцати', *šarleže* 'сотнями', *pinleže* 'тысячами', которые по своей структуре аналогичны татарским и башкирским *jözlär*, *jödlär* 'около ста', *mälär* 'около тысячи'. Так, чувашское *širämleže* и т.д. структурно представляет собой деепричастие на *-se* от глагола **širämle-* (ср. тат. *unlap* 'около десяти' из *unla-* + *-p*) и появилось под влиянием "кыпчакской" (татаро-башкирской? — Л.Л.) модели.

Г Л А Г О Л

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА ¹³⁰

Отрицательная форма чувашского глагола образуется путем прибавления к его основе аффикса *-ma/-me, -m* (последний вариант аффикса выступает с формой будущего времени и производными от нее):

<i>šir-m a-s-i-äp</i>	'я не пишу',
<i>šir-m a-r-äm</i>	'я не писал',
<i>epä šir-m a-n</i>	'я не написал',
<i>šir-m- äp</i>	'я не буду писать' и т.д.

Аффикс *-ma/-me* является общетюркским. О его происхождении писали В. Банг /168, стр. 116/, Г. Рамстедт /215, стр. 210-211; 108, стр. 101/. Последний указывал, что *-ma/-me* восходит к сочетанию отглагольного имени на *-m* с основой отрицательного глагола *e-*. Реликты этого отрицательного глагола прослеживаются в некоторых монгольских и тунгусо-маньчжурских языках /113, стр. 256-258/. Отрицательный глагол известен и уральским языкам.

Таким образом, можно говорить об урало-алтайской типологической параллели.

130 См. также ниже, стр. 77-78,

ФОРМА ВОЗМОЖНОСТИ

Форма возможности образуется из основы глагола и аффикса *-aj/-ej*. В верховых говорах выступают варианты этого аффикса *-i* (с несколько задней артикуляцией \dot{i}) или *-ir, -ijr* (например, ишлейский, моргаушский, некоторые чувашские говоры Башкирии). Отмечен и вариант *-ajr/-ejr* /10, стр. 257; 74, стр. 186/.

Происхождение аффикса *-aj/-ej* и его вариантов до сих пор остается неясным¹³¹.

Некоторые исследователи (А.И. Добролюбов, И. Бенцинг) возводили чувашскую форму возможности к аналитической форме возможности, состоящей из деепричастия на *-a/-e* и вспомогательного глагола *al-* 'брать', 'взять' (~ чув. *il-*).

На мысль о тождественности чувашского *-aj* и тюркского *-a al-* наталкивает прежде всего типичность и распространенность последней конструкции в большинстве тюркских языков (см., например: /159, стр. 89 и

Фонетически трансформацию *-a il-* в чувашском языке можно представить следующим образом:

$-a + il- > *aj\dot{a}l > aj$ 132.

По Н.И. Ашмарину, аффикс *-ajr*, видимо, иного происхождения: *-a + jar-* $> *aj\dot{a}r > -ajr$, где *r*, таким образом, «составляет остаток вспомогательного глагола *jar-* 'посылать'» /10, стр. 257/.

Хотя глагол *jar-* имеет также значение «допускать», «отпускать»¹³³ такая трактовка аффикса *-ajr* нам представляется неубедительной. Нельзя видеть в *-ajr* преобразование более раннего **ajl* после глаголов типа *kil-*, *il-* и т.д., т.е.: $*ilejil > *ilejl > ilejr > ilej?$

Существует и другая гипотеза о происхождении аффикса *-aj/-ej* /103, стр. 135 и 170; 74, стр. 184; 143, стр. 88/, согласно которой чувашский аффикс *-aj/-ej* через вариант *i* восходит к глаголу *u-* 'мочь'.

131 В. Котвич /64, стр. 218/ считал чувашский суффикс *-ai* (~тюркский *-a*) особым суффиксом, образующим оптативно-потенциальные основы

132 В верховых говорах известны случаи выпадения *l* в синтетических формах, образовавшихся из аналитических конструкций: $\dot{s}apsart- < \dot{s}apsalart-$, $xane\dot{s}art- < xane\dot{s}elart-$, $vare\dot{n}ar- < vare\dot{n}elar-$; ср. также чувашские диал. $i\dot{s}e- < i\dot{s}el-$ /15, III, стр. 146/. К. Менгес /200, стр. 153/, вероятно, вслед за Г. Рамstedтом /108, стр. 170/ полагает, что тур. $\dot{g}\ddot{a}l\ddot{a}-m\ddot{a}d\ddot{m}$ 'я не мог прийти' $< *g\ddot{a}l\ddot{a}-al-ma-d\ddot{m}$, т.е. и здесь та же утрата *l* у вспомогательного глагола *al-*, что и в чув. $*kile- ilmer\ddot{s} > kil\dot{e}jmer\ddot{s}$. В кубаликском говоре башкирского языка /23, стр. 176/ отмечены формы: $kil\dot{a}j aman\dot{a}m$ 'не мог прийти', $h\ddot{o}j\dot{s}\ddot{a}j\dot{a}j amaj$ 'не может говорить'; в говоре айских башкир: $tabajamaj$ 'не может найти', $bir\dot{a}j\dot{a}m\dot{a}j$ 'не может дать' /68, стр. 19/.

Формы $kilej\dot{e}\dot{s}$ (вм. лит. $kilej\dot{e}\dot{s}$), $\ddot{u}\dot{s}ej\dot{t}\dot{e}m$ 'я вырос', записанные Л. Сегаевым /119, стр. 20/, также как будто подтверждают, что $kilej\dot{e}\dot{s} < kile- il\dot{e}\dot{s}$, $\ddot{u}\dot{s}ej\dot{t}\dot{e}m < \ddot{u}\dot{s}e- il\dot{t}\dot{e}m$.

133 Ср. /186, стр. 129/: $ayit-u \dot{u}d-$ 'fragen lassen'.

Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия на *-a/-e* основного глагола и «вспомогательного» глагола *u-* 'мочь' были известны в древнетюркских памятниках и староосманском языке: $qil-u$ 'мочь', 'делать' /186/; $ka\dot{c}umas u\dot{u}r$ 'не убежит', $u\dot{u}ki umad\dot{m}$ 'я не мог его задержать' /154/; $k\ddot{o}t\ddot{u}n\dot{u} umat\dot{i}$ 'не мог поднять' (ДТС). М.Р. Федотов подмечает /143, стр. 89/, что фонетическое развитие чувашской формы можно представить следующим образом: $*u > *u > i > aj (ej)$. Однако $i > aj$ в чувашском как будто не отмечено¹³⁴. А в аффиксе *-aj* мог появиться в результате переразложения основы деепричастия на *-a/-e; j*, вероятно, соединительный согласный, а глагол *u-*, если таковой действительно существовал в чувашском языке, должен был исчезнуть через ступень редуцированного гласного \dot{e} , т.е. $para-j-u > *para\dot{e}j\dot{e}r > para\dot{e}r$ 'он мог дать'.

Однако гипотеза А.И. Добролюбова нам кажется более вероятной, так как она позволяет объяснить все фонетические варианты аффикса *-ajr < -ajl* (после глагольных основ на *-r*) $> -ijr > ir/-i; ajl > aj$.

Исчезновение *r* в отрицательной форме основы возможности, видимо, вызвано стремлением избежать последовательности плавных $jmr-$, ср.: $kalajr\dot{e}m$ 'я мог сказать', но $kalajmar\dot{e}m$, а не $*kalajmar\dot{e}m$ 'я не смог сказать'.

Некоторые чувашские диалектологи подчеркивают, что форма возможности наиболее часто встречается в произведениях устного народного творчества. Более употребительной считается форма невозможности /74, стр. 184/.

УЧАЩАТЕЛЬНЫЕ И ИНТЕНСИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Учащательная форма глагола образуется прибавлением к основе глагола аффикса *-kala/-kele*: $ulakala-$ 'почитывать' от $ula-$ 'читать', $r\dot{e}xkala-$ 'посматривать' от $r\dot{e}x-$ 'смотреть', $kul\dot{k}ala-$ 'посмеиваться' от $kul-$ 'смеяться', $kar\dot{k}ala-$ 'растягивать' от $kar-$ 'натягивать'¹³⁵.

Аффикс *-kala/-kele* и его варианты встречаются в том же значении в большинстве тюркских языков /114, стр. 349 и сл./ Э.В. Севортян различает аффикс *-kala/-kele* на два элемента с учащательным значением: $-ka + -la$ 136.

Исследователи чувашского языка обычно выделяют еще интенсивную форму с аффиксом *-ala/-ele, -la/-le*, которая образуется от небольшого числа глаголов: $x\dot{a}vala-$ 'гонять' от $x\dot{a}v-$, $xu-$ 'гнать', $r\dot{a}vele-$ 'запружи-

134 Наоборот, в чувашском обычно $aj > i$: $r\dot{e}n\dot{e}$ 'полюба' $< *bor\dot{a}daj$, $u\dot{x}\dot{a}$ 'жеребенок' $< *tajka$. То же фонетическое явление наблюдается и в аффиксе возможности: $-aj > -i$.

135 Учащательная форма может образоваться и от учащательной формы глагола: $tarkal\dot{a}k\dot{a}la-$ /15, XIV, стр. 168/; $\dot{s}ak\dot{a}lan\dot{k}\dot{a}la-$ /15, стр. 129/.

136 Другие этимологии приведены у М. Рясина /221, стр. 165/.

вать' от *paue-* 'прудить', *ilile-* < *iltele-* 'слушать' от *ilt-* 'слышать', *sulla-* 'качать' от *sul-* 'наклонять' и т.д.

Интенсивной формой глагола *ɛav-* 'рыть', 'копать' является *ɛavla-* 'копать', 'рыть'. Значение учащательности здесь, видимо, несколько стерлось. То же самое наблюдается у глаголов: *x̄pala-* 'щупать' < *x̄p-ala-* (ср. *x̄p-* 'хватать'), *javala-* 'обвивать' от *jav-* 'вить', *uxla-* 'качать', 'кивать' от *ux-* 'кивать', 'могать', *ɛnɛle-* 'стонать' от *ɛnɛ-* то же; *j̄vula-* 'катать', 'валять' от **j̄v-* (ср. *j̄van-* 'валяться'), *mutala-* 'путать' < **mut-* (ср. *mutas* 'запутавшийся'). Аффикс *-ele-*, возможно, представлен в глаголе *ūpele-* 'перевернуться', 'опрокинуться' < **ūpele-* (ср.: *ūpɛl-* 'опрокинуться', но *ūpleš-* 'перевернуться', *ūppɛl* 'вверх дном' и т.д.).

Аффикс *-ala* распространен в более ограниченном числе тюркских языков, например, в азербайджанском, турецком, туркменском, киргизском, татарском.

Э.В. Севортян полагает /114, стр. 346/, что аффикс *-ala* содержит два глаголообразующих аффикса (*-a* и *-la*) в их учащательном значении. По мнению К. Брокельмана /179, стр. 219-220/, аффикс *-ala* восходит к деепричастному *-a* + *-la*. М. Ряснян /221, стр. 166/ приводит к нему уральские (финские) параллели.

Рудиментарно в чувашском языке представлен и третий аффикс с учащательным значением — *-mala/-mele-*: *ɛ̄mtele-* 'царапать' от *ɛ̄m-* 'чертить' (ср.: *ɛ̄mala-*, *t̄mala-* с тем же значением)¹³⁷. Возможно, глагол *t̄mala-* // *ɛ̄mala-* // *ɛ̄mtele-* представляет собой заимствование из какого-то другого тюркского языка (ср.: туркм. *d̄mala-* 'ковырять', 'рыться', кир. *ũmala-* 'царапать').

Аффикс *-mala/-mele* непродуктивен и сохранился в немногих тюркских глаголах, например: туркм. *θemtele-* 'шарить', 'искать', *geθmele-* 'прогуливаться', *jolmala-* 'вырывать понемногу', азерб. *qamala-* 'схватывать', азерб. диал. *qazmala* 'изрыть', кир. *kamala-* 'повторно хватать', 'брать руками то одно, то другое', 'раздирать', *semtele-* 'хвататься то за одно, то за другое', *j̄lmala-* 'хватать руками (о женщинах)', *sajmala-* (юж.) 'покалывать', *õmõlõ-* 'карабкаться', 'ползти вверх', тат. *ũmälõ-* 'карабкаться'; *kamala* — 'ощупывать' и т.д.¹³⁸.

¹³⁷ Вероятно, аффикс *-mala/-mele* составной, причем первый элемент *-ma* сохранился в аффиксе *-maš/-meš* у глаголов *t̄maš-* 'возиться', 'копаться', *k̄maš-* 'возиться', 'бороться' (ср. также: /114, стр. 352-354/).

¹³⁸ Особняком стоит чувашское слово *javakla-* 'свивать', 'сплетать' < *jav-* 'вить', где представлен аффикс *-kla* (см.: /114, стр. 351-352/); вероятно, тот же аффикс в чув. диал. *itakla-* 'обнимать' (ср.: *itala-* 'обнимать', *it̄at* 'объятие').

АФФИКСЫ ЛИЦА

При сравнении парадигм настоящего, будущего и прошедшего категорического времени оказывается, что в чувашском языке так же, как и в остальных тюркских, представлены две системы личных аффиксов:

I. Настоящее и будущее время

	ед. число	мн. число
1-е л.	-р	-р Vг
2-е л.	-п	-г
3-е л.	-ə	-ə

II. Прошедшее время

	ед. число	мн. число
1-е л.	-т	-т Vг
2-е л.	-п	-г
3-е л.	-ə	-ə

Так как большинство членов этих систем в современном языке совпадают, системы можно признать смешанными. Этот вывод подтверждается при сопоставлении чувашских личных аффиксов с аффиксами других тюркских языков.

Так, например, в татарском языке мы имеем:

I.	ед. число	мн. число
1-е л.	-тәп, -тәп, -т	-бәз, -бәз
2-е л.	-сәп, -сәп	-сәз, -сәз
3-е л.	—	—

II.	ед. число	мн. число
1-е л.	-т	-к
2-е л.	-п	-гәз, -гәз
3-е л.	—	—

в туркменском языке:

I.	ед. число	мн. число
1-е л.	-п, -п	-и̇, -и̇
2-е л.	-п̇, -п̇	-и̇и̇, -и̇и̇
3-е л.	—	—

II.	ед. число	мн. число
1-е л.	-т	-к
2-е л.	-п	-п̇и̇, -п̇и̇
3-е л.	—	—

Наиболее фонетически единообразны аффиксы, выступающие в прошедшем категорическом времени: *-т*, *-п* и т.д.

Чувашские аффиксы *-m*, *-n* < **-ŋ*, *-māŋ* < **-mūr*, *-r* < **-γār*, *-rūr* соотносимы (тождественны) с общетюркскими *-m*, *-ŋ*, *-miz*¹³⁹, *-rüz* ~ *-rüz*. Последние иногда отождествляют с аффиксами принадлежности /51, стр. 17, 19, 37; 221, стр. 202 и сл.; 200, стр. 141; 37, стр. 141/, иногда выделяют особую категорию усеченных аффиксов лица или личных аффиксов второй группы /51, стр. 265-267/. Чувашский аффикс 3-го лица *-ä* < *-i* также является общетюркским, хотя в формах типа *keldi*, *aldı* рядом с последователем он не выделяется.

Аффиксы *-m*, **-ŋ*, **-mūr*, **-rūr*, **-i* местоименного происхождения и генетически, на наш взгляд, неотделимы от притяжательных аффиксов.

Аффиксы первой системы *-p*, *-n*, *-ä*, *-p(ə)r* восходят к двум источникам: *-p* и *-pə* — к личным местоимениям (*epə* < *e-pi* и *epər* < *e-pir*), *-n*, *-r*, *-ä* проникли из второй системы аффиксов. Таким образом, первая система, реконструируемая для общетюркского в виде:

1-е л.	<i>*-m(V)n</i>	<i>*-mVz</i>
2-е л.	<i>*-s(V)n</i>	<i>*-sVz</i>
3-е л.	—	—

представлена в чувашском языке только двумя членами: *-p* и *-pVr*¹⁴⁰. Смещение двух систем аффиксов наблюдается во многих тюркских диалектах, древних и современных (см., например: /206, стр. 258; 17, стр. 76, 80; 135, стр. 50/).

АФФИКС МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА *-s*

Этот аффикс выступает во временных формах глагола: в 3-м лице настоящего, будущего и прошедшего категорического времени:

<i>kileššä</i>	‘они идут’
<i>kilä-s</i>	‘они придут’
<i>kilčä-s</i>	‘они пришли’

и в сложных (исторически аналитических) формах изъявительного, сослагательного и уступительного наклонения.

Возможно, этот же аффикс представлен в 3-м лице множественного числа повелительного наклонения: *kilčär* ‘пусть они придут’ < **kil-čä-s*, где *č~š*, а *čär* < *tär*¹⁴¹.

Что касается происхождения аффикса *-s*, то на этот счет существуют несколько точек зрения.

¹³⁹ Во многих тюркских языках вместо *-miz* выступает показатель (о нем см. ниже, стр. 69; см. также: /154, стр. 156/).

¹⁴⁰ Иногда аффиксы *-sän*, *-sär*, выступающие в уступительном наклонении, трактуют как аффиксы 2-го лица единственного и множественного числа.

¹⁴¹ Аффикс *-s* < *-č*, вероятно, входит в состав марийского *šamšä* < *šam* + (*š*)č.

В.Г. Егоров /74, стр. 189/ и Ф.Т. Тимофеев вслед за В.Шоттом полагают, что *-s* — результат фонетической эволюции *-sem* > *sam* > *š*, что кажется нам маловероятным. В. Котвич отождествляет этот аффикс с показателем кооператива *-š*; его точку зрения как будто разделяет и М.Рябенен /221, стр. 203/.

Аффикс *-š* с кооперативным значением, действительно, выступает в глагольных формах ряда тюркских языков — киргизского, уйгурского и т.д. Но он всегда занимает место перед показателем времени или наклонения, тогда как чувашский аффикс следует за показателем времени, наклонения, например: кир. *jažišat* ‘они пишут’, чув. *širašä* ‘они пишут’.

Н.И. Ашмарин считал аффикс *-š* заимствованием, первоначально из улмуртского языка /10, стр. 303/142, позднее из маньчжурского /9, стр. 76/.

В верховых говорах чувашского языка представлен вариант аффикса *-š*: *-č*, который считают более ранним хронологически, например, сундыр. *kajáččä* < **kajáčä* (ср. лит. *kajáššä*), где *č* сохраняется после твердого /143.

ФОРМЫ ГЛАГОЛА *e* < *er* ‘БЫТЬ’

Глагол *i* < *e* < *er* ‘быть’ как корневая морфема в чувашском языке не сохранился. Он остался лишь в виде форманта *-čä*, который восходит к 3-му лицу прошедшего категорического времени: **eti* > **ita* > *čä*, и в форме *mar/mer*, представляющей именное отрицание, восходящее к отрицательной форме причастия на *-r*: **emär* > **imär* > *mer* ~ *mar*; *mar/mer* ~ тюрк. *emes* < **ermäz*¹⁴⁴.

Возможно, от этого же **i* < **e* образованы показатели 2-го лица уступительного наклонения, например, **kila isen* > *kiläsän* (ср.: кбал. *ban̄ese* ‘если пойдет’, тюр. *jazar isem* ‘если я буду писать’, *bemzeze* ‘если он не даст’, хорезм. тюрк. *-r ürsän* и т.д.). Чувашские *ičen*, *imaš* восходят к соответствующим формам тагарского языка.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Настоящее (настояще-будущее) время чувашского глагола образуется из основы настоящего времени и личных окончаний.

¹⁴² Возможность такого заимствования отрицает В.А. Серебряников /120, стр. 192/.

¹⁴³ Чувашский аффикс множественного числа *-s* < *-č* можно сопоставить с финно-угорским *-t* (> *-č* после гласного переднего ряда), который выступает в 3-м лице множественного числа ряда спрягаемых форм (например, в марийском и мордовских языках).

¹⁴⁴ Ср. чув. гов. *kedemes* и тат. *kirämäs* из *kiräk imäs* и отрицательную форму настоящего времени на *-mast* < *-masst*, восходящую к какому-то кипчакскому источнику, где *-t* > *-s*.

Парадигма настоящего времени:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>pīraṭṭāp</i> 'я иду'	<i>pīratpār</i>
2-е л.	<i>pīraṭṭān</i>	<i>pīraṭṭār</i>
3-е л.	<i>pīraṭ</i>	<i>pīraṭṭā</i>

Основа настоящего времени представляет собой деепричастную¹⁴⁵ форму глагола на *-a/-e* + аффикс *-t*, который, по мнению многих исследователей, восходит к аористу глагола *tur* 'быть', 'существовать' /10, стр. 303-304; 176, стр. 748; 108, стр. 85/.

Структурно близкие варианты формы настоящего времени: деепричастие на *-a/-e* + формант, восходящий к глаголу *tur* + личные окончания распространены во многих тюркских языках и диалектах. Трансформация (*tur*) > *tur* > *tu-* > *tā-* > *t-* можно проследить, сравнивая парадигмы настоящего времени, представленные, например, в тюркских языках Средней Азии, Алтая, Азербайджана и Сибири:

човдурский диалект туркменского языка:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>baradīrān</i> 'я иду'	<i>baradīrās</i>
2-е л.	<i>baradīrsiñ</i>	<i>baradīrsiñiz</i>
3-е л.	<i>baradīr</i>	<i>baradīrlar</i>

хакасский язык:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>paradīrbīn</i> 'я хожу', 'я иду'	<i>paradīrbīs</i>
2-е л.	<i>paradīrzīñ</i>	<i>paradīrzar</i>
3-е л.	<i>paradīr</i>	<i>paradīrlar</i>

кубинский диалект азербайджанского языка:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>aladam</i> 'я беру'	<i>aladuṭ</i>
2-е л.	<i>alasan</i>	<i>alasz</i>
3-е л.	<i>aladu</i>	

табасаранский говор азербайджанского языка:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>baxadam</i> 'я смотрю'	
2-е л.	<i>baxasa, baxasan</i>	
3-е л.	<i>baxadu, baxad</i>	

¹⁴⁵ Деепричастие на *-a/-e* иногда возводят к старой причастной форме

Наиболее структурно близкими к чувашской являются следующие парадигмы:

	ед. число	мн. число
литайская:	1-е л. <i>baratīm</i> 'я иду'	<i>baratībīs</i>
	2-е л. <i>baratīñ</i>	<i>baratīyar</i>
	3-е л. <i>baratī</i>	<i>baratīlar</i>
улымская:	1-е л. <i>paradīm</i> 'я иду'	<i>paradībīs</i>
	2-е л. <i>paradīñ</i>	<i>paradīnnaṭ</i>
	3-е л. <i>paradī</i>	<i>paradī(lar)</i>
арабинская:	1-е л. <i>alatiīm</i> 'я беру'	<i>alatiīk</i>
	2-е л. <i>alatiīñ</i>	<i>alatiīñs/ñis</i>
	3-е л. <i>alatiī, alati</i>	<i>alatiī(lar)</i>
георгиевская ¹⁴⁶ :	1-е л. <i>alatiīm</i> 'я беру'	<i>alatiīk</i>
	2-е л. <i>alatiīñ</i>	<i>/alatiīñz/</i>
	3-е л. <i>alatiī</i>	<i>alatiī(lar)</i> ¹⁴⁷

Таким образом, можно восстановить более раннюю стадию чувашской парадигмы:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>pīr</i> (<bar)-a-t (<tur < turur) -p (<b~m)	
2-е л.	<i>pīr</i> (<bar)-a-t (<tur < turur) -n (<ñ)	
3-е л.	<i>pīr</i> (<bar)-a-t (<tur < turur) -θ (<i)	
		мн. число
1-е л.	<i>pīr</i> (<bar)-a-t (<tur < turur) -pār (<bīr ~ bīz)	
2-е л.	<i>pīr</i> (<bar)-a-t (<tur < turur) -pār (<-īñr ~ -īñz)	

Что касается 3-го лица множественного числа, то сравнение лит. *pīrat*, *pīraṭ*, *pīraṭṭā* и диал. *pīraṭṭā* позволяет предположить: **pīratz + θ < *pīraṭ + θ + -t*. По мнению М. Рясина /221, стр. 223/, § 148 есть показатель кооперативной множественности.

Личные окончания *-āp* (<bi), *-pār* (<biṭ ~ bīz), *-ān* (<ñ), *-ār* (<īñr ~ -īñz), *-ā* (<i) представляют собой контаминацию личных аффиксов двух типов: *(-m, -n, -ā, -mār, -ār)* и *(-p, -pār)*.

В чувашских говорах в 1-м и 2-м лице единственного числа настоящего времени употребительны формы *pīrap*, *pīran*. Обычно считают, что они

¹⁴⁶ Георгиевский говор тобольно-иртышского диалекта.

¹⁴⁷ См. также данные хотанского и лобнорского диалектов уйгурского языка /130, стр. 146 и 149/: хотан. *alatiṃāz* 'возьмем', *qaliti* 'останется', обн. *baradīmēn* 'пойду', *bolodo* 'станет' и т.д.

¹⁴⁸ Возможно, этот же *-z* представлен в марийском суффиксе множественного числа *šamēz* <šam + (š)z /221, стр. 203/.

являются результатом стяжения основных форм¹⁴⁹, т.е. *pītaǰǰr* > *pītar*, *pītaǰǰn* > *pītan*¹⁵⁰. Форма 1-го лица множественного числа может образоваться из "сокращенной" формы единственного числа: *pītarǰǰr*.

В качестве отрицательной формы настоящего времени в чувашском языке выступает другая временная основа, которая в большинстве тюркских языков представляет собой отрицательную форму аориста (или будущего неопределенного, предположительного на *-ar/-er*, *-ur/-ür*, *-ir/-ir*).

Парадигма отрицательной формы:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>pīmasǰǰr</i>	'я не иду'	<i>pīmasǰǰr</i>
2-е л.	<i>pīmasǰǰn</i>		<i>pīmasǰǰr</i>
3-е л.	<i>pīmasǰǰ'</i>		<i>pīmasǰǰs</i> .

Форма *pīmasǰǰr* и т.д. может быть разложена на *pīr-* (< *bar-*) – основа глагола + *-ma* (частица глагольного отрицания) + *-s* (показатель глагольно-именной формы(?)) + *-t* (< *turur*) + личные окончания.

В большинстве тюркских языков аффикс *-t* не встречается в отрицательной форме основы настоящего-будущего времени, например:

алт.	<i>barbazım</i>	'я не пойду'	<i>barbazıbız</i>
	<i>barbazıñ</i>		<i>barbazıtar</i>
	<i>barbas</i>		<i>barbas(tar)</i>
тат.	<i>batam</i>	'я не пойду'	<i>batamabız</i>
	<i>batassǰǰñ</i>		<i>batassǰǰz</i>
	<i>batmas</i>		<i>batmaslar</i>
кум.	<i>batmasman</i>	'я не пойду'	<i>batmasbız</i>
	<i>batmassan</i>		<i>batmassız</i>
	<i>batmas</i>		<i>batmaslar.</i>

Однако в ряде языковых памятников отмечены случаи употребления аффикса *-tur/-dur* и его вариантов с формой на *-mas*, например, в документах на половецком языке XVI в.: *čixamas dır*, *bolmas dır*, *bilmen dir* /40 стр. 369/, в староузбекском языке: *jibärmäs durbız* /153, стр. 147/ в восточнотуркестанских текстах X-XIII вв.: *đikmasturmän* /154, стр. 136/.

Особенно примечательны парадигмы, приводимые К.М. Мусаевым /87 стр. 285/ для тракайского диалекта караимского языка:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>alma(s)mīn</i> , <i>alman</i>	'я не возьму'	<i>alma(s)bīz</i> , <i>almbīz</i>
2-е л.	<i>alma(s)sīn</i> , <i>almas</i>		<i>alma(s)sīz</i> , <i>almasız</i>
3-е л.	<i>almastīr</i> , <i>almast</i>		<i>almastīrlar</i> , <i>almastlar</i>

¹⁴⁹ Например: /74, стр. 189; 78, стр. 46/ и т.д. О случаях типа каз. тат. *alamǰǰn* > *alam* см.: /83, 1, стр. 63/.

¹⁵⁰ Ср.: *ter* 'я говорю' < *teǰǰr* и *ten* 'ты говоришь' < *teǰǰn* (< *te-* 'говорить', 'сказать'), *šar* 'я ем' < **šatǰǰr* < *šijeǰǰr*, *kar* 'я иду' < *kajaǰǰr*.

отрицательная форма будущего I в барабинском диалекте:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>almasǰǰm</i>	'я не возьму'	<i>almasǰǰk</i> // <i>almasǰǰs</i>
2-е л.	<i>almasǰǰñ</i>		<i>/almasǰǰñis/</i>
3-е л.	<i>almastīr</i>		<i>almastīr</i> , <i>almas</i> .

В чувашских говорах к первой из них можно найти интересные параллели:

	ед.число	мн.число
1-е л.	<i>pītar</i>	<i>pītarǰǰr</i>
2-е л.	<i>pītassǰǰñ</i>	
3-е л.	<i>pīmast</i>	

Личный аффикс *-sǰǰn* (ср.: тат. *-sǰǰñ*, караим. *-sīn*) проник в парадигму, вероятно, из какого-то кыпчакского языка или, возможно, *st* > *ss*.

Начальные чувашские формы *pīmasǰǰr* и т.д. претерпели в говорах следующие изменения:

1-е лицо единственного числа – утрата *st*, *t* и *tǰǰr* (например, *pīmas* – в моргаушском говоре, *pītar* – в сундырском и чебоксарском говорах, *pīmasp* – в краснотетайском говоре);

3-е лицо единственного числа – утрата *t*, палатализация *s* как результат влияния исчезнувшего аффиксального личного показателя *-ə*, т.е.: **stǰǰs't'ǰǰs'* (< *pīmas* – сундырский говор, низовой диалект и часть переходных говоров, *pīmas'* – почти вся остальная территория Чувашской АССР).

Иногда форма 1-го лица единственного числа типа *pītar*, по-видимому, служит, как исходная для образования формы множественного числа:

pītar + pīr = pītarǰǰr (некоторые чувашские говоры Башкирии, Саратовской области и т.д.).

Чувашская форма настоящего времени не является общетюркской. Она, как и другие аналитические формы настоящего времени (например, формы настоящего времени в языках юго-западной группы), вероятно, относительно позднего происхождения.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

По мнению ряда исследователей, чувашская форма будущего времени не имеет временного показателя, а образуется путем присоединения к основе глагола личных аффиксов /74, стр. 190; 48, стр. 164/.

Парадигма будущего времени глаголов *pīr* 'идти', *kala-* 'сказать' такова:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>pīǰǰr</i> , <i>kalǰǰr</i>	'я пойду', 'я скажу'	<i>pīǰǰrǰǰr</i> , <i>kalǰǰrǰǰr</i>
2-е л.	<i>pīǰǰñ</i> , <i>kalǰǰñ</i>		<i>pīǰǰr</i> , <i>kalǰǰr</i>
3-е л.	<i>pīǰǰ</i> , <i>kalǰǰ</i>		<i>pīǰǰs</i> , <i>kalǰǰs</i>

Н.И. Ашмарин /10, стр. 304/, а вслед за ним и М.Рясянен /221, стр. 217/ усматривали в этой форме общетюркский аорист на *-ir/-ir*. Та-
ким образом, чувашское *pīrāp* могло бы восходить к **barīr + bi* (выпаде
> **barīp*).

В пользу этой гипотезы говорят такие факты.

В чувашском языке, видимо, существовал аорист на *-r*, так как име-
ное отрицание *-mar* < **mār* < **emār* < **emār* является отрицательной фор-
мой аориста глагола *e(r)*. Рудиментом старого аориста является и пока-
затель настоящего времени *-t* < *tur* < *turur*.

В татарских и башкирских говорах при образовании аориста от гла-
гольных основ на *-r* аффиксальный *r* элидируется. Так, в говоре татар
Куйбышевской области /76, стр. 213/ находим: *barām, bīrām*, в низерско-
говоре башкирского языка: *barām, kārām* /24, стр. 159/, в говоре башки-
рской долины реки Ай: *barām, tōrām, kūrām, bīrām*, в говоре пензенских мишаре
bīrām, barām /76, стр. 139/.

Т. Ковальский /196, § 66/ отмечает, что конечный *r* часто выпадает
в причастных формах: *geli, sesleni, vīnī duruq, geliq, vīmen*.

Наиболее интересные данные предлагает караимский язык. По мне-
нию К.М. Мусаева /87, стр. 283-284/, к аористу восходят разговорные
караимские формы: *alīm, alībīz; alīs, alīsīz*.

В карачаево-балкарском языке *r* выпадает при образовании будущего
времени от глаголов, основа которых оканчивается на *r* и *l*: *barī < barī
kelibīz < kelirbīz, alībīz < alīrbīz* и т.д. /137, стр. 129/151.

Трансформацию старой формы аориста в чувашском языке можно
объяснить следующим образом. Первоначально аффиксальный *r* элидиро-
вался после *r*-основ. Формант *-ā(-ə) < ār (ər)* перестал осознаваться как
морфологически значимый и был отождествлен с соединительным глас-
ным личных окончаний.

Допустима и зависимость исчезновения *-r* в форме на *-r* от фонети-
ческой эволюции аффикса прошедшего категорического *-di > -ra*, в ре-
зультате которой формы типа *ilrā* и *ilrā < ilār* стали неразличимы.

Семантика времени -- возможное, предполагаемое действие в буду-
щем¹⁵² -- тоже близка к семантике будущего на *-r* и т.д.

Вторая гипотеза, которую поддерживают И. Бенцинг /176, стр. 740
и 747/ и О. Прицак /212, стр. 153/ возводит *-ā(-ə)* чувашского будущего
времени к форманту *-ru/-gū*, показателю причастия, имеющего значе-
ние будущего времени с оттенком долженствования /186, стр. 117; 154,
стр. 139/.

В качестве параллели к чувашской форме можно привести сарыгу-
гурскую форму будущего определенного времени на *-ru/-gū, -ro/-gō*
/132, стр. 31/, которая, возможно, является рудиментом древнеуйгур-
ской системы¹⁵³.

¹⁵¹ Ср. также кум. диал. *geli(r)men, gelir(r)men*.

¹⁵² См. Н.И. Ашмарин /14, стр. 178, 179 и сл.; 74, стр. 190/.

¹⁵³ См. будущее категорическое время на *-ru* в древнеуйгурском
языке /93, стр. 13/.

Временная форма на *-ru/-gū*, имеющая значение будущего времени
оттенком долженствования, встречается в языке хорезмийских памят-
ников XIV в. /139, стр. 79/154:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>alrum</i> 'я возьму'	<i>alrumīz</i>
2-е л.	<i>alruq</i>	<i>alruqīz</i>
3-е л.	<i>alrusī</i>	<i>alrularī</i>

Генетически близким, возможно, является будущее определенное на
rok в чулымском языке:

1-е л.	<i>paḡro:m</i> < <i>paḡroḡum</i> 'я пойду'
2-е л.	<i>paḡro:q</i> < <i>paḡroḡuq</i>
3-е л.	<i>paḡrok</i>

Таким образом, чувашское будущее время могло бы быть интерпре-
тировано как *pīrāp < *barru + -m* (позднее из парадигмы настоящего вре-
мени проник *-p < bi*), *pīrāp < *barru + -q > *barā + -n*, *pīrā < *barru >*
**barā > *bar + -ā* (по аналогии с формой прошедшего времени?).

Однако гипотеза И. Бенцинга -- О. Прицака вызывает у нас сомнение.
Древнее причастие на *-ru/-gū* легло в основу будущих времен со значе-
нием определенности, долженствования, совершения действия, т.е. так
называемых будущих категорических. Чувашское будущее на *-ā/-ə* -- бу-
дущее неопределенное. В системе причастий форма на *-ru/-gū* по своим
функциям и семантике близка к причастию на *-as, -asī*. По наличию или
отсутствию одной из этих форм противопоставляются многие тюркские
языки. Чувашский язык относится к группе *as*-языков.

Аорист на *-r* представляет, по нашему мнению, одну из базисных
форм тюркского спряжения, являясь общетюркской временной формой.

ПРОШЕДШЕЕ МНОГОКРАТНОЕ

Структура прошедшего многократного времени прозрачна¹⁵⁵: основа
настоящего времени + прошедшее категорическое время от недостаточно-
го глагола *e-* (*i-*):

	ед. число
1-е л.	<i>pīratām</i> 'я ходил' < <i>pīrat</i> + <i>-tām</i> (< <i>*etim</i>)
2-е л.	<i>pīratān</i> < <i>pīrat</i> + <i>-tān</i> (< <i>*etiñ</i>)
3-е л.	<i>pīratā</i> < <i>pīrat</i> + <i>-ā</i> < <i>*tū</i> < <i>*eti</i>
	мн. число
1-е л.	<i>pīratāmār</i> < <i>pīrat</i> + <i>-tāmār</i>

¹⁵⁴ Спорадически будущее категорического типа (*kilrumizdur, bolru-
midur*) встречается в современном уйгурском языке /81, стр. 31/.

¹⁵⁵ См. /10, стр. 307 и 316; 176, стр. 746; 221, стр. 226/.

2-е л. *pīrat̃r* < *pīrat* + *-t̃r*
 3-е л. *pīrat̃ās* < *pīrat* + *-čā* + *-s*.

По этой же модели строятся временные формы со сходной семантикой и в других тюркских языках, например:

туркм.	<i>barja: rāīm</i> 'я ходил (в то время)'	(<i>barja: r</i> — основа настоящего времени + <i>-dīm</i> (< <i>ed</i> и т.д.)
	<i>barja: rāñ</i>	
	<i>barja: rāī</i>	
кум.	<i>bara edim</i> 'я ходил (тогда)'	(<i>bara</i> — основа настоящего времени + <i>edim</i> и т.д.)
	<i>bara edin</i>	
	<i>bara edi</i>	
тат.	<i>bara idam</i> 'я ходил (тогда)'	(<i>bara</i> — основа настоящего времени + <i>idam</i> < <i>edim</i> и т.д.)
	<i>bara idan</i>	
	<i>bara ida</i>	

Отрицательная форма прошедшего многократного образуется из отрицательной основы настоящего времени и прошедшего категорического глагола *e-* (*i-*):

	ед. число	
1-е л.	<i>pīmastām</i>	< <i>pīmas</i> + <i>-tām</i>
2-е л.	<i>pīmastān</i>	< <i>pīmas</i> + <i>-tān</i>
3-е л.	<i>pīmastāč</i>	< <i>pīmast</i> + <i>-čā</i> и т.д.

В чувашских говорах представлены следующие структурные варианты прошедшего многократного:

I. (иншлейск.)

āšlepčā 'я, бывало, работал' < *āšlep* (1-е лицо настоящего времени) + *-čā* < **ti* < **eti*
āšlenčā < *āšlen* (2-е лицо настоящего времени) + *-čā* < **ti* < **eti*
āšletčā < *āšlet* + *-čā*;

II. (говор чувашей Башкирской АССР /78, стр. 157/)

šīrattāmčā 'я, бывало, писал' < *šīrattām* + *-čā* < **ti*
šīrattānčā < *šīrattān* + *-čā* < **ti* и т.д.

Отрицательная форма 3-го лица имеет в говорах следующие варианты:

šīmastčā (*šīmast* + *-čā*);
šīmas'čā (*šīmas't'* > *šīmas'* + *-čā*);
šīmasčā (*šīmas* + *-čā*).

Прошедшее многократное относится к временным аналитическим формам, возникшим относительно недавно в истории конкретных тюркских языков. Однако их структурную модель (настоящее время, а ранее аорист + прошедшее категорическое от глагола *e-*) можно считать общетюркской.

ПРОШЕДШЕЕ "КАТЕГОРИЧЕСКОЕ" ВРЕМЯ

Эта временная форма образуется от основы глагола при помощи аффикса *-r/-t* (после основ на *-l*, *-r*, *-n*) и аффиксов лица, совпадающих с современными аффиксами принадлежности 156:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>vularām</i> 'я читал'	<i>vularām̃r</i>
2-е л.	<i>vularān</i>	<i>vularār</i>
3-е л.	<i>vularā</i>	<i>vularās</i>
	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>ilām</i> 'я брал'	<i>ilām̃r</i>
2-е л.	<i>ilān</i>	<i>ilār</i>
3-е л.	<i>ilā</i>	<i>ilās</i>

В 3-м лице единственного и множественного числа *-ā* < *-i*, видимо, является показателем принадлежности 3-го лица /108, стр. 117/.

В 3-м лице множественного числа выступает показатель множественного числа *-s* (см. выше, стр. 58).

Временная форма на *-r ~ -d* является общетюркской. Она имеется во всех тюркских языках — древних и современных.

Значение этой временной формы, на наш взгляд, очень удачно охарактеризовал Д.М. Насилов: "Это время обычно лишь указывает на факт совершения действия в прошлом, не давая ему более точной временной характеристики. Форма прошедшего времени на *-d* в наших памятниках сама по себе не выражала также и какой-либо видовой характеристики действия: глаголы в этой форме были нейтральны в видовом отношении. Для этого времени не явилось существенным признаком и выражение определенности, категоричности совершения действия, т.е. оно не имело определенного модального характера" /93, стр. 5/.

Происхождение временной формы на *-r ~ -d* неоднократно дискутировалось в специальной литературе. При этом обсуждались три основные проблемы:

1) какое глагольное образование лежит в основе временной формы или иными словами: каков генезис показателя этого прошедшего времени;
 2) каков генезис личных показателей, выступающих с этой временной формой: тождественны ли они с так называемыми аффиксами принадлежности;

3) почему в 1-м лице множественного числа вместо ожидаемого личного показателя *-m̃z/-m̃z* в некоторых языках выступает аффикс *-k*, каково его происхождение.

Большинство исследователей полагает, что в основе временной формы на *-d ~ -r* лежит какое-то отглагольное образование:

1) глагольное имя на *-duk/-dūk // -dūk/-dūk* /178, стр. 305-306; 103,

156 Во 2-м лице единственного числа имеем *-n* (< *ān*, *-an*) вместо потребляемого с именными основами *-u/-ū* (< *ā* / *ā*).

стр. 6/; глагольная (временная) форма на *-dīk/-dik* /182, стр. 1110-1116, 64, стр. 292-293; 65/;

2) причастие на *-dī/-it* /20, стр. 216; 82, стр. LXXI/;

3) отглагольное имя на *-d/-t (-at, -it)* /225, стр. 43; 83, 1, стр. 54, прим. 1; 168, стр. 129; 179, стр. 237-238; 37, стр. 141; 91, стр. 130/;

4) деепричастие на *-it* /70, стр. 71-72/.

А.Н. Кононов /59, стр. 115 и сл./ высказал предположение, что *-dī* древняя форма аффикса принадлежности, тождественная общетюрк. *-si* /-si ~ як. *-ta/-tä*, а В.В. Радлов /214, стр. 92/ возводил *-dīm* к *-dīnim*.

О. Бётлингк, П.М. Мелиоранский, В. Банг¹⁵⁷, Г. Рамstedт, Н.К. Дмитриев и др. видели в личных аффиксах формы на *-dī* аффиксы принадлежности, тем самым признавая в генетическом плане именно характер этой временной формы.

Н.А. Баскаков рассматривал эти личные аффиксы как редуцированные предикативные личные окончания. Такая точка зрения нашла поддержку у П.И. Кузнецова, который писал: "...мы имеем дело здесь с фонетической трансформацией личных аффиксов: *man* (позже *-im*) > *-m*, *-sin* > *-n* и т.д." /65, стр. 47/.

Что касается личного показателя 1-го лица множественного числа функционально соответствующего аффиксу *-miz* / *-miz*, то часть исследователей усматривала в этом *-k* особый показатель множественности-собираемости (В. Шотт, В. Котвич, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов¹⁵⁸).

Г. Рамstedт и А.П. Поцелуевский, считавшие, что парадигма временной формы на *-dī* является результатом ее конгаминации с парадигмой на *-dīk*, видели в *aldīk* причастие с нулевым показателем предикативности.

П.М. Мелиоранский полагал, что *k* было перенесено в прошедшее как историческое из какой-то другой формы по аналогии.

По мнению В. Котвича, этой другой формой было желательное наклонение.

Чувашские парадигмы типа:

Чувашские парадигмы типа:					
ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е л. <i>iltəm</i>	<i>iltəmər</i>	<i>vularəm</i>	<i>vularəmər</i>		
2-е л. <i>iltən</i>	<i>iltər</i>	<i>vularən</i>	<i>vularər</i>		
3-е л. <i>ilčə</i>	<i>ilčəs</i>	<i>vularə</i>	<i>vularəs</i>		

¹⁵⁷ В. Банг писал: «Das Präteritum wie kökt. kälti = osm. geldi usw. ist nicht anders als unser -t-Nomen mit Possessivsuffixen»/168, стр. 129/.

¹⁵⁸ А.Н. Кононов /58, стр. 13-15/ пересмотрел свою точку зрения и выводит теперь фонетически аффикс *-k* из личного аффикса *-b^oz ~ -m^oz*, что кажется нам крайне сомнительным.

¹⁵⁹ Это предположение допускал и Н.А. Баскаков, который, однако предложил и иную интерпретацию: *aldīk* < *aldīr* + *-līk*, где *-līk* — показатель собираемости, тождественный с *-līk* в форме 1-го лица множественного числа желательного наклонения.

позволяют выделить в качестве временной основы **ilt*, **vular* < **vulaδ* < **vulad* (в интервокальном положении *d > δ > r*) и личные аффиксы:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>-(ə)m</i>	<i>-(ə)m(ə)r</i>
2-е л.	<i>-(ə)n < -ŋ</i>	<i>-(ə)r < *əŋr < -əŋər</i>
3-е л.	<i>-ə < -i</i>	<i>-ə < -i + -s.</i>

Таким образом, едва ли правы те исследователи, которые восстанавливают временную основу на *-dī/-di* // *-it/-ti* 160.

Аффиксы *-m*, **ŋ*, *-i*, **-mVr*, **-ŋVr* едва ли можно считать трансформацией личных местоимений *epə*, *eşə*, *epər*, *eşər*, где собственно местоименные основы имеют вид **pə < *pi*, **sə < *si* и участвуют в оформлении целого ряда временных глагольных форм.

Аффиксы *-m*, **ŋ*, **i* являются аффиксами 1-го, 2-го и 3-го лица; в 1-м и 2-м лице множественного числа к ним присоединялся особый показатель множественности (собираемости) *-r* (~ общетюрк. *-z*).

В тюркских формах желательного наклонения показателю единственности *-n* противопоставлялся показатель собираемости *-k*. В ряде тюркских диалектов он, по-видимому, проник в парадигму временной формы на *-d* и условной формы на *-sa/-se*, так как осознавался как функционально тождественный аффиксу *-miz/-miz* (1-е лицо + множественное число) 161.

ДИАЛЕКТНАЯ ФОРМА ДАВНОПРОШЕДШЕГО ТИПА *karʔəm čə*

В сундырских говорах верхового диалекта чувашского языка, по свидетельству Н.И. Ашмарина /10, стр. 390/, встречается особая форма давнопрошедшего времени, образуемая из основы прошедшего определенного и аффикса *-čə*, восходящего к общетюркскому *eti*:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>karʔəm čə</i> 'я ушел (тогда)'	<i>karʔəmər čə</i>
2-е л.	<i>karʔən čə</i>	<i>karʔər čə</i>
3-е л.	<i>karʔə čə</i>	<i>karʔəs čə</i> 162

Аналогичные по структуре формы имеются в различных тюркских языках и диалектах, например:

тур. *jazdīndī*, *jazdīndi*, *jazdīdi* и т.д.;
бараб. *aliim itə*;

¹⁶⁰ Генетически отглагольное имя на *-d*, возможно, имело значение результата действия (> перфект). Отглагольное имя на *-dīk*, видимо, является производным на *-k* от этой основы. Как большинство тюркских отглагольных имен, оно могло функционировать в некоторых языках и в качестве предиката (примеры Махмуда Кашгарского).

¹⁶¹ Но иначе у Г. Рамstedта /108, стр. 111/.

¹⁶² Ср.: Б.А. Серебренников /126/.

таг. диал. *bardām idə* /75, стр. 56; 76, стр. 212/;
др. уйг. *sakīndīm ārdi*;
узб. диал. (карабулак.) *berdim edi, berdiñ edi* /158, стр. 408/;

ср. также киргизскую форму на *-di ele* и таг. *aldījdīm, aldījdīn, aldiñdi* /99, стр. 202/. К.М. Мусаев /87, стр. 257/ отметил случаи употребления *edi* с глаголом в прошедшем категорическом времени ¹⁶³.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ НА *-sa/-se* ¹⁶⁴

В чувашских говорах Сундырского района деепричастие на *-sa/-se* употребляется в функции прошедшего категорического времени ¹⁶⁵: *epə*

šleše 'я работал' – лит. *epš əšlerəm* /150, стр. 160/; *epər šök šin ači polša* 'мы были сыновьями бедного человека' (ишлейск.) ¹⁶⁶.

И.И. Ашмарин /10, стр. 388/ отметил в малокарачкинском говоре временную форму:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>kajšatār</i> 'я ходил'	<i>kajšatpār</i>
2-е л. <i>kajšatān</i>	<i>kajšattār</i>
3-е л. <i>kajša</i>	<i>kajša</i>

Эта форма состоит из деепричастия на *-sa*, функционально тождественного общетюркскому деепричастию на *-p*, аффикса *-t < tur(ur)* и личных аффиксов, т.е.: *kajšatān < kajša + -t (tur) + -ān (< *n)* ¹⁶⁷.

Структурные параллели можно найти во многих тюркских языках, на пример:

барабинский диалект языка сибирских татар /135, стр. 61/:

¹⁶³ Интерпретация этой формы как кальки с русского кажется нам малоубедительной.

¹⁶⁴ О происхождении деепричастия на *-sa/-se* см. ниже, стр. 103-10

¹⁶⁵ М. Рагимов пишет, что общетюркская форма на *-sa/-se* употребляется в "Китаби-Деде Коркуд" в значении прошедшего категорического времени изъявительного наклонения, выступая как самостоятельное сказуемое /105, стр. 108/. Трактовка М. Рагимовым приводимого им иллюстративного материала может быть оспорена, но он прав, указывая на большую полисемантическую форму на *-sa*.

¹⁶⁶ Однако В.Г. Егоров /74, стр. 197/ называет прошедшее на *-sa/-* прошедшим неопределенным, отождествляя его функции с функциями прошедшего времени на *-nā/-nə*.

¹⁶⁷ По словам Л.П. Сергеева /77, стр. 162/, эта форма встречается в моргаушском говоре лишь во 2-м лице единственного числа: *kajša-t-šn* 'ты ведь уходил', *ilšə-t-ən* 'ты ведь брал'.

ед. число	мн. число
1-е л. <i>alīpmīn</i> 'я взял'	<i>alīppīs</i>
2-е л. <i>alīptīñ</i>	<i>alīptīñīs</i>
3-е л. <i>alīptī/alīp</i>	<i>alīptīlar/alīplar</i>

новоуйгурский язык:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>jeziptimān</i> 'оказывается, я писал'	
2-е л. <i>jeziptān</i>	
3-е л. <i>jezipti</i> и т.д.;	

ногайский язык:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>baṭṭpān</i> 'я сходил'	<i>baṭṭmīz</i>
2-е л. <i>baṭṭpsīñ</i>	<i>baṭṭpsīz</i>
3-е л. <i>baṭṭpū</i>	

киргизский язык:

okurturmin 'оказывается, я читал';

говор горьковских мишарей /151, стр. 293/168:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>barṭpṭān</i> 'я ходил'	<i>barṭbbāz</i>
2-е л. <i>barṭpsān</i> 'ты ходил (оказывается)'	<i>barṭpsāz</i>
3-е л. <i>barṭan</i>	<i>barṭannar</i>

(здесь имели место контаминация двух парадигм);

армяно-кыпчакский язык (половецкий язык документов XVI в.) /40, стр. 373/:

beripmen 'я отдал', *alīpsen, satīptr* и т.д.;

карачаево-балкарский язык:

1-е л. <i>ketibme</i> 'я ушел'
2-е л. <i>ketibse</i>
3-е л. <i>ketibdi</i> и т.д.

(более употребительна форма 3-го лица; 1-е и 2-е лица употребляются реже /137, стр. 142-143/); время на *-p/-pūt* отмечено также в узбекском, туркменском, казахском, киргизском и диалектах азербайджанского языка.

¹⁶⁸ То же в говоре каринских и глазовских татар /76, стр. 46/ и в некоторых мишарских говорах Пензенской области /там же, стр. 140/.

Эта временная форма известна в специальной литературе как "давно прошедшее категорическое" (В.Г. Егоров, И.А. Андреев), "предварительное действия" (Н.И. Ашмарин). Она состоит из деепричастия на *-sa/-se* прошедшего категорического от глагола *e-* (*i-*):

	ед. число	
1-е л.	<i>pīrsattām</i>	'я ходил' (<i>pīrsa + -tām < -tīm < etīm</i>)
2-е л.	<i>pīrsattān</i>	(<i>pīrsa + -tān < -tīn < etīn</i>)
3-е л.	<i>pīrsáččə</i>	(<i>pīrsa + -čə < -či < eti</i>) и т.д.

Структурные параллели (деепричастие на *-p* + прошедшее категорическое от глагола *e-*) известны во многих тюркских языках: барабинский диалект (предпрошедшее):

1-е л.	<i>alīp idim/alīptīm</i>	'я взял (недавно)'
2-е л.	<i>alīp idiŋ/alīptīŋ</i>	
3-е л.	<i>alīp idi/alīptū</i>	и т.д.;

казахский язык (давнопрошедшее):

barīp edə 'он пошел (было)';

узбекский язык (III прошедшее повествовательное):

1-е л.	<i>išlāb edim</i>	'я работал'
2-е л.	<i>išlāb ediŋ</i>	
3-е л.	<i>išlāb edi</i>	и т.д.;

уйгурский язык (давнопрошедшее):

kelivedim < kelip edim 'я приходил' и т.д.

Отрицательная форма давнопрошедшего на *-saččə* малоупотребительна.

В чувашских говорах (например, в ишлейском) встречается временная форма, состоящая из деепричастия на *-sa/-se* основного глагола и аффикса *-čə*, восходящего к форме **eti*, **edi*, т.е. к 3-му лицу прошедшего категорического от глагола *e-* (*i-*):

	ед. число	
1-е л.	<i>ep koršáččə</i>	'я видел'
2-е л.	<i>es koršáččə</i>	
3-е л.	<i>vəl koršáččə</i>	

В.Г.Егоров /74, стр. 198/ рассматривает эту форму как давнопрошедшее неопределенное, т.е. как функционально совпадающую с формой *-nāččə*.

В диалектах часто встречается давнопрошедшее на *-saččə* в сочетании с аффиксом *-čə*: *kilšetəm-ččə* 'я пришел было', *kilšetən-ččə* 'ты пришел было'.

Обычно его называют прошедшим неопределенным (В.Г. Егоров), прошедшим состоянием (Н.И. Ашмарин). По сути дела, прошедшее на *-nā/-nə* это причастие в предикативной функции. Выступая как предикат, причастие на *-nā/-nə* не оформляется аффиксами лица:

	ед. число		мн. число	
1-е л.	<i>ep ilnə</i>	'я взял'	<i>epir ilnə</i>	
2-е л.	<i>eşə ilnə</i>		<i>eşir ilnə</i>	
3-е л.	<i>vəl ilnə</i>		<i>vəşem ilnə</i>	169.

Подлежащее бывает выражено именем или личным местоимением.

Аналогичное употребление причастий в функции сказуемого без аффиксов лица встречаем и в других тюркских языках. Так, прошедшее причастное уйгурского языка: *mān kōrgān* 'я видел', *u ajtkan* 'он сказал' представляет собой причастие на *-γan/-gān// -kan/-kān* в функции предиката.

Таковую же структуру имеет прошедшее результативное в сарыюгурском языке: *men alγan* 'я взял', *sen alγan*, *gol alγan* и перфект тоболортрышского и отчасти барабинского диалекта /135, стр. 63/:

	ед. число		мн. число	
1-е л.	<i>min alγan</i>	'я взял'	<i>pəs alγan</i>	
2-е л.	<i>sin alγan</i>		<i>səs alγan</i>	
3-е л.	<i>ul alγan</i>		<i>alar alγan</i>	170.

Что касается происхождения чувашского причастия на *-nā/-nə*, то на этот счет существует несколько точек зрения. Н.И. Ашмарин /10, стр. 307/ вслед за Н.И. Золотницким /47/ полагал, что чув. *pulnə < *bolγan > *botan > *bolnə*.

И. Бенцинг /176, стр. 741/ считает, что чувашское причастие на *-nā/-nə* не имеет общетюркского соответствия. Г. Рамстедт видит в чувашской форме на *-nā/-nə* причастие на *-n*, которое, по его словам, "относится к древнейшим образованиям и представляет собой отглагольное прилагательное с более или менее сильно выраженным перфектным значением" /108, стр. 91-92/. Чувашское *pulnə*, по Г. Рамстедту, происходит из **bolun*, а тюркское *bolγan* — то же образование на *-n* от вторичной глагольной основы на *-γα*. И.А. Андреев считает гипотезу Г. Рамстедта вероятной /3, стр. 84/.

Функционально чувашское причастие типа *pītmə* совпадает с общетюркским *baγan*. Однако на месте общетюркского *baγan* в чувашском мы ожи-

169 Н.И. Ашмарин /10, стр. 388/ отмечает, что в 3-м лице множественного числа в малокарачкинском говоре прибавляется аффикс множественного числа *-s*: *vəlşam ilnəs* 'они взяли'.

170 См. также данные татарских и башкирских говоров /75, стр. 54-56; 76, стр. 115, 212; 162/.

дали бы **pīan* (ср., например, чув. *səlen* 'змея' ~ общетюрк. *jilan*, *jil'an*, венг. *sárkány* 'дракон' (из булг.) *šarkan* ~ тюрк. *sazran* и *sazatan*).

Для чувашского *pīnə* скорее можно предположить праформу **baḡīn* > **pīḡān* > *pīnə* 171, близкую к той, о которой писал Г. Рамstedт 172. На генетическую близость аффиксов *-ḡan/-ḡīn* указывали многие исследователи 173. Однако, допуская возможность *pīnə* < **baḡīn* или **bañn*, следует выяснить соотношение этих образований с чувашскими отглагольными именами на *-kən/-kən* // *-kən/-kən* (*tarḡən* 'беглец', *kaskən* 'бродяга', *xīḡən* 'скряга') и на *-m* (*šuləm* 'пламя' < **šalīn*, *taḡəm* 'дым' < **ūḡīn*, *juxəm* 'течение' < **akiñ*).

Нам кажется, что аффикс *-kən/-kən* проник в чувашский язык из какого-то диалекта кыпчакского типа уже после того, как общетюркский *-ḡīn* дал *-nə*. Об этом свидетельствуют такие "кыпчакизмы" в чувашском языке, как *šurkən* 'шлюха' от *šur-* 'бежать' (собственно чувашской была бы основа **šur-* ~ общетюрк. *šar-*), *jerḡən* 'любовник' от *jer-* 'связываться', 'спутываться', 'следовать за кем-нибудь', 'вступать в связь' (ср. баш. *əjān* 'следовать', 'привязываться').

Отрицательная форма причастия на *-nə/-nə* образовалась, по-видимому, следующим путем:

pīr + -na + -nə > *pīrtanə* > *pītan* 174.

Образования типа *pītanə* сохранились главным образом в бранных выражениях: *aşa šartanə* 'не пораженный громом', *mur xītanə* 'не погубленный мором' (ср. также *əntanə* 'дурной', 'плохой' /15, IV, стр. 48).

Чувашское причастие на *-an* также имеет отрицательную форму на *-tan*. Поэтому *ilmənə* > *ilmən* произошло, возможно, в результате выравнивания, а не только из-за неустойчивости конечного *ə*.

ДАВНОПРОШЕДШЕЕ НА *-nəččə/-nəččə*

Эта временная форма образуется из причастия на *-nə/-nə* и аффиксом *-čə*, представляющего собой 3-е лицо прошедшего категорического от глагола *e-(i)-*:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>epə šīmāččə</i>	'я писал (уже) <i>epir šīmāččə</i>
2-е л. <i>eşə šīmāččə</i>	<i>eşir šīmāččə</i>
3-е л. <i>vəl šīmāččə</i>	<i>vəşem šīmāččə</i>

Типологическую параллель к ней представляют образования на *-ḡan* ~ *-ḡan edī*, встречающиеся во многих тюркских языках, как, например,

171 Ср. в чувашских говорах *tamə* 'глубокий' < *tarən*, т.е. наблюдается та же перестройка структуры слова.

172 Причастие на *-ḡīn* в предикативной функции отмечено Н.А. Баскаковым у кумандинцев.

173 Сводку их мнений см. у Э.В. Севортяна /115, стр. 326/.

174 Ср.: /3, стр. 82-83; 13, стр. 416-417/.

предпрошедшее-I в барабинском диалекте: *alḡan itə*, давнопрошедшее *baḡtan edī* в кумыкском языке и т.д.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Обычно в грамматиках современного чувашского языка в качестве форм повелительного наклонения указываются следующие:

1-е л. <i>ilem</i>	'дай возьми', 'возьму-ка я'
<i>iler</i>	'давайте возьмем', 'возьмем-ка'
2-е л. <i>il</i>	'возьми'
<i>ilər</i>	'возьмите'
3-е л. <i>ilḡer</i>	'пусть возьмет'
<i>ilččər</i>	'пусть возьмут'

Как справедливо отмечают многие исследователи, формы типа *ilem*, *iler* представляют рудимент желательного наклонения.

К собственно повелительному относятся лишь формы 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа 175. Форма 2-го лица единственного числа "совпадает" с основой глагола, как и в остальных тюркских языках: чув. *il-* 'брать' = *il!* 'возьми', 'бери' ~ общетюрк. *al-* = *al!*

Форма 2-го лица множественного числа типа *ilər*, вероятно, имела прототип **alīḡīr* < *alīḡīr* ~ *alīḡīz* < *alīḡīz*, где *-īḡ*, *-īḡ* — аффикс 2-го лица 176 и *-(ī)r~(ī)z* — показатель множественности, ср.: кум. *bañḡīz* 'идите', баш. *alḡḡāz* 'возьмите', 'берите', тат. *baḡḡāz* 'идите', кбал. *okuruz* 'учитесь', кат. *alīḡīz* 'берите', 'возьмите', ног. *bañḡīz* 'идите' и т.д. Условно формы типа чувашского *ilər* ~ *alīḡīz* можно отнести к кыпчакскому ареалу (ср. характерные для языков южной группы тюрк. *alīḡ*, азерб. *alīn* 'возьмите', 'берите' и т.д.). Наиболее своеобразной является форма 3-го лица единственного числа типа *ilḡer* 'пусть берет', 'пусть возьмет'. Функционально она соответствует общетюркскому *alsun* ~ *alsın* 177. Г. Рамstedт /108, стр. 83/ полагает, что формы на *-sın* (*alsın*) в чувашском утрачены и им на смену пришло образование типа *ilḡer*.

175 Иногда формы 3-го лица выделяют как особое наклонение.

176 А.Н. Кононов /57, стр. 205/ называет его аффиксом единственного числа вежливой формы; Н.К. Дмитриев /37, стр. 164/ считает тождественным с аффиксом принадлежности 2-го лица; Г. Рамstedт /108, стр. 82/ сближает *-ḡ* с монгольским *-ḡḡ*.

177 Аффикс *-sun/-sün* // *-sün/-sün* многие исследователи сближают с аффиксом принадлежности 3-го лица (О. Бёглингк, В.В. Радаев, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов). Г. Рамstedт /108, стр. 83/ считает эту форму рефлексом общеалтайского желательного наклонения на *-su* (см. также: /211, стр. 287-288/).

Типологические параллели к общетюркским формам *alsun/alsın* встречаем в финно-угорских языках — мордовском, марийском, где в формах 3-го лица повелительного наклонения исследователи также упоминают аффиксы принадлежности 3-го лица.

Что касается происхождения аффикса *-tär/-tar*, то В. Шотт, Н.И. Ашмарин, Г. Рамstedт возводят его к глаголу *tur-*; по Г. Рамstedту /108, стр. 83/, чув. *pulġär* < **boltur* 'заставить быть', 'сделать, чтобы стал'. М. Ряснен /221, стр. 208/ поддерживает гипотезу Э. Каракка, по которой *pulġär* < *pul-t-är*, где *-t* — показатель каузатива, а *-är* — аффикс 2-го лица множественного числа, т.е. *pulġär* 'lasst er wird' ('позвольте, чтобы он стал', 'пусть он станет'). В. Котвич /64, стр. 261/, опираясь на материалы различных алтайских языков, выдвинул предположение, что *-sī/-ü* представляет собой диалектальное различие. О. Прицак считает прототипом чувашского аффикса *-tär* аффикс *-tur*, который разлагает на *-tu* (~ общетюрк. *su*, ср.: Г. Рамstedт) — показатель Participium voluntatis и *-r* — показатель коллективной формы (ср. тюрк. *sun* < *su-n*, где *-n* — показатель индивидуальной формы) /211, стр. 285 и сл./.

Форма 3-го лица множественного числа *ilġär* 'пусть возьмут', по И. Бенцингю /176, стр. 745/, разлагается на *il-* + *-äś* (Кооператив) + суффикс императива *-tär* /178. М. Ряснен усматривает в аффиксе *-ġär* три элемента: аффикс каузатива *-t*, кооперативный аффикс *-ś* и аффикс 2-го лица множественного числа *-är*, т.е., по-видимому: *-t* + *-äś* + *-(ä)r* > *-ġär* /179. Н.И. Ашмарин писал, что происхождение аффикса *-ġär* представляется ему темным /10, стр. 309/.

Может быть, в основе чувашских *ilġär* ~ *ilġär* лежит форма будущего времени, т.е. *ilä-tär* и *ilä-s-tär* (ср. генезис 3-го лица повелительного наклонения в пермских языках: коми *munas* 'он пойдет' и *med munas* 'пусть пойдет', а также историю форм на *-γur* и *-γaj* в тюркских языках).

Для смягчения просьбы к повелительной форме прибавляются частицы *-ġä* (*-ġä*), *-xa*, *-xala*, для усиления — *-sam/-sem*.

Частица *-ġä* (*-ġä*/*-ġä*, *-ġü*/*-ġü* и т.п.) известна многим тюркским языкам, например: узб. *jā>äci* 'пиши же', баш. *al-sä* 'возьми-ка', кум. *al-ġä* 'возьми-ка', ног. *kara-s* 'смотри-ка', тат. *biġä* 'дай-ка', бараб. *kiliġ* (частица *-iġ*, *-ic*) 'пойди-ка' и т.д.

Частица *xala* /180 встречается в чувашских низовых говорах: *kil-xala* 'сходи-ка'. Этимологически она родственна татарской частице *älä*: *kilä* 'уходи-ка'.

178 Чувашский языковед Ф.Т. Тимофеев сопоставил аффикс *-tär* с монгольским указательным местоимением *tere* 'тот' и разлагал аффикс *-ġär* на *-ś* + *-tär*, считая *-ś* показателем множественности /133/.

179 Очень интересна форма 3-го лица множественного числа повелительного наклонения в каршинском говоре узбекского языка /152, стр. 31/: *bariśsin*, где *-iś* — кооперативный аффикс. Тот же аффикс выступает в некоторых глагольных формах намаганского говора (*ġlä körpütä* 'они видели', *ġlä барвусä* 'если они пойдут' /110/. Ср. также киргизские формы: *ġaziśsin* 'пусть они пишут', *keliśsin* 'пусть они приходят', где *-ś* — тот же аффикс кооператива.

180 К ней может присоединяться аффикс 2-го лица множественного числа: *ġapsam-xalar* 'сбегай-ка' /15, XVI, стр. 37/.

Частица *-sam/-sem* встречается с формами единственного и множественного числа: *kalaşam* 'скажи', *aşä nârşam* 'вспомните'. Эта частица, видимо, восходит к аффиксу 2-го лица единственного числа условного наклонения *-sam/-sen*. Об этом свидетельствуют следующие факты. В узбекском языке пожелание, просьба, побуждение к действию может быть выражено сочетанием формы 2-го лица настоящего-будущего времени условного наклонения с частицей *-äi* /57, стр. 207/. В татарском языке употребительны такие формы, как: *kajtsaqäla*, *kajtsaqäzla*, *kajtsaq ää* и т.д., имеющие побудительно-повелительное значение и являющиеся генетически условными формами. Во многих тюркских языках употребительны формы типа: тат. *alsana* /181 'взял бы ты', баш. *althana* 'взял бы ты', ны формы типа: тат. *alsana* /181 'взял бы ты', баш. *althana* 'взял бы ты', в шорском языке Н.П. Дыренковой отмечены формы типа: *ajt perzeq* 'расскажи', *uksaq* 'слушай' и т.д., образованные от основы глагола с помощью аффиксов *-saq/-seq*, *-zaq/-zeq* и представляющие собой собственно 2-е лицо единственного числа условного наклонения /182. То же явление имеет место и в других тюркских языках, например хакасском, туркменском, в диалектах и говорах азербайджанского языка.

Чувашское *-sam/-sem*, вероятно, восходит не непосредственно к "условному" аффиксу *-saq/-seq* (в чувашском ожидалось бы *-san*), а к частице *sana/sene*, точнее, к ее варианту *sanä/sänä*, который наблюдается в диалектах башкирского языка: *sanä/sänä*, *sälä: kil sanä!* 'иди-ка!'. Эта частица *sana/sene*, как уже говорилось, появилась из первоначального *saq/seq-e* или *saq-la/seq-le*.

В башкирской диалектальной частице *sänä*, *sälä* возможна контаминация двух сложных частиц *sänä* < *sän-ä* и *sä älä* < *ä* + *älä*.

В верхних говорах чувашского языка Н.И. Ашмарин /10, стр. 390/ отметил формы типа *paraġ* 'дай-ка', *ġmaj* 'погоди-ка'. Сюда же, вероятно, относятся тюрк. *alaj*, *göräġ*, баш. диал. *başlajġä* /183 'начинайте же' /23, стр. 104/.

Отрицательные формы 2-го и 3-го лица образуются с помощью пре-позитивной отрицательной частицы *an*:

<i>an il</i>	'не бери'
<i>an ilär</i>	'не берите'
<i>an ilġär</i>	'пусть не берет'
<i>an ilġär</i>	'пусть не берут'

181 Как полагал Н.К. Дмитриев /37, стр. 165/, аффикс *-hana* (< *-sana*) восходит к аффиксу 2-го лица условного наклонения *-san* и частице *a*. Ср. чув. *an kajşam-a* 'не уходи', *kalaşam-a* 'скажи (прошу тебя)'. Интересны также башкирские диалектальные формы типа *kaj-täġäşhana* /24, стр. 37/.

182 В шорском языке в значении нерешительной вежливой просьбы употребляется форма на *-sabıs/-sebis,-zabıs/-zebis* /41, стр. 174/; ср. также алт. *harzayar* < **bar-sa-q-lar* 'посхали бы'.

183 *Başlajġä*, вероятно, < *başlajġä* + *ä* 'начнемте мы с вами'; ср. *alajġä* 'возьмемте' /24, стр. 121/, ног. диал. (акногайское) *bañajġä* 'давайте-ка найдем' /53, стр. 17/ < *bañjak-iñiz*.

Нередко эту частицу сопоставляют с коми и удм. *ān* 'не': коми *эм иж* 'не пиши', удм. *эн ветлы* 'не ходи' /10, стр. 317; 74, стр. 334-335; стр. 26-27/. Г. Рамстедт /108, стр. 82/ полагал, что *an* < **eŋ* (императив негативного глагола *e*). Близкую точку зрения высказал А.Н. Кононов /60, стр. 107/, усматривая в *ān* > *an* причастие ~ деепричастие на *-n* от негативного глагола *e**, известное в алтайских языках (например, тунгусо-маньчжурских).

ПРЕДЛАГАТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ¹⁸⁴

В чувашском языке употребительны формы 1-го лица единственного множественного числа желательного наклонения: *ilem* 'возьму-ка я'; *ile* 'давайте возьмем'.

Показатель желательного наклонения – аффикс *-a/-e*¹⁸⁵. Он совпадает с показателем собственно желательного наклонения в языках юго-западной группы: турецком, азербайджанском, гагаузском¹⁸⁶. Ср., например, азербайджанскую парадигму желательного наклонения:

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>alam</i> 'взять бы мне'	<i>alag</i> (но: <i>alīm, alag</i> – формы повелительно-желательного	
2-е л.	<i>alasan</i>	<i>alasiniz</i> лительного	
3-е л.	<i>ala</i>	<i>alalar</i> наклонения)	

В 1-м лице множественного числа выступает показатель множественности *-r*, соответствующий общетюркскому *-z*, а функционально и общетюркскому *-k* (аффикс собирательности); ср. азерб. (до XVII в.) *bilāvūz, bilājūz* (старотурецкие *-vuz, -vūz*). М. Ряснянен /221, стр. 210/ выводит чувашский *-ar* из *-ajr* (ср. старотурецкие *-uz/-ūz* в парадигмах настоящего и будущего времен, а также баш. диал. *alajǰǰǰ* 'возьмете' < *alajǰǰ*).

В аффиксе *-m* (1-е л. ед. ч.) исследователи часто видят аффикс принадлежности /74, стр. 203/. Однако вполне вероятно и такое предположение чувашский *-am* < *-ajm*; ср.: тат. *barǰm*, баш. *barajǰm*, кум., ног., ктат. *barajǰm*, туркм., ккал. *barajǰm*, тув. *barajǰm*, шор., алт. *barajǰm* и т.д.

¹⁸⁴ Использован термин А.М. Щербака.

¹⁸⁵ Г. Рамстедт /108, стр. 88/ возводил чувашское *pula-m* к **bolǰam* и *pular* к **bolǰa-bir*. То же объяснение находим у М. Ряснянена /221, стр. 210/. Изменение *bir* в *r* маловероятно, так как этот аффикс (*-rar*) в чувашском обычно сохраняется.

¹⁸⁶ Вполне вероятно, что в языках юго-западной группы имела место контаминация нескольких форм генетически близких настоящего-будущего на *-a/-e*, опатива на *-a* < **ta* и императивно-желательной формы на *-aj-ej* (ср.: /34/). В современных тюркских языках северо-восточной, северо-западной, юго-восточной групп представлены предлагательно-желательные формы на *-aj/-ej* и собственно опативные на **ta*.

Аффикс *-in/-im* представлял собой аффикс лица¹⁸⁷ или показатель единичности *-n* (ср. *alajǰn – alajǰk*, где *-k* – показатель собирательности, множественности).

В словаре Н.И. Ашмарина отмечена интересная глагольная форма, которую иногда сопоставляют с формой 1-го лица множественного числа предлагательно-желательного наклонения: *urǰǰak, urǰǰǰak*¹⁸⁸, *ǰǰǰǰnik* /15, III, стр. 255; 15, XIII, стр. 10/. *ǰǰǰǰnik*, возможно, является производным от *ǰǰǰǰn* – 'кланяться', 'приседать', 'делать реверанс', ср. др. тюрк. *jǰkǰn* – 'поклоняться', 'кланяться' или *ǰǰk* – 'опускаться', 'становиться на колени'. Чувашское *ǰǰǰǰnik* 'поклонимся', вероятно, соответствует татарской форме на *-jk*, типа *barǰjk* 'пойдем-ка'.

ФОРМА НА *-maǰajǰ /-meǰejǰ, -maǰaj /-meǰej*

Н.И. Ашмарин /14, стр. 273/ отметил для некоторых чувашских говоров форму на *-maǰajǰ*: *pulmaǰajǰ* 'пусть', 'пускай', *pǰmeǰejǰ* 'пусть уйдут'. Он полагал, что *pulmaǰajǰ* можно свести к аналитической конструкции: отглагольное имя на *-ma* + глагол *kaj-* в 3-м лице единственного числа уступительно-желательного наклонения, т.е. *pulma + kajǰn* (? – Л.Л.). Эта гипотеза в какой-то мере была поддержана М. Рясняненем /221, стр. 216/. Однако данные других тюркских языков Поволжья – татарского и башкирского – позволяют несколько иначе анализировать формы на *-maǰajǰ*.

В современном татарском литературном языке форму на *-maǰaj* рассматривают как реликт старого желательного наклонения на *-ǰaj*¹⁸⁹. При этом она может передавать два противоположных модальных оттенка: опасение, что может совершиться какое-то действие, предостережение

¹⁸⁷ К. Брокельман /179, стр. 227/ полагает, что *-n* представляет собой остаток *mān*, подтверждая свою гипотезу данными старотурецкого языка и другими примерами. В совр. тур. *jazǰǰm* *-m* мог попасть из другой парадигмы, *lī* в *jazalīm* (< *jazajlīm*), возможно, показатель собирательности, близкий к древнему комитативу на *-lī*; *-m* – показатель 1-го лица (встречаются, например, в туркменском и формы *alalīŋ*, где *-ŋ* – показатель 2-го лица).

¹⁸⁸ *Urǰǰǰak* – восклицание на свадьбе, когда кто-нибудь выпьет свой кубок (Х. Пасоенен), *ǰǰǰǰnik* – восклицание неизвестного значения, которое произносит старший дружка на свадьбе. Не связаны ли слова *urǰǰak* и *pǰǰǰak* с глаголом *ǰǰǰn* 'опрокинуться' (ср.: *ǰǰǰǰǰ* – 'опрокинуться' и *ǰǰǰǰ* 'вверх дном', т.е. *urǰǰak* 'опрокинем-ка' < **ǰǰǰǰ*, **ǰǰǰǰ* 'заставить опрокинуться', 'опрокинуть')?

¹⁸⁹ Ср. форму настоящего времени желательно-составительного наклонения в каримском языке. В 3-м лице, как пишет К.М. Мусаев, семантика формы на *-ǰaj* приближается к семантике повелительного наклонения /37, стр. 286-288/.

от его совершения → запрещение; 2) безразличное отношение к действию, которое может совершиться, допущение к совершению действия /129, стр. 104/.

Исследователи татарского и башкирского языков, особенно диалектологи, как правило, отмечают у формы на *-таҗај* одно из перечисленных значений, реже — оба из них. Так, в бурзянском говоре башкирского языка зарегистрированы такие примеры: *āj, böğön babaj zsmāgāja* 'как сегодня муж не выпил' и *kilmāgāja* 'по мне/пусть придет' /23, стр. 104/. В кубалаянском говоре пример иллюстрирует лишь первое значение: предостережение от совершения действия /23, стр. 17/. В мишарских говорах татарского языка в форме на *-таҗај* как будто превалирует второе значение /76, стр. 146; 151, стр. 97/, а в татарском литературном языке — первое. Видимо, все эти сведения нуждаются в уточнении.

Чувашская форма на *-таҗај* служит для выражения безразличного отношения к действию, иногда употребляется в зложеланиях¹⁹¹. Таким образом, по семантике и структуре она, видимо, тождественна с татаро-башкирской формой.

В нурлато-кайбицком говоре татарского языка форме на *-таҗај* по семантике и функции соответствует форма на *-таҗај* /-*māgāja* /76, стр. 58; 7, стр. 28/, которая, возможно, генетически связана с повелительными формами на *-җај, -җај*, употребляемыми в выражениях с семантикой благожелания или зложелания¹⁹².

В случае генетической близости обеих форм можно было бы сделать вывод о параллелизме семантического развития двух пережиточных отглагольных образований (повелительно-желательных форм) и косвенно подтвердить, что *-таҗај < тај*.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эта форма образуется из основы будущего времени и аффиксов прошедшего времени, восходящих к форме прошедшего категорического отглагола *с- (i-)* 'быть':

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>ilattam < ila-tam</i>	'я взял (брал) бы'	<i>ilattamər</i>
2-е л.	<i>ilattən</i>		<i>ilattər</i>
3-е л.	<i>iläččä</i>		<i>iläččäs</i>

¹⁹⁰ А.А. Юлдашев /161, стр. 165, прим. 1/ иллюстрирует употребление древней формы желательного наклонения следующим примером: *bär xäl bulmaҗaј* 'как бы чего не вышло'.

¹⁹¹ В тракайском диалекте караимского языка аффикс *-тај* употребителен и для выражения зложелания /87, стр. 288/: *jeđi kat jer seni jutxej* 'чтобы тебя земля (у которой семь слоев) поглотила' и т.д.

¹⁹² Например: узб. *jer jukur!* 'чтоб тебя земля поглотила!', баш. диал. *jäsämägär* 'чтобы /его/ на свете не было', кум. *jü züq kara bolҗur* 'чтоб у тебя лицо почернело', тат. *јәп алҗајра* 'черт бы побрал' и т.д.

В верховых говорах (моргаушском, ишлейском и т.д.) к форме будущего времени прибавляется аффикс *-сә < *itə < *eä*, например, в ишлейском:

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>paҗәрсә < paҗәр сә</i>	'я бы дал'	<i>paҗәрәрсә</i>
2-е л.	<i>paҗәпсә</i>		<i>paҗәрсә</i>
3-е л.	<i>paҗәсә</i>		<i>paҗәсәс</i>

По своей структуре эта форма однотипна с так называемым прошедшим на *-rdi/-rdi*, распространенным во многих тюркских языках /159, стр. 128/. Обычно исследователи отмечают у формы на *-rdi* два значения — временное и модальное.

Последнее выступает как преобладающее в том случае, когда форма на *-rdi* является сказуемым главного предложения с придаточным условным и уступительным¹⁹³. Форма на *-rdi* как модальная (конъюнктив) встречается и в качестве сказуемого самостоятельного предложения /83, II, стр. 59/. Это явление нередко считают инновацией /159, стр. 253/.

В чувашских грамматиках форма на *-әсә* рассматривается как форма сослагательного наклонения. Генетически она является аналитической формой прошедшего времени индикатива¹⁹⁴.

УСТУПИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ (КОНЦЕССИВ)

В современном чувашском языке употребительны лишь формы, образованные от основы будущего времени. Данные диалектов (фольклорные записи и материалы, собранные в начале XIX в.) свидетельствуют, что раньше уступительные формы могли быть образованы и от основ настоящего времени и прошедшего на *-ра(-сә)*.

В чувашском литературном языке употребительны следующие формы уступительного наклонения:

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>širäpin</i>	'хотя я пишу'	<i>širäpärin</i>
2-е л.	<i>širäšän</i>		<i>širäšän</i>
3-е л.	<i>širin</i>		<i>širäšin</i>

Сравнение этой парадигмы с парадигмой будущего времени того же глагола:

¹⁹³ Так, А.К. Боровков писал: "Сослагательный глагол не отличается по форме от многократного глагола, но предполагает обязательное условие совершения действия; условный глагол..." /26, стр. 45/.

¹⁹⁴ Во многих языках формы сослагательного наклонения являются переосмысленными формами прошедших времен индикатива (ср. историю сослагательного наклонения в молдавских языках, в русском языке и т.д.).

<i>šī rāp</i>	<i>šī rāpār</i>
<i>šī rān</i>	<i>šī rār</i>
<i>šī rā</i>	<i>šī rās</i>

показывает, что формы 1-го и 3-го лица единственного и множественно числа представляют собой основу будущего времени + показатель *-in*. Происхождение форманта *-in* пока остается неясным¹⁹⁵. Н.И. Ашмарин /10, стр. 308/ сближал этот *-in* с русским народноразговорным "ин" ("ино") в значении "пусть" и эрзяно-мордовским "ино" (из русск.)¹⁹⁶.

В. Котвич /64, стр. 268/ считает, что с этим предположением Н.И. Марина трудно согласиться, и приводит тунгусские параллели к аффиксу *-in*. Г. Рамстедт /108, стр. 111-112/ связывает чувашское *-in* с тюркским *-in* в желательных формах типа *alajın* 'возьму-ка я'.

В чувашских говорах, например сундырских, вместо частицы *in* выступает *tāk* < русск. *так*¹⁹⁷.

Аномальными представляются формы 2-го лица единственного и множественного числа: *šīrāšān* и *šīrāšār*. Н.И. Ашмарин /10, стр. 308/ высказывает предположение, что это либо параллельные формы будущего времени с аффиксами лица *-sān* и *-sār*, или же эти формы проникли из какой-то другой парадигмы. В.Г. Егоров /74, стр. 208/ склонен видеть в элементе аффикса условности (ср. также: /212, стр. 144/). Нельзя ли предположить, что формы с аффиксами *-sān*, *-sār* восходят к аналитической конструкции: *-ə* (будущее время) + **erseq*, **erseqiz* ~ **isen*; **isegir* > **iser*. *kajə + isen* > *kajšsān*; *kajə + iser* > *kajšsār*¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Аффикс *-in* встречается и с именами-предикативами: *šukkin* 'если и нет'; см. также аналитическую форму *kajər erpin* в бердяшском говоре /78, стр. 157-158/. Вероятно, тот же формант *-in* представлен в *erpin*. Н.И. Ашмарин /15, VII, стр. 289/ отмечает форму *kərərət* 'если я войду', где *-ət* функционально (и генетически? — Л.Л.) тождественна форме на *-ərət* в фольклоре встречается и от других глагольных основ.

¹⁹⁶ Ср. марийский союз *gān/gān, kin'* 'если'. Любопытна также в одном из крымских ярлыков конструкция типа: *kurkarlar ime* 'пусть бы они страшались', где *ime* С.Е. Малов сравнивал с *ārinč* и *ārki*, т.е. считал производным от глагола *ār-* 'быть'. Быть может, чувашское *in* и *ime/eme* идентичны?

¹⁹⁷ Н.И. Ашмарин отмечает у курмышских чувашей: *il, ileṭən tāk* 'бери, если хочешь взять', ср. также сундыр. *kajap-tāk-ara, kajat(ə)n-ara* и т.д.

Л. Зайяй /45, стр. 111/ указывает, что в западном диалекте татарского языка (мишарском) значение условного наклонения передает сочетание сказуемого с частицей *tāk/tāk*: *vaktāṭ juk tāk, batmājsāṭ* 'если у тебя времени, не пойдешь'.

В марийском языке имеется частица *dāk* (из русск.), употребляемая в условном и уступительном значении /29, стр. 182/.

¹⁹⁸ Ср. выше, стр. 59 (раздел «Формы глагола е-⟨er- 'быть'⟩»).

Чув. *pā xāšān* 'смотришь', 'а оказывается...' сопоставимо с тат. *ak saq* 'глядь'¹⁹⁹.

Примечательно, что аффиксы *-sān* и *-sār* употреблялись и с основой прошедшего времени. По записям А. Регули²⁰⁰, И. Буденц восстановил следующую парадигму:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>polšāmin</i>	<i>polšāmšān</i>
2-е л.	<i>polšāšān</i>	<i>polšāšār</i>
3-е л.	<i>polšān</i> < <i>polšā-in</i>	<i>polšāšān</i>

Формы 2-го лица единственного и множественного числа здесь также выглядят аномальными.

Н.И. Ашмарин /10, стр. 342/ записаны интересные диалектальные формы от основы настоящего времени:

<i>kajəpin</i>	<i>kajəpār</i>
<i>kajəšān</i>	<i>kajəšār</i>
<i>kajəin</i>	<i>kajəšin</i>

Как видно из этой парадигмы, аффикс *-in* присоединяется и к форме 2-го лица множественного числа (во 2-м лице единственного числа он отсутствует, возможно, из-за наличия *n* в аффиксе *-sān*).

В некоторых говорах употребительна смешанная парадигма. Так, в записях того же Н.И. Ашмарина /10, стр. 343/ находим:

	ед. число		
1-е л.	<i>kajəpən</i>	<i>kajəpār lən</i>	—
2-е л.	<i>kajəšān</i>	—	—
3-е л.	—	<i>kajələn</i>	<i>kajə tāk</i>
	мн. число		
1-е л.	<i>kajəpārān</i>	<i>kajəpār lən</i>	—
2-е л.	<i>kajəšārān</i>	<i>kajəšār lən</i>	—
3-е л.	—	<i>kajəččələn</i>	<i>kajəččə tāk</i>

Видимо, аффикс *-lən* восходит к *pulən* и формы типа *kajələn* были когда-то аналитическими. Этот же аффикс *-lən*, вероятно, тождествен с "глагольной" формой *l'in*, отмеченной Н.И. Ашмариним в сундырских говорах: *šomār šok lin' te kōšal ürə lajəx* 'хотя и нет дождя, но хлеба в этом году хорошие' /10, стр. 390/; ср. *šomār šok lin' te kōšal ürə jošo* /150, стр. 160/ (вместо *lin' te* употребляется и *tāk te*).

В современном чувашском языке употребительна и аналитическая форма типа:

¹⁹⁹ Ср. также чув. *pālāšān* 'а ни самом деле', *karšān* 'смотришь'.

²⁰⁰ Ср.: *polšān* 'если было', 'было ли' /15, IX, стр. 27/, *kilšān* 'если пришел' /15, VI, стр. 208/, *vēšānšān* 'поругал ли' (наговор) /14, стр. 170/.

šimā pulāpin 'как бы я ни писал', 'хотя бы и писал'
šimā pulāšān
šimā pulin и т.д.

Формы уступительного наклонения с аффиксом -*čā* (< **itā*) трактуются исследователями как желательное наклонение:

ilāpinččā < *ilāpin* + -*čā* 'взял бы я'
ilāšānččā 'взял бы ты'
ilinččā 'взял бы он' и т.д.

Эти формы, кроме 3-го лица, почти не употребительны: *Ex, atte kilin-ččā* 'Ах, если бы пришел отец!' /14, стр. 170/.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ГЛАГОЛА *pul-*

От временной основы на -*nā/-nā* в сочетании с временными формами глагола *pul-* в чувашском языке образуются так называемые перифрастические (сложные) формы времени.

Н.И. Ашмарин /14, стр. 236/ отмечает форму настоящего-прошедшего времени, состоящую из формы на -*nā/-nā* и настоящего времени глагола *pul-* (*kajnā pulat*). Например: *Epe sāt patna pīmasseren ešā tašta tuksa kajnā pulatān* 'Я прихожу к тебе, а ты (все) бываешь в отлучке' (Н.И. Ашмарин).

Форма *kajnā pulat* малоупотребительна. Структурная параллель к ней встречается в татарском языке /129, стр. 276/, где она представляет форму на -*тан* в сочетании с настоящим временем глагола *bul-*: -*тан була* (ср.: /136, стр. 11/).

В чувашских грамматиках отмечена и форма типа *kajnā pulā* (будущее II, по Н.И. Ашмарину; будущее сложное или преждебудущее у В.Г. Егорова).

Эта временная форма употребляется для передачи будущего действия, которое должно произойти до совершения другого будущего действия /7, стр. 192/: *Ešir kilär-te epe vilnā pulār* 'Вы придете, но я до того времени умру' (Н.И. Ашмарин).

Аналогичную структуру и то же значение имеет татарская перифрастическая форма на -*тан була* /129, стр. 276/: *Söz bu xatnā minät ukäzärän min bik küptän ülgän bulmān* 'Когда вы будете читать мое письмо, я давно умершим...'

Более распространенной в тюркских языках является перифрастическая форма времени, сложившаяся из сочетания временной формы на -*тан* (~чув. -*nā*) основного глагола и той же формы глагола *bol-* /*bul-* /

В чувашском языке это – так называемое давнопрошедшее неопределенное время /74, стр. 199-200/, по терминологии Н.И. Ашмарина, – "преварительное состояния 2-е". Временная форма типа *kajnā pulnā* употребляется, когда речь идет о действии, происшедшем ранее другого прошлого действия, причем совершалось оно не на глазах говорящего /14, стр. 234/: *Väl ilnā pulnā ikken, xalā tatax ilčā* 'Он оказывается (уже) получил раньше, а теперь получил опять?' (Н.И. Ашмарин).

Структурно-семантические параллели к этой временной форме можно найти во многих тюркских языках: татарском, башкирском, кумыкском, казачском и т.д. /159, стр. 199 и сл./.

Н.И. Ашмарин /14, стр. 236/ отмечает "прошедшее многократное состояния 2-е", восходящее к форме на -*nā* и прошедшему многократному времени от глагола *pul-*, т.е. *kajnā pulat-čā*: *Epir ul patne pīmasseren, šl tašta tuksa kajnā pulat-čā*. 'Мы приходили к нему, но он все бывал в отлучке (бывал куда-то вышедшим)' (Н.И. Ашмарин).

В чувашском языке известна и перифрастическая форма сослагательного наклонения²⁰¹ типа *kajnā pulāččā*.

Структурно-семантические параллели к ней отмечены во многих тюркских языках /57, стр. 414; 159, стр. 261-262/.

ПРИЧАСТИЯ

Причастие на -*tā/-tā*

Н.И. Ашмарин /10, стр. 328/ отметил, что в верховых говорах от некоторых глаголов употребительна особая форма на -*tā*, -*rā*, образованная, по-видимому, от старого причастия на -*tā*, -*rā* с помощью аффикса принадлежности 3-го лица -*i* и аффикса творительного падежа -*pa/-pe*.

Это гипотетическое причастие на -*tā*, -*rā* Н.И. Ашмарин сближает с глагольным именем на -*dik/-dik*, характерным для тюркских языков юго-западной группы. Он приводит следующие примеры, иллюстрирующие употребление формы на -*tā*: *kaš polttipe* 'при наступлении вечера', *avel anttipe* 'на закате солнца', *kāntārla šit tīpa* 'с приближением полудня', *tattām pulttipe* 'время, когда смеркается' /15, XV, стр. 104/, *kātti ožidanie ego* /15, VII, стр. 322/. В материалах А. Регули /180, № 302 216/ (то же у Н.И. Ашмарина /15, XII, стр. 186/) встречаем: *Epe jalā it tīpe kortām* 'Я увидел (это), подбегая к деревне'²⁰².

Причастие на -*tā* могло выступать и без падежных аффиксов и было, по-видимому, полифункциональным: *puš pätti šār* 'место, откуда нет возврата', букв. 'место, где пропала голова' /15, I, стр. 18; 15, X, стр. 16; *aqa pēt i* 'конец пашни, сева' (название обряда) /15, IX, стр. 275-276; *xura vātan vītār tuxām čipe* 'когда я шел через темный лес...'

Любопытно употребление формы на -*tā/-tā* с именным отрицанием *uk*. Впрочем, такие конструкции могли возникнуть по аналогии: *Epe vātanā karām šuk* 'Я в лес не хаживала'; *Kuķār jivās kasrām šuk* 'Криное дерево не рубивала' /15, XII, стр. 204/.

Подобная же конструкция употребительна у параньгинских татар, но несколько ином значении: *Min küršä gä gänä kəräm anda özak tördäm juk*

²⁰¹ Аналитическая форма уступительного наклонения приведена в соответствующем разделе, см. выше, стр. 83-84.

²⁰² См. также *teripe* < *te-* 'говорить' /15, XIII, стр. 307/.

‘И зайду только к соседу, там долго не задержусь’ /27, стр. 111/203.

Особо могут быть выделены такие формы, как *kalarāš: xaj (xu, xäj) kalarāš* ‘как говорится’ /15, XV, стр. 6, 139, 289/, *eşə kalarāş pek pulġâr* ‘пусть будет, как ты сказал’ /15, VI, стр. 30/; *palġârāş* ‘показание’: *kaçal kalarāşpe saşan pulġ palġârāşpe* ‘по сказанию утки, по показанию сазана’ /15, XIV, стр. 83/; *turtkalarāşā* ‘манера возить’ /15, X, стр. 169/ < *turt-kala-rā-şā* и *utkalarāşā* ‘походка его’ /15, III, стр. 323/. Быть может, в этом случае мы имеем субстантивированную глагольную форму на *-rā* (а не причастие на **-rā* < *-dik*) с аффиксом принадлежности 3-го лица *-şā* 204. Образцом могла послужить модель: причастие на *-nā*, *-as* + аффиксы принадлежности.

Причастие на *-as/-es*

В исследованиях по чувашскому языку это причастие называется причастием будущего времени /74, стр. 223; 95, стр. 269; 3, стр. 157/. Однако форма на *-as/-es* выражает целый комплекс значений, каждое из которых реализуется в зависимости от выполняемой ею функции в предложении. Форма на *-as/-es*, как мы увидим ниже, и исторически была полифункциональной.

В современном чувашском языке в качестве определения, дополнения и обстоятельства она передает действие, которое совершится в будущем: *Eрăхулана kajas şĭnna kurġĕm* ‘И видел человека, которому предстоит (тотрый поедет. – Л.Л.) в город’ 206; *Kun pek namġs, kun pek xurġĕx kuras* *Kĕlpĭk sĭsman* ‘Кельпук не ожидал (что увидит, – Л.Л.) такого стыда и пр.’; *Varalanasran kĕnekene xupra çĕrĕketĕm* ‘Чтобы не испачкать книгу, я вернул ее в бумагу’ и т.д.

В роли сказуемого форма на *-as/-es* также обозначает действие, которое совершится в будущем. Однако нам кажется, что в этой функции форма на *-as/-es* не только указывает на время действия, но выражает и модальную характеристику – необходимое, желательное, возможное и т.д. действие в будущем: *Setner, Setner, kala-xa, ĕşta kajas, mĕn tĕvas?* ‘Сетнер, Сетнер, скажи хоть, куда (нужно. – Л.Л.) пойти, что делать’ (К. Иванов); *Ku jĭvĕr samanġa leple potas?* ‘Как жить в такие трудные времена?’ (тексты А. Регули /180/). *Vana sana aşu ta pallajas şuk* ‘Поти тебя и твой отец не узнает (не сможет узнать)’ Альгер) и т.д. Это же значение форма на *-as/-es* сохраняет в сочетании с глаголом *-ĕ* (отнесен действия в план прошлого и оттенки сослагательности), с глаголами *kĭ-*

203 Ср. ту же форму в говоре татар Куйбышевской области /74, стр. 214/.

204 Ср.: /10, стр. 344/.

205 Подробнее см.: /3, стр. 157 и сл.; 13, стр. 440, 448-450, 470, 478-486/.

206 Примеры заимствованы из исследований по современному чувашскому языку.

-ul-, te- и предикативными словами *pur* и *şuk* 207: *Manĕn pisatel pulasĕ* ‘Мне хочется быть писателем’; *Manĕn eşes kilet* ‘Мне хочется пить’; *Samġksen verenes pulat* ‘Молодым нужно учиться’; *Şilġine alġran vĕşĕr-sen xĭrĭnġen tĭsa çaras şuk* ‘Не удержишь за гриву, за хвост не удержишь’.

Происхождение формы на *-as/-es* до сих пор оставалось неясным. И.И. Ашмарин предполагал /10, стр. 310-311/, что она возникла из деепричастия на *-a/-e* и *-s* > *-si* ~ *-si* – показателя принадлежности 3-го лица, и считал ее тождественной с татарской формой на *-asā*. Позднее он добавил /9, стр. 85/, что и чувашский аффикс вначале имел конечный гласный, т.е. звучал как *-asā/esa*. И.А. Андреев сближает чувашскую форму на *-as* с общетюркским причастием на *-s* (в *-mas*) > *z > r* /3, стр. 158-159/, отвергая гипотезу И.И. Ашмарина об *-as* < *-asā* < *-asi*. Мнение И.А. Андреева, по всей видимости, поддерживает и И.П. Павлов /95, стр. 269/. Нам кажется более предпочтительной гипотеза И.И. Ашмарина.

Прежде всего обратимся к тюркской форме на *-asi*. Она известна тюркским языкам юго-западной (огузской) группы: турецкому, азербайджанскому и туркменскому 208. В современном турецком языке аффикс *-asi* непродуктивен /56, стр. 221/, и форма на *-asi* встречается в фразеологизмах типа *kör olasi* ‘чтоб ему ослепнуть’. Употребительна в турецком языке (как и в других языках юго-западной группы) конструкция *-asi + gel-*: *göresim geldi* ‘мне хочется видеть’. М.С. Михайлов /84/ приходит к заключению, что в турецком языке XIV-XV вв. форма на *-asi* представляла грамматический синоним пришедшей ей на смену формы на *-ajak*, т.е. являлась причастием будущего времени: *Ki bundaġi olasi faida* ‘И какая от этого будет польза’ 209; *Ajnıra kalası mĭkkü niderler* ‘Что они будут делать с достоинием, которое достанется другому’ и т.д. В народно-разговорном турецком языке форма на *-asi* употребительна и в настоящее время.

Эти же функции у причастия на *-asi* отмечены и в памятниках азербайджанского языка /104, стр. 89 и сл./.

Форма на *-asi* может выражать необходимость и возможность совершения действия: *varasidur* ‘(он) обязательно пойдет’, *käläsi jolları* ‘дороги, по которым (они) могут прийти’ и т.д. В современном азербайджанском языке (в большинстве его говоров и диалектов) существует “необходимостное наклонение” на *-asi*. В туркменском языке форма на *-asi* встречается в конструкциях типа: *aladı bat jok* ‘нет вещи, достойной покупки’; *indı ol geleđi jok* ‘он теперь, вероятно, не придет’; *şu gün şühere gideđi i:ş jok* ‘сегодня незачем ехать в город’ и т.д.

207 Подробную характеристику функционирования формы на *-as/-es* в чувашском языке см. в работах В.Г. Егорова /74/, И.П. Павлова /95/ и И.А. Андреева /3/; отсюда же взяты и примеры.

208 Многие исследователи, начиная с О. Бётлингга, сопоставляли с формой на *-asi* формы так называемого утвердительного наклонения (по О. Бётлинггу – *perfektiv*) якутского языка. Подробнее см.: /62, стр. 198 и сл./.

209 Примеры заимствованы из вышеупомянутой статьи М.С. Михайлова.

В памятниках туркменского языка форма на *-ası* так же полисеман- тична, как и в других огузских языках (например, у Махтумкули: *avaza Ćin-Macın dağlar aşası*, *seni görenleriñ akli Ćaşası* ‘слава твоя достой- перевалит через горы Чина-Мачина; у видевших тебя разум готов сме- шаться’ /88, стр. 150/ или в туркменской поговорке: *gelen jillar gelebi, erir haĆan bolaşı* ‘будущий-то год настанет, а вот завтра когда насту- пит’ /88, стр. 150/.

В каракалпакском языке форма на *-ası*, по определению Н.А. Баск- кова /54, стр. 831/, является причастием будущего времени с должнос- вовательным оттенком: *ölesi adam* ‘человек, который должен умереть’, *kelesi küni* ‘на другой день’, *beresige besew kör*, *alasıta altaw az* ‘то, кто хочет отдать, и пять много, тому, кто хочет получить, и шесть мал- /18, стр. 410/.

Лексикализованное “причастие” на *-ası* встречается и в других тюркских языках, например, караим. *kel’asi*, каз. *kelesa* ‘будущий’ и т.д. Махмуд Кашгарский /80, II, стр. 71/ отмечал, что в языке огузов, кыпчаков, печенегов и болгар употребительна форма на *-ası*, соотноси- тельная с формой на *-tu* у чигилей, ягма, тухси, аргу и уйгуров. В сло- варе Махмуда Кашгарского отмечены такие примеры употребления фор- мы на *-ası*: *barası jir* ‘место, куда пойдут’; *ağası oğur tągül* ‘не время подниматься на гору’; *meniñ barasıñ* ‘мое хождение’, *seniñ barasıñ kañ* ‘когда ты пойдешь’; *ol bizkä käläsi boldı* ‘он намеревался прийти к нам’; *otun käsäsi baldu* ‘топор для рубки дров’; *tañ arıtası oğur* ‘время когда должно молотить хлеб’ и т.д.

В современном татарском языке форма на *-ası*, выступая как опре- деление, передает действие, которое должно совершиться в будущем: *barasä kön* ‘день, когда нужно будет ехать’ (ср. чув. *tiŕä viŕas växät* ‘время, когда нужно жать хлеб’ = ‘время жатвы’).

В функции сказуемого форма на *-ası* выражает модальное значени- должностности, необходимости (ср. необходимостное наклонение азербайджанского языка): *Alda jājälär jaikan kara utmannä cägäşä...* ‘Надо только пройти через густой лес, лежащий впереди...’ /129, стр. 252/.

Форма на *-asä idä* соотносительна с формой на *-asä* во временном плане (действие в прошлом — действие в будущем). Форма на *-asä idä*, будучи сказуемым неопределенно-личного предложения, выражает поже- лание совершить действие (ср. чув. *-asčä*).

В татарском языке форма на *-asä* выступает в сочетании с гла- голами *kil-*, *bul-*, предикативными словами *bar* и *juk*.

Татарская форма на *-asä/-äsä* не употребляется с отрицанием *-ma/-mä*. Примечательно, что и чувашское причастие на *-as/-es* довольно редко имеет аналогичное отрицание²¹⁰.

²¹⁰ Н.И. Ашмарин отмечает такие случаи, как: *pulmas şın* ‘неспособ- ный человек’; *jurlamas jurräm* ‘песня, которую я никогда бы не стал петь’ /13, стр. 448-449/; *eşä te vilmes şın mar* ‘ты тоже не бессмертный человек’; *väl äslemes şın mar* ‘он не такой человек, чтобы не стать ра- ботать’ /13, стр. 570/, ср. также: *aşämäsla* ‘нечаянно’; *pulmasla* ‘в не бывалом виде’; *sismesle* ‘незаметно’ (но тат. *sizmäştän*).

При сравнении семантики и употребления татарской формы на *-asä* /129, стр. 251-253; 265-269/ и чувашской формы на *-as* выявляются весь- ма красноречивые совпадения (хотя есть и некоторые расхождения, воз- никающие в результате самостоятельного развития каждого языка). Пока- зательно, что форма на *-asä* и ее производные встречаются во многих татарских говорах среднего диалекта: например, в говоре подберезинских крестьян она и фонетически совпадает с чувашской: *Säl uram böläñ alça taba baras* ‘Надо идти прямо вперед по этой улице’ /7, стр. 12/; *kiläs kaşä baras* ‘человек, который должен прийти’ /7, стр. 12/. В других татарских гово- рах употребляются формы: на *-asä*: *Aş kazança su salasä* ‘Надо налить воду в котел’ (каринские и глазовские татары) /76, стр. 43/; *Siñä häzär ük rajonça barasä* ‘Ты сейчас же должен ехать в город’ (нурлато-кай- бицкий говор) /75, стр. 53/; *Mua irtägä dežur törasä* ‘Мне завтра дежу- рить’ /27, стр. 114/; *-asä bar: tıpçäk Ćäğarärçä barasä bar* ‘Надо еще по- ехать корчевать пни’ (татары Куйбышевской области) /76, стр. 204/; *-asä idä: irtägä tahtaça kitäsä idä* ‘Поехать бы завтра за досками’ (татары Куйбышевской области) /76, стр. 204/; *Ukäsä idä bəzğä ul kitapnə* ‘Почи- тать бы нам эту книгу’ (каринские и глазовские татары) /76, стр. 43/ и т.д.

“Долженствовательный инфинитив” на *-ahä* встречается и в башкир- ских говорах: *Bäl bälänän tödräk kötlahä* ‘Скорее бы избавиться от этой беды’ (казмашевский говор) /24, стр. 120/; *Ķädär ük rajon sabahä* ‘Сейчас мне надо ехать в район’ (говор айских башкир) /24, стр. 39/; *Ut jayär samawär kajnahä* ‘Надо затопить печь и поставить самовар’ /162, стр. 127/.

Таким образом, вышеприведенные данные как будто свидетельствуют об общности происхождения татаро-башкирской формы на *-asä* и чуваш- ской на *-as*, т.е. они говорят в пользу гипотезы Н.И. Ашмарина.

Утрачен ли в чувашской форме на *-as* ауслатный гласный, т.е. вос- ходит ли современное *-as* к более старому *-asä < -ası?*

Прежде всего, ауслатные *-ä*, *-ə* в чувашском крайне неустойчивы (*al/alä, kilät/ < kiletä* и т.д.).

В чувашском языке форма на *-as/-es* употребительна в формулах зложелания: *Mur ileşşə ruşna!* ‘Чтоб тебя взяло мором!’; *Torä xoplašşä!* ‘Чтоб тебя бог доконал!’; *Sär nimäne kajaşşə!* ‘Чтоб тебе провалиться сквозь землю!’; *Sär ştäşşä* ‘Пусть проглотит земля’ и т.д.

В.Г. Егоров /74, стр. 226/ полагает, что *ştäşşä*, *ileşşä* и т.п. восхо- дят к *şätasä*, *ilesä*. Н.И. Ашмарин /10/ склонен видеть здесь сокра- щение формы на *-asšän*. Это предположение сомнительно по фонетическим (чем вызвано отпадение *n*?) и семантическим причинам (ср.: *Epir kinona kajasšän* ‘Мы хотим идти в кино’).

Близкие (аналогичные? — Л.Л.) по структуре формулы зложелания (и благожелания) употребительны в турецком и азербайджанском языках: *kör olası!* ‘чтоб ему ослепнуть!’; *jere bata sı’ja!* ‘чтоб ему провалить- ся!’ (тур.); *oda janası könlüm!* ‘мое сердце, да сгорит оно в огне!’ (азер.).

Не было ли в тюркских языках поволжского ареала контаминации отрицательных форм ллух причастий: на *-r* и на *-s*? Ср. чув. *vilmes* ‘бес- смертный’ (по Н.И. Ашмарину *< viles*) и тат. *ülmäs* ‘бессмертный’ *< ülar*.

Возможно, что в чувашском языке *mur ileššə* когда-то звучало как *[mur/ilesəðe > ilesə; š > š̌* после твердого *s*, а затем *s > š̌*, что да *ileššə*, или, скорее, */mur/ilesəššə* (аффикс принадлежности 3-го лица)²¹².

Если это предположение правдоподобно, то и оно подтверждает первичность варианта *-asi*.

Что касается этимологии аффикса *-asi*, то их сводка представлена у М. Рясненна /221, стр. 116/.

Все исследователи сходятся на том, что аффикс *-asi* сложный. Большинство усматривает в нем два элемента: *-a* и *-si*; *-a* отождествляют с формантом отглагольного имени на *-a* (М. Казембек, В. Банг, Н.И. Ашмарин), на *-i* (К. Брокельман), на *-yu* (Ж. Дени, Н.А. Баскаков); *-si* — с аффиксом принадлежности 3-го лица (М. Казембек, В. Банг, Н.И. Ашмарин), с номинальным формантом *-si* (К. Брокельман), со сравнительной частью *sī* (Ж. Дени), с монгольским *-si* (О. Бёглингк, Г. Рамстедт, И. Бенцинг) и т.д.

Г. Рамстедт и И. Бенцинг полагают, что *-asi < a-s-i*, где *-s* — монгольское *si*, а *-i* — притяжательный суффикс, т.е. чувашский аффикс для них является исходным.

Интересные соображения о генезисе аффикса *-asi* высказаны М. Рагимовым /104, стр. 97-98/.

В основе огузо-булгарской формы на *-asi*, несомненно, лежит отглагольное образование на *-a* с дезидеративным значением и, возможно также и омонимическая ему форма на *-a* с дуративным значением. Из дезидератива на *-a* развился футурум на *-a*. Едва ли формант *-a* восходит к форманту отглагольного имени на *-yu* (ср. данные Махмуда Кашгарского).

Что касается форманта *-s/-si*, то лишь в случае:

a s - (i) m
a s - (i) ŋ
a s - i

можно было бы говорить об аффиксе *-as*, т.е. следовало бы признать существование основы на *-asi*, где аффикс принадлежности как таковой не осознается (ср. *sāniŋ barsiŋ kačan* и *sāniŋ barŋuŋ kačan* 'когда ты пойдешь' у Махмуда Кашгарского, *bu turŋu jer emäs*, но *bu turasi jer tagu* и основы на *-as*, употребляемой с аффиксами принадлежности).

Скорее следует предположить, что *-as-i* — это позднейшее переосмысление (переразложение) аффикса в парадигме с аффиксами принадлежности (*asi-si* должно было бы дать *-asi*). Формант *-si* М. Рагимов /104, стр. 98/ сводит к трем показателям: *-sig* (аффикс уподобления),

-su (аффикс со значением желания) и *-si* (аффикс отглагольного имени с семантикой возможности).

Аффикс *-sig ~ -si* со сравнительно-уподобительным значением, как показал Э.В. Севортян /115, стр. 222 и сл./, в тюркских языках нередко смешивался с аффиксом *-sa* с дезидеративным значением. В результате появлялись производные типа тур. *aɣlamsiŋ* 'плаксивый' 'склонный к плачу', *kīnamsiŋ* 'браниющийся' < 'склонный к брани'²¹². Примечательны туркменские имена *ōcūđi* 'тусклый', 'бледный' < *ōc-ūg-đi* от *ōc-* 'гаснуть', 'тухнуть', *ōlūđi* 'тусклый', *jitiđi* 'тусклый', 'мерцающий' от *jit-* 'исчезать', 'потухать', где аффикс *-đi* имеет значение 'склонный к'²¹³. Аффикс *-sig* с уподобительным значением (восходит к **-si-g*) представлен, например, в древнетюркском и тувинском языках; в огузских языках *-sig > -si*: тур. *erkeksi* 'мужеподобная' (*erkek* 'мужчина'), *aptalsi* 'придурковатый' (*aptal* 'идиот')²¹⁴; в кыпчакских языках, например татарском, *-siŋ > -su*: *ujsu* 'низменный' (*uj* 'низина'), *mōŋsu* 'унылый' (*mōŋ* 'печаль') и т.д.

В монгольских языках на основе сравнения оптативных суффиксов монголисты восстанавливают общемонгольский суффикс оптатива *-su/-sū*, который в современных языках чаще всего выступает в комбинации с суффиксом *-aj* /207, стр. 255-256; 113, стр. 108 и сл./.

Тюрко-монгольский *-s* — суффикс с дезидеративным значением — в сочетании с дезидеративной основой на *-a* и дал образования на *-asi* (дезидератив > будущее возможное > будущее категорическое > модальные формы со значением необходимости).

Форма на *-aslāk/-eslāk*

В сундырских говорах при помощи аффикса *-lāk/-lak* (с семантикой 'предназначенный на') от причастия на *-as/-es* образуется отглагольное имя с модальным значением /10, стр. 300; 150, стр. 162/: *asleslāk as* 'работа, которую надлежит сделать' /150, стр. 162/.

Близкая по структуре форма отмечена в горном наречии марийского языка и некоторых говорах лугового наречия /29, стр. 167/: причастие будущего времени на *-šašlāk < -šaš* (аффикс причастия будущего времени) + *-lāk* (тот же аффикс, что и в чувашском языке).

Модель: отглагольное имя (причастие) + аффикс *-lāk* распространена во многих тюркских языках: например, татарская и башкирская формы на *-šrlāk/-ərlāk* (и варианты), карачаево-балкарское будущее категорическое на *-rīk, -nīk, -līk < -arīk*, древнетюркская и т.д. формы на *-yuluk, -γīlīk*, чувашское причастие на *-malāk* и т.д.

²¹² Интерпретация этих примеров у Э.В. Севортяна несколько иная.

²¹³ Здесь можно, однако, видеть и уподобительное значение аффикса *-si*.

²¹⁴ См. также: А.Н. Кононов /56, стр. 145/.

²¹¹ Ср., например, *xuplanassi* и *xuplanasšə* — легкая брань ('чтобы закрыться, задохнуться'), где *-i* и *-šə* аффиксы принадлежности 3-го лица.

Форма на *-asla*

От причастия на *-as/-es* при помощи аффикса *-la/-le* с эквативным значением образуются адъективы со значением склонности к действию, выраженному причастием: *Väl ċir vilesle ċir mar-za* 'Это еще не смертельная болезнь' /14, стр. 276/215.

Структурные параллели можно привести из татарского и башкирского и некоторых других кыпчакских языков, например, баш. (казмашский говор) *barǵdaj kəšə* 'человек, который может пойти' (причастие на *-ǵaj* аффикс сравнения *-ǵaj*)²¹⁶; тат. диал. *ašar dīj alma* 'яблоко, которое можно есть'; кум. *jüreċ tītardaj ĵavar* 'ответ, от которого сердце успокоится' /ср. 36, стр. 194 и сл./.

Причастие на *-an/-en*

Исследователи (В.Г. Егоров, И.А. Андреев) отмечают архаичный характер формы на *-an/-en*²¹⁷. По свидетельству И.А. Андреева, форма на *-an* в современном разговорном языке почти неупотребительна, она встречается лишь в фольклорных текстах устойчивого характера.

В лексике чувашского языка много существительных, представляющих субстантивированную форму на *-an*: *avčan* 'петух', *kilen-kajan* 'посетитель', *šīran* 'овраг', *šalen* 'змея' и т.д.

Форма на *-an* часто выступает как определение в устойчивых словосочетаниях: *juxan šiv* 'проточная вода', *süren sul* 'проторенная дорога', *vəšen kajäk* 'птица' и т.д.

Генетически форма на *-an*, видимо, тождественна с причастием на *-an* в языках юго-западной группы: туркменском, азербайджанском, турецком, гагаузском. Однако возможно и другое предположение: чувашский аффикс *-an* в ряде образований мог явиться результатом фонетической эволюции аффикса *-ǵan*, встречающегося в большинстве тюркских языков; часть форм на *-an* могла быть непосредственным продолжением причастий на *-an*, например, чув. *šalen* 'змея', тур. *ilan*, туркм., тат., баш. *jīlan*, каз. *šīlan*, кир. *jīlan*, хак. *čīlan* (от глагола *jil- ~ šil- ~ čil- si:l-* 'ползать').

Взаимоотношение в плане генезиса аффиксов *-ǵan* и *-an* в тюркских языках до сих пор остается неясным²¹⁸. О сложности проблемы свиде-

²¹⁵ Ср. чув. *kətesle* 'в долг' из *kətes-le*, *kət-* 'ждать'.

²¹⁶ По семантике к этой форме близко "деепричастие" на *-kandaj*, образованное из причастия на *-ǵan/-kan* и аффикса сравнения *-daj*; сопоставима с деепричастием на *-ardaj* и форма на *-ǵudek*.

²¹⁷ Едва ли прав Н.И. Ашмарин, когда полагает, что форма на *-an* является результатом фонетического преобразования формы на *-aǵan* /10, стр. 310/.

²¹⁸ См.: Э.В. Севортян /115, стр. 310 и сл., а также стр. 322/; Г. Рамстедт /108, стр. 134/: *-ǵan* — это вторичная глагольная основа *-ǵa + -n*; В. Банг /168, стр. 123/: *-ǵan < -ǵ + -an*; *-ǵan >* осм. *-an*, иначе в /172, стр. 202-204/: *kal'an > kalǵan*, так как гласный второго гласа, как полагал В. Банг, произносился когда-то с гортанным приступом

свидетельствуют такие факты: наличие образований на *-an* в языках, где типичным является *-ǵan*: кир. *jīlan*, тат. *jīlan* 'змея', тат. *räčen* 'сено'; наличие образований на *-ǵan* в языках группы *-an*: тур. *unutkan* 'забывчивый', *ušenċen* 'ленивый', *sövgen* 'ругатель' и т.д.; наличие формы на *-kan/-ǵan* в болгарских диалектах, о чем свидетельствуют некоторые заимствования в венгерском языке: *sárkány < *šarkan/šarakan* ~ общенародн. *szarkány/sazǵan* 'дракон', *boszorkány < basīrkan* 'ведьма', 'колдунья' (*boszorkány* могло быть заимствовано венгерским и из кыпчакских языков); тесная генетическая и семантическая связь аффиксов *-ǵan*, *-an*, *-īn*, *-aǵan* и др.: в различных тюркских языках имеются производные с этими аффиксами, тождественные по значению: туркм. *kapkan* 'капкан', *čičkan*, туркм. *ičegen* 'пьяница', но тур. *ičken*; наличие в чувашском языке единичных производных с аффиксом *-kan* (заимствования?): *xīkan* 'сухой', 'сухопарый', *ǵǵan* 'худой'.

Причастие на *-aǵan/-eǵen*

Эта форма выражает незаконченное, продолжающееся действие, действие, присущее предмету вообще, как его постоянное свойство /3, стр. 127-128/: *pīraǵan šīn* 'идуший человек', *tārəšǵan aǵa* 'старательный мальчик'.

Причастие на *-aǵan/-eǵen* встречается во многих тюркских языках. В кумыкском языке /36, стр. 138, 156 и сл./ отмечена форма на *-aǵan*, представляющая собой причастие настоящего времени. Образования на *-aǵan/-egen* отмечены в азербайджанском, туркменском, узбекском, казахском, ногайском, башкирском, татарском и в некоторых других тюркских языках /115, стр. 321-322; 57, стр. 156/, а частично перешли в ряд имен с субъектным и атрибутивным значением. Например: азерб. *kašǵan* 'бегун', 'скакун', *k'āzǵān* 'гуляка', *jataǵan* 'любящий много спать', *solaǵan* 'линочий', тур. *olaǵan* 'возможный', 'вероятный', *tepiǵen* 'часто лежающийся', узб. *čāpaǵān* 'умеющий быстро бегать', *bilǵān* 'знающий', *kāpaǵān* 'кусачий', туркм. *geǵegen* 'гуляка', *ūǵregen it* 'лягушья собака' и т.д. В тюркских языках Сибири: якутском, тувинском, хакасском имеется форма на *-ǵan/-igen // -uǵan/-ügen*, вероятно, генетически близкая к форме на *-aǵan*. В тувинском и хакасском языке ее относят к причастиям /52, стр. 313; 50, стр. 118/, хотя в хакасском она образуется от очень ограниченного числа глаголов, например: тув. *ünügen* 'быстро растущий', *köǵigen* 'хорошо видящий', хак. *kilegen*, *paraǵan*. И.Н. Харитонов /146, стр. 137/ причисляет образования на *-ǵan* к прилагательным: *utluǵan* 'забывчивый', *siǵǵan* 'вонючий', *istigān* 'чуткий на слух'.

Исследователи чувашского языка по-разному объясняли происхождение причастия на *-aǵan*. Так, Н.И. Ашмарин /10, стр. 310/ вслед за М. Карембеком был склонен видеть в нем причастие на *-a* + аффикс *-kan* (*-ǵan*). При этом он допускал, что к форме на *-aǵan* восходит причастие на *-an*, т.е. считал причастие на *-aǵan* довольно архаичным образованием. В.Г. Егоров /74, стр. 218-219/ и И.А. Андреев /3, стр. 125 и 127/ в общем признали

точку зрения Н.И. Ашмарина с той существенной оговоркой, что форма *-aḥan* представляет собой довольно позднее заимствование из какого-то кыпчакского языка.

Допущение В.Г. Егорова о сравнительно позднем проникновении части на *-aḥan* в чувашский язык кажется нам вполне оправданным, так как в аффиксе *-aḥan* наличествует гуттуральный, обычно утрачиваемый в собственно чувашских формах.

Что касается генезиса и возраста общетюркской формы на *-aḥan*, могут быть учтены следующие данные.

Образования на *-aḥan/-egen* отмечены у Махмуда Кашгарского (*ol evke bara ḥan ol* 'он постоянно ходит домой', *ol kiṣi ol biḥke kelegen* 'этот человек часто к нам приходит'), у Ибн Муханны /82, стр. LIX/ и А. Хайана /81, стр. 138/.

Как единичные лексикализовавшиеся образования формы на *-aḥan* встречаются во многих тюркских языках, где они, видимо, были вытеснены аналитическими конструкциями из деепричастия на *-a* и вспомогательных глаголов *tur-* и *yor-* (jör-) 219.

Обычно в аффиксе *-aḥan* выделяют два структурных элемента: *-a* + *-ḥan*. При этом *-a* рассматривают как показатель герундивно-причастия формы (Г. Рамstedт /108, стр. 111/, В. Банг /169, стр. 35-36/, Н.К. Дмитриев /38/, Э.В. Севортян /115/) или как особый формант с интенсивным или потенциальным значением (П.М. Меджоранский /82/); *-ḥan* связывают с "причастным" аффиксом *-ḥan* (Э.В. Севортян) или уменьшительным формантом *-kan* (В. Банг), тождественным с монгольским уменьшительным формантом *-kan* и тунгусским *-ka:n* (Г. Рамstedт) 220.

Причастие на *-aḥḥan*

Это причастие, как утверждает Н.И. Ашмарин /13, стр. 447-448/, образовано из деепричастия на *-a/-e* и причастия на *-an* от глагола *ḥḥ-* 'стоять'. Оно имеет ограниченный круг употребления, указывая на особый признак предмета /74, стр. 327; 3, стр. 247-249/. И.А. Андреев высказал предположение /3, стр. 249/, что причастие на *-aḥḥan* было вытеснено из чувашского языка другими причастными формами. Он допускает и иную возможность: причастие на *-aḥḥan* и в прошлом не имело широкого распространения в чувашском языке.

В татарском и башкирском языках бытует причастная форма *-a ḥḥ*, которая, по-видимому, восходит к тому же источнику, что и чувашская.

219 Поэтому попытка некоторых ученых возводить формы типа *ala* к *alaturḥan* кажется нам несостоятельной.

220 Некоторые исследователи, например Н.А. Баскаков, генетически сближают причастия на *-aḥan* и *-aturḥan*, считая первые фонетически редуцированной формой.

221 Видимо, из того же источника, что и причастие на *-aḥḥan*, попало в чувашский язык деепричастие на *-aḥḥaḥ* (см. ниже, стр. 111).

Во всяком случае, структурно, семантически и фонетически эти формы совпадают. Фонетические варианты той же структурной модели представлены в очень многих тюркских языках:

караим.	- <i>adoḥan</i>
узб.	- <i>diḥan</i>
ног.	- <i>ataḥan</i>
гв.ст.	- <i>atkan</i> , <i>-iḥan</i> - <i>taḥan</i> , <i>-iḥin</i> и т.д.
кыз.	- <i>atīn</i>
алт.	- <i>atan</i> и т.д.

Аналитическая конструкция: деепричастие на *-a* + *turḥan*, видимо, стала продуктивной в связи с закреплением за причастием на *-ḥan* семантики причастия прошедшего времени. Старое видовое противопоставление форм на *-ḥan* ('бравший', 'взявший') и *-aḥan* ('бравший (много раз, долго)' > 'берущий') сменилось новым: "прошедшее время" — "настоящее время".

В чувашском языке причастие на *-aḥḥan* имело несколько "конкурентов", семантика и функции которых пересеклись: причастие на *-an* — общетюрк. *-ḥan* // *-an*, которому во временном плане противопоставлялось причастие на *-nḥ*, и более новое причастие на *-aḥan*, вероятно, вытеснившее причастие на *-an*.

Примеры лексикализации причастия на *-aḥḥan*: *sāva ḥḥan* 'дойная (о корове)'; *ūṣe ḥḥan* 'растение'; *kuṣa ḥḥan* 'колесо' и т.д.

Причастие на *-malla/-melle* (причастие должествования)

Как установил И.А. Андреев /3, стр. 205/, основным для семантики причастия на *-malla/-melle* является выражение действия, которое должно совершиться в будущем. Причастие на *-malla/-melle* передает такие модальные оттенки, как необходимость, возможность совершения действия: *ḥajmalla ṣin* 'человек, который должен ехать' /74, стр. 227/; *Laḥa vaṣṣaṣen — tī unalla, ṣamāx vaṣṣaṣen tī unalla mar* 'Лошадь вырвется — можно поймать, слово вырвется — нельзя поймать' /3, стр. 205/.

Причастие на *-malla/-melle* имеет структурные и семантические параллели в тюркских языках юго-западной группы: турецком, азербайджанском и туркменском, где отмечена форма на *-māl/-meli*.

Происхождение чувашского причастия на *-malla/-melle*, как и соответствующей тюркской формы, до сих пор остается неясным.

М. Рязанцев /221, стр. 230/, вероятно, велел за Г. Рамstedтом /108, стр. 101/ производить тюркский аффикс *-māl/-meli* от глагольного имени на *-ma* с адекватным аффиксом *-lī* < *-līḥ*. Ж. Дени /182, стр. 927, прим. 2/ разлагает *-meli* на *-me* + *-li* и, по-видимому, сближает *-li* с формантом *-li* в аффиксе *-kūli*. Известно, что общетюркскому адекватному аффик-

су *-lī* < *-līr* в чувашском соответствует аффиксу *-lā/-la*. Таким образом закономерным соответствием тюркскому аффиксу *-malī* явилось бы чувашское *-malā*.

Н.И. Ашмарин /10, стр. 311/, а вслед за ним и И.А. Андреев /3, стр. 203/ считали, что причастие на *-malla/-melle* образовано из отглагольного имени (по И.А. Андрееву, из инфинитива) на *-ma/-me* и аффикса *-l a/-le*.

И. Бенцинг /177, I, стр. 263 и 177, IV, стр. 466/ усматривал в аффиксе *-lla* аффикс аллатива: *-malla* < *-mā* + *-a* (датель) + *-lla* (аллатив) или *-ma* + *-alla* (аллатив).

Структурную параллель к этому образованию можно обнаружить в марийском языке, где наличествуют инфинитивы долженствования на *-man* < *-ma* (имя действия) + *-n* < *-n'* (датель) и *-māla* < *-ma* + наречный (дательный) *-la* /29, стр. 160-162/222.

Как указывалось выше, форма на *-malī/-meli* встречается только в языках юго-западной группы. Так, в азербайджанском языке она отмечена с XV в. /104, стр. 83/, в старотурецком – с XIV в. Насколько нам известно, она не обнаружена в древнетюркских памятниках (см., например: /186/).

Что касается структурных моделей: глагольное имя + аффикс *-lī* то в тюркских языках можно указать несколько образований, выражающих различные модальные оттенки: причастие будущего времени со значением намерения на *-rīlī*, деепричастие цели на *-rālī*.

Вслед за Г.И. Рамstedтом /108, стр. 48/ мы полагаем, что аффиксы *-rīlī* и *-rālī* содержат формант *-lī* с "локализирующим" (точнее, аллативным) значением²²³. Тот же аффикс *-lī* с аллативным значением (а не флексивным) мы усматриваем в аффиксе *-malī*.

Чувашскую форму на *-malla/-melle* можно рассматривать как контamination южнотюркской формы на *-malī* > **malā*, *-mallā* и угро-финской модели типа марийских *-man*, *-māla*. Возможно, имела место contamination двух тюркских аффиксов с локальным значением *-la* и *-lī* (ср. тюркские аффиксы *-ra* и *-rī*, *-ru*).

Форма на *-malā/-mālā* в сочетании со словом *üçel*, выражающая возможность совершения какого-либо действия, зарегистрирована в мезелинском говоре татарского языка /76, стр. 66/. Кроме того, форма *-malā/-mālā*, *-mallā/-māllā* широко употребительна в нурлато-кайбицком говоре и говоре подберезинских крыжен /7, стр. 11 и 27; 75, стр. 48-52/. Иногда ее распространение в этих двух говорах объясняют как результат взаимодействия с чувашским языком /75, стр. 52/. Об этом

²²² Иногда марийскую форму на *-māla* считают заимствованием из чувашского языка.

²²³ В тунгусо-маньчжурских языках. В. Котвич /64, стр. 187/ отмечает пролатив на *-li*. Следы падежного аффикса с локальным значением сохранились в некоторых наречиях алтайских языков. Примеры см.: /10, стр. 48/.

как будто свидетельствует семантика формы и ее фонетический облик, выражающий чувашские **-mallī/-melli* с геминированным *l*. Однако в тюркских языках Поволжья – татарском и башкирском – сохранились неэкспликационные причастия на *-malā/-māla*. Так, в качестве примеров можно привести: алт. *alānmalā* 'съемный', баш. бурз. *bar ikmāk halmalā* 'одноместная (печка)', *ös k aşā utārtmalā tārāldak* 'трехместный мотоцикл'²²⁴.

Эти формы либо являются пережиточными, либо представляют собой "заимствования" из какого-то тюркского языка южного типа. Во всяком случае, в самом чувашском языке ряд грамматических форм явно имеет южное происхождение.

Причастие на *-malāx/-melāx*

(причастие достаточности)

Оно образовано от отглагольного имени на *-ma/-me* при помощи аффикса *-lāx/-lāx* /10, стр. 311; 74, стр. 229; 3, стр. 222/.

Как известно, "большой и продуктивный разряд существительных на *-lāx* составляют производные со значением функции и назначения предмета..." /115, стр. 37 и сл./ Например: чув. *karēlāx* 'материя на рубашку', *pūrēlāx* 'материал на избу'.

Значение "предназначенный для" очень хорошо иллюстрируется такими примерами из чувашского фольклора:

Tālāx pūtek tukmaklāx,
Tālāx aça saltaklāx

'Сирота-ягненок обречен на добычу волку, а сирота-парень для рекрутского набора';

Aslā sulşem xarri jāmralāx,
Jāmrişem lajāx tumralāx

'На краю большой дороги ветельник, в нем ветлы хороши на балалайки'²²⁵ /13, стр. 113/.

К именам *tukmaklāx* и т.п. близки и существительные на *-lāx* со значением "рассчитанный на такой-то срок": *kaslāx* 'достаточный на вечер', *ullāx* 'промежуток времени, равный году'; 'рассчитанный на год'²²⁵.

Аффикс *-lāx/-lāx* в составе формы на *-malāx/-melāx* и выступает со значением "рассчитанный на", "достаточный на...": *şimelāx sākār* 'хлеб, предназначенный, достаточный для еды'; *kanmalāx vāxāi* 'время, предназначенное или достаточное для отдыха' /3, стр. 222/.

²²⁴ Правда, не всегда легко отделить подобные образования от, по видимому, омонимичных им типа: тат. *bōtmālā* 'складчатый' от *bōtmā* 'складка' или *asālmālā* 'подвесной' от *asāлма* 'подвеска'; ср. также баш. диал. *asāлма* 'створка', *asālmālā* 'створчатый', тат. *aşālmālā*.

²²⁵ На тождество *-lāx* в *-malāx* и *-lāx*, "выражающего количество в именах существительных", указывал уже Н.И. Ашмарин /13, стр. 458/.

Причастие на *-malǝx* является новообразованием. Оно отсутствует в других тюркских языках. Однако в них встречаются явления, которые могли стать предпосылкой для возникновения подобной формы.

Прежде всего, в ряде тюркских языков имеются образования на *-lik* от глагольных имен: баш. *-ǝlǝk* со значением "способный, годный для выполнения действия, заложенного в основе"; *ajaklanǝlǝk* 'место, где можно встать на ноги', *irǝǝlǝk* 'достижимый' /31, стр. 98/; баш. (казмаш. гов.) *bǝr kǝngǝ jǝtǝrǝk ǝrǝlǝk* 'продукты, рассчитанные на один день'. Та же форма имеется в татарском языке. В барабинском диалекте Д.Г.Тумашева /135, стр. 81-82/ отмечает "отглагольные прилагательные" на *-ǝlǝk*, *-ǝlǝk* // *-kǝlǝk*, *-kǝlǝk* со значением "достаточный на": *kinoǝ inkǝlǝk akǝam par minǝm* 'У меня денег достаточно для того, что пойти в кино'. Эта форма генетически идентична с причастием на *-tulǝk*.

В турецком языке имена на *-lik* с отвлеченным значением образуются от форм на *-mak* и реже на *-ma*: *jazmaklik* 'писание', 'способность, манера писать', *kurturmalik* 'выкуп' /56, стр. 111-112/.

Таким образом, модель: глагольное имя (причастие) + аффикс *-lik* / *-lik* характерна для тюркских языков.

Любопытно, что Г.Х. Ахатов отмечает в диалекте западносибирских татар аффикс *-malǝk*/*-mǝlǝk*, который обозначает название приспособлений различного характера и назначений, /8, стр. 141/. К сожалению, этот аффикс иллюстрируется у Г.Х. Ахатова единственным примером: *japma jarmalǝk* 'заплата'.

Вторая предпосылка — это лексикализация древнего причастия на *-m* (адъектива, по Г.Рамстедту /108, стр. 194/), которая вызвала необходимость в добавлении нового формообразующего элемента *-lik* ~ чув. *-lǝx*.

Третья предпосылка — это наличие семантически близких форм в соседних финно-угорских языках. Так, в удмуртском языке имеется причастие на *-ton*, которое выражает "действенный признак или признак, достаточный для осуществления по отношению к данному предмету какого-либо действия" /122, стр. 300-301/. Например: *aramon ǝabej* 'такая пшеница, что можно жать', *byzʹuton nyl* 'такая (по возрасту) девушка, что может выйти замуж' (ср. чув. *kaǝǝa pǝmalǝx xǝrǝǝm pur* 'замуж выдать есть дочери' /3, стр. 225/).

В коми-языке употребительно деспричастие на *-mǝn*, очень близкое по значению к удмуртскому причастию (суффиксы *-ton* и *-mǝn* не тождественны): *jumǝn va* 'вода в количестве, достаточном для питья' /122, стр. 301/.

226 Ср. И.А. Андреев /3, стр. 224/. И.А. Андреев полагает, что чувашская форма на *-malǝx* при своем возникновении была синонимична турецкой форме на *-maklik*. Затем ее значение и сфера употребления сузились, так как: 1) *-lǝx*/*-lǝx* не употребляется в чувашском языке с другими глагольными формами; 2) глагольная форма на *-ma* трансформировалась, т.е. перестала употребляться в атрибутивной и субстантивной функциях. Однако следует указать, что в верховых (сундырских) говорах Н.И. Ашмарин отмечены формы: *kajaslǝk* 'имеющий уйти' и *ǝslǝlǝk ǝs* 'работу, которую надлежит выполнить'.

Причастие на *-i* (причастие возможности)

Это причастие образуется путем прибавления к основе глагола аффикса *-i*: *kuri* 'могущий видеть', а его отрицательная форма — аффикса *-m*: *kurmi* 'не могущий видеть'. Обычно употребляется в парном виде, т.е. вместе выступают утвердительная и отрицательная формы от одной и той же глагольной основы: *kili-kilmi xǝnaǝem* 'гости, которые могут приехать и не приехать', *ǝiǝi-ǝitmi purnǝs* 'скудная жизнь', *pǝli-pǝlmi* 'неумелый' и т.д. Утвердительная форма самостоятельно встречается крайне редко, главным образом в устойчивых словосочетаниях. Более распространена отрицательная форма.

Что касается происхождения причастия на *-i*, то известны следующие предположения. В.Г. Егоров /74, стр. 230/ возводит его к форме будущего времени на *-ǝ* + аффикс принадлежности. Если принять, что будущее на *-ǝ* причастного происхождения, т.е. *kilǝ* < **kelǝ*, то гипотеза В.Г. Егорова совпадает с мнением О. Прицака /212, стр. 152/: **ǝrǝgǝ* < **kǝrǝig*, откуда **kǝrǝig-i* > **kǝrǝi* > *kuri* и Н.И. Ашмарина /10, стр. 311/, также сближающего чувашское причастие возможности с причастием на *-ǝi*.

Г.Рамстедт /108, стр. 170/ полагал, что аффикс *-i* в чувашском причастии возможности — рудимент глагола *u-* 'мочь', т.е. *puli* < *bolu-uju*.

Причастие на *-anǝi*/*-enǝi* 227

Эта форма выступает в аналитических конструкциях с глаголами *pul-* 'быть' и *tu-* 'делать' со значением притворного действия: *ǝrǝ vilenǝi pulǝm* 'я притворился умирающим, сделал вид, что умер'. Н.И. Ашмарин /10, стр. 326/ высказал предположение, что форма на *-anǝi* восходит к причастию настоящего времени на *-an*/*-en* + аффикс *-ǝi* 228, возможно, тождественный с татарским *-ǝa* 229. Гипотеза Н.И. Ашмарина была поддержана И. Бенцингом /177, IV, стр. 451 и 176, стр. 741/, по мнению которого, *-ǝi* — это аффикс экватива *-ǝa* + аффикс принадлежности 3-го лица, т.е. в чувашском (*-ǝa* >) *-ǝa* + *-i* > *-ǝi*, ср.: *laǝa* 'лошадь' — *laǝi* 'его лошадь'.

227 В чувашских говорах отмечено также причастие притворного действия на *-anǝi*/*-enǝi*, *-anǝi*/*-enǝi*. Эти аффиксы — фонетические варианты аффикса *-anǝi*/*-enǝi*.

228 Ср. более раннее *-ǝi* в *kajajanǝi* 'притворяющийся идущим или едущим' /15, IV, стр. 4/ и *vilenǝi* (Шумерлинский район).

229 Предположение И.А. Андреева /3, стр. 239/, по которому *-ǝi* = *-ǝǝ* = *-ǝi* (аффикс действующего лица), кажется нам менее достоверным. Почти то же у Ф.П. Тимофеева /133/: *-an* + аффикс действующего лица *-ǝǝ* + аффикс 3-го лица *-i*. Сомнительна и гипотеза В. Котвича /64, стр. 212/, по которой аффикс *-ǝi* сближается с *-ǝi* в формах типа кир. *jazǝansi* 'делай вид, что пишешь'.

Структурная параллель к чувашской форме на *anši*, точнее, к аналитическим конструкциям типа *anši pul-* (или *tu-*) обнаруживается в карачаево-балкарском языке, где имеются аналитические конструкции типа *-γanča et-* /137, стр. 116/. Например: *sanaγanča etejik* 'делаем вид, что считаем' /137, стр. 116/.

Как указывает Н.И. Ашмарин /10, стр. 326/, в чувашском языке в этом же значении употребительны аналитические конструкции типа: *-an rek pul-* и *-an rek pul-* (низовой диалект), с которыми сопоставима карачаево-балкарская *-γan kibik et-* (*kazγan kibik et-* 'делать вид, будто копаешь').

Во многих тюркских языках – башкирском, татарском, узбекском, уйгурском, казахском, каракалпакском – аналитические конструкции *-γan bol-* служат для выражения так называемого инсценированного действия /159, стр. 111-113/: 'притворяться, что...', 'делать вид, что...'.
Примечательны также киргизская форма на *-imīš/-imiš bol* (*alimīš bol* 'сделай вид, что берешь'), синонимичная форме на *-γan bol-* (*alγan bol* 'сделай вид, что берешь'), башкирская диалектальная *kūtmāš tā bilmāš bula* 'прикидывается незнающим' /23, стр. 178/230.

Причастие на *-iš, -əš (-miš, -məš)*

Утвердительная форма этого причастия, как указывает Н.И. Ашмарин, встречается лишь в некоторых говорах, например:

Eša ijiš pul (tu), val pilməš pulčär (tučär) 'Ты притворись спрашивающим, а он пусть притворится, что ничего не знает' /74, стр. 232/.

Н.И. Ашмарин предполагал, что форма на *-iš, -əš* – это причастие на *-i* + аффикс принадлежности 3-го лица /14, стр. 245/. Аффикс 3-го лица *-š* усматривал здесь и Ф.П. Тимофеев, И.А. Андреев отождествляя форму на *-iš -əš, -əš* с именем действия на *-š*, встречающимся в некоторых тюркских языках.

Форма на *-iš* и ее отрицательный вариант *-məš/-māš* употребляются с глаголами *pul-* 'быть', *tu-* 'делать' и *per-* 'притворяться' (с последним глаголом причастие на *-iš* употребляется в дательном падеже): *šim (šimiš) polša larat* 'притворяется, что ест'; *palmiše peret* 'притворяется незнающим' /14, стр. 244/.

Что касается структуры формы на *-iš, -əš, -əš*, то эта форма, видимо, является составной и представляет собой отглагольное имя с симулятивным значением. Аффикс *-š, -əš, -əš*, вероятно, аффикс симулятивности, тождественный общетюркскому *-si*, так как известно, что в чувашском языке *s* перед *i* перешел в *š*. Общетюркский аффикс симулятивности представлен в киргизской форме на *-γansi/-gensi: jaγansi* 'пожились пиущим' /22, III, стр. 19/ (см. также: ног. *konγansi-* 'делать вид, что останавливаешься на ночлег', *külgenši-* 'делать вид, что смеешься').

230 Ср.: тат. *sizmāməškä saləš-* 'притворяться нечувствующим'; *bəlmāməškä saləš-* 'притворяться незнающим' и т.д.

konaksī- 'изобразить из себя гостя', 'ломаться', *aḡkawsī-* 'прикидываться наивным'; каз. *saḡrawsī-* 'притвориться глухим', *müsepirsī-* 'прикидываться беспомощным').

Тот же аффикс *-si* входит в состав сложных аффиксов с симулятивным значением *-msin/-msin* и *-sür/-sir*, например: *iš bilimsindi* 'он сделал вид, что разбирается в деле'; *er külsirdi* 'мужчина сделал вид, что смеется'.

Таким образом, чувашская форма с симулятивным значением на *-iš, -əš* представляет собой основу какого-то отглагольного имени на *-i* (/i-ə) + аффикс *-šə, -š < -si*.

Некоторые исследователи, например Н.И. Ашмарин, видят в форме на *-i* причастие возможности, которое иногда возводится к форме на *-γu/-gü* с аффиксом принадлежности, т.е. **-ä/-ə + -i*. В таком случае чувашское *-iš, -əš* восходило бы к форме типа **-ju sī/-güsi*.

Отрицательная форма *-məš/-miš* включает аффикс глагольного отрицания *-m*.

Симулятивное значение, вероятно, развилось из уподобительного значения аффикса *-si*, который, в свою очередь, генетически связан с *-sig* (*-sig > -si*).

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

К деепричастиям обычно относят отглагольные формы, выражающие дополнительное действие и функционирующие, таким образом, как своеобразный определитель основного действия. Исторически в разряд деепричастий попадают отглагольные имена (в том числе и причастия), изолированные падежные формы отглагольных имен и сочетания отглагольных имен с послелогом.

Сравнение деепричастных форм в тюркских языках показывает, что большинство их является новообразованиями, т.е. возникли в самостоятельной истории конкретных тюркских языков или групп языков.

В системе чувашских деепричастий к общетюркским формам, на наш взгляд, относятся деепричастия на *-a* и на *-sa*. Остальные деепричастия, по всей вероятности, представляют новообразования.

Деепричастие на *-a/-e*

Это деепричастие встречается во всех тюркских языках. В чувашском языке оно образуется от основы глагола при помощи аффикса *-a/-e* после основ на гласный и на согласный: *-kil-e > kile* 'приходя', *vula-a > vula* 'читая'.

В других тюркских языках после основ на гласный выступают аффиксы *-j(> -i)*, *-ja/-jā*: тат. *əšli* 'работая', азерб. *işläjä-işläjä* 'работая, работая' и т.д.

Что касается происхождения этой деепричастной формы, то наиболее достоверной кажется точка зрения Г. Рамстедта, согласно которой деепричастие на *-a/-e, -ja/-je > -jī/-jī > -j* представляет собой отгла-

гольное имя (> причастие настоящего времени? — Л.Л.) /108, стр. 108/

Некоторые исследователи /182, стр. 938; 18, стр. 464-465/ сближают аффикс деепричастия *-a/-e*, *-j* с формантом будущего времени *-ɬaj/-ge* и *-ɬa/-ge* и формантом желательного наклонения *-aj/-ej*, *-j* /232.

А.Н. Кононов (и Н.А. Баскаков) связывают это деепричастие с причастием на *-ar/-er*, *-r* /57, стр. 240; 18, стр. 464-465/.

Деепричастие на *-maşǧr/-meşǧr*

Это деепричастие функционально является отрицательной формой деепричастия на *-sa/-se*: *tuɬmaşǧr* 'не выходя', *vulamaşǧr* 'не читая'.

По мнению многих чувашеведов (А.И. Добролюбов, Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров), оно восходит к отглагольному имени на *-ma/-me*, употребляемому с аффиксом лишительного падежа *-sǧr/-sar*. Эту точку зрения оспаривает И.П. Павлов /94, стр. 249 и сл./, который считает, что деепричастие на *-maşǧr* — это отрицательная форма древнего тюркского причастия на *-sar/-ser*. Согласно гипотезе И.П. Павлова, аффикс *-sar/-ser* в безударном положении превратился в *-sǧr/-sar* (ударение падало на аффикс глагольного отрицания, т.е. что-нибудь вроде: *kelmésar > kilmesǧr*). Однако возникает вопрос, почему в чувашском языке не имело места параллельное развитие двух форм деепричастия — отрицательной и положительной: *-sar > -sa*, но *-masar > -maşǧr* (сохранение *-r!* — Л.Л.).

Известно, что функционально чувашское деепричастие на *-sa/-se* соответствует общетюркскому деепричастию на *-p*. Последнее лишь в некоторых тюркских языках выступает в отрицательной форме. Во многих тюркских языках в качестве отрицательной формы деепричастий на *-a/-i* и *-p* употребляется деепричастие на *-maj/-mej*. В древних тюркских языках известны формы на *-madī*, *-madīn* и т.д. Поэтому наличие в чувашском языке особого отрицательного деепричастия, функционально соответствующего деепричастию на *-sa/-se*, не представляется необычным. нечто подобное наблюдается и в финно-угорских языках. Например, в удмуртском языке существует деепричастие на *-tek* (аффикс *-tek* — показатель лишительного падежа), которое служит отрицательной формой деепричастия на *-sa* /122, стр. 309/. Отрицательные деепричастия имеются в марийском и коми языках.

Структурную параллель к деепричастию на *-maşǧr/-meşǧr*, если рассматривать его как имя в лишительном падеже, можно найти, например,

231 Того же мнения придерживались В.Г. Егоров и И.П. Павлов /74, стр. 252-254/; ср. также: А.М. Щербак /155/.

232 Ср. точку зрения В. Котвича /64, стр. 303/, по которой деепричастия на *-a* возникли из причастий; мнение Ж. Дени о близости суффиксов *-a* и *-qai* справедливо, но отождествление его с суффиксом *-a* основ желательного наклонения принять трудно из-за семантических различий.

233 Точку зрения И.П. Павлова разделяет О. Прицак /211, стр. 279, прим. 3/.

в турецком языке, где встречается деепричастие на *-maksızın* /56, стр. 484; 182, стр. 943/. Аффикс деепричастия на *-maksızın* восходит к аффиксу глагольного имени *-mak*, аффиксу именного отрицания *-sız* и аффиксу древнего инструментального падежа *-ın*.

Деепричастие на *-sa/-se*

Деепричастие на *-sa/-se* функционально соответствует общетюркскому деепричастию на *-p*, которое в чувашском языке не отмечено²³⁴.

Аффикс *-sa/-se* довольно долго отождествляли с аффиксом удмуртского деепричастия на *-sa/-se* (см., например: /10, стр. 313-314/).

В последнее время получает признание другая точка зрения, согласно которой аффикс *-sa/-se* генетически близок с общетюркским аффиксом условного наклонения *-sa/-se* /94; 176, стр. 743/. В качестве аргументов в пользу своей гипотезы И.П. Павлов /94/ приводит три факта:

1) функционирование деепричастия на *-sa/-se* в качестве сказуемого независимого предложения свидетельствует о его былом причастном характере;

2) деепричастие на *-sa/-se* (особенно в отрицательной форме) может передавать условное значение;

3) отрицательная форма деепричастия на *-sa/-se* очень близка по звучанию к древнетюркскому причастию на *-sar*: *masar* и *maşǧr*.

К сожалению, два из этих аргументов могут быть оспорены.

Деепричастие на *-p* в тюркских языках также может функционировать в качестве сказуемого независимого предложения, при этом в 3-м лице оно может выступать без личного показателя (см., например, барабинский диалект /135, стр. 61/). Сам по себе этот факт ничего не говорит о былом причастном характере деепричастия на *-p*.

О возможности отождествления отрицательного деепричастия на *-maşǧr* с причастием на *-sar* см. выше, стр. 102.

Однако сама постановка вопроса о генетической связи чувашского деепричастия на *-sa/-se* и тюркского отглагольного имени (причастия) на *-sa/-se* представляется весьма плодотворной²³⁵.

Как показали исследования некоторых тюркологов, особенно М.Ш. Рагимова, форма на *-sa/-se* полисемантическая. Она выражает желание, причину, цель, повеление, время, в последнем случае функционально совпадая с деепричастием на *-anda*. Форма на *-sa/-se* может выступать как самостоятельное сказуемое в значении будущего времени, даже прошедшего категорического²³⁶.

234 Подробно об употреблении чувашского деепричастия на *-sa/-se* см.: /74, стр. 243-248/.

235 О происхождении тюркской условной формы на *-sa/-se* см.: /221, стр. 214/, где указана основная литература, а также: /200, стр. 132-133/.

236 См.: /105, стр. 108-109/, однако приведенное там толкование примеров вызывает у нас сомнение.

Вот некоторые примеры на временное значение формы на *-sa/-se* в различных тюркских языках²³⁷:

алт. *jetip barza kirtistar on öki ötkö ajıldi ködöpir par d'et* 'когда он подъехал киргизы ехали, переправляя двенадцать дворов' /17, стр. 60/;

караим. *kujas d'ixsa men ojatim, men "Tan jaxši" saja ajim* 'когда взойдет солнце, я тебя разбуду и скажу тебе "Доброе утро"' /87, стр. 28/;

шор. *o:lak körze, kozan-da çoğul* 'когда мальчик посмотрел, /видит/ зайца нет' /41, стр. 218/;

гаг. *ačan baksa - jukardan bir gugus geler* 'когда посмотрел — /глянул/ сверху спускается голубь' /99, стр. 219/;

полов. *xačan opekunlar kelsalar na Ohas sh. xoıraj* 'когда опекуны придут, то должен Охас представить деньги' /40, стр. 376/;

туркм. *dünj Bäsümlar 200 manat karş pul berij dijip gelveler, men Ka-kağana gerek bolar dijip bemän koıberdim* 'Когда вчера из дома Бяшима зашли, чтобы попросить взаймы 200 рублей, я не дала им, думая, что эти деньги понадобятся Какаджану' /148, стр. 10/;

кир. *biz kelsek - kizmat büiürür* 'Когда мы пришли, занятия уже закончились' /22, III, стр. 44/.

Нам представляется, что не исключена возможность контаминации шетюркской формы на *-sa* с временным (условно-временным?) значением и финно-угорской (пермской) отглагольной формы на *-sa* (> удмуртское деепричастие на *-sa*)²³⁸.

Деепричастия на *-san/sen* и *-sassän/-sessän*

Эти деепричастия имеют условно-временное значение и, по мнению многих исследователей, взаимозаменяемы /10, стр. 297/. Некоторые авторы считают форму на *-sassän* книжной, а форму на *-san* разговорной /42, стр. 485/. И.П. Павлов также усматривает между формами на *-san* и *-sassän* стилистическое различие /94, стр. 255/.

О происхождении формы на *-sassän*, *-san* пока что высказаны две гипотезы. Согласно первой из них (Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, И. Бенци)

²³⁷ Ср. П.М. Мелиоранский: «В придаточных предложениях условная форма почти так же часто выражает условие, как и просто обстоятельство во времени» /83, II, стр. 33/.

Интересно замечание И.А. Батманова о временном значении формы на *-sa*: "Здесь, надо полагать, также вскрывается пережиточный характер промежуточного значения той категории, из которой впоследствии сложилась современная условная форма" /22, III, стр. 44/.

²³⁸ Ср. отрицательные формы удмуртского и чувашского деепричастий, представляющие формы лишительного падежа отглагольных имен.

Примечательно также, что в отдельных говорах южного диалекта удмуртского языка деепричастие на *-sa* может употребляться с послелогами /122, стр. 307/, а это косвенно подтверждает этимологию чувашского деепричастного аффикса *-sassän*, < *-sa*+ *sän* (послелог).

форма на *-sassän* является первичной, а форма на *-san* — производной от нее. Форма на *-sassän/-sessän* представляет собой отглагольное имя на *-sa* (причастие, по современной терминологии) с послелогом *soq* 'потом', 'после', *suq* > *sän*.

Структурно-семантические параллели встречаются в татарских диалектах Сибири²³⁹, где причастие на *-tan* с послелогом *soq* выступает как деепричастие с временным значением²⁴⁰:

тобол. *Kolhoz pašlanınsän ätkäbas öcncä pulär kolhozğa kargän* 'Когда образовался колхоз, мой отец третьим вступил в него';

бараб. *Utär, kargän suq* 'Сядь, раз пришел'; *lawäkläyan soq tanämatäm, min* 'Я не узнал, когда они приблизились';

томск. *Amijägä barınsän şapta pısarä äsäädä* 'Когда он ушел в армию, то работал писарем в штабе'²⁴¹.

Другая гипотеза предложена И.П. Павловым /94, стр. 256/, по мнению которого деепричастия на *-san* и *-sassän* восходят ко 2-му лицу единственного числа древней (общетюркской) условной формы, т.е. *-san* < *-sa-ŋ*²⁴², а *sassän* < *-sa-siŋ*. Большая употребительность формы 2-го лица явилась, по И.П. Павлову, причиной того, что она вытеснила формы 1-го и 3-го лица и стала выступать как неличная.

Сам по себе факт параллельного существования форм типа *-saŋ* и *-sasän* вполне допустим: см. соответствующие примеры в языке караханийских и хорезмийских памятников, а также в языке Codex Cumanicus. Однако, как правило, какой-то тип оформления является преобладающим: либо аффиксы типа *-m*, *-ŋ*, либо аффиксы типа *-män*, *-sän* и т.д.

В чувашском языке аффикс *-sän/-san* < *-siŋ/-siŋ* почти не употребителен. Он выступает, по мнению некоторых исследователей, еще во 2-м лице уступительного наклонения, в парадигму которого этот аффикс проник из какой-то иной парадигмы.

В качестве обобщающей, скорее, следовало бы ожидать форму 3-го лица единственного числа, ср., например, сарыгюгурский язык, где имеем: *men kel'se, sen kel'se, gol kel'se*, саларский: *men (pıser) oxıse* 'если я читаю', 'если мы читаем'.

Как отмечает Э.Р. Тенишев /131, стр. 39/, личные аффиксы условно-

²³⁹ См. также данные говоров южного диалекта удмуртского языка (булгарское влияние? — Л.Л.).

²⁴⁰ Во многих тюркских языках причастие на *-tan* и *-an* с послелогом *-soq* имеет временное значение ("после того как...") или причинное значение ("так как..."): туркм. *men giden soq* 'после того как я уеду'; узб. *men ba'ıtan soq* 'после того как я уйду' и т.д.

²⁴¹ Примеры взяты из работ Д.Г. Тумашевой.

²⁴² Чувашское *-san* в *pırsan-a* восходит к *-san-a* (2-е лицо единственного числа условного наклонения), хотя возможно, что в чувашский язык эта частица проникла из какого-то другого тюркского языка.

го склонения существовали в сарарском до XVII – XVIII вв., о чем свидетельствуют фольклорные тексты²⁴³.

При допущении И.П. Павлова, что чувашские деепричастия на *-san*, *-sassän* восходят ко 2-му лицу древней условной формы на *-sa*, оставаясь в неясном соотношении этого *-sa* и деепричастного *-sa*, которое, как считает И.П. Павлов, имеет тот же источник происхождения.

Генетическую связь между формами *-sa*, *-sar* и *-san* усматривает О. Прицак /211, стр. 283/, который полагает, что *-n* в чувашском *-san* – показатель «Individualis».

Деепричастие на *-ušän*/*-üšän*²⁴⁴

Это деепричастие "выражает действие, во время совершения которого попутно совершается другое действие" /74, стр. 267/: *Es kajüşän ma rağa kær* 'Уходя, зайди ко мне'.

По мнению В.Г. Егорова /42, стр. 490/, форма на *-ušän* представляет собой инструментальный падеж отглагольных имен на *-ušä*²⁴⁵. Н.И. Ашмарин /14, стр. 267/ также сближает деепричастие на *-ušän* с отглагольным именем на *-u*, *-ü*, но аффикс *-šän* оставляет без объяснения. Гипотеза В.Г. Егорова нам кажется весьма правдоподобной²⁴⁶.

Отглагольные имена на *-uшä* ~ чув. *ušä* в некоторых тюркских языках до сих пор выступают как *Nomen agentis* и употребляются с аффиксами лица.

²⁴³ Любопытно отметить, что аффикс *-señ* в сознании говорящих, по словам Э.Р. Тенишева, уже не содержит в себе никакого понятия лица /1 стр. 39/.

²⁴⁴ Известен и вариант этого аффикса *-ušäm*, например: /15, XIII, стр. 20/.

²⁴⁵ И. Бенцинг /176, стр. 744-745/ также усматривает в *-n* аффикс инструментального падежа; *-uš* он сближает с тат. *-ғаç*, однако признает, что *a* непервого слога в чувашском не превращается в *u*. В татарских говорах отмечено деепричастие на *-ғаçän* < *-ғаç* + *-(ә)n*. На основе чувашской формы на *-ušän* восстанавливается более древнее **-yušän*. Теоретически такая форма допустима, однако нам пока не удалось отыскать примеров, подтверждающих ее существование; ср.: М. Ряснен /221, стр. 12-13/: *-šän* < ? *ča-γün*.

У татар Западной Сибири (тобольский говор) /134, стр. 60/ отмечены формы типа *kajitšän*, синонимичные форме на *-šäš* в татарском литературном языке, где *-än* также, несомненно, показатель древнего инструментального падежа.

²⁴⁶ В чувашских говорах Башкирии Н.П. Петров отметил формы типа *kajun*, *kiün*, синонимичные *kajüşän*, где *kaju* – имя действия, а *-n* – показатель инструментального падежа /79, стр. 164-165/: *Kajun-kiün kær tužär erä xäpana jalanaх хавас* 'Когда пойдете и когда возвратитесь, заходите, мы гостю всегда рады' /79, стр. 165/.

Так, в карачаево-балкарском языке И.Х. Урусбиев /137, стр. 123-124/ относит форму на *-iwcü* к спрягаемым формам: *Sağa išanmajta, köbüsüne äbdal köjuwcüsa* 'Не надеюсь на тебя, ты часто обманываешь'.

То же явление отмечено В. Хангильдиным для татарского языка /145 стр. 251/247.

В большинстве тюркских языков отглагольные имена на *-uwäi* выступают как обычные существительные. Например: чув. *kəwüşä* 'пастух', *wəševüşä* 'пилот', кбал. *saiwücu* 'продавец', узб. *jäziwüci* 'писатель'.

Структурно-семантическая параллель к чувашской форме на *-ušän* обнаруживается в марийском языке, где имеются деепричастия одновременного действия на *-šäla* (*-äšla*) и *-šän*. Показатель первого из них восходит к суффиксу активного причастия на *-še* и падежному суффиксу *-la*, сравнительное значение которого развилось из общенаправительного: *toläšäla* > *toläšla* 'во время прихода' /29, стр. 174-175/.

Суффикс *-šän* /29, стр. 176/ восходит к тому же причастному суффиксу *-še* и суффиксу древнемарийского инструктива: *ruäšän* 'войди'.

Примечательно, что чувашское деепричастие *kajüşän* 'во время пути туда', 'во время ухода' имеет параллельную форму *kajušlc* /15, VI, стр. 4/. Аффикс *-la*/*-le* выступает и в слове *taväräšla* 'при возвращении' /10, стр. 327/248. Чувашское *tavämäšla* Н.И. Ашмарин закономерно сопоставляет с татарской формой на *-äšli*, *-äšli*²⁴⁹ типа: *baräšli*²⁵⁰ 'по пути', 'мимоходом', 'попутно', 'проездом'; *kiäšli* 'по пути', 'мимоходом', *ütär kiäšli* 'проездом', 'заездом'; 'при уходе', 'при отъезде', *kajitšli* 'попутно', 'возвращаясь'. В говоре параньгинских татар Н.Б. Бурганова /27, стр. 115/251 отмечает деепричастие на *-äšli* от глаголов *bar*, *kit*, *kajt*, *töš*, *män*: *Klubtan kajitšli bægä kær* 'Когда будешь возвращаться из клуба, заходи к нам'; в инзерском говоре башкирского языка встречается "наречие" на *-äšlaj*: *kiäšlaj kærätm* 'я зашел тогда, когда шел сюда'.

Деепричастие на *-atšän*/*-etšän*

Эта деепричастная форма встречается в верховых говорах /10, стр. 343/252. По значению она синонимична деепричастию на *-ušän*/*-üšän*:

²⁴⁷ См. также: /128, стр. 324-325; 87, стр. 303/.

²⁴⁸ Ср. также чув. (говорящий бывшего Козьмодемьянского уезда) *kajäšla* 'во время пути', *kiäšle* 'во время прихода', *taränäšla* 'во время возвращения' /10, стр. 390/.

²⁴⁹ В говоре чистопольских мишарей /76, стр. 174-175/ встречаются в том же значении формы: *baruwäšli*, *kat'uwäšli*.

²⁵⁰ Об аффиксе *-li*/*-li* см.: /76, стр. 119/.

²⁵¹ См. также: /96, стр. 359/.

²⁵² Н.И. Ашмарин отмечены также формы *käretšän* 'при входе' /15, VII, стр. 270/ и *kiletšän* 'по пути сюда' /15, VI, 215/, где представлен вариант аффикса *-etšän* (*š*/*š* или *š* < *š* после твердого согласного, вернее, после сочетания: гласный заднего ряда + согласный).

Kajatšän-kiletšän kərse tux 'Когда идешь туда и когда возвращаешься, захаживай' /14, стр. 268/.

По мнению В.Г. Егорова /42, стр. 291/, которое оспаривает И.П. Павлов /74, стр. 268/, это деепричастие образовано из формы 3-го лица настоящего времени на *-at/-et* и послелога *-šän/-šän*.

Нам кажется более достоверным, что это чувашское деепричастие следует сопоставить с татарским (мишарским) деепричастием на *-ṛačtā/-gāčtān* /76, стр. 67, 75, 175, 208-209/, т.е. чувашское *-atšän < *ašän < -ṛaštān* 253. Деепричастие на *-ṛačtān* отмечено и в башкирских говорах /24, стр. 144/.

Аффикс *-ṛačtān, -ṛačtan* (и его варианты) является сложным: *-ṛač* аффикс деепричастия, распространенного во многих тюркских языках (например, татарском, башкирском, узбекском, уйгурском, караимском (на *-ṛačox*), сарыгюгурском) и *-tān (< -tān)* — аффикс аблатива.

Деепричастие на *-iččen*

И.П. Павлов /74, стр. 260-261/ показывает, что деепричастие на *-iččen* выражает дополнительное действие, до совершения которого происходит главное действие. Деепричастие на *-iččen* имеет временное значение: "тех пор пока", "до того как". Иногда оно передает сравнение. Например *Vəzene xər rəiçčən vətənə uranə rərşə jaračər* 'Чем выдать свою дочь за них, лучше выдам за лесного медведя' /74, стр. 261/.

Наряду с деепричастием на *-iččen* употребительна в том же значении форма на *-aččen/-eččen*. Н.И. Ашмарин /10, стр. 315/ указывал на семантическое различие этих форм. Однако в "Синтаксисе" /14, стр. 32/ он отмечает, что разница в употреблении обеих форм, существовавшая прежде, теперь исчезла.

Что касается происхождения формы на *-iččen*, то Н.И. Ашмарин, а вслед за ним и В.Г. Егоров /42, стр. 487/ возводили ее к причастию возможности на *-i* и послелогу *čen* 'до'. Форму на *-aččen* Н.И. Ашмарин /стр. 315/ рассматривал как деепричастие на *-a/-e* с послелогом *čen*. И. Бенцинг /176, стр. 744/ полагал, что суффикс *-čen* идентичен с послелогом *čen* 'до', образование же в целом он считает неясным, хотя раньше /177, IV, стр. 449/ объяснял форму на *-i* из *-gū > -ə* + possessivnyj суффикс, т.е.: **jet-gū > šitə + -i*.

253 К изменению (метатезе) *št > tš* ср. *kš > šk* в чувашских формах отглагольного имени на *-maškān/-maššān*.

254 О происхождении аффикса *-ṛač* см.: /108, стр. 140; 221, стр. 190; 64, стр. 300-301/.

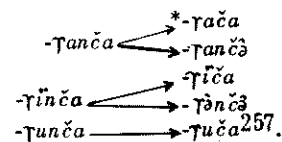
Монгольские параллели аффикса *-ṛač* приведены у Н. Поппе /207, стр. 277-278/. Деепричастие на *-ṛač* генетически тождественно с отглагольными именами на *-ṛač/-geč, -ṛič/-gič, -ṛuč/-gūč, -kač/-keč* и т.п. выступающими в современных тюркских языках с семантикой носителя процесса, орудия и т.п.

М. Ряснен /221, стр. 195/ возводит *puč-at'šən* к **bola-tegin*, а *puč-it'šən* к **bolaju-tegin*, но в той же работе он трактует это деепричастие иначе /221, стр. 73/: *šitččen < *jetgū + čen*.

Вероятно, чувашское деепричастие на *-iččen (-aččen)* целесообразно сравнить с соответствующими деепричастиями в других тюркских языках.

Прежде всего обратимся к данным татарских диалектов. Так называемое предельное деепричастие в татарском литературном языке образуется от основы глаголов при помощи аффиксов *-ṛančā/-gānčā, (-kančā/-kānčā)*. В качестве отрицательной выступает форма на *-miččā/-miččā* 255. В говоре татар Куйбышевской области зарегистрированы такие варианты этой формы, как *-mičā, -mičā, -mičān*. В татарских говорах на территории Мордовской АССР /76, стр. 115/ отмечено деепричастие на *-ṛānčā/-gānčā, -kānčā/-kānčā*. У мишарей Пензенской области употребляются формы: *-ṛānčāk/-gānčāk* 256, *-ṛānčā/-gānčā, -ginčā*, у тебризских татар: *-ṛiṇčā, -ṛanṇčā*, у барабинцев: *-ṛānčā/-gānčā, -ṛančā/-gānčā*, в говорах томского диалекта: *-ṛānčā, -ṛānčāk/-gānčā, -gānčāk, -ṛānčā, -ṛinčā/-ginčā, -ṛiṇčā*.

Сопоставление всех этих форм позволяет восстановить следующие основные варианты аффикса предельного деепричастия: *-ṛančā/-gānčā, -ṛiṇčā/-ginčā, -ṛunčā/-gūnčā* и наметить их последующие трансформации:

Все эти формы и их фонетические варианты представлены в современных тюркских языках:

- ṛančā, -ṛanša — караим. крым., каз., ккал., ног., баш., узб., алт., шор.;
- ṛunčā — караим. трак., узб., алт. диал.;
- ṛiṇčā — алт. диал.;
- ṛiṇčā, -ṛānčā — кбал., тат., баш. диал.;
- ṛiṇčā — ног. диал.;
- ṛiṇčā — уйг., кир.;
- ṛiṇčā — тув.

В тюркских языках юго-западной группы выступает аффикс **-iṇčā(k)* /**-iṇčā(k)* и его варианты, т.е.:

255 Вариант этой формы *-miččā/-mičā* служит отрицанием для деепричастий на *-a* и *-p*.

256 Ауслаутный *-k* в аффиксе *-ṛānčāk*, вероятно, возник из частицы *ok, ök*, ср. деепричастия на *-ṛačox*, например, в армяно-кыпчакском.

257 В основе этих деепричастных форм лежит отглагольное имя на *-ṛ(V)n/-n* (возможно и *-ṛu*) с падежным суффиксом *-čā* /108, стр. 137-138/.

тур. — *inja*
азер. *inja*
гаг. *inja(k)*
туркм. *inča*

В кубинском диалекте азербайджанского языка встречается деепричастие на *-injan/-injān*. В караево-балкарском языке И.Х. Урусбиев /137, стр. 81/ зарегистрировал вариант *-inčän (-inčün)*, Л.А. Покровской отмечено гагаузское диалектальное *-jā:n*.

Таким образом, наряду с **-inča(k)/-gänčā(k)* может быть восстановлена форма **-inčan* и **-inčän*, **-inčan* и **-inčän*, где *-n* — показатель инструментального падежа²⁵⁸. Чувашские деепричастия на *-iččep* и *-aččep* возможно, восходят к этим гипотетическим формам, при этом *-iččep*²⁵⁹ < **-in-čep-n* < **jan-čep-n*. Возможно также, что вариант *-iččep* — результат контаминации двух деепричастных основ: положительной на *-iččep* и отрицательной типа татарской диалектальной *-mičän*, *-mičā*, которая несомненно восходит к отрицательной форме деепричастия на *-i*, *-ij*. Аффикс *-čep* мог быть впоследствии отождествлен с синонимичным послелогами *čep* 'до'.

Деепричастие на *-masseren/-messeren*

Это деепричастие имеет временное значение: "каждый раз когда", "всякий раз как". Оно образовано из отглагольного имени на *-ma/-me* и послелога *seren* (ср.: Ашмарин /10, стр. 315/).

В пользу этой гипотезы Н.И. Ашмарина свидетельствуют сундырские формы типа *kajmaksārān* 'каждый раз, как пойдет'²⁶⁰ (*kajmak* + *sārān*).

По семантике чувашской форме на *-masseren* соответствуют тат. и баш. *җан саян (hajän)* 'всякий раз когда'.

Менее вероятным представляется предположение В.Г. Егорова, согласно которому аффикс *-masseren* следует разлагать на *-mas* (аффикс отрицательной формы причастия будущего времени) и послелог *seren*.

Деепричастие на *-nəšet/-nəšet*

Это деепричастие является новообразованием: оно состоит из причастия на *-nəš/-nə* и послелога *šetän* > *šet* 'по мере'. Послелог *šetän* представляет собой форму инструментального падежа от слова *šet*, *šep* 'напев', 'мелодия', 'строй', 'лад'.

В удмуртском языке есть послелог *šatən* 'по', который, по мнению Б.А. Серебряникова /122, стр. 371/, является формой творительного па-

²⁵⁸ В *-čan* представлены два лативных аффикса: *-ča* + *-n*, как в *da-n*. — Прим. отв. ред.

²⁵⁹ В аффиксе *-čep* мы ожидали бы *č* > *š*, но *č* в сочетании *nč* мог удержаться, ср. чув. диал. *xəŋça* 'когда', *konça* 'голение'.

²⁶⁰ Ср. у Н.И. Ашмарина /14, стр. 31/: *vəl kajmaksajran* 'каждый раз как он уйдет'.

дежа слова *šat* 'привычка', 'обряд'; в марийском — *semən* 'по', 'подобно'. Как отмечает М.Р. Федотов /118/, и марийское, и удмуртское слова заимствованы из чувашского²⁶¹.

Деепричастие на *-nəšet/-nəšet* имеет временное значение «по мере того как...»: *Kaš puñnəšet, vətana saşə kajaš xitətax* 'По мере того как наступает вечер, звук все сильнее и сильнее раздается по лесу' /14, стр. 38/.

Деепричастие на *-nəšet* может употребляться в сочетании с различными формами глагола в изъявительном наклонении. В этом случае оно выражает нарастающий характер действия: *Vərennəšet vərəŋşe piččə* 'Пусть они учатся все больше и больше' /14, стр. 38-39/.

Деепричастие на *-nəranpa/-nərenpe*

Это деепричастие также относится к новообразованиям. В его основе лежит форма исходного падежа причастия на *-nə/-nə* с послелогами *-pa/-pe* 'с', который в современном языке осознается как аффикс инструментального падежа. Деепричастие на *-nəranpa/-nərenpe* — это деепричастие времени со значением «с тех пор как...», «со времени как»: *Erə Əna kurtəranpa nitaj vəxət irta* 'С тех пор как я его видел, прошло много времени' /74, стр. 266/.

В этом же значении в других тюркских языках выступает причастие в исходном падеже с послелогами *bāri*, *biñə* и т.д. Это дало повод И. Бенциггу /176, стр. 734/ усматривать в чувашском *-pa/-pe* имя *bā:ri*, ср.: как *pe:ri* 'сюда', 'по эту сторону'; др. тюрк. *beñi* 'сюда'²⁶².

Деепричастие на *-kaš/-kač*

В чувашских говорах Башкирии /79, стр. 166 и 185/ отмечена деепричастная форма на *-ačərkəš/-etərkəš* с условным (> уступительным), реже временным значением: *Kuračərkəš üsa ŋiran* 'Видишь, а/еще/спрашиваешь'; *Kilečərkəš man šinçen šapla kalat* и 'Хотя я и пришел, обо мне он так говорит'.

По данным диалектолога В.В. Максимова /79, стр. 185/, аффикс *-ačərkəš* образует деепричастия от любой глагольной основы и выступает в двух сингармонистических вариантах (с гласными переднего и заднего ряда). Аффикс *-ačərkəš* — сложный, он восходит к аналитической конструкции: деепричастие на *-a/-e* + слово *tərkəš* < *tərkəč*, которое Н.И. Ашмарин /15, XIV, стр. 320/ именовал приставкой к словам *kura*, *lara* и т.д.²⁶³

²⁶¹ Слово *šet* пока не имеет на тюркской почве надежной этимологии; ср.: коми *s'am* 'характер', 'нрав', 'поведение', 'склад /характера/'; бур *s'amən ovni* 'жить по-хорошему'; *čel'ad s'amən* 'по-детски'.

²⁶² *Beñi* < *b-e-ni*, где *-ni* — аффикс директива, а *b* — элемент, возможно, генетически близкий к *b* в *bu*, ср. туркм. *añi* 'туда' < *añarñ*, где **an* местоименная основа.

²⁶³ См. также: /14, стр. 13-15/.

На самом деле *târkaç / târkaş* — деепричастная форма на *-kaç* от глагола *tâz* 'стоять', 'находиться', 'пробыть', который в конструкции *-a + târkaç* передавал постоянный, длительный характер действия; ср., например: *Şije-târkaçax naçarlanşa kara* 'Постоянно ел, но все равно исхудал' /15, XIV, стр. 320-321/; *Işe-târkaç alâşem xâparasâ kajraş* 'Гребя, руки опухли' /15, XIV, стр. 320/; *Kala-târkaçax şapla tura* 'Все время твердели, однако сделал так' /15, XIV, стр. 320/.

Н.И. Ашмарин форму на *-a târkaç* считал пережиточной, хотя указывал, что, видимо, в некоторых северных говорах она встречается гораздо чаще, чем в других, почти как обычная грамматическая форма /14, стр. 14/. Однако чувашскими диалектологами она как будто зарегистрирована только в чувашских говорах Башкирии. Пометы в словаре Н.И. Ашмарина, к сожалению, также не позволяют локализовать эту форму. Лишь в одном случае она отмечена в деревне Средние Юмаши Урмарского района.

Деепричастие на *-kaç/-kaş* имеется в татарском и башкирском языках²⁶⁴, носители которых имеют тесные контакты с чувашами. Но более вероятным источником для всех тюркских языков Поволжья являются кыпчакские диалекты. Об этом свидетельствует наличие деепричастия *-kac/-yaç* в караимском языке /87, стр. 301/ и армяно-кыпчакских текстах /226, стр. 113/. Примечательно, что в чувашском, татарском, караимском и армяно-кыпчакском деепричастие на *-kaç/-yaç* часто употребляется с эмфатической частицей *ok/uk/ax*: чув. *kura-târkaçax* 'видя'; тат. *jazyaçuk* 'сейчас же после писания'; трак. *çixkaçok* 'как только вышел'; ар. кып. *kelgaçox* 'как только пришел', причем в караимском и армяно-кыпчакском *-yaçox* рассматривается как сложный деепричастный суффикс.

Фонетически аффикс *-kaç/-yaç* выглядит в чувашском языке новым образованием, так как для чувашского ожидалась бы утрата гуттуральной (ср. этимологию деепричастного аффикса *-alâşn*, выше, стр. 108).

Аффикс *-yaç* генетически, вероятно, тождествен аффиксу *-yaç* в именах с орудным значением (ср. причастные и словообразовательные аффиксы *-yak*, *-yur* и т.д.). Этот последний в чувашском языке представляется как *-aş* (см. аффикс *-kâş*, ниже, стр. 156).

ИНФИНИТИВЫ (СУПИНЫ)

В чувашских грамматиках (например: /74, стр. 212 и сл.; 95, стр. 2 и сл.) к инфинитивам относят отглагольные формы на *-та* и *-таşkân*: *pâlme* 'знание — знать', *pâlmeşkân* 'знать', 'чтобы знать'. При этом форму на *-та* обычно возводят к более архаичной форме на *-tak/-mek*, выступающей в качестве инфинитива во многих тюркских языках /10, стр. 74, стр. 213; 108, стр. 101 и т.д./ . Генетическая связь отглагольных имен на *-та* и *-tak* несомненна /221, стр. 134; 61/. Форма на *-tak* скорее всего

²⁶⁴ Деепричастие на *-kaç* распространено во многих тюркских языках и диалектах (см.: /221, стр. 189-190/; кроме указанных здесь, также во многих говорах сибирских татар и в языке желтых уйгуров).

представляет собой отглагольное имя на *-та* в направительном падеже (формант *-k*)²⁶⁵. Инфинитив на *-та* отмечен в караимском языке /87, стр. 294 и сл./, в говоре каринских и глазовских татар /76, стр. 41-42/, армяно-половецком /40, стр. 378; 183, стр. 21/. Примечательно, что в армяно-половецком отмечено параллельное существование двух форм: на *-tak* и на *-та*, при этом первая, по мнению Ж. Дени, скорее является именем действия. Поэтому мы не склонны рассматривать форму на *-та* как усеченный инфинитив, т.е. *-tak > -та*²⁶⁶. Тем более это в чувашском языке наличествует и форма на *-tak*, которая в сочетании с послелогом-аффиксом *-şân* образует форму на *-takşân* (говоры) ~ *-taşkân* (литературный язык), по значению близкую к супину. Форма на *-tak* выступает в сундырских говорах и с послелогом *seren*: *kajmaksârân* 'каждый раз, как пойдет'²⁶⁷.

НАРЕЧИЯ

Неизменяемые слова, функционирующие в качестве определителей к трибутивам и предикативам, неоднородны по своей структуре. Часть из них пока не поддается морфологическому анализу. Вторая группа представляет застывшие падежные формы имени²⁶⁸. Сюда относятся прежде всего наречия на *-ân/-эн*, являющиеся по происхождению формой древнего инструментального падежа, и наречия на *-la/-le*, восходящие к общетюркским формам на *-la/-le* с широким обстоятельством значения сравнительно-уподобительным, временным и т.д.)²⁶⁹. Как наречия функционируют также формы современных пространственных и творительного падежей некоторых имен (в том числе местоимений)²⁷⁰.

²⁶⁵ Структурные параллели обнаруживаются в новообразованиях(?) на *-ага* < *-ag + -га*, *-тага* > *-та*; выступающих в значении инфинитива в ряде тюркских языков. Об этимологии аффикса *-tak* см.: /221, стр. 134; 179, стр. 254; 108, стр. 101; 61, стр. 275-277; 123, стр. 69-70; 200, стр. 133-135/.

²⁶⁶ Существует также предположение, что чувашское *-та* < **-тага*, где *-а* — аффикс дательного-направительного падежа.

²⁶⁷ См. также: *vâzene kutax...* 'глядя на них...', *kajmaxra* 'прихождении', *kuras kilmexre* 'когда хочется видеть', отмеченные в словаре Н.И. Ашмарина /15, VI, стр. 4, 206 и 315/.

²⁶⁸ Некоторые наречия по структуре являются "деепричастными" формами".

²⁶⁹ См. также разделы "Инструментальный падеж" и "Остаточные падежные формы" (выше, стр. 27 и 28).

²⁷⁰ См. об этом: /74, стр. 284-287/, где охарактеризованы и некоторые другие типы наречных образований.

Наречия на -ɨn/-ɨn

Аффикс -ɨn/-ɨn восходит к аффиксу древнего инструментального падежа ²⁷¹ -in/-in. Наречия на -in/-in встречаются и в других тюркских языках, как правило, со значением времени или образа действия. Например, А.Н. Кононов /56, стр. 284/ отмечает для турецкого языка такие формы, как *jazın* 'летом', *kışın* 'зимой', *ilkın* 'сначала', *için için* 'внутри', 'тайно' и т.д. В караимском языке имеются наречия: *kūzın* 'осенью', *jazbasın* 'весной' и т.д., в башкирском: *əzələn* 'взаправду', *kəşən* 'зимой' и т.д., в туркменском: *oynın* 'секретно', 'тайно', *jübün* 'плашмя', 'ничком' и т.д.

Наречия на -la/-le

К этой группе прежде всего можно отнести наречия с временным значением типа: *şarle* 'ночью' < *şar* 'ночь'; *xalle* 'зимой' < *xal* 'зима', *kunla* 'подневно' и т.д. ²⁷²

Аффикс -la/-le в этих наречиях, по-видимому, генетически однороден с тюркскими -la/-le в *taqla*, *öjle* < *öðle*, *ünle* и т.д. ²⁷³. Например: *kaŋda* 'завтра', осм. *öjlä* 'полдень', 'время обеда', тат. *önlä* 'ночью полов', *ünla* ²⁷⁴ то же.

Наречия с аффиксом -la/-le имеют также сравнительно-уподобительное значение: *açalla* 'по-детски', *kajakla* 'по-птичьи', *şaralla* 'на босую ногу', *xakla* 'дорого' и т.д.

По семантике с ними сходны башкирские наречия типа: *balaj* 'по-детски', *aşwadaj* 'по-медвежьи', *köştaj* 'по-птичьи' ²⁷⁵. Этот же аффикс находим в караимском языке: *çipdilej* 'как птица', *otlaj* 'как огонь'. Примечательно, что караимские наречия с аффиксом -laj/-lej имеют и временную семантику: *ünlej* 'ночью', *tanbiları vaxtlej* 'в утреннее время'.

В кумыкском языке -laj/-lej входит в состав сложного аффикса -la/-lejin ²⁷⁶: *almalajın* 'как яблоко'.

²⁷¹ Подробнее о чувашских наречиях этого типа см. выше, стр. 27.

²⁷² Подробнее см.: /74, стр. 283/.

²⁷³ Ср. В. Банг /174, стр. 95-96/, по мнению которого -la/-le — именной суффикс с инструментально-адвербиальным значением.

²⁷⁴ Ср. также П.М. Мелиоранский /82, стр. 83/: *دونله* 'ночью', *دا ئيگله* 'утром'.

²⁷⁵ Башкирские -daj/-laj/-taj Н.К. Дмитриев /37, стр. 115/ проистекает из *dek* > *dāj* 'до', 'вплоть' и связывал с татарским -ləj/-ləj. Нам эта этимология кажется очень спорной, хотя контаминация (особенно значимая) *dej/dek* и *-lej/-laj* возможна.

²⁷⁶ В. Банг /174, стр. 96/ усматривает в аффиксе -lajın инструментальный падеж деепричастия на -и, образованного от отыменного глагола на -la/-le. Иначе считает А.Н. Кононов /56, § 601/: -le (аффикс отыменного глагола) + -(j)in (аффикс древнего деепричастия).

По мнению Н.К. Дмитриева /38, стр. 91/, фонетическими вариантами аффикса -laj/-lej являются аффиксы -daj, -taj, -naj: *ajuwdaj* 'по-медвежьи', 'как медведь', *adamdaj* 'по-человечески', 'как человек', *taştaj* 'как камень'.

Аффикс -laj/-lej со значением сходства, подобия, сравнения, способа образа действия имеется и в карачаево-балкарском языке: *malkarıljaj* 'как балкарец', 'подобно балкарцу', *açdalaj* 'деньгами' и т.д.; ср. также татарский аффикс -laj/-ləj, -ləj/-ləj: *tıräläj* 'живьем'.

В языках юго-западной группы наречия с аффиксами -laj/-lej встречаются спорадически: туркм. *jüðlej* 'поверхностно', 'медко', но более употребительны формы с аффиксом -lajın/-lejın: тур. *gecelejin* 'ночью', туркм. *wağdajın* 'временно'.

В чувашском языке аффикс -la/-le иногда имеет и собирательно-разделительное значение: *pusla* 'по копейке', *sakkärta* '(сплетенный) в восемь (пряж)'.

Некоторые наречия, соотносительные с формами современных пространственных падежей

К этой группе прежде всего относятся наречия типа: *süle* 'вверх', *şäle* 'наверху', *şala* 'внутри', *şalta* 'внутри', *şaltan* 'изнутри', *kaşa* 'к вечеру', *kaşalla* то же ²⁷⁷ и т.д., представляющие собой формы пространственных падежей от имен. К этой же группе принадлежат местоименные наречия *kunla*, *kunlan*, *kunalla* и им подобные, аналогичные первым по своей структуре.

Более интересны наречия типа *şurkunne* 'весною', 'весна', *vişmine* 'послезавтра', *irşine* 'утром'.

Наречия *şurkunne* и *karkunne*, видимо, представляют дательный падеж сложных слов, возникших из именных словосочетаний: *şur kun* 'весенний день' > *şurkunne* > *şurkunne* 'весной' (ср.: *xar* 'его дочь', *xäte* 'его дочери'). Примечательно, что это слово чаще выступает как субъект действия: *şurkunne puşlanat* 'пуşä ujäxänçe' 'весна начинается в марте' /15, XII стр. 255/.

Такая "лексикализация" падежной формы наблюдается и в других тюркских языках. Например, якутское *kihin* 'зима' — это форма старого инструментального падежа от *kis* 'зима'; др. тюрк. и т.д. *erte* 'утром', 'утро' — форма местного падежа от *er* 'утро', 'рано' и т.д. Возможно, и тюркское *keä* ²⁷⁸ 'ночь', 'вечер' — дательно-направительный падеж от *keä* 'поздно', 'вечер', ср. чув. *kaś*.

Сходную структуру имеют наречия: *kaşsine*, *kaşine* 'вечером', 'ночью', *vişmine* 'послезавтра', *tävatmine* 'на четвертый день', *irşsine* 'наутро', *malaşne* 'вперед' и т.д., восходящие к *kaś*, *vişəm*, *tävatəm*, *ir*, *malaş* + -i

²⁷⁷ Любопытна форма *kaşalanala* 'к вечеру' /15, VI, стр. 142/, где выступает двойной аффикс направительного падежа: -ala + -(n)ala.

²⁷⁸ Сюда же относится баш. диал. *önä* 'давеча'?

или -*ša*²⁷⁹ + *-ne* (аффикс дательного-винительного падежа). Аффикс принадлежности 3-го лица *-i* // *-šə* в данном случае указывает на связь контекстом в широком смысле слова.

Близки по структуре к предыдущему типу и наречия на *-xine*: *kašine* 'вечером', *iḡxine* 'утром', *šulxine* 'в год', где представлен тот же дательный падеж от формы на *-xi*: *kašxi* ('вечерний') > *kāšxine*²⁸⁰.

Наречия на *-laša*²⁸¹

Как справедливо указывает Н.П. Петров /79, стр. 166/, аффикс *-la* составной и восходит к *-la* (аффикс отыменных глаголов) и *-sa* (аффикс деепричастий). Некоторые наречия на *-laša* не имеют соотносительных глагольных основ и поэтому аффикс *-laša* правомерно считать аффиксом образования наречий от имен²⁸². В чувашском языке наречия на *-laša* относятся к новообразованиям. Структурную параллель к ним составляют татарские, башкирские, узбекские и т.д. наречия на *-lap* (ср.: чув. диал. *parlaša* 'парами' — тат. *parlap*; *ēnlaša* 'всерьез', 'действительно' — тат. *ēnlap* 'всерьез', 'взаправду').

ПОСЛЕЛОГИ

К послелогам мы относим две группы образований.

В первую входят слова, представляющие собой изолированные отыменные и отыменные образования, которые служат для выражения различных синтаксических отношений (пространственных, временных, притяжательных, целевых и т.д.).

Вторую группу составляют имена, функционально тождественные первым. Это имена с пространственным и временным значением, формально часто в грамматиках эту группу слов называют служебными именами.

²⁷⁹ Ср.: *əlakši kun* 'вчера' и *əlakšə*, где имеем тот же аффикс *-šə*.

²⁸⁰ Примечательна структура наречия *kajranxine* 'наконец': < *ka* (аффикс принадлежности 3-го лица) + *-xi* (формообразующий аффикс) + *-ne* (аффикс дательного-винительного падежа).

²⁸¹ Отмечены главным образом в говорах чувашей Башкирии /79, стр. 166-167/.

²⁸² Интересна форма *irkkanleše* 'на просторе', где *irkkan* 'приволье' — застывший инструментальный падеж от *irək* 'воля'; *irleše* 'утреню порою', *ujəxlaša* 'помесячно' /15, III, стр. 188/; *vunnalaša* 'десятками' /15, III, стр. 416/; *təvat-pilək šullaša ep te unta purānīlām* 'и я ж там около четырех или пяти лет' /15, XII, стр. 212/, *iršalatša* 'целыми кузовами' /15, III, стр. 68/.

Характерно, что среди тюркских послелогов редко встречаются такие, которые были бы известны всем или большинству тюркских языков. Видимо, большинство современных послелогов сравнительно новые образования, сформировавшиеся в отдельных ареалах тюркских диалектов. Это понятно, так как употребление, вернее, возникновение многих послелогов связано с перестройкой общетюркской падежной системы. Сокращение числа пространственных падежей, утрата некоторыми падежными формами полифункциональности вызвали необходимость в уточнителях-послелогах. Возможно, некоторые прежние послелоговые формы перешли в аффиксы. В этом смысле показательна судьба общетюркского *ıbın* в чувашском языке, возможно, *siž/siz* в большинстве тюркских языков и т.д.

Примечательна и еще одна особенность в образовании послелогов: нередко разные тюркские языки используют в качестве послелогов различные глагольные и именные образования от тождественных исходных основ.

Из чувашских послелогов к общетюркским (межтюркским) можно приписать следующие послелоговые формы:

kuta 'смотря, по' < *kur-* 'смотреть', 'видеть' + *-a* (аффикс деепричастия) ~ кир. *kōtō*, уйг. *kōā* ккал. ног., кбал. *kōre*, караим. *kōra*, *kere*, кат. *koru*, кум. *göre*, баш., тат. *kūrā*, гаг. *gōrā*, азерб. *g'ōrā*, туркм. *gōrā*;

xirās 'против' < *karš-* + *-i* ~ чув. *xirās-* 'противиться', 'артачиться', 'перечить' ~ азерб., туркм. *karši*, кум., гаг., бараб. *karši*, баш. *karšə*, каз. *karsə*, кбал. *karšəi*;

pek 'как', 'подобно', диал. *kep*, *kap*, *pak* < *kāp* 'образ', 'выкройка' ~ узб. *kābi*²⁸³, туркм. *kibi*, *kimin*, караим., кбал. *kibik*, кат. *kibi*, тат. *kəbək*, кум. *jinik*, баш. *kəwak*, гаг. *gibi*, азерб. *kimin*.

Несколько чувашских послелогов имеют соответствия в одном или нескольких тюркских языках (главным образом кипчакской группы):

ıltə, *ortə* 'через', 'поперек' < **arlı* < **arkılı* ~ кир. *arkılı*: 'через', 'посредство', узб. *arkali*, уйг. *arkilik*, каз. *arkälä*, баш. *arkärä*, тат. *arkälä* 'поперечный', 'через', 'поперек' < **arki* (ср.: кир. *arki* 'по-двусторонний', 'дальний', *arki terki* 'крест-накрест'), тат. *arkälä-ırkälä* 'крест-накрест', др. тюрк. (А. Габэн) *arkutu-turkutu* 'вкривь и вкось', *arku* 'quergehen' (по С.Е. Мазову /70, стр. 360/: деепричастие?);

pula 'благодаря' < *pul-* 'стать' ~ тат. диал. *bula* 'ради', 'из-за', баш. диал. *bula* 'из-за', саалар. *vul*, *vule*, *pule* 'из-за', уйг. *bola* 'ради', 'для', /153, стр. 197/: *bola* 'из-за';

terä 'до', тат. диал. (мордва-каратаи) *tärä* 'до'; ср.: караим. *trik derä*, гаг. *deri* 'до', кбал., ног. *deri*, СС: *dejri*, *degrä* 'до', кир. *dejre* 'до', хак. *tegre*, баш. кубалак. *tarä*, *tärä* 'до' /153, стр. 194/: *tegrä* 'до'; возможно, < **degrä* < **degräi* < **degräi*, ср. тур. *dejir-* 'дать достигнуть', 'доставить', 'заставить касаться' (см.: /230, стр. 107/);

²⁸³ Библиографию см.: /56, § 670/.

xiça: *kın xiça* 'целый день', тат. *tön kata* 'всю ночь', *köz kata* 'осень', *jaz kata* 'все лето', *kış kata* 'всю зиму', *kön kata* 'весь день', кир. *joldu kata* 'всю дорогу', *tün kata*, *tün kaıp* 'всю ночь', 'ехать всю ночь', каз. /55, стр. 210/: *tün kat-* 'ехать всю ночь', др. тюрк. (ДТС, стр. 432) *tün kat-*, где *kat-* 'добавлять', 'присоединять';

vitra, *viğar*, *vittar* 'сквозь', 'через' < *viğar* < *öç(ik)ir-* 'завить', 'проникать', 'проходить', кир. *ötkör-* 'заставить проходить' (*vit* 'проникать', 'проходить'), ср.: хак. *ötare* 'сквозь', баш. *ütä* 'сквозь', тат. диал. *ükärä* 'сквозь', *ütä* 'через', 'сквозь';

maj 'по' < **əmaj* 'сноровка', 'способ' < *uğaj*, *əğaj*, ср. кир., *ığaj* 'благоприятные обстоятельства', 'удобный момент', 'ловкость', 'сноровка' или тат. *uğaj* 'удобный', 'приспособленный', тат. диал. *uğaj* 'манера', 'способ', баш. диал. *əğaj* 'после';

puşlaşa 'с', 'от', 'начиная с' — деепричастие на *-sa* от глагола *puşla-* 'начинать'. Та же самая модель в основе ктат., кум., кбал. *baslap*, ккал. *baslap* 'начиная с' (деепричастие на *-p* от глагола *başla-*); *şiti*, *şitex*, *şitüççen* 'до' < *şit-* 'достигать', 'доходить'. От этого же глагола *jet-* ~ *jet-* ~ *şit-* ~ *çit-* образованы кир. *jete*, кум. *jetgen* хак. *çitire* и тув. *çedir* 'до'.

Некоторые послелогов можно назвать собственно чувашскими, так они пока не имеют надежных параллелей в других тюркских языках:

tavra 'вокруг' < **tägrä* /221, стр. 104/, ср. А. Габэн /186, стр. 116/: *tägä* 'ум., ., herum';

taran 'до', по И. Бенцингу /176, стр. 734/: < **tägirä-n* (ср.: /108, стр. 97/);

täräx 'вдоль', 'по', 'на основании', ср. *täräx* 'штука', 'кусок (холодильника)', 'цельная холстина', 'пролет забора', 'продольный', тат. *töräk*, баш. *török*, чаг. /106, III, стр. 1453/: *tunik* 'жердь', 'эвено', МК: *tür-* 'длина';

pirki 'относительно', 'по причине' < *pirke* 'причина' /10, стр. 21/: *-i* — аффикс принадлежности 3-го лица, ср. чув. диал. *pirši*, *parši* 'по причине', *şav pirkeren* 'поэтому', тат. диал. *birkäsändä* 'благодаря', 'за', 'по этой причине', мар. *par* 'отчего' (послелог);

valli 'для', возможно, из *valä* 'доля' + *-i* — аффикс принадлежности 3-го лица /10, стр. 214/; ср. также: *valät*, *vali*, *valim*, *vallät* 'для', *jevar* 'как', 'подобно' из *jevar* 'образ', 'форма', 'вид', 'подобие', диал. 'порода', 'племя', 'родня', ср. тат. диал. *jawär*, *jävär* 'род', 'родство', 'племя';

vara 'с', ср. наречие *vara* 'потом', 'после', 'позже' (мар. *vara* 'потом', 'после', 'поздно'); возможно, < **örä* ~ *özä* ~ *üzä*, ср.: др. тюрк. *öza* ~ *üzä*, ног. *özek* 'потом', 'после';

kaşa 'в течение' < *kaş-* 'переходить', 'проходить (например, о ручье)', ср. др. тюрк. /186, стр. 137/: *käçä* 'jenseits von';

puşne 'кроме' — этот послелог по значению и структуре аналогичен общетюркскому *başka* 'кроме', который большинство исследователей трактуют как дательного-направительного падежа от слова *baş* 'голова',

начало' (см., например: /179, стр. 154/); по этой же модели в тюркских языках образовано *özge* 'другой', 'кроме' от *öz* 'сам'. В чувашском языке в дательного-направительного падеже ожидалось бы *puşa*, но ср. туркм. *başta* 'кроме' и *başa* 'голове', 'началу' и т.д.

Несколько послелогов по фонетическим и морфологическим признакам можно отнести к новообразованиям:

jaçän 'около', 'приблизительно' соответствует полнозначному имени *jaçän* 284, встречающемуся во многих тюркских языках (туркм. *jaçin*, кир. *jaçin*, тат. *jaçän* 'близко', 'около'). Судя по аналитическому *j*, относится к неологизмам;

pörlä 'вместе', 'совместно' < **birle*, вероятно, адвербиальный падеж на *-le* от *bir* 'один'; по А. Габэн, — из *biril-e* (деепричастие от *biril-*). Слово, видимо, относительно поздно попало в чувашский язык из какого-то тюркского диалекта, так как более раннее (общетюркское?) *birle* дало *-pele*,

junaşar 'рядом', 'с' из наречия *junaşar* 'рядом' < *junaş-* 'стоять рядом' < *janaş-*, тат. *jänäşä* 'рядом', 'бок о бок', тат. диал. *janaşa*, баш. *jänäşä* 'по соседству', 'рядом', ног. *janas-* 'приближаться', 'соприкасаться' (все это производные от *jan* 'бок', 'сторона'). Чувашское *junaşar*, видимо, заимствование из какого-то кыпчакского диалекта, ср. чув. *jan* 'бок' ~ тюрк. *jan*.

Среди чувашских послелогов можно выделить группу послелогов-аффиксов (некоторые из них, как *-şän*, *-pa*, фактически уже превратились в надежные аффиксы; другие — *seren* (*saran*, *sajran*, *sejran*) 'еже', 'по', *çen* (*-ççen*) 'до', *-şem*, *şemän* 'по' — выполняют послеложную функцию и входят в состав некоторых деепричастий 285):

seren 'еже' этимологически близок к туркм. *şajjin*, *şajji*, каз., ккал., кир., ктат., кбал., кум. *sajin*, тат. *sajän*, сюг. *sein*, *se:n*, шор. *saja*, хак. *saj* 'еже'. *Seren* < *sajran*, может быть, < *sajran*, т.е. *sajran* > *sarän* > *seren*, где *saj*, *saji* — основа имени от глагола *saj-* (*sa-j-*) 'считать', а *-ran* — аффикс исходного падежа;

-çen, *-ççen* 'до' этимологически, вероятно, родствен туркменскому *çen* ~ *çenli* 'до', *şu çaka çen* 'до сих пор' (ср. также туркм. *çen* 'предположение', 'догадка', 'приблизительность' 286, кир. *çen* 'место', 'временье', 'момент', 'мера');

-şemän, *-şem* 'по', 'по мере того как' (ср.: удм. *s'amän* 'по' из удм., коми *s'am* 'привычка', мар. *semän* 'по', 'подобно', 'сообразно') < *şem* 'мелодия', 'лад', 'строй' + аффикс старого инструментального падежа *-n*.

Следующая группа послелогов — это имена с пространственным значением. В формах пространственных падежей (дательного-направительного

284 В казахском и карачаево-балкарском языках есть послелог *şuwaç* и *juwaç* 'около', 'приблизительно' из *jaçuk* 'близко'.

285 См. выше, стр. 108, 116.

286 Ср.: азерб. *-jan/-jen* 'до', кир. *çejin*, каз. *šejin* 'до'.

го, направил ельного, местного и исходного) они служат для выражения синтаксических отношений.

К именам-последелогам этого типа относятся: *aj* 'низ', *ajak* 'бок', *ăš* 'внутренность', *vară* 'середина', *jen* 'сторона', *kut* 'основание', 'близость', *puš* 'начало', 'вершина', *si* 'верх', *sum* 'бок', 'рядом', 'подле', *šivăx* 'близко', *tavraš* 'окрестность', *tără* 'верх', *tal* 'место', 'противоположная сторона', *um, om* 'перед', *xušă* 'промежуток', *xış* 'вид', *xar* 'край', *tăršă* 'длина', *ul* 'внешность', *xulăx* 'промежуток'.

Среди перечисленных имен можно выделить слова, имеющие общетюркские соответствия, слова, имеющие соответствия в некоторых тюркских языках, и слова, достоверные параллели к которым пока нами не обнаружены.

1. Общетюркские имена-последелогам:

ăš 'внутренность' ~ туркм., уйг. *ič*, тат. *ăç*, тув. *ižin*; закономерно в чувашском ожидалось бы *ăç*; возможно, *ăç* > *ăš* со словами с гласным заднего ряда;

puš 'начало', 'вершина' ~ туркм., уйг., тат. *baš*, тув. *ḥaš*;

sum 'бок' ~ туркм. *ja:n*, уйг. *jan*, тув. *čan*;

tal 'место', 'противоположная сторона' ~ туркм. *dū:š*, тат. *iōš* 'место', тув. *tuš*, кир. *uš*;

ul 'внешняя сторона' ~ туркм. *daš*, уйг. *taš*, тув. *tašū* (< *taš-ū*); як. *tas*;

um, om, iv, əv 'перед', 'передняя сторона' ~ туркм. *ön*, тур., азерб. *ön*, др. тюрк. /186/: *ön*.

2. Имена-последелогам, имеющие соответствия в некоторых тюркских языках (межгрупповые соответствия):

vară, *var* 'середина' ~ туркм. *ö:d* 'сам', тур., азерб., кир., ног., уйг. *öz*, тат. *üz*, баш. *üç*, як. *qōs* (ср.: тур. *öz* 'внутренность', 'середина', 'костный мозг' ~ чув. *varăllă šamă* 'мозговая кость');

jen 'сторона' ~ тат., баш. *jan* и т.д.; *jen*, вероятно, из какого-то тюркского диалекта, где *jan* > *jān* (ср.: чув. *jenčäk* 'кисет' ~ тат. *jan* баш. *jansäk*, баш. диал. *jān-jak* 'окрестность');

kut, kot — в /74, стр. 317/ переводится как "основание", то же у П.И. Ашмарина /10, стр. 215/, например: *juman kutənçe* 'под дубом'. Обычно это *kut, kot* кроме значения "основание, комель, корень дерева" передает и значение "зад". Нам кажется, что чувашское *kut, kot* служебной функции — например: *šitta kutənçe* 'у речки', *ut kutne* 'к огню' и т.д. — генетически тождественно тат. *kat*, кбал. *kat*, караим. ср. *kat*, хорезм. тюрк., *kat*, например: тат. *išək katında* 'возле двери'; ср. *meniç katta* 'у меня';

pat 'близость' ~ балк., кум., ног., каз., ккал., кир., узб. *bet* 'лицо', 'щека', тат., баш. *bit*, уйг. *bät*, г.з.с.т. *pit* (чув. *pit* 'лицо' — из какого-то татарского диалекта);

šivăx 'близко' ~ ног. *juvük* кум. *juvik*, балк. *žuvik*, тув. *do:k*, кир. *ju:k*, аит. *du:k*, др. тюрк. *javuk*, *javuk* (ср. казахский и карачаево-балкарский языки, где *žuvik* выступает как последелогам);

tavraš 'окрестность' из *tavra* (см. выше, стр. 118) + *-š(-aš)* — аффикс, прибавляемый к именам с пространственным значением; ср.: *tulaš* 'внешность' из *ul*, *malaš* 'перед' из *mal*;

tără 'верхушка', 'вершина' (связь с полнозначным словом ослаблена незначительно) ~ тур. *duruk* 'холм', 'вершина';

xış 'вид', 'задняя часть' ~ тур., гаг. *kış* 'задняя часть', азерб. *hiç* 'нога';

xar 'край', ср.: хак. *xır* 'край', 'грань', тув., кир. *kit*, баш., тат. *kä* или балк. *kijir* 'край', 'граница', 'конец'.

3. Имена-последелогам, не имеющие пока надежных параллелей в других тюркских языках:

aj 'низ', откуда *ajal* 'нижняя часть';

ajak, ajäk 'бок', 'сторона'. В.Г. Егоров /44, стр. 38/ сопоставляет с тюрк. *jak, jak* 'бок', 'сторона', что нам кажется сомнительным по фонетическим причинам; в чувашском *ajak* можно было бы видеть более старое **ajäk, *ejek*, ср.: *ejäkü* 'бок', 'сторона' (МК);

si 'верх' (откуда *šinčen, šinče, šine* и т.д.), для *si* можно было бы предположить более раннее **je, *jej, *jeg*. Г. Рамседт сравнивал его с др. тюрк. **jig, *jeg* 'лучше' **jägö* 'стать лучше', ср.: *jeg* (МК) и мон. *degde-* 'подниматься'.

Нам хочется сблизить чув. *si* 'верх' с сюг. *jüz* 'верх', т.е.: *si* < *jü* + *-z* ~ *-s* — какой-то словообразовательный формант (в других языках находим: *jüz* 'лицо', 'поверхность', *üst* 'верх' < *üz* + *-t*). Ср. также *si* в чувашском *si-puš* 'одежда' ~ азерб. *üst-baš*, кир. *üstü-baš*, узб. *üst-baš*, баш. *öt-baš*; чув. *si* 'одежда' ~ кир. *üst*; в чувашском *šifele tux-* 'взять верх', 'победить' ~ азерб. *üstün dük-*, баш. *östön säk-* и в чувашском *šivăça, šivăç* 'лезвие' < *si* + *văç, väs* (верхний конец?)(узб. *bältaning jüzü* 'лезвие топора', баш. *jöz* 'лезвие');

xušă 'промежуток' из *xuš-* 'соединять' (*xušă* 'место соединения');

tăršă 'по' (< 'длина') из *tărăš* 'длина' (< *tăräk*) (по структуре ср.: *püršä* 'качество');

xulăx 'промежуток' из *xul* 'раз'.

В чувашском языке пока не обнаружено "служебных имен", восходящих к основам *al, ar, as*, которые распространены во многих тюркских языках: кир., туркм. и т.д. *ast* 'низ', азерб. *alt* 'низ', *ard* 'зад'.

ЧАСТИЦЫ

В чувашском языкознании пока не существует единой классификации частиц (ср.: /10, стр. 239-243; 10, 331-342; 95, стр. 329-333).

Состав их тоже не определен, к частицам иногда причисляют некоторые модальные слова, наречия и т.д.

Поэтому мы ограничимся рассмотрением лишь нескольких разрядов частиц, о которых суждения лингвистов относительно единообразны. Это — указательные частицы, ограничительные частицы и модально-экспрессивные частицы, выражающие различные оттенки значений: отрицание, утверждение, вопрос, сомнение и т.д.

Указательные частицы

К ним относятся: *ak*, *aḱā* 'вот', *av*, *avā* 'вон', *vāi* 'вот' и *ves* 'вон'.

О структуре *aḱā* (< *a-ku*) и *avā* (< *a-vu*) уже говорилось в разделе "Указательные местоимения" 287.

Vāi 'вот' — заимствование из русского языка.

Ves (диал. *vaś*, *voś*, *voḱā*, *vuś*) 'вон' этимологически связано с такими формами, как *avīś*, *avīś*, *avīḱa*, *avōś* 'вон' < *av(ā)is*, // *ās* / 'ведь', 'действительно'. Возможно, *ves* < **vīś*, **vavāś* < *evīś*, ср. чув. диал. *ev* 'вон', *vaś* < **vīś* < **avīś*; ср. также *veḱa*, *veḱe* 'вон' (*ves* + *av*, по Н.И. Ашмарину), *vaḱa* 'вон' 288

Ограничительные частицы

К ним относятся *kāna* 'только', *śes*, *śis*, *śex*, *śix* 'только' (главным образом в верховом диалекте) и *anḱak* 'только'.

Частица *kāna* распространена во многих тюркских языках 289. Например: тат. *ḱāna/gānā*, ног. диал. *ḱana/gene* 'только', ккал. *ḱana*, др. тюрк. *kīja*, *kīja*, *kīna* — "уменьшительно-выделительная частица-аффикс", узб. *gīna* и т.д. Судя по распространению частицы *kāna* в чувашском языке (низовой диалект) и аналогичной частицы *gāna* в марийском языке (главным образом восточное наречие), ее источником является татарский язык. Этимология частицы *kīna* < **kīja* неясна (ср.: /221, стр. 103/).

Частицы *śes* (*śis*), *śex* (*śix*) 'только', вероятно, того же происхождения, что и уменьшительный аффикс *śes* < **čeč*: ср. *vaiśās* 'маленький' и *vāi śes* 'только он!'; *śes* < **č* + *eč*, *śex* < **č*-*e-x*, где *-č*, *-eč* и *-ex* — аффиксы с уменьшительным значением.

Anḱak 'только' одного происхождения с противительным союзом *an* 'но' < *an* (местоименная основа) + *-ča* (аффикс экватива) + *ax* (усилительная частица); ср. азер. *anḱax*, тур. *anḱak* 'лишь', 'только', 'но', 'однако', карайм. *anḱax*, *anḱak* 'но', 'только', СС: *anḱak* — "огранич. наречие", XIII: *anḱak* 'только', 'однако'.

В чувашский язык *anḱak* попало из какого-то кыпчакского диалекта, так как сохранило анлаутный *a* и *č* (ср. караймскую и половецкую формы).

Модально-экспрессивные частицы

Отрицательные частицы *an*, *maḱ* и *ni* были рассмотрены выше, в соответствующих разделах книги 290.

К вопросительным частицам относятся: *i*, *im*, *imən*, *a/e*, *am/em*, *ši*, *šim*, *šin*, *ke*.

287 См. также: /16, стр. 424-425/.

288 Или: *voś*, *vuś* < *vo*, *vu* 'тот' + *ās*, *iś*?

289 В ряде тюркских языков, например узбекском, караймском, известен уменьшительный аффикс *-kīna*.

290. Повелительное наклонение, стр. 77; "Формы недостаточного глагола 'е-', стр. 59; "Отрицательные местоимения", стр. 36.

Вопросительная частица *i* 'ли', 'разве', в удвоенном виде: *i-i* 'ли... ли' по значению и употреблению соответствует общетюркской частице *mī* / *mi*. Возможно, *i* < *āj* < *īj*, ср. баш. диал. *mənaj* < *mə-nə-j*, якутские вопросительные аффиксы *-nīj/-nij*, *-īj/-ij* /146, стр. 162/.

Im 'разве' < *i-mən*, ср. диал. *i-mən* 291 и *imən-i*, которые сопоставимы с татаро-башкирскими формами *mənāj*, *mənī*, 'разве'; ср. также шор. *binē*, *binem*: *ol pob-ḱan-bine?* 'он ли это был?' /41, стр. 244/.

Частица *a/e* по значению соответствует *i*, но употребление ее более ограничено (после глагольных форм 2-го лица): *es šiva kəme karān-a?* 'ты ходил купаться?'.

Генетически она может быть связана с частицей *a* 292, употребляемой с формами повелительного и предлагательно-желательного наклонений: *kaḱaḱam-a* 'скажи-ка'. Эта частица является общетюркской: ср. также узб. *a/ja* (*bārasaḱ-a* 'пойдешь, а?'), тат. *ā* 'а?', ккал. *a* (*kelsaḱ-a* 'приди же') и т.д.

К частице *a/e* восходит и составная частица *am/em* 'разве' < *amən* (*es xulana kaḱrən-am?* 'разве ты съездил в город?').

Частицу *-ši* (вопросительная частица с оттенком сомнения, недоумения) 293 М. Рясänen /221, стр. 251/ возводит к **si*.

В говорах употребительны варианты *šim* и *šin* < **si mən*.

К вопросительным частицам принадлежат также: *vara* (*aḱu kilte-i vara?* 'а дома твой отец?', *eḱə paḱara kaḱatim vara?* 'разве ты ходил на базар?'); *ara* (*kunḱa pulš pur-i ara?* 'а что, здесь есть рыба?') и ее фонетические варианты *ere*, *ra*, *re*. Вопросительная частица *vara* отмечена и в марийском языке.

Обычно чувашские языковеды относят частицы *vara*, *ara* к утвердительным. Однако эти частицы выражают целый комплекс модальных значений, которые реализуются в зависимости от позиции частицы в предложении, интонации предложения, контекста и т.д.

Частицы *vara* и *ara* пока не имеют надежной этимологии. С *ara*, возможно, сопоставима татарская диалектальная (мишарская) частица *arā* 'разве', хотя татарские диалектологи производят ее от русского "разве".

Всего вероятней, что чувашское *vara* происходит из *vara*, соответствующего тюрк. *ōzā* 'потом', 'после'; *ara* < *?arī* 'после' (тат. *arā* и т.д.), ср. баш. диал. *baraḱmmə huḱ?* 'мне пойти, да?', где *huḱ* — из послелога со значением 'потом', 'после'.

В чувашских верховых говорах употребляется частица *-ke* (*aḱu kilte i-ke?* 'что, дома твоя мать?').

291 Любопытна вопросительная форма глагола *tetmər* < *?tetm-er*.

292 Н.И. Ашмарин указывал на сходство этой частицы с удмуртской частицей *a* 'разве'.

293 Например: чув. *paḱanḱā-ši?* 'это картофель, что ли?'; *kaḱrāš-šim* 'они, должно быть, уехали что ли?' (переводы из словаря Н.И. Ашмарина).

Эта частица может выступать в сочетании с *те/та; те-ке, та-қа* 'зачем?'

С формами повелительного наклонения она выражает побуждение: *тапа śāḷṣa xāvarṣam-ke* 'спаси меня'. Возможно, что это *ке* сопоставимо с *ike* в тат. диал. *ikā*, карабулак. /158/ *ekā* < *ikān*, *ekān* (ср. узб. *barib kel samikan* 'что если мне пойти?'), а также с туркменской частицей *kā*: (*ol gelemikā?* 'придет ли он?')²⁹⁴

Частицы *ara*, *vara*, *ija* (последняя из татарского) можно отнести к утвердительным.

К модальным частицам причисляют также: *is*, *as*, *s* 'ведь'; *aske* 'ведь', 'действительно', 'конечно', 'разумеется', *la* 'же', *tɜr* 'наверно'. Частице *is*, *as*, *s* соответствует татарская частица *ič* с тем же утвердительным значением²⁹⁵. Вместо частицы *-ske* иногда /79, стр. 19 употребляется частица *la/le* 'ведь', которая, как считает Н.И. Ашмарин, заимствована из татарского языка: *kalarām-la* 'я сказал же', 'сказал ведь'; в башкирском частица *la/lā* совпала с *da/dā*.

Частица *tār/tar*, 'вероятно', 'возможно', известна большинству тюркских языков. Она восходит к форме *tuṭur* и может сочетаться с именами и глагольными формами, выражая различные модальные оттенки: категорической уверенности, сомнения, неуверенности. В.Г. Егоров /74, стр. 332/ замечает, что раньше частица *tār/tar* предпочтительно употреблялась в низовом диалекте. Видимо, учитывая это, и следует искать ее источник (кыпчакские диалекты?)

Усилительные частицы

Частица *ax/ex* является общетюркской. Наиболее близкие к ней фонетические варианты представлены, например, в каракалпакском и казахском языках: *ak*; сюда же: др. тюрк., ног., шор. *ok*, тат., баш. *uk* и т.д. (во многих языках есть варианты с передним гласным: *ōk*, *ūk*).

Частица *ta/te* 'и', 'даже' также является общетюркской /221, стр. 2. Она генетически тождественна сочинительному союзу *ta/te*.

Слово *mən* полисеманлично. Оно может выступать и как усилительная частица 'самый': *aḷā kāsāl mən šurkunnereṇpe šumār šumast* 'вог в это году снова с самой весны не идет дождь'; *mən pəçäkren* 'с самого детства', 'с самых малых лет'.

Частица *či* 'самый' имеет варианты *čin*, *čän* 'самый', 'очень', 'всего': *či riğäk* 'самый большой', *čän lajāx* 'самый хороший'. Этимология частицы *či* неясна, ср. кум. *čink* 'самый', др. тюрк. *čim*: *čim öl ton* 'очень совершенно мокрая одежда', туркм. *čim kičöl* 'совершенно красный', *čim*

²⁹⁴ Д.Г. Тумашева /135, стр. 109/ отмечает, что вопросительная частица *та/мâ* может сливаться с модальным словом *ikān*: *migān*.

²⁹⁵ Ср. чув. *ku šu-i?* 'это вода?' — *šu-s* (или: *šu-ske*) 'ну да, вода, вода, разумеется'; *aske* < *as* + *ke*; *as* < *āinč* (модальная часть) /? — Л.Л./.

ak 'очень белый', кир. *šim ak* 'чисто-белый', *šimki* 'чистый', 'сплошной (о цвете)²⁹⁶, каз. *šim*, *šimkaĵ*, балк. *šim* 'самый', но тат. диал. *šānkāĵ* 'истинный', 'настоящий', тат. *šān*, чув. *šān* 'настоящий', 'чистый' > чув. *šān* 'самый', 'очень', 'весьма'; нельзя ли чув. *ši* вывести из **šāŋāĵ* < *šānkāĵ* (ср. ккал. *šim/šim* 'чистый', 'без примеси', *šim kara* 'самый черный')?

Побудительные частицы *sam*, *xa*, *šə* были рассмотрены в разделе "Повелительное наклонение" (выше, стр. 75).

Некоторые исследователи, например В.Г. Егоров, И.П. Павлов, выделяют определительные частицы²⁹⁷ *lap*, *lār*, *šar*, *šār* 'как раз', 'ровно', 'именно'. Видимо, *lap*, *lār*, *šar*, *šār* — варианты одного слова (кл ~ š ср.: мар. *šār* 'тихо', 'смирно', *tār* то же и *lārke* 'смирно', тат. диал. *lām bul-* 'притихнуть' ~ *šām bul-*). Возможно, с *lār* сопоставимо тат. диал. *lārən* 'вплотную', а с *lap* — мар. *lapak* 'как раз'.

²⁹⁶ Ср.: *šilk*, *šimk* 'чистый', 'без примеси', 'сплошной'.

²⁹⁷ Определительные частицы отмечены и в марийском языке.

ИМЯ

В этом разделе рассматриваются аффиксы, образующие именные формы от именных и глагольных основ.

Аффиксы группируются следующим образом:

1) продуктивные формы образования имен от имен (в их числе попадают и аффиксы, находящиеся где-то между собственно словообразовательными и словоизменительными формантами: *-lâ*, *-sâr*, *-xî*);

2) непродуктивные и малопродуктивные формы образования имен от глагольных основ;

3) аффиксы субъективной оценки, причем некоторые из формантов, включенных в данный подраздел, относятся к таковым лишь исторически (генетически);

4) аффиксы образования имен от глагольных основ, продуктивные и непродуктивные формы.

ПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ОТ ИМЕН

Аффикс *-lâ/-lâ // -llâ/-llâ*

С помощью этого аффикса от имен образуются имена (главным образом адективы), семантика которых подробно охарактеризована в руководстве по современному чувашскому языку (например: /74, стр. 73 сл./). Аффикс *-lâ/-lâ* нередко называют аффиксом обладания, так как каждое имя с *-lâ* обычно выражает обладание предметом или качеством:

âslâ 'имеющий ум' = 'умный';

uulâ 'имеющий коня', 'всадник'.

Аффикс *-lâ/-lâ* является общетюркским. Наиболее старый его вариант представлен, вероятно, в древнетюркском *-lîr/-lîr* и т.д. Изначальность этого варианта, которая относительна, ибо сам аффикс является сложным, подтверждается данными киргизского, алтайского, уйгурского, тувинского и хакасского языков:

чув. *uulâ* 'всадник' ~ хак. *attîr*, тув. *a'ttîr*,

кир. *attu*; алт. *attu*, уйг. *atlik*.

Из существующих этимологий аффикса *-lîr* наиболее приемлема этимология Г. Рамстедта /108, стр. 46-47/, по которой *-lîr* восходит к окончанию древнего комитатива *-lî +r* (аффикс прилагательного)¹.

Аффикс древнего комитатива встречается во многих тюркских языках. Особенно показательны киргизские примеры (*aṭali-ini* 'старший и младший брат', *erteli-keč* 'целый день', т.е. 'утро и вечер' и т.д.), ибо, как подчеркивает К.К. Юдахин /157/, в киргизском языке форму на *-li* иногда неправильно заменяют формой на *-lu*: (< *лут* - Л.Л.). В некоторых языках аффиксы *-lî* (древний комитатив) и *-lî < -lîr* фонетически совпадают, а близость их семантики приводит к тому, что носители современных языков не различают модели типа кум. *atalî-analî* 'и отец, и мать' и 'имеющий отца и мать'.

Аффикс *-lî* в комитативном значении отмечен уже в древнетюркском: *ögli-kañî* 'мать и отец', *ađlî-ıoñuzlî* 'медведь и кабан' и т.д.; ср. также: баш. *aṭalâ-analâ* 'старший брат с младшим', *irlâ-katânîlâ* 'муж с женой' /31/, чув. *arâ-arâmlâ* 'супружескою четой', *irlâ-kasîlâ* 'утром и вечером' и т.д. /10, стр. 230/2.

Тюркский аффикс с комитативным значением *-lî/-li*, вероятно, связан с монгольским показателем комитатива **-luṣa/-lüge* /108, стр. 47; 207, стр. 203/3.

Аффикс *-lâx/-lâx*

Производные с аффиксом *-lâx/-lâx* представляют собой имена, образованные от имен же: субстантивов, адективов, числительных и местоимений.

Аффикс *-lâx/-lâx*, как указывает Э.В. Севортьян /115, стр. 50/, передает три основных значения:

1) свойства-качества и состояния;

2) назначения и функции;

3) местности или места (среды), где имеется множество предметов природы или добытых человеком.

Все эти значения могут быть проиллюстрированы примерами из чувашского языка:

¹ Н.А. Баскаков /108, прим. 33/ не принимает точки зрения Г. Рамстедта, так как в современных языках *-lîr > -lî*, а не *-lî > -lîr*.

² В якутском языке общетюркскому *-lî < -lîr* функционально соответствует *-lax* и его варианты. Этот же аффикс выступает в роли комитатива в таких образованиях, как *oṭoll'orđo:x em:xsin* 'старик и старуха'; *â:nne:x küñ* 'ночь и день'. Некоторые тюркологи (В.В. Радлов, Е.И. Убрятова) возводили якутское *-lax* к *-x* или *-gax*-образованиям от глаголов на *-la*. Однако *-la* в аффиксе *-lax* вполне можно вывести из древнетюркского *-lar/-leg* /ДТС, стр. 656; 186, стр. 5, 65/, являющегося одним из фонетических вариантов аффикса обладания.

³ См. также: /64, стр. 109-110 и сл./.

- 1) *açalâx* 'детство', *jüvârlâx* 'тяжесть', *iürâx* 'честность';
 2) *käpelâx* 'материя на рубашку', *kunlâx* 'время, продолжительность в один день', *mänlâx* 'годный на что';
 3) *jumanlâx* 'дубняк', *çullâx* 'каменистая местность'.

Аффикс *-lâx/-lâx* соответствует общетюркскому *-lîk/-lik* и его вариантам. Он является продуктивным во всех тюркских языках, помимо якутского.

Большинство исследователей (В. Томсен, П.М. Медиоранский, Г. Рамстедт /108, стр. 204/)⁴ отделяли аффикс *-lîk/-lik* от омонимичного ему юго-восточных тюркских языках аффикса обладания *-lîk*, которому соответствуют *-lî*, *-lu* и др. Что касается этимологии аффикса *-lîk* ~ чув. *-lâx*, то она до сих пор не установлена. Г. Рамстедт /108, стр. 203-204/ сближает тюрк. *-lîk* с тунгусским *-luk*. Н.А. Баскаков, высказавшийся за генетическую близость аффиксов *-lîk* и *-lî*, допускает возможную связь первого с самостоятельным словом *lîk* 'обильный', 'полный'⁵. Наиболее близко к правильной трактовке аффикса *-lîk*, на наш взгляд, подошел В. Котвич /64, стр. 109 и сл./, который выделил *l*-показатель в ряде алтайских аффиксов. Правда, В. Котвич, кажется, не разграничивал аффиксы *-lîk* и *-lîr* > *-lî*.

Нам представляется, что аффикс *-lîk* составной и включает два элемента: *l* с собирательным значением, идентичный с *l* в аффиксе *-lar/-lar* и *-k*, происхождение которого пока для нас остается неясным.

Аффикс *-sâr/-sâr*

Несомненно, что словообразовательный формант *-sâr/-sâr* и аффикс лишительного падежа⁶ исторически восходят к одному источнику. Они разошлись в чувашском языке лишь функционально.

Аффикс *-sâr/-sâr* по семантике антонимичен аффиксу обладания *-lâ/-lâ*: *âslâ* 'умный', но *âssâr* 'без ума', 'безумный', 'глупый'; *uşâllâ* 'полезный', но *uşâşâr* 'бесполезный' и т.д.

Чувашский аффикс *-sâr/-sâr* имеет, таким образом, привативное значение. Генетически он тождествен тюркскому аффиксу *-sîz/-sîz*, который отмечен в древнетюркском и в большинстве современных тюркских языков, кроме тюркских языков Сибири: якутского, хакасского, алтайского, тувинского, где словообразовательным формам с *-sîz* соответствует конструкция с отрицанием *çox*, *suox* и т.д.: *atsîz* ~ як. *ata suox* 'не имеющий коня' < 'коня у него нет'. Вероятно, аффикс *-sîz* существовал когда-то и в тюркских языках Сибири: ср. тув. *öksüs* ('сиро-

⁴ Существует и иная точка зрения, например у Н.А. Баскакова /108, стр. 242, прим. 183/.

⁵ Позднее точка зрения Н.А. Баскакова изменилась /21, стр. 32/, он стал усматривать в слове *lîk* лексикализованный аффикс.

⁶ Об аффиксе *-sâr/-sâr* как показателе лишительного падежа см. соответствующий раздел работы (стр. 24).

та) < *öksüs*, др. тюрк. *ögsüz* ('не имеющий матери' > 'сирота'), хак. диал. *öksəs*. Об этимологиях этого аффикса см.: /221, стр. 111-112 и 113-114/.

Наиболее достоверным нам кажется предположение М. Рясина о составном характере аффикса *-sîz*.

С аффиксом *-sîz* генетически связан глагольный аффикс *-sîra/-sîre* (< *sî* + *ra*)⁷, с помощью которого от имен образуются глаголы с привативным значением:

- др. тюрк. *elsîre* 'лишаться племенной организации',
 др. тюрк. *kağansîra* 'лишаться кагана',
 др. тюрк. *ögsîre* 'лишаться рассудка',
 др. тюрк. *başsîra* 'лишаться головы',
 СС *ujuxîsîra* 'быть без сна',
 хак. *öksären* 'осиротеть'⁸,
 кир. *kansîra* 'истекать кровью',
 кир. *alsîra* 'терять силы',
 тув. **xarkîsîra* 'изнемогать' от *xark* 'сила',
 тув. *çürekîsîre* 'томиться', 'тосковать',
 тув. *şarzsîra* 'уоставать' от *şar* 'сила'.

З.В. Севортян, посвятивший специальную статью аффиксам *-sa* и *-sî* и их производным /117/, считает, что привативное значение аффикса *-sîra* весьма затруднительно выводить из основных значений аффиксов *-sa/-sî*. Действительно, наиболее четко у аффикса *-sa* (реже *-sî*, так как они в ряде случаев контаминировались) прослеживается дезидеративное значение, у аффикса *-sî* — уподобительное. Однако в некоторых тюркских глаголах на *-sî* еще ощущается привативное значение этого аффикса⁹. Так, киргизский глагол *jüröksü* 'бояться', 'труситься' является производным от слова *jürök* 'сердце', 'храбрость', ср. киргизскую поговорку *baş-ürän köñü jürökü* 'украшение богатыря — сердце (т.е. храбрость)' /157/, узб. *juraksiz* 'трусливый'. Аффикс *-sü* в киргизском *jüröksü* имеет привативное значение¹⁰.

Узбекский глагол *öksî* 'чувствовать обиду', 'чувствовать себя одиноким', возможно, происходит из **öksî* 'лишиться матери' < *ög, ök* 'мать', ср. узб. *öksiz* 'сирота', перен. 'одинокий', 'несчастный'.

⁷ О. Прицак /188, стр. 36/ вслед за Г. Рамстедтом производит аффикс *-sîra* из *-sîz-ra*; ср., однако, мнение М. Левицкого /198, стр. 261, прим. 75/.

⁸ Ср. тув. *öksüssüre* ('осиротеть') < *öksüs* ('сирота') + *süre*.

⁹ Первоначальным значением было значение "неполноты качества", усилившееся потом до привативности. — Прим. отв. ред.

¹⁰ Ср. кир. *esersi* 'вести себя легкомысленно' от *eser* 'легкомысленный', где *sî* выступает с уподобительным значением, но *etsîre* 'желать мяса', *köñülsürö* 'иметь желание', где аффикс *-sîre* < *-sî* + *re* с дезидеративным значением.

В киргизском глаголе *yersi-* 'скучать по родине', 'стремиться на родину' аффикс *-si* как будто имеет дезидеративное значение, но возможна и такая интерпретация значения: 'лишиться родины' > 'скучать по родине'.

Таким образом, аффикс *-siz*, возможно, состоит из *-si* с привативным значением и *-z* — аффикса отглагольных имен (ср. туркм. *vetid* 'жирный', *ku did* 'бешеный', *θōd* 'слово', *diki d* 'плотный', др. тюрк. *uz* 'мастер' от *u-* 'мочь', туркм. *botad* 'горло' и т.д.).

В киргизском языке распространены образования типа: *alrīs* 'тот, кого нельзя брать', *jürgüs* 'непроходимый', *jeñilgis* 'непобедимый', которые обычно интерпретируют как *alrīsiz* > *alrīs* /157; 22, III, стр. 6 т.е. *-siz* > *-s*, но *-s* можно считать и аффиксом с привативным значением¹¹.

Аффикс *-sā/-sā, -ās, -s*

При помощи аффикса *-sā/-sā, -ās, -s* от именных основ образуются имена со значением действующего лица (в широком смысле):

aķašā 'сеятель', 'пахарь' от *aķa* 'пашня';
ka jākšā 'охотник' от *ka jāk* 'дичь';
i jākšā 'соня', 'сонюля' от *i jāk* 'сон'.

Производные на *-sā* образуются также от отглагольных имен на *-v*:
vulavšā 'чтец' от *vulav* 'чтение' от *vula-* 'читать';
jixravšā 'глашатай' от *jixrav* 'зов', 'приглашение';
sānavšā 'наблюдатель', 'исследователь' от *sānav* 'наблюдение', 'опыт'.

Как пишет Н.А. Андреев /74, стр. 45/, раньше аффикс *-sā* мог присоединяться и к глагольным основам: *i vāšā* 'создатель', *i vāšā xitxāšā* 'волнующий ниву'.

В чувашских говорах в аффиксе *-sā* наблюдается чередование *š/č*:
iməršā, imərčā 'кузнец'.

Аффикс *-čā/-čā* встречается также в кыпчакских заимствованиях: чув. *jevčā* 'сваха' ~ ног. *javšī*, баш. *jawsā*¹².

Чувашский аффикс *-sā/-sā* тождествен общетюркскому аффиксу, образующему *Nomen agentis -čī/-či*.

О происхождении аффикса *-čī/-či* и его возможных алтайских параллелях см.: /221, стр. 94/.

Аффикс *-ās/-ās, -ās, -š*

Этот аффикс отмечен многими исследователями чувашского языка /10, стр. 108; 74, стр. 53; 95, стр. 60/. В соединении с качественными

¹¹ Ср. ног. *kōt ergisiz* 'неподъемный' и т.д.

¹² Едва ли этот же аффикс мы имеем в чув. *xulčärčā* 'сучило' ~ *kaltärčā*, баш. *kaltärsä*.

именами (адъективами)¹³ он образует абстрактные имена с качественным значением:

vārāmās(a) 'длина (чего-л.)' от *vārām* 'длинный', 'долгий';
jūšāš(ā) 'кислота', 'горечь' от *jūšā* 'кислый', 'горький';
kāvākāš 'плесень' от *kāvāk* 'синий', 'голубой', 'седой';
kuķärāš 'кривизна' от *kuķär* 'кривой';
tarānāš 'глубина (чего-л.)' от *tarān* 'глубокий' и т.д.

Как указал еще Н.И. Ашмарин /10, стр. 109/, аффикс *-š, -ās, -ās* представляет собой аффикс принадлежности 3-го лица, т.е.: *sūlāš* 'высота' = *sūlā* 'высокий', 'высота' + *-šā* 'его'¹⁴.

По-видимому, генетически близким является аффиксальный *-š* в образованиях типа: *mālāš* 'будущее' от *mala* 'вперед' (< *mal* 'перед') + *-š*; *tulāš* 'внешность', 'внешний вид' от *tula* (< *tul* 'внешняя сторона') + *-š*; *šalāš* 'внутренность' от *šala* 'вовнутрь', 'вглубь' + *-š*.

Несколько особняком стоит слово *čälämāš* 'достаточный на одну трубку' от *čäläm* 'трубка'. Структура этого образования аналогична башкирским диалектными конструкциям на *-lärä, -därä* и т.д. типа: *miškā jāvandärä* 'толщиной с бочку', где *-ä* — аффикс принадлежности с тем же значением, что и *-š* в *čälämāš*.

Этот пример — косвенное подтверждение вышеуказанной точки зрения Н.И. Ашмарина.

В финно-угорских языках имеется словообразовательная модель, которая по семантике, а отчасти и по структуре напоминает чувашские производные на *-š, -ās, -šā*.

Так, в марийском языке (см.: /30, стр. 20-21/) есть существительные — отвлеченные названия качеств, образованные от прилагательных с помощью суффикса *-t* (диал. *-c*): мар. луг. вост. *kelgät* 'глубина' от *kelge* 'глубоко', *kužžät* 'длина' от *kužu* 'длинный', *lopkät* 'ширина' от *loпка* 'широкий'.

В коми- языке чувашскому *-š* функционально соответствует суффикс *-a*:

kuž-a 'длина' от *kuž* 'длинный';
žužt-a 'высота', 'глубина' от *žužud* 'высокий', 'глубокий';
vyln-a 'высота' от *vyln* 'высокий' /122, стр. 150-151/.

¹³ Аффикс *-š* представлен также в слове *kalärpāš* 'объем' от *kalärp* 'внешний вид', 'форма', хотя *kalärp* нельзя рассматривать как качественное имя. Семантически же и структурно модели *sūlāš* и *kalärpāš* тождественны.

¹⁴ "Субстантивация" качественных прилагательных путем присоединения аффикса принадлежности 3-го лица отмечена и в некоторых тунгусо-маньчжурских языках (см., например: /98, стр. 29/). В.И. Пинциус указывает, что в тунгусо-маньчжурских языках "абстрактные имена существительные — наименование качеств — формируются на базе притяжательного оформленных прилагательных" /67, стр. 235/.

В удмуртском языке с тем же суффиксом образуются особые служебные имена: *kuzda* 'длиной с...', *žužda* 'высотой с...' и т.д. /122, стр. 151/.

Б.А. Серебренников указывает на возможную связь пермского *-ta* и марийского *-t*. Суффикс *-t* Э. Беке считал финно-угорским суффиксом образования имен от имен /175, стр. 345/.

Аффикс *-xi*

В чувашском языке этот аффикс присоединяется к именам с временным значением (в том числе к некоторым словоизменительным формам имен в адвербиальной функции):

šurxi 'весенний' от *šur* 'весна';
šullaxi 'летний' от *šulla* 'летом';
un šuxnexi 'тогдашний' от *un šuxne* 'тогда';
vərsəðəçenxi 'довоенный' от *vərsəðəçen* 'до войны';
kiličəçenxi 'бывший до прихода' от *kiličəçen* 'до прихода'.

Таким образом, производные с аффиксом *-xi* обозначают признак предмета по положению его во времени¹⁵.

Аффиксу *-xi* в других тюркских языках соответствует аффикс *-ki* и его фонетические варианты /221, стр. 102-103; 230, стр. 33-35; 115, стр. 153 и сл./ . Некоторые исследователи, например В. Котвич /64, стр. 1123/, считают его общеалтайским. Этимологии аффикса *-ki* приведены у М. Рясняна /221, стр. 102/. Большинство исследователей склонны видеть в *ki* ~ чув. *-xi* составной аффикс, где *-k* является показателем локатива а *-i* — аффиксом принадлежности 3-го лица; функционально (и, вероятно, генетически) *-i* в чувашском *-xi* соответствует *-i* в аффиксах *-ti*, *-ti*, *-či* < *-ra/-ta* (аффикс локатива).

Элемент *x/k* (ср. *kaški* ~ *kašxi* 'вечерний') И. Бенцинг сближает с *-k* в чувашском *šərk* 'в прошлую ночь', 'вечор' от *šə* 'ночь' /15, XII, стр. 107/; ср. также: *šərkə*, *šərkə*, *šərkəkə* /15, XIII, стр. 107-108/.

В современных тюркских языках основой для образования адъективов с аффиксом *-ki* часто служит местный падеж имени. В древних языках, так же как и в чувашском, аффикс *-ki* присоединялся к различным формам пространственных падежей: на *-ra/-rā*, *-a/-ā* и т.д. Например: *ūzāki* 'находящийся сверху' от *ūzā* 'вверху', 'сверху' < *ūz-ā* (ср. *üst* 'верх' < *ūs* ~ *üz* + *t*); *ičrāki* 'внутренний', 'находящийся внутри' от *ičrā* 'внутри', 'внутри' < *ič* 'нутро'; *altīnki* 'находящийся внизу' от *altīn* 'нижний' < *alt-īn-ki* и т.д.

Аффикс *-ki* ~ чув. *-xi* образует атрибутивные формы имени. Принадлежность его к словообразовательным аффиксам иногда оспаривается (см.: /2; 177, IV; 46/).

НЕПРОДУКТИВНЫЕ И МАЛОПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ОТ ИМЕН

Аффикс *-am/əm*

Этот аффикс исследователи выделяют в небольшом количестве слов /95, стр. 149; 74, стр. 90/:

vəžam 'средний', 'умеренный' от *vəž* 'середи́на' ~ тюрк. *orta*;
sərtlam 'возвышенный', 'гористый' от *sərtlə* 'гористый';
jaštam 'красивый', 'стройный' от *jašt* 'красивый', 'стройный';
türem 'ровный', 'гладкий' от *türə* 'прямой';
šalkam 'крупный и проливной (о дожде)' от *šalka* то же.

Сюда же относят отглагольные образования: *pučam* 'вязкий', 'топкий' от *puč-* 'тонуть', *tajəm* 'наклонный' от *taj-* 'наклонять', а также слова *kəntam* 'неловкий', 'неуклюжий' и *jəlttam* 'легкий', 'быстрый', 'бойкий' от подражательных слов *kənt* и *jəlt*.

Возможно, что в этой группе слов мы имеем дело с разными аффиксами. В слове *vəžam*, вероятно, присутствует аффикс порядковых (собирательных) числительных *-m* (ср. тюрк. *ortanji* 'средний'), тот же, что в слове *üləm* 'потом', 'после'.

Слово *tajəm* образовано с помощью аффикса отглагольного словообразования *-(ə)m*, представленного в таких словах, как *rəžəm* 'спиральный' (см. аффикс *-m*, ниже, стр. 157). В слове *pučam* имеется, вероятно, вариант этого аффикса *-am*, ср. тат. *tötam* 'пук', 'клочок', 'клок' от *töt-* 'держат', 'хватать'. Можно предполагать здесь и наличие глагольных основ типа *töta-*, *puta-* (*-a* — показатель интенсификации).

Kənttam и *jəlttam* можно интерпретировать двояким образом: либо это отглагольные производные с аффиксом *-tam* (*-dam*)/*-tem*, ср. тат. *kündäm* 'покладистый' от *kün-* 'соглашаться', *jəldam* 'ловкий'; 'расторопный' (то же в башкирском /31, стр. 135/), либо они содержат аффикс *-am/-em* неясного происхождения /74, стр. 90/. Чувашское *jəlttam*, видимо, из какого-то кыпчакского языка, так как *j-* не дало *š-*. Тот же корень *jəlt-* находим в баш. *jəlyär* < *jəl* + *-yär* 'ловкий', 'шустрый', *jəlpä* 'ловкая', 'шустрая (о женщинах)', ср. также: кал. *zildam*, уйг. *ildam* 'быстрый', кир. *ıldam* 'быстро', туркм. *jildam* 'резвый', 'быстроходный'. С тат., баш. *kündäm* 'покладистый' ср. еще кир. *kündäm* 'привычный'.

Пока неясно, каково соотношение этого *-dam/-dem* с аффиксом именного словообразования *-dam/-dem* в *erdem* 'мужество', др. тюрк. *birdäm* 'совместный', 'единство', тат., баш. *bərdäm* 'солидарный'.

Что касается слов *jaštam*, *sərtlam*, *türem* и *šalkam*, то аффиксальный элемент *-m* пока не имеет надежных соответствий.

Быть может, это тот же *-m*, что и в *vəžam*, или это какой-то аффикс, близкий к адъективным *m-* показателям финно-угорских языков, ср., например, коми диал. *muğ* 'хмурый' и *muğom* то же.

¹⁵ Определение Э.В. Севортяна /115, стр. 154/.

С чувашским *jaštam* можно сопоставить *jašta*, *jaštaj* 'стройный', 'высокий', 'тонкий', *jaštak* 'прямой', 'стройный', *jaštaqa* 'стройный', 'прямой и высокий', *jaštäm* 'прямой'¹⁶.

Аффикс -anĕš/-enĕš

М.Р. Федотов /140, стр. 28/ считает этот аффикс чувашским, но не приводит его этимологии. Его точку зрения оспаривает И.С. Галкин /30, стр. 23/, ссылаясь на Ю. Вихмана и Т. Лехтисало, которые возводили марийский -*ŋge* к -*ge* после основ на -*n* (-*ge* > -*ŋge* в результате переразложения основы на -*n*).

Производные на -*nĕš* в чувашском – главным образом названия зверей, птиц, рыб, насекомых и растений. Те же значения представлены в образованиях на -*ŋge* в марийском языке.

Некоторые примеры:

чув. *kuršanĕš* 'репей' ~ мар. *koršanġe*, мар. гор. *koršanġä*;

чув. *kăpĕanĕš* 'бересклет'; чув. *paranĕš* 'картофель' ~ мар. *pareŋġe*;

чув. *ulanĕš* 'окунь' ~ мар. *olanġe*, мар. гор. *alanġä*;

чув. *šalanĕš* 'сарыч', 'канюк' ~ мар. *šalenġe*, мар. гор. *šalanġä* 'красной ястреб', 'красный коршун';

чув. *kăpĕanĕš* 'мокрица' ~ мар. *kopšanġe*, мар. гор. *kopšanġä* 'насекомое', 'жук', а также марийские: *čarlanġe* 'цапля' (ср. чув. *čarlan*, диал. *čarläk* 'чайка', 'цапля'); *orlanġe* 'гроздь', 'кисть', мар. гор. *arlanġe* (чув. сундыр. *karlăk*); мар. *lopšanġe* 'шершень', мар. гор. *lapšanġä*; мар. *varšenġe* 'ласточка'.

Аффикс -*anĕš*, видимо, составной (-*an* + -*kăš*): ср. чув. *kăpĕanĕš*, *kăpĕan*, *kăpĕanĕš* 'бересклет'; *ulanĕš*, диал. *ulana* 'окунь'; *čarlan*, диал. *čarläk* 'чайка', 'цапля' (мар. *čarlanġe*), баш. *čardak*, кир. *ak čardak* 'чайка'; *kuršanĕš* 'репей', но *kuršanak* < *kuršan* + -*ak*; *šalanĕš* 'сарыч', 'канюк', диал. 'коршун', 'сова', но *šalanĕš* < *šalan* + *kăš* 'птица' ~ тат. *köš* (Н.И. Ашмарин переводит *šalanĕš* 'иволга?', ср. тат. *säläğän* 'иволга'); *vušlanĕš* 'шершень' < *vušlan* то же.

В некоторых случаях возможна контаминация марийской словообразовательной модели на -*ŋge* и тюркских на -*ŋan*// -*an*, -*nak*: чув. *kuršanĕš* 'репей' и *kuršanak* (ср. баш. *hadanak* 'багульник', кир. *tikenek* 'колючка' от *tiken* 'колючка' + -*ek*, т.е., вероятно, -*nak*/*-nek* < -*n* + -*ak*/-*nek*; турк. *ö:ðenek* 'смирновка туркестанская', туркм. *tođra* 'одуванчик обыкновенный', но тат. *tužranak* 'одуванчик'; кум. *karġanak* 'можжевельник' от *karġana* + -*k*); чув. диал. *ulana* 'окунь' ~ мон. *algana* < **alagan* < *ala* 'пестрый', ср.: мон. *xargana* 'карагана', кир. *karayān* 'желтая аяк'

¹⁶ Может быть, *jaštaj* < *jaš* + *taj* > *jašta* > **jaštä* > *jašt*?

¹⁷ Это слово, вероятно, заимствовано тюркскими и финно-угорскими языками Поволжья /44, стр. 143/ и поэтому должно быть исключено из группы производных на -*anĕš*.

ция', туркм. *bodayān* 'вид полыни'; туркм. *karayān* 'солянка древесноидная', ног. *kilġan* 'ковыль', мон. *kilġana*; тюрк. /108, стр. 189/: *sañġan* 'лютик', 'одуванчик', МК: *saġyan* 'трава, растущая на солончаках'.

Аффикс -as/-es

Исследователи иногда смешивают омонимичные аффиксы -*as*/*-es*: образующий причастия (от глаголов), которые могут адъективизироваться (*mujaš* 'запутавшийся' от **mut-* 'путать', ср. *muġala-* 'путать', 'запутывать', где -*ala* – аффикс интенсива; *šites* 'достаточный' от *šit-* 'достигать', 'достигать'; *kanas* 'бездельный' от *kan-* 'отдыхать'), и непродуктивный аффикс -*as*/*-es*, образующий адъективы от адъективов и субстантивов:

šilles 'сердитый' от *šilä* 'гнев';

uñĕes 'упрямый' от *uñĕe* 'упрямый';

kăntamas 'неуклюжий' от *kăntam* то же.

Таким образом, аффикс отыменного словообразования -*as*/*-es* встречается только в единичных словах.

Некоторые структурно-типологические параллели можно привести из финно-угорских языков. Так, в говорах дугового наречия марийского языка и горном наречии, как указывает И.С. Галкин /30, стр. 15/, в единичных случаях выступает суффикс -*as*/*-äs*: *loptäras* 'нескладный', 'мешковатый человек' от *loptära* 'неаккуратный', *n'ökas* 'неуклюжий'.

Аффикс -man

Аффикс -*man*/*-men* представлен в небольшом числе чувашских слов, которые можно сгруппировать в имена отглагольного происхождения (а), имена отыменного происхождения (б) и имена с этимологически неясной корневой морфемой (в):

(а) *aman* 'мельница' от *ar-*, *aväri-* 'молоть'; *kemen*, *katman* 'крепость' < **ker-* > *kar-* 'отгораживать', 'загораживать'; *säxman*, *säxman* 'кафтан' от *säx-* 'всовывать', 'надевать'; возможно, сюда же относятся *käsmen*, *küsmen* 'весло', 'руль'¹⁸ и **katman* (ср. мар. *katman*) 'мотыга' от *kat-* или *kart-* 19;

(б) *uġaman* 'атаман' от *uġa* < **ata* 'отец';

(в) *vötmän* 'лес'; *erešmen* 'паук'.

Слово *aman* имеет ту же структурную модель, что и азерб. *däjimtän*²⁰

¹⁸ См., например, у М. Рясенена /223, стр. 311/, где *küsmen* сопоставляется с *kürä-k* 'весло', 'лопата', так как в тюркских языках встречаются формы типа: г.э.с.т. *körəsmän* 'парные весла'.

¹⁹ См. у М. Рясенена /223, стр. 259/, но иначе у К. Менгеса /199, стр. 31/.

²⁰ Это слово имеет соответствия во многих тюркских языках.

'мельница' < *dājir-, ср.: тур. *deji men* 'мельница' и *deji mi* 'круглый', др. тюрк. *tegi m̄ā*, *tegi mi* 'круглый', 'сферический' от *tegi r-* (ср. *tegi* 'вокруг', 'кругом')²¹.

Чув. *sāxman*, *sākman* < *sāx-* < *suk-* / *sok-*; тур. *sok-*, тув., алт. *su-* 'всовывать', 'вкладывать', 'впихивать', ср. тур. *sokman* 'вид длинных турецких сапог', *dolaman* (и *dolama*) /106, III, стр. 1719/ 'суконное платье янычар', г.э.с.т. *sūgmān*, *sūkmān*²² 'чекмень', тат. *čikmān* 'армяк', 'чекмень', ног. *šekpen* и т.д. < *čik-*, *šek-* < *ček-* 'натягивать'.

Чувашское *katman* < *kemen*²³ 'крепость' образовано по той же модели: основа глагола + аффикс *-men* (ср. также: др. тюрк. *örtmān* 'крыша' от *ört-* 'покрывать', *kutman* 'налучье' < ? *kur-* 'натягивать лук', чар. (В.В. Радлов) *kemen* 'веретено', туркм. диал. *čikman* 'брынза' < ? *čik-* 'выжимать').

В слове *uṭaman* 'атаман' аффикс *-man* выступает в уподобительном значении (ср. тур. *karaman* 'темный', 'смуглый' от *kara* 'черный', 'темный', *koṭaman* 'большой', 'огромный' от *koṭa* 'огромный', 'громадный', 'старый', ? туркм. *türkmen*²⁴ и некоторые другие)²⁵.

Чувашское *vāṭman* 'лес' соответствует межтюркскому *otman/utman*. Этимология слова пока остается неясной (ср.: /223, стр. 365/). Примечательно, что в говорах татар Западной Сибири *utman* обозначает 'ель' (*utmanñäk* 'лес'). По структуре с тюркским *otman/utman* сопоставимы: тат. касим *čäitāmanlä* 'кустарник', алт. *čidiṭman* 'чаща деревьев', хакач. *šidīrbān* 'место, поросшее густой мелкой растительностью', кир. *čiiṭman* 'чаща', 'густые заросли' (ср.: кир. *čiiṭ* 'хруст', 'пажитник', тат. *čäitär* 'хворост' > мар. *čäitär* и т.д.).

Чувашское *erešmen* 'паук' (гов. *karašman*) В.Г. Егоров /44, стр. 346/ сопоставляет (видимо, по структурной модели? — Л.Л.) с тат. *ūtākūč*, тур. *ötütjek* и т.д., считая *ereš* 'украшение', 'плетение' производным от исчезнувшего в чувашском языке глагола **er-* 'плести', 'вязать'²⁶.

21 См. также у М. Рясянена /223, стр. 469/.

22 Ср.: М. Рясянен /223, стр. 435/.

23 Этимологию слова *kemen* > *katman* 'крепость' см. у Ю. Немета /204, стр. 12 и сл./, там же ссылки на другие работы. М. Рясянен /223, стр. 256/ принимает этимологию, по которой тюрк. *kātmān* ~ мон. *kerem* 'Festung', 'Mauer' ('крепость', 'стена').

24 Существует несколько этимологий слова *türkmen*. По одной из них *-men* восходит к персидскому *manānd* 'подобный', 'сходный'.

25 Подробнее см.: /115, стр. 198 и сл.; 179, стр. 127/.

Возможно, что *uṭaman* < *ataman* проникло в чувашский язык через татарский из русского (др. русск. *ватаманъ*), куда, в свою очередь, пошло из болгарского **vataṭman*, ср. удмуртское бесермянское *bataman* 'хозяин', кум. *odaman* 'бригадир чабанаов', ног. устар. *odaman* 'старший'.

26 Ср.: др. тюрк. *arš* 'основа ткани', азерб. *ārš*, кир. *eriš*, *arš* < **ar-*; тув. *arγi-* 'плести', кир. *arkak* 'уток ткани', *arkan* 'веревка'.

Аффикс *-man* обычно считают сложным: < *-ma* + *-n* (аффикс инструментального падежа?) /222; 165/. А.Н. Кононов /56, стр. 106/ указывает на существование фонетического варианта аффикса *-man*: *-ban/-pan*, допуская, однако, возможность смешения тюркского *-man* и персидского *-ban*, *-van*.

Аффиксы *-mar*, *-mār*²⁷

Первый аффикс выделяют в словах *čukmar* 'дубина' и *putmar* 'нары'²⁸.

Слово *čukmar* отмечено К. Брокельманом /179, стр. 127/ и другими исследователями. В чувашский язык оно, вероятно, попало из татарского языка (*čukmar*, ср. также: кир. *čokmor*, кум. *čokmar*, кал. *šokmar*, *šokpar* и т.д.).

Слово *putmar*, видимо, мордовского происхождения. Оно встречается также в татарских говорах в виде *poṭmar*, *poḅmar* (морд. эрз. *potmar* 'шкаф для посуды', мркш. *poṭmar* 'ящик под лавкой для посуды').

Слово *šutār* является общетюркским, оно образовано от глагола *šu-* 'идти (об осадках)' ~ тюрк. *jaṭ-* > *jaṭ- mür*, *jaṭ- mur*.

Г. Рамстедт /220, стр. 72/ сравнивает тюркское *-mur* с монг. *-buri*.

Слово *pusmār* 'гниет' от *pus-* 'давить' ~ общетюрк. *bas-* (ср. кир. *basmaṭa-* и *basmīṭla-* 'подавлять').

К отыменным производным на *-mar* относится слово *katpar* 'глыба', попавшее в чувашский из какого-то кыпчакского языка, ср.: ног. *katpar* 'складка' от *kat* 'слой', тат. *katmar* 'слоистый', 'махровый', баш. *katmanā* 'сложный', кир. *katmar* 'ряд', 'слой', 'плас'²⁹.

Аффикс *-na/-ne*

Н.А. Андреев /74/ приводит три существительных, в которых усматривает аффикс *-ne*: *rame* 'подарок', *raṭe* 'кузов' и *čaṭe* 'ноготь'.

Слово *rame* отмечено в ряде кыпчакских языков: тат., баш. *bimā* 'подарок невесты жениху', ног. *betē* 'вид оружия', караим. *bim'a* 'подарок', кбал. *betē* 'приданое'. Его считают производным от глагола *ber-* ~ чув. *paṭ-* 'давать', по А. Зайончковскому /230, стр. 107/, возможно, от *berin'a* < *berin-* 'быть данным'³⁰.

27 Наиболее подробно оба аффикса рассмотрены Э.В. Севорьяном /115, стр. 196-197/.

28 Ср. русск. *поднарье*.

29 Ср.: чув. *paṭvar*, диал. *paṭmar*, *putmar* 'плотный', 'сильный', 'крепкий'.

30 Ср. шор. /28/: *kōṛne* 'подарок от новобрачного родным и приятелям, которые помогали своими лентами в уплате казны'.

Рэте 'кузов' Н.А. Андреев /74, стр. 49/ считал производным от глагола рэ- 'суживать', 'стягивать'. Позднее В.Г. Егоров /44/ вслед за М. Рясняном и Ю. Вихманом причислял его к финно-угорским заимствованиям: ср.: мар. *pit'a* 'кузов', удм. *bōtmō* 'ковш', 'ящик под мельничным жерновом', фин. *ritti*, коми *bit'a* 'долбленка', 'колода'. М.Р. Федотов /140, стр. 103/ рассматривает финно-угорские слова как заимствования из чувашского языка, но во втором томе той же книги уже принимает финно-угорскую этимологию.

Наконец, *čәте* 'ноготь' Н.А. Андреев производит от глагола *čәт* 'царапать'.

Возможные образования на *-не* в различных тюркских языках приводятся у А. Зайончковского /230, стр. 107/. Однако это либо заимствования, либо слова, пока не поддающиеся морфемному анализу. К ним можно добавить туркменские *ита* 'кусочек ткани для надставки одежды', *јата јете* 'добавка', а также *čeknā* 'борона' (МК).

Аффикс *-sa/-se*

Н.А. Андреев /74, стр. 48/ приводит этот аффикс вместе с *-ša/-še* и *-ča/-če*, рассматривая их, вероятно, как фонетические варианты. Однако нам кажется целесообразным разграничить аффиксы *-ša/-še* // *-ča/-če* и *-sa/-se*, хотя их генетическая связь возможна.

Аффикс *-sa/-se* усматривают обычно в следующих чувашских словах:

<i>mājša</i>	'украшение',
<i>јәрсе</i>	'вязальная игла',
<i>xivse</i>	'пришва (часть ткацкого станка)',
<i>alša</i>	'рукавица',
<i>čavša</i>	'локоть',
<i>xaramša</i>	'дармоед',
<i>lamša</i>	'шатуи', 'безделник'.

В древних языках этот аффикс как будто не отмечен³¹. А. Зайончковский /230, стр. 37-38/ приводит один пример из караимского языка (*bojsa* 'ярмо') и три примера из татарского (см. также: /221, стр. 109; 174, стр. 135/).

Слова с аффиксом *-sa/-se* встречаются в туркменском языке и его диалектах³²: *kañña* 'подпруга', *jelinbe* 'мешочек, надеваемый на вымя', *bilekbe* 'петля на конце привязи', *alkimba* 'подбородник', 'подщечник'. В ногайском также имеются образования на *-sa*: *mojsa* 'ярмо', *kañsa* 'набрюшник' и близкие по значению образования на *-ša* (< *-ča*): *mojša*, *buñša* 'верхний узкий ремень уздечки', *tamakša* 'подбородник уздечки'. Сюда же относятся: тат. *muñsa* (диал. *muñša*) 'бусы', 'колеса' и *tamaksa* с тем же значением; тат. диал. *bäläksä* 'нарукавник', 'обшир'

³¹ См.: *bök säk* (МК).

³² См. также у З.Б. Мухамедовой /89/.

(и *bäläksä*); баш. диал. *mörñha* 'намордник', *jañhä* 'нарукавник', *töphä* 'веревка на шее теленка' (семантически эти образования близки к производным на *-sa/-sä* (< *-ča*) типа: *jawänsa* 'украшение на плечах', *böjösä* 'украшение на талии'), *tamakha* 'супонь', *kölakha ajäräläw* 'разветвление у злаковых', кум. *tamaksa* 'нижняя планка в ярме', *bojunsä* 'ярмо'.

Из чувашских слов с аффиксом *-sa/-se* этимологически прозрачными являются: *alša* 'рукавица' от *al* 'рука' + *-sa*, ср. тат. диал. *iläsä* 'рукавица'; *mājša* 'украшение' от *māj* 'шея'. Структурно и семантически они совпадают с тюркской моделью на *-sa*. Остальные слова нуждаются в этимологическом анализе, которому, однако, не все из них пока поддаются.

Чувашское *јәрсе* 'вязальная игла', 'иглица', 'шпона' Н.А. Андреев производит от *јәр* 'иголка' (ср. мар. *јәр* 'пика', 'копье'). Этимология М.Р. Федотова /140, стр. 83/ должна быть уточнена, так как в таращинском (уйгурском) имеем не *јәрсä*, а *јірса* 'соединенный', 'сомкнутый', алтайский глагол *d'epse-* 'снаряжать', 'вооружать', видимо, разложим на *d'ep-se-* (ср.: тув. *čepsek* 'орудие', 'оружие', як. *sär* 'инструмент', 'орудие', 'вооружение'). С чувашским *јәрсе* можно сравнить баш. диал. *јәрвә* 'челночная игла', *јәрһә* 'деревянный клин для прикрепления половицы друг к другу', тат. *јәрсä* 'спица', 'конек дома', 'перекладина', 'брус'.

Lamša 'шатуи', 'безделник' едва ли принадлежит к этому типу производных: ср. *lamša-* 'шататься', 'слоняться', *lamšur* 'шатуи', *lamšäk-ka* 'шатуга', *lamšäñat-* 'шататься'.

Xaramša 'дармоед', то же, что *xaram pür*, где *xaram* 'беспольный', 'напрасный' + *pür* 'горло' (ср.: тат., баш. *äräm tamak* 'дармоед', тат. диал. *ärämzä* 'вялый, мягкий человек', баш. *aramha* 'высокомерный', 'коварный', 'лебезящий', ног. *aram tamak* 'дармоед', 'тунеядец').

Чувашское *xaramša*, видимо, образовано из *xaram za*: *xaram zade* (ср.: ног. *aramzade* 'незаконнорожденный', 'зловредный', 'плут', 'жулик', кир. *aramza*, *aramzax*, *aramza:da* 'мерзавец', 'подлец', 'притворщик'; кир. юж. 'лентяй', кир. сев. *aramsa*, тур. *haramzade*). Таким образом, элемент *-sa(-za)* в *xaramša* нельзя отождествлять с *-sa* в словах типа *alša*.

Čavša 'локоть', 'стойка на брусках, на которые кладется павой (деталь ткацкого станка)', *-čavša* (диал.) Н.А. Андреев /74, стр. 48/ сближает с глаголом *čav-* 'копать', 'рыть'. Гипотетически можно восстановить архетип **čöjsä*, *čöjzä*, но происхождение слова и его соответствия пока остаются неясными (ср. баш. диал. *šöjtö* 'павой').

Наконец, чувашское *xivse* < **xüse* 'пришва' может иметь архетип **kujsa*, *kojsa* (ср. *xüre* ~ *xivre* ~ *kujruk*), но соответствующее ему слово нами до сих пор не обнаружено ни в одном из тюркских языков (ср. баш. диал. *küşä* 'павой' (из бузг.?), тат. *küşä*).

Аффикс *-šax, -čax*

Генетически этот аффикс близок к аффиксу *-čäk/-čäk*, образующему имена (главным образом адъективы) от глагольных основ на *-n*.

Аффикс *-sax*, *-çax* имеет параллели во многих тюркских языках. Он представлен в чувашских адъективах, образованных от имен:

şrēmşax 'суверенный' от *şrēm* 'наговор', 'волшебство' (ср. тат. *şrēmçan*);

şsçax 'мастер на выдумки', 'изобретательный' от *şs* 'ум', 'мысль' (ср.: тур. *us* 'смысл', 'разум', др. тюрк. *usla-* 'понимать', 'разуметь', *şdmşax* 'легкий', 'живой', 'легкомысленный' от *şdmşl* 'легкий', *vđjşşax* 'игривый' /74, стр. 83/ от *vđj* 'игра' (ср. тат. *ujñçak*, *ujñçan* 'игривый');

koluşax 'охотник смеяться' /15/;

xđravşax 'трус' от *xđrav* 'страх' (ср. тат. *kurkuçan* 'трусливый');

şđrçax 'упрямый', 'строптивый' от *şđrt* 'гнев', 'раздражение' (ср. *şđrççan* 'быстро раздражающийся');

kđmşlşax /15/ 'приветливый' от *kđmşl* 'настроение' (ср. тат. *küñçak* 'веселый', 'приветливый'). Это слово заимствовано из чувашского марийским языком.

Аффикс *-çan/-çen*

Имена с этим аффиксом обозначают признак склонности к совершению какого-нибудь действия. В чувашском языке есть лишь единичные образования с аффиксом *-çan*, видимо, проникшие из какого-то кыпчакского языка, так как в чувашском ожидалось бы *ç > ś* (ср. *-śđ < -çđ*, *-ś < -çak*, *-ś < -ç* и т.д.):

ásçen 'работящий', 'трудолюбивый' от *ás* 'дело', 'работа';

vđrđşçan 'драчун', 'любитель ссориться' от *vđrđş* 'драка', 'ссора';

şđrççan 'быстро раздражающийся человек' от *şđrt* 'гнев', 'раздражение'.

Аффикс *-çan/-çen* образует имена (адъективы) от именных и глагольных основ во многих тюркских языках, например, татарском, башкирском, турецком, узбекском, казахском, киргизском.

Генетически близкими к нему являются аффиксы *-çak/-çek* (ср. *şđrççan* и *şđrçax*) и *-jañ/-jeñ*.

Об этимологии аффикса *-çan* см.: /221, стр. 93/.

Аффикс *-taş/-teş*

В чувашский язык этот аффикс попал, вероятно, с заимствованием из какого-то кыпчакского языка: *joltaş* 'спутник', 'товариш' от *jol* 'дорога' + *taş* (ср. чув. *şol ~ şul* 'дорога'); *xirđaltaş* 'родственник' от *xirđ* 'живот', 'утроба' + *-taş* (ср. чув. *xirđm* 'живот'); возможно, *kiläntes* баш. *kiländäş*) и *pañtaş* 'состоящий в совместном пае', хотя последнее слово может быть неологизмом подобно словам *sastaş*, *şartes*, *añataş*, образованным от чувашских *sas* 'голос', 'звук', *şar* 'земля' и *aña* 'пашня'. Известно, что продуктивность аффикса *-daş* (~чув. *taş*) как бы зародилась во многих тюркских языках (см.: /115, стр. 155; 31, стр. 74/).

Несколько особняком стоит слово *tanıđış* 'сверстник' от *tan* 'равный' + *-ıđış* (ср. др. тюрк. *teñ-üđış* 'ровесники').

Производные с аффиксом *-daş* обозначают лицо по определенному признаку, общему с другим лицом /115/.

Этимологии аффикса *-daş* многочисленны (см., например: /221, стр. 96; 31, стр. 71; 86, стр. 64-66/).

АФФИКСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

Аффикс *-a/-e*

Этот аффикс с утраченным диминутивным (уменьшительным) значением, генетически близкий к *-ak/-ek*, исследователи выделяют в небольшом числе чувашских слов /см.: /221, стр. 100; 176, стр. 716/).

К наиболее достоверным примерам, на наш взгляд, относятся:

püre 'почка' ~ туркм. *böurek*, кум. *büjrek*, баш. *böjör*, хак. саг. *pür-pürek*, уйг. *börek* и т.д. (< *bögür* + *-e/k/*);

süže 'бахрома', 'кисточка' ~ тур. *saçak*, туркм. *deşek*, тат. *çaçak* 'бахрома', 'кисть' и т.д. (< **saç* + *-a/k/*);

mäja 'ожерелье' (< *mäj* 'шея' + *-a*), ср. кир. *mojunča* 'ожерелье'.

Если аффикс *-a* в чувашском языке восходит к *-ak*, то приходится думать о том, что производные с ним представляют хронологически более ранний пласт лексики, чем производные с диминутивным аффиксом *-ak* (см. ниже).

Исследователи тюркских языков обычно не обращают внимания на двойные рефлексивы общетюркского *-ak* в чувашском (*-a* и *-ak*: *püre*, но *varak* 'овражек' < **örek*).

Аффикс *-ak/-ek, -k*

При помощи этого аффикса образуются имена (преимущественно адъективы) с уподобительно-уменьшительным значением (неполноты качества):

jüşek 'кисловатый', 'горьковатый' от *jüş* 'кислый', 'горький';

kävaşak 'кисловатый' от *kävas* 'квас';

pätrek 'курчавый', 'кудрявый' от *pätre*;

pilak 'сладковатый', 'сладкий (напоминающий вкус меда)' от *pil* 'мед';

sättek 'имеющий молочный привкус'; 'сок' от *sät* 'молоко';

şävak 'маслянистый' от *şäv*, *şu* 'масло';

şävek 'напоминающий сыворожку' от *şäve* 'сыворожка';

tävarak 'слегка подсоленный, солонватый' от *tävar* 'соль';

xitak 'недоваренный', 'сырой (об овощах)' от *xit*, *xitä* 'твердый', 'жесткий';

şarak 'горький', 'пересоленный'? < **şar*, ср. тат. диал. *şur* 'соленая вода';

şävek 'жидковатый' от *şäv*, *şäv* 'жидкий';

şävrek 'острый', 'остроконечный' от *şäv*, *şäv*;

şivak 'водянистый' от *şiv* 'вода'.

Этот аффикс исследователи /115, стр. 166 и сл./ отождествляют общетюркским непродуктивным аффиксом уменьшительности *-ak/-ek*. Уподобительное значение тюркского аффикса *-ak/-ek* ярче проявляется в таких примерах, как:

тур. и др. *bařak* 'колос' от *bař* 'голова', 'верхушка', 'вершина'; азерб. и др. *janak* 'шека' от ? *jan* 'бок';

туркм. *kumak* 'песчаный' от *kum* 'песок' и т.д. (см.: /115, стр. 168/ и /230, стр. 17-18/).

"Спецификация" значения этого аффикса в чувашском языке может быть поддержана *k*-показателями с уменьшительным значением в уральских языках. Например, в марийском языке наличествует суффикс *-k* *-ikā*, представленный в таких прилагательных, как *кужика* 'длинноватый' от *кужы* 'длинный'; *кукшика* 'высоковатый' от *кукшы* 'высокий'; *лудык* 'сероватый' от *луды* 'серый' и т.д. /30, стр. 57 и 63-64/. Б.А. Серебряников /122, стр. 167-168/ сближает с этим марийским суффиксом суффикс языка коми *-ik* (< *-i* + *-k*), с помощью которого образуются уменьшительные имена прилагательные.

Аффикс *-k* — с уменьшительным значением — был, видимо, продуктивен и в тюркских языках, так как он обнаруживается в ряде сложных мантов с уменьшительным значением: *-lak*, *-čik*, *-čak*.

Уменьшительный аффикс *-ak* имеется также в словах:

jaralak 'вещица' от *jarala* 'вещь';

varak 'овражек' от *var* 'овраг';

puřax 'колос' от *puř* 'голова'³³.

Генетически близким является и аффикс *-k* с уменьшительно-ласкательным значением в словах типа: *sařak* 'молочко' от *sař* 'молоко', *čyplenočok* от *čypra* 'цыпленок' и т.д.

Аффикс *-čäk/-čäk*

Этот аффикс, первоначально с диминутивным (уменьшительным) значением /115, стр. 104 и сл., особенно стр. 108-109; 221, стр. 93/, представлен в словах: *jenčäk* 'кисет', 'кошелек', *jenerčäk* 'седёлка' от *jener* 'седло'³⁴.

Слово *jenčäk* является заимствованием из какого-то кыпчакского языка, вероятно, татарских говоров, где *jan* 'бок', 'сторона' > *jān* > *čyjen* (др. чув. *jan* > *šum*), ср. тат. *jančäk*, баш. *jansäk*, кум. *jančik*, др. тюрк. *jančuk*, *jančik* 'кошель', 'сума' и т.д.

Чувашское *jenerčäk* 'седёлка' образовано от *jener* 'седло', ср., например, кир. *e: rčik* 'седёлка' и *e: r* 'седло' (чув. гов. *jer* 'седло', *jerčäk* 'седёлка').

Чувашское *jener*, вероятно, не сопоставимо непосредственно с общетюркским **eder*, ср. др. тюрк. *eđer*, хак. *izer*, тур. *ejer*, сюг. *ezer*, кир.

³³ Ср. еще: *jařak* 'молодой' от *jař* 'молодой' /15, V, стр. 409/.

³⁴ Ср. еще: *pařčäk* и *pařčäk* 'зернышко' от *pař* 'один'.

др. *e: r* < *eđer* (может быть, заимствование из тюркского языка, где > *g*?) и т.д. и ближе к гал. *iřir* 'седло', як. *iři: r* 'седло', тат. *šyřär* 'седло', каз. *iřiřak*, кир. *iřiřak* 'седёлка' и т.д.

К производным этого же типа (именная основа + диминутивный аффикс *-čäk*), возможно, относится чув. *ančäk* 'щенок', 'собака', 'пес' < **en* + *-čik*, ср. тур., тув. *enik* 'молодое животное (щенок, медвежонок и т.д.)', *enjek*, *enjik* 'щенок', 'котенок', др. тюрк. *enik* 'детеныш (животных и зверей)', тат. диал. *ančäk* 'собака' (из чув.?).

Аффикс *-k/-x*

Этот аффикс первоначально имел уменьшительное значение /108, стр. 188/ и был генетически близок к аффиксу *-ak/-ek*.

Он сохранился в небольшом числе чувашских слов, утративших значение уменьшительности:

ujäx 'луна', 'месяц' < **aj-čik*, туркм. *a: j*, кир. *aj*, як. *i: j* то же;

xäläx 'конский волос', 'струна' ~ туркм. *kül*, тат., баш. *köl*, тув.

мон. *kilçasun* 'конский волос';

išläh 'сирота' ~ туркм. *dul* 'вдовый', кир. *ul*, тув. *ulrujak*, тат.,

баш. *öl* то же;

kämčäk 'уголь' ~ туркм., азерб. *kömür*, тув. *xömür*, тат. *kümär*, як.

kömör то же;

piläk 'поясница', 'пояс' ~ туркм. *bi:l*, азерб. *bel*, тат. *bil* то же, мон.

belxä:s 'талия', 'поясница';

isläk 'сон', 'сновидение', ср. *isläp* 'дремать', 'спать' < **isl-*,

др. тюрк. *ül* 'сон', 'сновидение', як. *ü:l* 'сон' ~ общетюрк. *dü:š*, *düš*, *š*, тат. *iöš* 'сон'³⁵.

Аффикс *-xe/-ke*

Этот аффикс со стершимся диминутивным значением, видимо, составной: *-ka/-k-e* (см.: /179, стр. 111/); однако по Г. Рамстедту /108, стр. 184/, *-ka* < **kaj*. Он представлен в таких чувашских словах, как:

čälxe 'язык' < **til-ke* ~ тюрк. *ül*, *dil*;

šilxe 'грива' < **jel-ke* ~ тюрк. *jelke*, *jelke* 'затылок', 'загривок';

üxa 'жеребенок' < **taj-ka*, **üj-ka* ~ тюрк. *ta: j*, *taj*, як. *i: j* (ср. *tajča*, *tajčak*, *tajlak*, где представлены диминутивные аффиксы *-ča*, *-čak*, *-lak*);

šeške (ср. *šešek*, *šeška*) 'цветок' < **čeč-ke*, баш. *säškä* ~ общетюрк. *čeček*; М. Ряснянен /221, стр. 100/ относит сюда же чув. *pike* 'госпожа', 'барыня' < **bagke*.

Аффикс *-ka/-ke* генетически связан с аффиксом субъективной оценки *-kaj/-käj* (< *-ka* + **j*³⁶), употребляемым в тюркских языках главным

³⁵ Возможно, сюда же относится *sařak* 'молоко' (детское слово) от *sař* 'молоко' /15, XI, стр. 325/.

³⁶ Аффикс *-j*, возможно, тот же, что и в звательных формах типа *ařaj*.

образом с терминами родства для передачи различных эмоциональных оттенков значения (ласки, уважения, презрения и т.д.):

баш. *kürsäkäj* 'соседушка';

баш., бурз. *irkäj* 'муженек'; *malakaj* 'мальчонка';

узб. разг. *baldakaj* 'мальчуган';

тат. *baškaj* 'головушка'; *kujankaj* 'зайчик', ср. аффикс *-ka/-ke*, пример, в каз. *šešeke* 'матушка', кир. *ejeke* интимно-почтительная обращения к старшей женщине.

Аффикс *-ka/-ke*

Этот аффикс от имен с адъективным значением образует также адъективы:

irxan 'худой' > *irxancka* то же;

šätäi 'легкий' > *šätälkä* 'легкомысленный';

mänätär 'толстый' > *mänätärcka* 'толстый', 'пухлый';

imšer 'хилый', 'слабый' > *imšerke* то же и т.д.

Аффикс *-ka/-ke* генетически близок к аффиксу *-kâ/-kâ* и первоначально имел значение неполноты качества³⁷: *šurcka* 'беловатый' от *šurä* 'белый', *mänätärcka*, по Н.А. Андрееву /74, стр. 88/, 'толстоватый'.

И.П. Павлов /95, стр. 149/ выделяет еще аффикс *-anka/-enke* и близкий к нему *-ankä/-enkä*: *šuranä* 'бледный', *rišanä* 'слабый', *šuranä* 'беловатый', *jüşenä* 'кисловатый' (сюда же: *xitanä* 'жесткий', 'твердый').

Нам кажется, что в этом случае мы имеем дело с аффиксами *-ka/-kâ/-kâ*, присоединяемыми к основам на *-n* (главным образом глагольным). Так, наряду с *rišanä* в чувашском встречается *rišan* (ср. тат. диал. *bušan* 'пустой', 'свободный').

С чувашским *jüşenke* можно сравнить *jüşenčäk* из *jüşen-čäk*. Однако в словах *šuranä/šuranä*, *jüşenä* и *xitanä* можно усматривать и аффикс *-ankä*.

Аффикс *-kâ/-kâ*

Это непродуктивный аффикс, с помощью которого образованы производительные от основ с адъективным значением:

lärkä 'тихий', 'смирный' (мар. *lyrke* 'смирно') от *läp* 'тихий', 'спокойный';

iškäsäk 'слегка кислый' от *iškäs* 'противно кислый';

čerčenke 'нежный', 'хрупкий' от *čerčen* 'нежный', 'хрупкий';

čečenke 'слабый', 'хилый' от *čečen* 'красивый', 'изящный', 'тонкий';

В слове *iškäsäk* аффикс *-kâ*, видимо, сохранил свое первоначальное уменьшительное значение.

Этот же аффикс выделяют в словах *čänkä* 'крутой' и *xärgänke* 'разряченный', 'слегка выпивший' /74, стр. 89-90/.

³⁷ Ср.: *čätär* 'шар', но *čätärcka* 'шарик'.

Этимология слова *čänkä* остается пока неясной. Быть может, прав А.А. Андреев, сближающий это слово с кир. *čän* 'крутой склон'. Что касается чув. *xärgänke* ³⁸ и, по-видимому, *jüşänke* 'пришедший в упадок', 'запущенный', *sišanke* 'чуткий', 'чуткость', то они образованы от глаголов *šärgän* 'опьянеть', 'возбуждаться', *jüşän-* 'обеднеть', 'прийти в упадок' и *sišen-* 'чувствоваться' и могут быть сопоставлены с непродуктивными образованиями башкирского языка типа: *badänkä* 'кроткий', *kütänkä* 'приподнятый' /31, стр. 131/, тат. *kabaränkä* 'выпуклый' и т.д. /129, стр. 167/, ног. *sozänki* 'протяжный'.

Аффикс *-kâ/-kâ* имеет еще вариант с широким гласным *-ke*. Например: *imšerke* 'слабый', 'слабоватый', 'вялый' от *imšer* 'хилый', 'слабый'; *čerčenke/čerčenke* 'нежный', 'хрупкий'.

Возможно, этот аффикс генетически связан с марийским *-vô/-vô* /30, стр. 58-59/: луг. вост. *užarge* 'зеленый' от *užar* 'зеленый' и т.д.

Аффикс *-lak/-lek*

Этот аффикс можно выделить в небольшом количестве слов:

šušlak 'скользящий' от **šušä* 'скользящее место' (ср. *šävšlan-*) или от *šuš-* 'скользить', 'становиться скользящим';

išvarlak 'соленый' от *išvar* 'соль';

pärlak 'обледенелый', 'голледица' от *pär* 'лед';

išlak 'полоумный' от *išä* 'глупый';

päšlak (диал.) 'слабый', 'слабосильный'; 'сырой', 'непропеченный' от *päš* 'непрочный', 'полугнилой';

sivlek 'мрачный', 'угрюмый' от *sivä* 'холод'³⁹.

В тюркских языках при помощи аффикса *-lak/-lek* образуются имена от именных и глагольных основ: азерб. *batlak* 'топь' от *bat-* 'погружать-ся', 'тонуть'; азерб. *sulak* 'места, обильные водой' от *su* 'вода', но *otlak* 'пастбище' от *otla-* 'пастись' (другие примеры см. у Э.В. Севортына /115, стр. 218 и сл./).

Видимо, в аффиксе *-lak/-lek*, как справедливо отмечает А.Н. Конов /58, стр. 27/, совпало несколько омонимичных показателей:

1) аффикс *-lak/-lek* с уподобительно-уменьшительным значением (узб.

³⁸ Ср. также такие производные, как *čäslanä* 'рослистый', 'нескладный', 'долговязый' от *čäsäl-* 'удлиниться'; *ušlanä* 'открытое место', 'поляна среди леса' от *ušäl-* 'открываться'; *išlanä* 'долговязый', 'верзила' от *išäl-* 'тянуться'; *salanä* 'раскат на дороге', *sulanä* 'ухаб', *käslanä* 'перелог', *ušlanä* 'леңтяй', 'праздношатающийся' от *ušäl-* (ср. *ušän-* 'слоняться', 'шататься без дела'), *šarlanä* 'водопад' (ср. *šarlak* то же от *šarla-* 'шуметь', 'бурлить (о воде)'). Нельзя ли интерпретировать *-lan* как *-la-n*, где *-la* — аффикс интенсификации?

³⁹ См. еще: *išlak šin* 'долговязый человек' от *išä* 'длинный' + *-lak* или *išäl-* 'тянуться' + *-ak*.

tâjlâk (ср. *tâj* 'жеребенок') 'верблюжонок по второму году', ног. *tajlak* 'годовалый верблюжонок', узб. *çakalâk* 'ребеночек', ккал. и др. *kižlak* 'девочка');

2) аффикс *-lak/-lek* с множественно-собирательным значением, из которого развилось значение интенсивности признака (вариант аффикса *-lik/-lik*): туркм. *kišlak* 'имеющий много дочерей'; туркм. *θünklek* 'костистый'; кир. *kumdak* 'песчаное место'; МК: *kušlaç* 'место, где много птиц' / туркм. *kušluk* 'место, изобилующее птицами'; азерб. *duzlak* 'соляные промыслы', кум. *tužlak* 'солончак', но туркм. *duđluk* 'соляные работки'; тур. *dazlak* 'лысый' ('лысоватый?');

3) аффикс *-laç/-lak/-lek*, точнее, производные на *-ç/-k* от глагола на *-la* со значением места: кир. *kišto*: 'зимовка', 'зимнее пастбище' *kišto-* 'проводить зиму'; туркм. *ođlak* 'пастбище' от *ođla-* 'пастись'. Последние два аффикса и их значения не всегда легко разграничить.

В чувашском аффиксе *-lak/-lek* мы склонны видеть второй вариант аффикса, т.е. аффикс со значением собирательного множества и степени проявления интенсивности признака (неполноты его проявления).

В татарском и башкирском языках отмечено прилагательное *tajrak* 'скользкий' (ср. чув. *žušlak*, туркм. *tajra* 'скользкий' и туркм., баш. *tajrak* с тем же значением), где представлен, по-видимому, тот же аффикс *-lak*. К этому же типу образований относится и ногайское *buçrak* 'гололедица'.

Аффикс *-mas/-mes/-mas*

С помощью аффикса *-mas/-mes* от имен (главным образом с адъективным значением) образуются адъективы первоначально с аугментативным (увеличительным) значением:

silçemes 'гривастый' от *silçe* 'грива';

turâlamas 'ветвистый' от *turâlâ* 'имеющий ветви';

xîrâmlamas 'пузатый' от *xîrâmlâ*;

šâmlamas 'лохматый' от *šâmlâ* 'мохнатый', 'волосатый' и т.д.;

lutramas 'низкого роста', 'низенький' от *lutra* 'малорослый', 'низенький';

šaramas 'голый', 'нагой' от *šara* 'голый';

olamas 'полосатый' от *ola* 'пестрый'.

Аффикс *-mas/-mes* не имеет соответствий в других тюркских языках. Он, вероятно, сложный: *-m* + *-as/-es*. Аффикс *-m*, возможно, идентичен *-m* в именах типа *türəm* 'ровный', 'гладкий' от *türä*; *sârlam* 'высокий', 'гористый' от *sârlâ*; *jaštam* 'высокий', 'стройный' от *jaš*. Об аффиксе *-as/-es* см. специальный раздел данной работы (выше, стр. 135).

О функциональной и генетической близости аффиксов *-mas* и *-as* свидетельствуют случаи типа: *šilles* 'гневливый', 'сердитый', 'грозиный' и *šillemes* 'сердитый' /15, XII, стр. 156/ от *šilä* 'гнев'; о близости аффиксов *-m* и *-mas*: *kânitam* 'неловкий', 'неуклюжий' и *kânitammas* то же /15, VII, стр. 156/.

Аффикс *-rax/-rek* присоединяется в чувашском языке к именам прилагательным, выражая определенную градацию проявления степени признака (качества). Например: *rišäkrax* 'побольше', '(несколько) больше'.

После слов, оканчивающихся на *-r*, *-l*, *-n*, обычно употребляется аффикс *-taraç*⁴⁰ < *-ta* (вероятно, частица со значением 'и', 'еще')⁴¹ + *-rax*.

В низовых говорах аффикс *-taraç* выступает и после основ на *-j*, *-k*, например: *nutajtarax* 'больше'.

Аффикс *-rax/-rek* часто называют аффиксом сравнительной степени прилагательных. Но сфера его функционирования гораздо шире. Он может присоединяться к именам, падежным формам имен, к наречиям, поспологам, деепричастиям, являясь показателем степени проявления признака, действия и т.д. Вот некоторые примеры, взятые из "Материалов" И.И. Ашмарина /10/:

iraš koräkrax 'рожь несколько травяниста' (*koräk* 'трава');

kunçarax 'ближе сюда' (*kunça* 'здесь');

vâžanarax 'более стыдась' (*vâžana* 'стыдась').

Аффикс *-rak/-rek* имеется в большинстве тюркских языков. Он малоупотребителен в огузских языках: турецком, азербайджанском, гагаузском /56, стр. 160; 99, стр. 106/42.

Во многих тюркских языках, например ногайском, каракалпакском, карачаево-балкарском, известны варианты аффикса: *-irak*, *-urak* и т.д.

В тувинском языке в значении аффикса *-rak* выступает слово *a:rak*, в хакасском — аффикс *-arax* и в шорском — аффиксы *-a:rak/-arak/-aräk* (по диалектам).

Что касается этимологии аффикса *-rak/-rek*, то в тюркологии представлены три гипотезы. Согласно первой из них (О. Бёглингк, В. Банг, Ж. Дени, М. Ряснен) аффикс *-rak* восходит к самостоятельному слову *irak* 'далеко'.

В пользу этой гипотезы как будто говорят следующие факты: наличие долгого *a* в туркменском *-rak:k*, киргизском *-rak:k*, якутском *ira:x*, туркм. уст. *irak* 'далеко'; наличие вариантов аффикса *-irak* (*-urak*) в ряде тюркских языков.

40 В татарских говорах зарегистрирован аффикс *-därak/-däräk*, см. также азерб. диал. *širintärax* 'сладковатый' и т.д.

41 Ср. гаг. *ta: göžäl* 'еще красивей', 'более красивый', *ta: tatli* 'еще слаще', где *ta:* 'еще', 'более'. Гагаузское *ta:*, вероятно, из *taha* 'еще', ср. тур. *daha*. Чувашская частица *ta* соответствует общетюркской *ta/da*.

42 В туркменском языке аффикс *-rak/-räk* очень распространен. Это слово встречается и в прилегающих туркменский язык с кыпчакскими языками.

Однако трансформация *īrak* > *-rak* не обоснована с точки зрения семантики. Н.А.Баскакову⁴³ представляется сомнительной и возможным постпозиционным употреблением *īrak* 'далеко' в качестве определителя.

При трактовке *īrak* > *-rak* аффикс *-rak*, на наш взгляд, выпадает из системы других аффиксов, выражающих различные степени проявления признака, действия и т.д.

Сторонники второй гипотезы (Г. Рамстедт, К. Брокельман) производят *-rak* из *-ra* (аффикс глаголов состояния) + *-k* (аффикс отглагольного имени).

К этой гипотезе близка точка зрения А.Н. Кононова /57, стр. 129, 162-163/, который сближает аффикс *-rak* с аффиксом *-lak*, выражающим неполноту проявления признака (качества). По А.Н. Кононову, *-rak/-lak* < *-ra ~ -la* + *-k* (аффикс уменьшительности).

Предположение А.Н. Кононова представляется нам довольно убедительным. В его пользу, как мы полагаем, говорят следующие факты.

В тюркских языках встречается аффикс *-lak*, по семантике очень близкий к *-rak/-rek*. Например, Э.В. Севортян /115, стр. 220-221/ приводит такие слова, как туркм. *sarylak* 'желтоватый'⁴⁵, тур. *dazlak* 'дымчатый', *tezlek* 'побыстрее'. Этот же аффикс обнаруживается в тур. *ilerlek* 'подальше вглубь', *ilerlek* 'более вперед', хотя в этих случаях возможно *-rek* > *-lek* после основы на *-r* (ср. *zurlak* и т.д. в татарских говорах).

Аффикс *-ak/-ek*, *-k* с уменьшительным значением широко известен в тюркских языках, при этом он выступает и в составных уменьшительных аффиксах типа *-čak*, *-čik* и т.д. /115, стр. 103/.

Что касается аффикса *-r* (в *-rak*), то генетически он, вероятно, родственен аффиксу *-ra/-re*, входящему в состав аффикса отыменного глагола образования *-sira/-sire* со значением неполноты проявления действия/ослабленности действия⁴⁶.

Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах /52, стр. 186/ полагали, что тюркский *-rak* генетически связано с тув. *arak* 'чуть-чуть', хотя происхождение этого *arak* для них оставалось неясным.

Возможно, *arak* возникло из *araj* + *-rak* (*araj* 'чуть-чуть', 'немного', а *-rak* тождественно общетюркскому *-rak*).

⁴³ См.: М. Ряснян, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 214, прим. 13.

⁴⁴ Однако можно предположить, что *īrak* первоначально употреблялось в синтаксических конструкциях типа *ol menden jakširak* < *jakši* 'он лучше меня', а затем делексистализовалось и перешло в разряд аффиксов.

⁴⁵ Ср. аффикс *-lak/-lek* в туркм. *burunlak* 'носатый', *elek* 'мясатый' и т.д.

⁴⁶ Об аффиксе *-sira* в этом значении см. у Э.В. Севортяна /114, стр. 311-313/. Нельзя ли усматривать *r ~ l* со значением показателя степени качества в аффиксах *-imül* < **im-t-ül*, *-imür* < **im-t-ür*, *-il dänim* < *(i)l-d-(i)r-(i)m* (ср. *imük* < *im-t-ük*), *-rüt* < *k(i)l-t* и т.д.?

Аффикс *-ska/-ske*

Этот аффикс встречается редко:

pümeske 'наперсток'⁴⁷ от *püte* 'палец';

tameske 'кочка' от *täme* 'бугор'.

Аффикс *-ška/-ške* генетически близок к диминутивному аффиксу *-ške*: ср. *tameske* 'кочка' и *tämeške* 'кочка', 'небольшой бугор'.

Аффикс *-ška/-ške*

С помощью этого аффикса образуются имена с диминутивным значением, которое, однако, не всегда осязаемо:

šuna 'сани' ~ *šunaška* 'санки';

šina 'телка' ~ *šinaška* то же;

šekal, *šekla* 'крючок' ~ диал. *šekleške* то же;

valak 'желоб' ~ *valaška* 'корыто';

ūxa ~ *ūxaška* 'жеребенок';

lutra 'низкий' ~ *lutraška* 'коротышка', 'карлик';

kučär 'кривой' ~ *kučarška* 'извив', 'извилина', 'искривление';

šūxe 'тонкий' ~ *šūxeške* 'тонкий';

šinže 'тонкий' ~ *šinžeške* 'тоненький';

šemže 'мягкий', *šemžeške* 'слабый', 'хилый'.

Нам кажется, что данная словообразовательная модель сложилась в результате контаминации марийской модели на *-eške* и тюркской на *-ška/-eške*.

Тюркский аффикс *-aška/-eške* < **ačka*, *-ečke* — сложный, он состоит из двух аффиксов: *-aš/-eš* // *-ač/-eč*⁴⁸ и *-ka/-ke*.

Первый встречается в алтайском языке: *bičigeš* 'книжка' от *bičik* 'книга', *ajraš* 'чашечка' от *ajak* 'чашка', редко в татарском: *jaraš* 'душенька' от *jan* 'душа', в хакасском: *-as/-es*: *xaziņas* 'березка' от *zazn* 'береза', *topņas* 'маленькая кедровая шишка' от *topn* 'кедровая шишка'; в шорском: *-aš/-eš*⁴⁹. Аффикс *-ška*, *-čka* отмечен также в др. тюрк. *abička* 'старик' (см.: /108, стр. 190-191/). В чувашском встречается также слово *jeräške* 'любovníк', заимствованное из какого-то языка (хотя в чувашском есть синоним *jerčän*); возможно, восходит к

⁴⁷ Чувашский аффикс *-s* в *pümeske* сопоставим с марийским аффиксом *(-a)š*: ср. мар. *pamaš* 'наперсток' < *pama* 'палец'; та же модель представлена в фин. *sormus* 'наперсток' < *sormi* 'палец'. О происхождении марийского аффикса *-š* < **s* < **ks* см.: /30, стр. 18 и сл./.

⁴⁸ В говорах сибирских татар Д.Г. Тумашева /135, стр. 98 и 151/ отмечает аффикс *-ac/-äc* с уменьшительным значением: *palčac* 'рыбка'; *šäc* 'хорошенький'; *käpčac* 'тюбетейка'; *tabac* 'ладонь' и т.д.

⁴⁹ В алтайском, шорском и хакасском языках *-aš/-eš*, вероятно, является вариантом аффикса *-raš/-geš*, выступающего после основ на *-r*, *-č*, *-š*.

**jarāška*, где *jar* 'возлюбленный'. О происхождении марийского аффикса *-eške* см.: /30, стр. 25-26/.

Аффикс *-ś*, *-śā*/*-śā*

Этот аффикс имеет уменьшительно-ласкательное значение. Он может присоединяться к некоторым именам, особенно часто — к терминам родства. При этом после него ставится аффикс принадлежности 1-го и 2-го лица, очень редко 3-го лица:

anneśam 'мамушка' от *anne* + *-ś(ə)* + *-m*; *tāvanśam* 'мой родненький' от *tāvan* + *-ś(ə)* + *-m*; *kinśam* 'сношенька'; *piččeśam* 'братец мой'; *akkaśam* 'моя сестрица'; *xətaśam* 'сватушка мой'; *jisnaśam* 'зятек мой'; *təxətačəśam* 'свахонька моя'; *ulputśam* 'сударик мой'; *čunśam* 'моя душка'; *xulśam* 'моя рученька'; *uramśam* 'моя улочка'; *āśśam* 'мое внутреннее озерцо'; сюда же: *xalśar* 'ваша мощь', 'сила'; *unśərta* 'в вашем преддверии' (ласкательная форма от *um* 'перед'); *kinši* 'сношенька' (его? — Л.Л.); *jalši* 'его деревенька' /15, IV, стр. 177/.

В чувашских народных песнях встречаются также формы *sassəmśam* 'голосок мой', *tuśəmśam* 'мой дружок', *kassəmśam* 'улочка моя', где наличествуют, по-видимому, два аффикса принадлежности — перед аффиксом уменьшительности и после него (*tus-əm-ś-əm*). Тот же аффикс представлен в словах: *pəčəkśə* 'маленький' от *pəčək* 'малый'; *vətśəs* 'маленький' от *vət*, *vətə* 'мелкий'; *vakśes*, *vakśesśə* 'маленький' от *vak* 'мелкий', *kəškeśesśə* 'коротенький' от *kəške* 'короткий'; *pərtakśə* 'немного', 'чуть-чуть'; *saŋši* 'желтый' (ласкательная форма); *čipersəs* 'хорошенький'; *təśəm* 'хороший мой', 'добрый мой', *surəśəm* /15, XVII, стр. 241/ 'белый' ('беленький мой' — Л.Л.).

Чувашскому *-ś* соответствует общетюркский *-č* /108, стр. 191/. Как отмечают исследователи (Э.В. Севортян, М. Ряснян), аффикс *-č* с уменьшительным и уподобительным значением имеется во многих тюркских языках⁵⁰. Он входит в состав других аффиксов с уменьшительным значением (*-čə*, *-čək*, *-čik* и т.д.).

К чувашским примерам всего ближе др. тюрк. *atačim* 'батьюшка моя', *ögüdim* 'мамушка моя' (ДТС, стр. 650), ног. *abašim* 'мамушка', *begeč* 'уменьшительно-ласкательная форма от *beg* 'бер' /115, стр. 170/, тур. *bozač* 'сероватый' /115, стр. 170/, ср. также баш. диал. *alas* 'весь в пестром'. А. Гулямов /35, стр. 20/ приводит слово *təkač* 'маленькая пешка' и *bikäč* 'дочь бека' и некоторые другие, вызывающие у нас сомнения⁵¹.

⁵⁰ Ср., например, чув. *Xuras* — языческое имя мужчины (> *Xuras* — кличка собаки — 'Чернушка'? — Л.Л.), *Šuras* — языческое имя мужчины баш. диал. *alas* (< **alač*) 'пестрый'.

⁵¹ См. также: /179, стр. 90/. Сюда же, вероятно, относятся: как. (шорский диалект) *iješ* 'магь' < *ije*, *araš* — почтительное обращение к женщине старше себя, тат. диал. *babač* 'дедушка'.

Аффикс *-taj/-tej*

Производных с этим аффиксом очень немного⁵²: это адъективы, образованные от имен с качественным значением:

mānttaj, *māntaj* 'большой', 'неуклюжий', 'угловатый' от *mān*, 'большой', 'крупный';

čumanıtaj 'лентяй' от *čuman* 'ленивый (о лошади)';

šimlittaj 'легкомысленный' от *šiml* 'легкий'⁵³.

По определению Н.А. Андреева, прилагательные на *-taj* обозначают 'качество с оттенком презрительности' /74, стр. 85/, т.е. аффикс *-taj* привносит в значение слова—основы экспрессивную окраску. Н.А. Андреев /74, стр. 85/ сопоставляет чувашский *-taj* с тюркским аффиксом *-taj*, который обычно присоединяется к именам и, по сути дела, является формантом сравнительного падежа. Иногда аффикс *-taj* (и его варианты) выступает и с адъективами, переводя их в категорию наречных образований: баш. диал. *əwəštaj* 'всырую', *təndaj* 'в сыром виде'. Ближе к чувашским являются единичные тюркские образования типа: кал. *kiškentaj*⁵⁴ 'малюсенький' от *kiškənç* * *-taj*, *açantaj* 'чуть-чуть' от *açan*-*taj*, т.д.с.т. *kinçitaj* 'самый маленький', *kəckəntaj* 'маленький'⁵⁵. Этот аффикс отмечен А. Гулямовым и для узбекского языка.

Быть может, чувашский аффикс *-taj* сопоставим с уменьшительным аффиксом *-ta/-tā* в марийском языке: *lapkata* 'низковатый' от *lapka* 'низкий'; *čakata* 'аккуратенький', 'чистенький' от *čarka* 'аккуратный', 'чистый'. Однако скорее следует говорить о контаминации тюркских и финно-угорских уменьшительных аффиксов с *-t* элементом, чем предполагать их генетическую связь.

Некоторые аффиксы, встречающиеся в единичных образованиях

В словаре Н.И. Ашмарина /15, XVII, стр. 62/ отмечено слово *xərgəltəm* 'милый', 'красновато-синий', 'розовый', 'красный с отливом', которо-

⁵² Иногда этот же *-taj/-tej* усматривают в чувашских собственных именах типа: *Avantej*, *Savantej* (по И.А. Андрееву, *-tej* < *tetej* — вежливое обращение к старшему мужчине); ср. тюрк. *Akataj* /35, стр. 21/.

⁵³ См. еще: чув. гов. *čaltaj kušlə* 'косоглазый' (ср. тат. *čalāš* 'косой', кир. *čalir* 'косой (о глазах)'); *kamanıtaj* 'одинокий', 'бобыль' = *kamalçar*, *kamanşar* от *kamal/kaman*; *jaštaj*, *jəštaj* 'высокий и стройный' (ср. *jaši* 'красивый и стройный').

⁵⁴ Ср. также: тат. диал. *jamataj*, *jamataj* 'плохой', 'некрасивый' ~ *jamat* 'плохой'; баш. диал. *körtaj* 'толстый'.

⁵⁵ Ср. также: кир. *-taj* в *jeŋketaj* 'невестушка' (каз. *žengetaj*) от *jeŋke* 'невестка'; *aketaj* 'тятенька'; *apataj* 'мамочка' (К.К. Юдахин /157, стр. 689/ приводит это *-taj* как одно из значений полисемантического слова *taj*) и узб. *-taj* в *jākimtāj* 'миловидный', 'милый' (то же, что *jākimli*) и *erkātaj* 'любимец', 'баловень'.

му соответствует тат. *kəzγəlt* 'красноватый', 'розоватый', ног., чув. *kizγilt* то же. Форма на *-xəlt* > *-xəltəm* в чувашском не получила распространения (возможно, это калька с татарского).

Аффикс *-γilt*, *-γiltəm* выражает неполноту проявления качества и представляет собой комбинацию первичных аффиксов с уменьшительно-уменьшительным значением, которые в различных сочетаниях выступают в других тюркских языках. Так, например. *-γilt/-ilt*, вероятно, имеем в чув. *jašilt*, а *-l* — в *-milt*; *-ilt* сопоставимо с *mt* в *-mt-ilt/-mt-ilt*: ср. азерб. *ñmilt*, тат. *sarγəlt*, кал. *sarγilt*, узб. *sarγimilt* 'желтоватый' и т.д.

В том же словаре Н.И. Ашмарина /15, XI, стр. 160/ встречается *rax-su* и *šurərax-su*, где *xura* 'черный', *šurə* 'белый', *-rax* — аффикс с значением степени качества, а *-su*, по словам Н.И. Ашмарина, "частично к названиям цветов". В татарском языке находим *aksu* 'беловатый' от *ak* 'белый', *alsu* 'розоватый' от *al* 'розовый'; *karasu* 'черноватый' от *kar* 'черный'; баш. *karahəw* то же; алт. *kōksū* 'синеватый'.

Аффикс *-su* генетически связан с другими *s*-аффиксами с уподобительно-уменьшительным значением:

- sow*: азерб. *ayimsow* 'беловатый'; туркм. *akdowult* (*θow* + *ilt*);
- sī* (и *-msī*): тур. *kizīsī* 'красноватый';
- sil*: тат. *aksəl* 'беловатый';
- sīman*: *karazīban*, *karazīman* 'черноватый' /28, стр. 128/;
- sīmak*: алт. *karazīmak* 'черноватый';
- sīma*: г. тув. *saŋγizma*: г. 'желтоватый' (подробнее см.: /221, стр. 111; 179, стр. 136-137/).

АФФИКСЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ОТ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Аффикс *-a/-e*

С помощью этого аффикса от глагольных основ образуются имена, чаще всего со значением признака, действующего лица, результата и места действия, а также орудия действия:

- šavta* 'круглый' от *šavə* 'вертеть', 'кружить';
- pətre* 'кудрявый' от *pətrə* 'крутить', 'вить';
- juxa* 'текучий' от *jux* 'течь'⁵⁶;
- pəxa* 'смотритель', 'наблюдатель' от *pəx* 'смотреть';
- kula* 'смешливый' от *kul* 'смеяться';
- makra* 'плакса' от *maqə* 'плакать';
- šaraça* 'поляна' от *šarat* 'оголять', 'очищать (от деревьев и кустарников)';
- šira* 'черта' от *šir* 'чертить';
- viçe* 'хлев', 'конюшня' от *vit* 'крыть (крышу)';

⁵⁶ См. также: *šəl jəre* 'скалозуб' от *šəl* 'зубы' + *jəre* 'скалящая'; *čün ile* 'душегуб' (*čün illi* 'ангел смерти') от *čün* 'душа' + *ile* 'беру' и т.д.

aka 'старинный двухколесный плуг' от *ak* 'сеять';

süre 'борона' от *sür* 'боронить' и т.д.

Аффикс *-a/-e* исследователи считают генетически близким с аффиксами *-ta/-ge*, *-γ/-gi*, *-i/-i* (см.: /115, стр. 263 и сл.; 221, стр. 114/)⁵⁷. Иногда образования на *-a* отождествляют с деепричастиями, что оспаривается Э.В. Севортьяном.

В большинстве тюркских языков производные на *-a/-e* представлены редко (см., например: /31, стр. 109; 87, стр. 112/. В болгарских диалектах аффикс *-a* уже отмечен: венг. *eke* 'плуг' (из булг.; чув. *aça*).

В ряде случаев чувашский *-a/-e*, возможно, происходит из *-rak*, *-ak* > *-ar*: чув. *taja* 'палка' ~ туркм., уйг., кир. *tajak*, тур. *dajak*, як. *tajax*; чув. *tura* 'гребень' ~ туркм. *darak*, тув. *ǰrak*, як. *tara*: х, тат. *tarak*, кир. *tarak*, хотя можно предположить, что аффикс *-ak* < *-a* + *-k*, т.е. чувашская форма является более ранней; ср. еще: чув. *ala* 'решето' от *al* 'сеять' < **äl* ~ др. тюрк. *elgā* 'сеять', тур. *elek* 'сито', *ele* 'сеять'.

Аффикс *-ə/-ə*

Аффикс *-ə/-ə* образует имена со значением признака, орудия, процесса, результата от глагольных основ:

- vila* 'труп', 'покойник' от *vil* 'умирать';
- vitə* 'крышка' от *vit* 'покрывать';
- karə* 'распялка' от *kar* 'растягивать';
- kaşə* 'перевоз', 'переправа через реку', 'мостки' от *kaş* 'переправляться', 'переходить';

- sutə* 'продажа', 'торговля' от *sut* 'продавать';
- juxə* 'течение' от *jux* 'течь';
- jüşə* 'кислый', 'горький' от *jüş* 'киснуть';
- tirə* 'сухой' от *tir* 'сохнуть';
- uşə* 'открытый' от *uş* 'открывать';
- xitə* 'твердый' от *xit* 'твердеть'.

Производные на *-ə* возможны и от глагольных основ, проникших в чувашский язык из языков "кыпчакского типа": *çipə* 'бег', 'ход' от *çip* 'бежать', 'скакать' (в чувашском ожидалось бы **šup*), *jurčə* 'рысь', 'бег лошади' от *jurč* 'бежать рысью' (в чувашском ожидалось бы **šurt*),

Аффикс *-ə/-ə* соответствует общетюркскому *-i/-i*. Единичные производные на *-ə/-ə* отмечены в татарском и башкирском языках; например, баш. *ülə* 'мертвый', *katə* 'твердый', *tulə* 'полный'.

Соотношение аффикса *-ə/-ə* (< *-i/-i*) и *-γ/-ig*, *-uγ/-üg* остается пока не совсем ясным, хотя в древнетюркском чувашскому *-ə/-ə* обычно соответствует *-iγ/-ig*, *-uγ/-üg*:

- чув. *vilə* 'труп', 'покойник' ~ др. тюрк. *ölüg*, азерб. *ölü*;
- чув. *juxə* 'течение' ~ др. тюрк. *akıγ*;
- чув. *xitə* 'твердый' ~ др. тюрк. *kayıγ*, азерб. *kaı*;

⁵⁷ Ср., например, чув. *süre* 'борона' и тур. *sürgü*.

чув. *jūšə* 'кислый', 'горький' ~ др. тюрк. *ačīγ*, азерб. *aji*;
 чув. *sušə* 'продажа', 'торговля' ~ др. тюрк. *satīγ*;
 чув. *višə* 'крыша', 'покрывало' ~ др. тюрк. *örtüg*, азерб. *örtü*;
 чув. *kašə* 'перевоз', 'переправа через реку', 'мостки' ~ др. тюрк.
kešig 'брод', 'мост', кир. *kešū*: 'брод'.

В некоторых производных на *-ä/-ə* можно предположить более раннее образование с аффиксом *-γī/-gi // -ru/-gū*: чув. *ušə* 'ключ' от *uś-* 'открывать' ~ *ačru* 'ключ' (Ибн Муханна); чув. *kušə* 'смех' от *kuś-* 'смеяться', др.-тюрк. *kūlgū*; чув. *kaγə* 'распялка или валообразная палка, на которой сушат шкуры мелких животных и птиц' от *kaγ-* 'растягивать', *keγi* 'пальцы' /28, стр. 170/.

Аффикс *-γ/-g*, вероятно, исчезал главным образом после сонорных, например, в чув. *šəšə(al šəšli* 'полотенце') ~ тат. *sölğə* от *šəš-* ~ *söl-* 'место', 'подметать', тогда как сохранение *g* и *s < z* в чув. *kaškə* 'зеркало' (~ баш. *köšgö*) свидетельствуют о заимствовании слова *kaškə* из какого-то "кыпчакского" диалекта.

Аффикс *-k*, *-ək/-ək*

С помощью этого аффикса от глагольных основ образуются имена (субстантивы и адъективы):

pəšək 'испорченный' от *pəš-* 'портить', 'ломать';
savək 'радостный', 'приятный' от *sav-* 'любить', 'уважать';
šəmrək 'разбитый', 'ломаный' от *šəmr-* 'ломать';
jūšək 'кислота' от *jūš-* 'киснуть';
kašək 'отрезок', 'ломоть' от *kaš-* 'резать';
šurək 'щель', 'трещина' от *šur-* 'колоть'.

Производные на *-k* представлены в различных тюркских языках, древних и современных (см.: /115, стр. 206 и сл.; 230, стр. 63 и сл.; 31, стр. 129-130/).

Генетически близким к аффиксу *-k* является аффикс *-ak*, образующий имена со значением результата действия и единичные адъективы:

təškak 'расход' от *təšk-* 'расходовать';
čarak 'распорка' от *čar-* 'растопыривать';
šunak 'горелый' от *šun-* 'гореть';
kunak 'выдохшийся' от *kun-* 'выдыхаться'.

Во многих тюркских языках, вероятно, совпали аффиксы *-k* (*-ak*, *-ik*) и *-t* (*-at*, *-it*) (см.: /115, стр. 213 и сл./).

В чувашском языке *-γ > 0* (нуль):

iñə 'свидетель' ~ тур. *tanık*, караим. *tanix*, уйг. *tonuk*, др. тюрк. *tanuk* от *tanī-*, *tanu-* 'знать';

šətxa 'клубок' ~ туркм. *juṭak*, тур. *juṭak*, баш., тат. *jöṭyək* < **juṭ-*;

др. др. тюрк. *juṭdar-* 'собирать', 'накапливать', *juṭī-* 'собираться';

xəjra 'точило' ~ тат., баш., кир., ног. *kaɣrak* от *kaɣra-* 'точить';

šətxe 'мягкий' ~ тур. *juṭšak*, тат., баш. *jöṭšak*, хак. *nīmɣax*, др. тюрк. *juṭšak* от *juṭša-* 'смягчаться';

uγə 'трезвый' ~ др. тюрк. *abiγ* 'трезвый' < **ab-*, гаг., тур. диал. *aj*, ср. *adil-* 'протрезвиться', *abiñ-* 'отрезветь';
xəna 'гость' ~ др. тюрк. *konuk* от *kon-* 'оседать', 'поселяться'.
 Сюда же, вероятно, относятся *tija* 'палка', *uṭa* 'гребень' и *iñə* 'нечет' < **artiñ* 'излишек'.

В ряде случаев в чувашском языке имеем аффикс *-x < -k*:

šivəx 'близкий' ~ др. тюрк. *jaruk* от *jaru-* 'приближаться', караим. *juṭax*;
šəɣəx 'вырез для ворота' ~ тат., ног., баш. *jəɣək* от *šəɣ-* ~ *jəɣ-*;
vəɣax 'долгий' ~ тат. *özak* от *öza-* ~ *uza-* 'тянуться', 'затягиваться'.

В чувашских говорах наблюдается чередование *-x/-k*: *šivəx/suk/sux* 'близкий'.

Аффикс *-kə/-kə*

С помощью этого аффикса от глагольных основ образованы имена со значением орудия и результата действия:

iñkə 'скоба', 'ручка (у двери)' от *iñ-* 'удержать' (ср. тат. *iñka*);
əškə 'сачок' от *əš-* 'черпать', 'цедить' (тат. *səškə* 'черпак');
čəškə 'кулак', 'удар кулаком' от *čəš-* 'ударить', 'бить', 'колотить кулаком';
tapkə 'пинок' от *tap-* 'толкать ногой' (тат. диал. *tipkə*), ср. др. тюрк. *terik*;

turtkə 'тяга' от *turt-* 'тянуть' (тат. диал. *tartkə* 'подпруга').

Аффикс *-kə/-kə* является вариантом аффикса *-γə/-gə // -ru/-gū* после глухих согласных.

Аффикс *-γī/-gi // -ki/-ki* (и его варианты) отмечен во многих тюркских языках: татарском, башкирском, азербайджанском, турецком, киргизском и т.д.

Примечательно, например, др. тюрк. *ičgū* / *ičkü* 'питье', 'напиток', распространенное и в других тюркских языках (с некоторой вариацией значений): туркм. *ičgi*, чув. *əška*, кир. *ički*, сюг. *iški* и т.д.

Об аффиксе *-γī* и его вариантах см.: /115, стр. 227 и сл.; 230, стр. 66 и сл./.

Аффикс *-kəm*

Этот аффикс вычленяется в словах *šəpkəm*, *sipkəm* 'глоток' от *sip-*, *šəp-* 'хлебать', *šupkəm* 'оплеуха' от *šup-* 'бить по щеке', и, возможно, *iškəm* 'гребля?' /15, III, стр. 161/58; ср. туркм. *ðalkim* 'гроздь', 'кисть', *ðalim* 'мираж'.

Вероятно, аффикс *-kəm* < *-kə* (*-ka*) + *-m*, ср. *šupkəm* 'оплеуха', но *šupkə* 'пощечина', 'удар по щеке'.

58 Ср. еще: *šurkam*, *šorkam* 'плаха' и *šurka* ~ тат. диал. *jarka* 'расколотое полено'; *šurkam* 'ладонь', 'гроздь', 'кисть ягод'; *šutkam* 'светлый', 'яркий', 'блестящий' /15, XII, стр. 287/.

Аффикс *-kən/-kən*

Производные, образованные от глагольных основ с помощью аффикса *-kən/-kən*, имеют значение носителя процесса и признака и реже названия процесса:

- tarḱən* 'беглец', 'беглый' от *tar-* 'бежать';
- xīḱən* 'скряга', возможно, от *xī-* 'скоблить', 'сгребать';
- xīrkən* 'обжора' от *xīr-* 'хватать (ртом)';
- virḱən* 'название злого духа' от *vir-* 'приносить несчастье (о злых духах)';
- uṣḱən* 'голодный', 'жадный' от *uṣ-* 'голодать';
- juxxən* 'течение' от *jux-* 'течь';
- uṭḱən* 'плен' от *uṭ-* 'держат', 'ловить'.

Аффикс *-kən/-kən* является общетюркским (ср.: /115, стр. 325 и сл./) 59.

Нам представляется несомненной генетическая связь аффиксов *-kən/-kən* и *-γan/-γan*; ср. у В. Котвича /64, стр. 299/.

В чувашском языке встречаем *śāṭḱən* и *śāṭḱan* 'жадный' от *śā-* 'глотать', ср. ног. *solḱan* 'блеклый', 'увядший', но туркм. *θolṭan* 'блеклый', 'бледный'; тат. диал. *kapkan*, но *kapkīn* 'капкан'.

Название процесса и название его носителя или пассивного признака иногда распределяются по разным тюркским языкам: чув. *kaskən* 'бродячий', 'непоседа', 'беглец', но кир. *kezgin* 'странствование', 'путешествие', хотя чув. *kaskən*, вероятно, кыпчакское заимствование, так как в чувашском ожидалось бы **kī-* ~ *kez-*; чув. *uṭḱən* 'плен', но др. тюрк. *tutḱan* 'пленник'.

Близкими по происхождению и значению к производным на *-kən/-kən* являются имена на *-xan*, *-kan*: *īḱan* 'худой', 'тощий' от *ī-*, тув. *ar-* 'худеть', *arḱan* 'худой', 'тощий'; *xīṭkan* 'тощий', 'худой', 'сухощавый' от *xī-* 'твердеть', 'застывать', 'измучиться', тув. *ka* 'и-' 'сохнуть', 'твердеть'; *śāṭkan* 'жадный' от *śā-* 'глотать'.

Аффикс *-kās, -kās/-kās, -kač*

С помощью этого аффикса образуются имена с орудным значением:

- āskās, āskāsč* 'черпалка' от *ās-* 'черпать';
- uškāsč* 'деревянный ключ' от *uṣ-* 'открывать';
- amkāsč* 'соска' от *am-* 'сосать';
- karḱāsč* 'распялка' от *kar-* 'распяливать';
- śarkāsč* 'било цепа' от *śar-* 'бить';
- xāškāsč* 'тиски', 'клещи' от *xās-* 'жать', 'сжимать';
- xīḱāsč* 'терка', 'скребок' от *xī-* 'скрести' и т.д.

Этот аффикс, по мнению многих исследователей, является вариантом аффикса *-γač/-γeč// -kač/-keč* с тем же значением.

59 Об этимологии аффикса *-γin/-gin, -kən/-kən* см.: /221, стр. 130/.

Словообразовательная модель: глагольная основа + аффикс *-γVč/-gVč* является общетюркской, она имела и в древнечувашском языке. Позднее из кыпчакских языков в чувашский могли попасть заимствования с аффиксом *-kāsč/-kačč*.

Об этом свидетельствуют:

- 1) звуковой состав аффикса: чередование вариантов *-kās/-kāsč*;
- 2) некоторые татарские лексические соответствия: чув. *pāḱāsč, pā-* *ḱās* 'палка, которой закручивают веревку' ~ тат. *bōḱḱāsč* 'закрутка'; чув. *sarkāsč* 'помазок для смазывания сковороды при печении блинов' ~ тат. *sōḱḱāsč*; чув. *uṭḱāsč, uṭḱās* 'скоба' ~ тат. *uṭḱāsč* то же; чув. *xāškāsč* 'тиски', 'клещи' ~ тат. *kāškāsč* то же; чув. *xīḱāsč* 'терка', 'скребок' ~ тат. *kāḱḱāsč* то же и т.д.

Древнечувашский аффикс *γač, -γič (-ač)* сохранился, по-видимому, в следующих словах: *uraśš* 'уток ткани' < **arγač*, тур. *argač*, азерб. *argaj*; ср. МК: *arkaγ* 'уток, поперечные нити ткани', *aṣš* 'основа ткани', баш. *arkaw* 'уток', кир., уйг. *arkak*; *śāśš* < **jūlgūč* < **jūlč* 'нож', ср. азерб. *jūlgūj* 'бритва'⁶⁰.

Аффикс *-kač, -kič*, вероятно, сложный: *-ka, -ki + -č* (ср.: /169, стр. 42; 108, стр. 192; 179, стр. 108/).

В тюркских языках встречаются производные с аффиксом *-ka, -ki*, имеющие значение орудия действия:

- чув. *uṭḱā* 'скобка', тат. *tōtkā* и *tōtkāsč* 'ручка', 'скоба';
- шор. *keḱgi* 'пялы', г.э.с.т. *kiḱgā* 'пальцы' и чув. *karḱāsč* 'распялка';
- ИБМ: *ačḱu*, чув. *uškāsč* 'ключ' и др.тюрк. *ačkič* 'ключ', чув. *uškāsč* 'деревянный ключ деревянного замка';

МК: *jūligū* 'бритва' и полов. /187/: *jūlūgūč*;

ккал. *kīski* 'тиски' и чув. *xāškāsč* то же;

МК: *bīčḱu* и *bīčḱuč* 'нож';

туркм. *θūpūḱgi* 'метелка' и ног. *sīpīḱič*.

Аффикс *-č* входит и в состав сложного аффикса *-mač* < *-ma-č*. Он же, вероятно, представлен в чувашском *unaš* 'комоч скатанного теста' от *uṣ-* 'обваливать тесто' (*ś* < *č*).

Особняком стоит чувашское слово *māḱḱāsč* (*ā*), *māḱḱās* 'ошейник', 'намордник' (от *māḱ* 'шея'), где аффикс *-kāsč* выступает при именной основе.

Аффикс *-m, -əm/-əm*

Аффикс *-m, -əm/-əm* является общетюркским (см.: /115, стр. 204 и сл.; 35, стр. 32, 37; 221, стр. 133/). С его помощью образуются отглагольные имена.

В чувашском языке в производных на *-m* представлены те же значения, что и в других тюркских языках:

⁶⁰ Возможно, также: чув. *uškāsč* 'ключ' < **uškāsč* < **ačḱuč*, ср. *ačḱuč* 'ключ' /138, стр. 91/, кум. *ačḱič*.

значение названия процесса: *juxəm* 'течение', 'движение' от *ju-* 'течь' (возможно, здесь *-m*^{II} < *-n*); *təvəm* 'производство' от *tu-* 'делать';

значение результата: *pəgəm* 'складка', 'борь' от *pəg-* 'суживать', 'стягивать'; *viləm* 'смерть', 'кончина' от *vil-* 'умирать'; *turəm* 'кроха' от *tura-* 'крошить'; *xivəm* 'вклад' от *xiv-* 'вкладывать';

значение признака: *pəgəm* 'спиральный', 'винтовой' от *pəg-* 'вертеть', 'поворачивать'; *ujrəm* 'отдельный' от *ujr-* 'делить', 'отделять', ср. тат. *ajrəm*;

значение порции и меры: *uslam* 'количество масла, спехтанно за один раз' от *usla-* 'пахтать маслом'; *čəptəm* 'щепоть' от *čəpət-* 'щипать', баш. *səmtəm* 'щепотка'; *tiram* 'низка' от *tir-* 'нанизывать'; *səklem* 'охапка' от *səkle-* 'поднимать', 'носить'; *sum* 'счет ниток в пряже' < **su-m*, ср. тат. диал. *bər sawəm jər* 'четыре нитки в мотушке'; *təvəm* 'количество на одну ступку' от *təv-* 'толочь'.

Аффикс *-m*^{II}

Этот аффикс выступает в отглагольных именах, не всегда морфологически разложимых на материале современного чувашского языка. Например: *təgəm* 'дым', *šuləm* 'пламя' и т.д.

В других тюркских языках аффиксу *-m* соответствует *-n*:

чув. *təgəm* 'дым' ~ тур. *ütün*, тат. *tögn* то же от *üt-* 'дымить', ср. тур. *ün*, но тат. *tögn*;

чув. *sum* 'почет' ~ тур. *san* 'честь', 'почет', тат. *san* < **sa-* 'считать', 'почитать';

чув. *šurəm* в *šurəm ruś* 'заря' < **šarki-* ~ кир. *šarkin* 'свет' < *šarki-* 'блистать', 'сверкать', алт. *šarkin*, ср. др. тюрк. *janun* 'заря' от *jan-* 'светиться', 'сиять';

чув. *pəgəm* 'целый', 'весь' ~ тур. *bütün*, тат. *bögn* то же от *büt-*,

чув. *pəg-* 'кончиться', 'закончиться';

чув. *šuləm* 'пламя' < **šal-* ~ тур. *jalın*, тат. *jalkän* то же, ср. др. тюрк. *jal-* 'гореть', 'воспламениться';

чув. *juxəm*⁶¹ 'течение' от *ju-* 'течь' ~ азерб. *axın*, др. тюрк. *akın* 'поток', 'струя' от *ak-* 'течь'⁶².

Аффикс *-n* образует в тюркских языках имена со значением результата действия⁶³.

⁶¹ Чувашское *juxəm* может восходить и к *akın*: ср. *juxəm šiv* и *juxəm šiv*.

⁶² К производным этого же типа, возможно, относится и *šišəm* 'молния' от *šiš-* 'сверкать', ср. тат. баш. *jäšän*, ног. *jašin* 'молния' и т.д.

⁶³ Подробнее см. у Э.В. Севортяна /115, стр. 332 и сл./, там же указана литература.

В древнечувашском языке общетюркскому *-n* также соответствовал *-m* (венг. *szám* 'число' из древнечув.).

Обычно исследователи считают, что чувашский *-m* восходит к *-n*. Однако это положение оспаривает Г. Дёрфер, по мнению которого чувашский *-m* является первичным /184, стр. 61-62/64.

Но условия для чув. *-m*^{II} ~ тюрк. *-n* и чув. *m*^I ~ тюрк. *n* остаются пока неясными. Необходимо заметить, что в чувашских говорах наблюдается *m* ~ *n* в ауслауте многих слов, в том числе тюркских заимствований. Однако на перечисленные выше слова с аффиксом *-m*^{II} это явление, кажется, не распространяется.

Аффикс *-ma/-me*

Этот аффикс отглагольных имен, возможно, генетически близок к аффиксу *-m*^I. Г. Рамстедт /108, стр. 101/ полагает, что *-ma* < *m + -a* (адъективообразующий аффикс). В древнетюркском языке отмечены субстантивы на *-ma* со значением предмета и результата действия: *tügme* 'застежка', *jama* 'крупа', *büme* 'сборка', 'складка' и адъективы с пасивным значением: *batma jil* 'прошлый год', *köşüme* 'переносный', 'передвижной', *örme saç* 'заплетенные волосы' и т.д.

В чувашском языке известен "инфинитив" на *-ma*, который некоторые исследователи рассматривают как усеченную форму отглагольного имени на *-mak*.

Обычно отмечают субстантивацию отглагольного имени на *-ma* /74, стр. 214-215/.

Видимо, в истории чувашского языка имели место два процесса. С одной стороны, у отглагольных имен на *-ma* преобладало значение названия действия как такового. На базе этих имен и сложился современный "инфинитив". Некоторые из абстрактных имен действия впоследствии лексикализовались. С другой стороны, были заимствованы из других языков производные на *-ma* с конкретным лексическим значением. Эта словообразовательная модель не оказалась "чуждой" для языка и даже могла стимулировать лексикализацию некоторых отглагольных имен на *-ma*. Разграничить эти два типа довольно трудно. Одним из критериев могли бы быть фонетические особенности. Например, чув. *šakta* 'огниво' < тат. *šakta*, так как *š* и *a* свидетельствуют о заимствованном характере слова.

Совпадение и конкретность лексического значения позволяют предполагать общее происхождение и таких производных на *-ma*, как:

чув. *pülme* 'закром', 'сусек'; 'переборка', диал. 'комната' ~ тат. *bülme* 'комната'; 'закром'; 'перегородка';

чув. *puşma* 'лестница', 'крыльцо', 'ступенька'; 'стремя' ~ тат. *buşma* 'ступень', 'мостки', 'трап';

чув. *puşma* 'хлопчатобумажная фабричная ткань' ~ тат. *buşma* 'ситец с узором';

чув. *pətme* 'складки', 'сборки' ~ тат. *bötme* 'складки', 'сборки';

чув. *ũme* 'пуговица' ~ тат. *tõjmã*;

чув. *xũme* 'забор' ~ тат. *kõjma*, диал. *kujma*;

чув. *tãkme*, *çikme* 'тын', 'чостокол' ~ тат. диал. *tãktã* 'штaketни

чув. *ãsma* 'черпак' ~ тат. диал. *sõsma*.

Примеры лексикализованных инфинитивов на *-ma*: *vĩrma* 'ночная пастьба лошадей', 'ночное' от *vĩr-* 'лежать', 'ночевать'; *sĩteme* 'дневная пастьба скота' от *sĩter-* 'кормить'; *vĩrma* 'жниво', от *vĩr-* 'жать'; *ãsme* 'питье', 'напиток' от *ãs-* 'пить'; *lama* 'посиделки', 'проживание в гостях' от *lar-* 'сидеть'.

Аффикс *-ma/-me* генетически близок к аффиксу *-mak/-mek* < *-ma/-me* + *-k*; ср.: *pũlme* и *pũlmek* 'закром', *pãtme* и *pãtmek* 'сборки (у платья)', тат. *çaktã*, но туркм. *çaktak* 'огниво'.

Аффикс *-mak, -max/-mek*

При помощи этого аффикса от глагольных основ образованы имена (субстантивы и адъективы) со значением орудия, результата действия, действующего лица и признака:

urtmak, urtmãx 'притужина';

urtmax 'переметная кожаная сума' от *urt-* 'перекинуть (груз)';

çikmek 'столб', 'лестница';

sulmak 'размах' от *sul-* 'махать';

sukmak 'трома', ср. тат. *sukmak*, кир. *sokmo jol*;

kasmak 'шатун', 'непоседа' от *kas-* 'расхаживать', 'шататься без дела';

çamãk 'вытарашенный' от *çar-* 'широко раскрывать', 'тарашить глаза';

tãsmãk 'долговязый', *çãsmãk* 'продолговатый' от *tãs-*, *çãs-* 'удлинять', 'вытягивать';

usmak 'отвислый', 'наклонный' от *us-* 'свешивать', 'опускать';

tajmak 'наклонный' от *taj-* 'наклоняться';

šãtmãk 'ненасытный', 'прожорливый' от *šãt-* 'глотать';

šĩsmãk 'пухленький', 'круглый', 'толстый человек' (возможно, в слове *šĩsmãk* аффикс *-mak* сохранил уподобительное значение; ср. тур. *šĩsmãk* 'толстяк', где аффикс *-mak* тоже имеет уподобительное значение).

Производными с тем же аффиксом *-mak*, усложненным формантом *-a*, т.е. *-amak*, являются: *saramãk* (*kurãkã*) – название травы /15/; *saramãk* 'желтуха' от *sarã* 'желтый'⁶⁵; *xurãmãk* 'бронзовая болезнь' от *xura* 'черный' и *ũtamãk* 'падучая болезнь' от *ũt-* 'держат', 'хватать'.

В.Г. Егоров вслед за Н.И. Золотницким усматривает в *ũtamãk*: *ũtan* 'схватывающий' + *amak* 'болезнь' /44, стр. 268-269/⁶⁶, ср. чув. диал.

⁶⁵ Ср. *sarã çir*, *sar çir* 'желтуха'.

⁶⁶ В Этимологическом словаре чувашского языка /44, стр. 25/ приводятся также: *açãmãk* 'послеродовая горячка'; *saramãk* 'желтуха', *xãntãtamãk* 'сильная резь в животе'. Сюда же относится *sijãmãk*, *sãjamãk*, *sijãmãk* /15, XI, стр. 104, 125, 234/ 'лихорадка' от *siv* 'холодный' + *amak*, ср. *siv çir* 'лихорадка', *siv ùtti* 'то же'.

ũtamãk, ккал. *tutanak* 'припадок', хак. *tudan* 'малярия', 'лихорадка', тур. *štar* 'эпилепсия', 'падучая', тат. *tõtma* 'приступ', уйг. *tutak* 'падучая болезнь', 'эпилепсия'.

Таким образом, этимология Н.И. Золотницкого – В.Г. Егорова кажется вполне правдоподобной. Однако с чув. *xurãmãk* 'бронзовая болезнь' можно сравнить кир. *karamĩk* – название кожной болезни, ног. *karamĩk* 'оспа', туркм. *kar amĩk* 'ветряная оспа'.

Генетически близок к аффиксу *-mak* аффикс *-mĩk/-mik -muk/-mũk* (см.: /115, стр. 308 и сл./). Он представлен в чув. диал. *kãšãmãk* 'корь', 'короستا', заимствованном из какого-то другого тюркского языка, так как в чувашском языке тюркскому *kĩz-ĩl* < **kĩz* 'красный' соответствует *zãr > xãrlã*, ср. др. тюрк. *kĩzãmuk* 'корь' (еще *kĩzãmuk*), кир. *kĩzãmĩk* 'краснуха', баш. диал. *kãšãmãk* 'краснуха', гаг. *kĩzãmĩk* 'корь' и т.д.

Тот же аффикс выступает в чув. *šurãmãk* 'болотистая земля', ср. тат. диал. *sazãmãk*, *sazãmãk* 'болото', 'болотистое место', баш. диал. *kãšãmãk*.

Значение неполноты признака наблюдается в баш. *tãrãmãk* 'живой', 'подвижный' от *tãrã* 'живой', *jãlãmãk* 'ласковый' от *jãlã* 'теплый', тур. *bozãmĩk* 'сероватый' от *boz* 'серый', тат. диал. *karamãmãk* 'пасмурный' от *kara* 'черный'.

Аффикс *-mãš/-mãš*

Производные с аффиксом *-mãš/-mãš* имеют в чувашском языке значение действующего лица или носителя признака и результата действия⁶⁷:

astãmãš 'соблазнитель' от *astar-* 'соблазнять', 'развращать';

jãrãntãmãš 'надоеда' от *jãrãnter-* 'надоедать', 'докучать';

jãpatãmãš 'утешитель', 'забавник' от *jãpat-* 'утешать';

pãrtãmãš 'губитель' от *pãrtar-* 'погубить', 'доканать';

lãrãmãš 'болтун' от *lãrã-* 'ворчать', 'болтать вздор';

pãtmãmãš 'окончание', 'конец' /15/ от *pãt-* 'кончатся';

tũltãmãš 'чувашская колбаса' от *tũltar-* 'наполнять', 'начинать';

pãtratãmãš 'месиво (для скота)' от *pãtrat-* 'мешать';

palãmãš 'обнаружение', 'проявление' от *palãr-* 'показываться'.

Большинство из этих производных, видимо, новообразования, так как:

1) глагольные основы *jãpat-*, *jũtet-*, *jãlãntar-*, *astar-* из-за аналитичности и а приходятся считать "кыпчакизмами" (в чувашском ожидалось бы *šã > o > u*);

2) глагольные основы осложнены залоговыми показателями и показателями каузатива: *astar-* от *as-*, *ilãrt-* от *ilãr-*, *jãlãntar-* от *jãlãntar-* и т.д.

⁶⁷ В огузских языках: турецком, азербайджанском и гагаузском (видимо, и старотуркменском) известна причастная форма на *-mĩš/-miš*.

О бытовании причастия на *-mĩš* в старотуркменском языке говорит наличие модального слова *mĩš* < **emiš* и субстантивированных причастий на *-mĩš*: *durmuš* 'жизнь'; *geçmĩš* 'прошлой'; *okumĩš* 'ученый', 'сведущий'; *gelmišek* 'пришелец' < *gelmiš* + *-ek*.

В чувашском языке есть и явные заимствования с аффиксом *-mĩš* 'плохонький жеребенок' из тат. *k̄r̄km̄š* 'стригун'.

Пока не совсем ясен источник происхождения таких чувашских слов как *kuṁm̄š* 'судьба' (тат. диал. *kũṁm̄š*), *kuṁm̄š* в *juṁm̄š-kuṁm̄š* 'запир', *šim̄š* 'судьба' (тат. *jazm̄š*)⁶⁸.

Производные на *-m̄š/-m̄š* отмечены в говорах башкирского языка:

асинский говор	айский говор
<i>ult̄im̄š</i> 'колбаса из сала'	<i>k̄r̄km̄š</i> 'скупой'
<i>ũšam̄š</i> 'перина'	<i>ũgam̄š</i> 'привычки'
<i>im̄š-mil̄š</i> 'слухи'	<i>əšam̄š</i> 'услышания'
<i>jāšam̄š</i> 'тот, кто долго живет'	

Чувашское *šim̄š* 'еда', 'плод', судя по венгерскому *gyűmölcs* 'фрукт', 'плод', восходит к **jemilč* (т.е. общетюркскому *-m̄š* соответствует древнечувашское *-milč*).

Если верно, что чувашское *šim̄š* 'семьдесят' (*um̄š*), видимо, образовано по аналогии) является производным типа древнего причастия *-m̄š*, то придется признать все чувашские слова на *-m̄š/-m̄š* новозаимствованиями (см.: /221, стр. 137/).

В. Банг /170, стр. 914/ рассматривал аффикс *-m̄š/-m̄š* как составной: *-m* (глагольное имя) + *-š*. Г. Рамstedт /108, стр. 101-102/ полагал, что *-m̄š* < *-m* (аффикс отглагольного имени) + *iš* (*i: š*) 'дело', 'работа' ~ корейское *il* 'предмет', 'работа', монгольское *ūjle* (см. также /64, стр. 297/).

Аффикс *-u/-ũ, -v*

Этот аффикс, с помощью которого образуются отглагольные имена, отмечают все исследователи чувашского языка /10, стр. 110; 74, стр. 95, стр. 61-62 и т.д./:

<i>vəšev</i> 'полет'	от <i>vəš-</i>	'летать';
<i>juratu</i> 'любовь'	от <i>jurit-</i>	'любить';
<i>kilũ</i> 'приход'	от <i>kil-</i>	'приходить' и т.д.

Н.И. Ашмарин /10, стр. 110/ указывал, что производные на *-u*, более употребительны в наречии анатри (= низовом диалекте) чувашского языка.

Это не случайно, так как аффикс *-u* (и его варианты) проник в чувашский язык из какого-то кыпчакского языка, возможно, татарского.

Отглагольное имя на *-u* представлено в большинстве тюркских языков. Например: ног. *satuw* 'продажа', кал., каз. *satũw*, кум. *saũw*, *sadu*, кир. *satw*; кбал. *saũw*.

⁶⁸ Ср. еще: *šš sonm̄š* 'горе' /15, XII, стр. 241/, *poš šim̄š* 'губитель' /15, XII, стр. 161/.

⁶⁹ См. также: /87; 135; 187, стр. 77, 156/.

Аффикс *-u* восходит к более раннему *-(i)ṭ*, (ср. др. тюрк. *satũṭ* 'торговля', 'купля-продажа'), который в чувашском языке дал *-š* (*sušũ*).

Таким образом, отглагольное имя на *-ṭ* представлено в чувашском языке дважды: в виде имени на *-š/-ə* (см. выше, стр. 153), являющегося непосредственным продолжением, и имени на *-u/-ũ, -v*.

Производные на *-u/-ũ, -v* возможны как от древнечувашских, так и от кыпчакских (по признакам *j, č, a* и т.д.) глагольных основ:

- а) *šitũ* 'письмо' от *šit-* 'писать' ~ тюрк. *jaz-*;
iðvu 'делание' от *tu-* 'делать' ~ тюрк. *toṭ-*;
kilũ 'приход' от *kil-* 'приходить' ~ тюрк. *kel-* и т.д.;

- б) *jušav* 'поправка', 'починка' от *juša-* 'чинить' ~ тюрк. *jas-*;
junav 'угроза' от *juna-* 'грозить' ~ тюрк. *jana-*;
tašatu 'очищение' от *tašat-* 'очищать' ~ тюрк. *tax* 'чистый' (из перс.).

Аффикс *-š*

Этот аффикс соответствует общетюркскому *-č*, выступающему в именах, образованных от медиальных глагольных основ на *-n*, типа:

- туркм. *begenč* 'радость',
 баш. *kurkãnãš* 'опасность', 'страх' (*-s* < *-č*),
 узб. *išãnč* 'вера', кир. *jubanĩč* 'утеха'.

Г. Рамstedт /108, стр. 118/ обличал общетюрк. *-č* ~ чув. *-š* с *-š*, который считал вариантом древнего *-č*, выступающим после гласных как *-š*, после согласных как *-əš* и после *n* как *-č*. В. Банг /171, стр. 17/ полагал, что *-š* > *-č* после *n*.

В чувашском языке *-š* чередуется с *-š* и потому возможна контаминация аффиксов и появление *-š* после основ без *n*. Например: чув. *anãš/anãš* 'запад' ~ тат. диал. *inãš* 'запад'; *šavrãnãš/šavrãnãš* 'оборот (в ре-...)' ; *pãraçãš* 'брак', 'хлам', 'отброс' от *pãraç-* 'бросить' (глагольная основа без *n*).

Общетюркская модель на *-n-č* представлена, например, в словах:

- savrãnãš* 'радость', 'торжество' от *savrãn-* 'радоваться';
ũkãnãš 'раскаяние', 'досада' от *ũkãn-* 'каяться';
šanãš 'надежда', 'доверие' от *šan-* 'верить', 'надеяться';
manãš 'забвение' от *man-* 'забывать' и т.д.

Производные на *-š* образованы в чувашском и от глаголов с иной семантикой:

<i>sulãnãš</i> 'уклон'	от <i>sulãn-</i>	'наклоняться';
<i>šãlãnãš</i> 'спасение'	от <i>šãlãn-</i>	'спасаться';
<i>purãš</i> 'жизнь'	от <i>purãn-</i>	'жить'.

Аффикс -š

Аффикс отглагольных имен -š представлен в чувашском в небольшом числе слов — субстантивов и адъективов.

Например:

sivlāš 'дыхание', 'воздух' от *sivla-* 'дышать';
tipāš 'прибыль', 'доход' от *tip-* 'находить';
pālterāš 'значение', 'смысл' от *pālter-* 'давать знать';
kulāš 'смех' от *kul-* 'смеяться';
pālāš 'знакомый' от *pāl-* 'знать';
savāš 'любовный' от *sav-* 'любить' и некоторые другие.

Возможно, что этот -š идентичен с аффиксом -č после основ на -v в чувашском -č > -š.

В чувашском языке общетюркскому аффиксу кооператива -š соответствует. Вероятно, š ~ ž представлен в слове *vārsāš* 'война' ~ тюрк. *uṣš*.

Поэтому можно полагать, что в древнечувашском языке -š и -č совпали в -š, а имена на -š представляют собой более поздние тюркские заимствования; ср., например:

чув. *pālāš* 'знакомый' ~ тат. диал. *bälāš*, др. тюрк. (МК) *biliš*;
 чув. *tipāš* 'прибыль', 'доход' ~ тат. *tabāš*;
 чув. *kulāš* 'смех' ~ тат. *kōlāš*;
 чув. *sivlāš* 'дыхание', 'воздух' ~ тат. *sulāš*.

Аффикс -čäk/-čäk

С помощью аффикса -čäk/-čäk в чувашском языке от глаголов образуются имена со значением склонности к чему-либо (1), результата действия (адъективы и субстантивы) (2) и редко субъекта действия (3):

- (1) *vāčančäk* 'стыдливый' от *vāčan-* 'стыдиться';
āženčäk 'быстро утомляющийся' от *āžen-* 'утомляться';
junčarčäk 'капризник', 'упрямец' от *junčar-* 'капризничать';
- (2) *šičlančäk* 'спутанный' от *šičlan-* 'запутываться';
vančäk 'осколок', 'обломок' от *van-* 'ломаться';
külänčäk 'лужа' от *külen-* 'застаиваться (о воде)';
- (3) *jaränčäk* 'качели' от *jarän-* 'качаться'.

Аффикс -čäk встречается и в отыменных образованиях: *šarätčäk* 'харь' от *šarät* 'наговор', 'волшебство' (ср. тат. *šarätčä* ~ чув. *šarätčäk*).

Аффикс -čäk/-čäk отмечен и в татарском языке /129, стр. 167/, где с его помощью образованы адъективы, например: *bäjlänčäk* 'придирчивый', *bütälčäk* 'запутанный', *maktančäk* 'хвостун', и отдельные субстантивы: *bötkänčäk* 'покрывало', 'фата'.

Татарские производные с аффиксом -čäk в адъективном значении близки по семантике к производным на -čan (точнее -u čan): *sajlančäk* 'привередливый', 'разборчивый' = *sajlanučan*; *bäjlänčäk* 'привязчивый' = *bäjlänüčän*; *maktančäk* 'хвостун' = *maktanučan* и т. д.

Аффикс -čäk/-čäk с узким гласным известен в хакасском и шорском языках. Для последнего Н.П. Дыренкова /41/ отмечает, что поговоркам свойственны -čik/-čik // -čak/-čäk.

Хотя в грамматических очерках по кумыкскому языку аффикс -čik иногда не упоминается (например, /38 и 164, II, стр. 200/ — только *maktančik*), в кумыкско-русском словаре приводятся производные с этим аффиксом:

aılančik 'юла', 'волчок', 'поворот (дороги)';
jašinčik, *jumučik* 'игра в прятки';
üjrenčik 'привычный';
maktančik 'хвастливый';
bulğančik 'мутный'.

Аффикс -čik/čik, вероятно, составной: -č генетически близок к -č в отглагольных именах с абстрактным значением, а -k — аффикс отглагольных имен, часто с адъективным значением. Генетически этот аффикс входит в одну группу с аффиксами -čaq/-čeq // -čak/-ček (-čaq/-čeq // -čak/ček) (см., например: /115, стр. 186-191/). В чувашском языке č сохранился (не дал š) после основ на -n.

В некоторых случаях чувашский аффикс -čäk/-čäk представляет собой вариант аффикса -kčč/-kčč // -kčš/-kčš: *xirčäk* и *xirčäk* 'скребнища', *xirčäk* и *xirčäk* 'шинцы', *larčäk*, *larčäk* и *larčäk* 'козлы', 'облучок', при этом аффикс -čäk/-čäk выступает после непроезжих глагольных основ без ауслаутного -n⁷⁰.

Г Л А Г О Л

В этом разделе аффиксы сгруппированы с учетом их генетических (этимологических) связей. Разграничить аффиксы, образующие глаголы от именных и от глагольных основ, не всегда удается, так как некоторые из них оказываются "универсальными". Однако в соответствующих разделах сделана попытка расчленить аффиксы-омонимы. Анализируются и такие производные глаголы, которые, по сути дела, являются объектом этимологического словаря, так как, будучи заимствованиями, не входят в систему чувашского словообразования.

Аффиксы -la/-le, -lan/-len, -lat/-let, -laš/-leš

Все эти аффиксы генетически связаны. Аффикс -la/-le является общетюркским продуктивным аффиксом образования глаголов от имен⁷¹.

⁷⁰ Ср. также: *šančäk* 'доверие', 'надежда' от *šan-* 'верить', 'надеяться' и *sučäk* 'плевок', 'слюна'.

⁷¹ См.: /114, стр. 35 и сл.; 221, стр. 147-148/ (там же основные гипотезы о происхождении этого аффикса), а также /124/.

Анализ производных с аффиксом *-la/-le* дан В.Г. Егоровым /74, стр. 159/ и И.П. Павловым /95, стр. 196-198/; там же приводятся иллюстративные примеры. Аффиксы *-lan/-len*, *-lat/-let* и *-laš/-leš* исторически восходят к *-la/-le*: *-lan* < *-la* + *-n*, *-lat* < *-la* + *-t*, *-laš* < *-la* + *-š*, где *-n*, *-t* и *-š* идентичны с соответствующими показателями залоговых форм.

В современных тюркских языках аффиксы *-lan*, *-lat*, *-laš* воспринимаются как неразложимые в тех случаях, когда основы с ними не имеют соотносительных основ на *-la/-le*.

Например:

avlan- 'жениться' от **av* 'дом', ср. тур. *ev*, туркм. *öj*, хак. *ib* и т.д., но в чувашском языке нет глагола **avla-*;

pâlan- 'леденеть', 'покрываться льдом' от *pâr* 'лед', но отсутствует глагол **pâla-*;

tavlaš- 'спорить' от *tav* 'спор', но нет глагола **tavla-*;

tullat- 'покрывать материей (например, шубу)' от *tul* 'верх одежды', но нет глагола **tulla-*.

Иными словами, аффиксы *-lan*, *-lat* и *-laš* могут давать производные от именных основ: *intereslen-* 'интересоваться', *xâšpâšalâšlat-* 'разоружить' и т.д.

В ряде случаев формы на *-lat* вытесняют формы на *-la* с переходным значением: *ilemlet-* 'украшать' и *ilemle-*; при сосуществовании форм на *-la* и *-lat* одна из них семантически "специализируется": *anlat-* 'растирать', *anla-* 'растягивать в ширину (домашнее сукно, чтобы сделать его шире)'

Таким образом, происходит замещение одной глагольной основы другой и они уже не осознаются как исходная и производная.

Аффикс *-an*, *-n*

С помощью этого аффикса образованы глаголы от небольшого числа имен.

По происхождению, как указывал Э.В. Севортян /114, стр. 317/, этот аффикс тождествен с аффиксом возвратного залога.

Не все из отыменных глаголов на *-n*, перечисляемых в руководствах по чувашскому языку (например: /74, стр. 159; 95, стр. 205-206/), могут быть безоговорочно причислены к производным с этим аффиксом. В ряде случаев мы имеем, вероятно, омонимичные показатели.

К глаголам с отыменным аффиксом *-an*, *-n* можно причислить, например:

tuḷan- 'пробовать на вкус' от *tuḷ*, *tuḷ* 'вкус', ср.: др. тюрк. (МК) *tatḷan-* 'приходиться по вкусу', 'нравиться', азерб. *dadan-* 'повадиться', 'пристраститься' и т.д.;

purân- 'жить', 'проживать' от *pur* 'наличие', 'существование';

pušân- 'начинать', 'приниматься' от *puš* 'начало';

ašân- 'вспоминать', 'упомянуть' от *as* 'память';

vâšan- 'стыдиться' < **vâl* 'стыд' (ср. /114, стр. 312/: *ut*, *ud* 'стыд');

Глаголы *pušan-* 'освобождаться', *âšân-* 'греться', *sivân-* 'охлажда-

ться' представляют собой производные от глаголов **pušâ-*, **sivâ-*, **âšân-*, не сохранившихся в современном чувашском языке, но известных в других тюркских языках: др. тюрк. *soḡt-* 'остывать'; др. тюрк. *boša-* и *bošan-* 'освобождаться', *bošat-* 'освобождать' (чув. *pušât-*); *isi-* и *isin-* 'согреваться', *isit-* 'согреть' (чув. *âšât-*).

Таким образом, аффикс *-n* выступает здесь уже как показатель переходности, соотносимый с показателем переходности *-t*.

Однако глагол *âšân-* 'греться' иногда рассматривается и как отыменный /221, стр. 148/: от *âšâ* 'теплый'; сюда же относится глагол *jarâ-n-* 'мокнуть' (но: *jarâ-t-* 'мочить') от *jarâ* 'влажный', 'мокрый'; ср.: тат. диал. *jabân-* 'промокнуть' и *jabât-* 'промочить', *jarpsâk* 'влажный', 'болотистый'.

Аффикс *-š*

Этот аффикс представлен в небольшом числе производных глаголов — отыменных и отглагольных. Функционально и генетически соответствует общетюркскому аффиксу *-š* с медиальным значением⁷².

Историческое соотношение этого аффикса и показателя взаимно-совместного действия *-š* (в чувашском *š* ~ *ś*) пока остается неясным, /114, стр. 135-138/, хотя анализ чувашских примеров позволяет предположить, что в некоторых производных глагольных основах первоначальное значение аффикса *-š* (взаимность или совместность действия) стерлось в связи с утратой в языке исходной глагольной основы: производная глагольная основа заменила исходную. Например:

чув. *vîtaš-* 'помещаться', 'устанавливаться' < **vîta-* от *vîṭn* 'место' + *-a*, ср.: туркм., ккал. *ota-* 'размещаться', 'вселяться', туркм. *otaš-* с тем же значением, тат. *utaš-* и т.д.;

чув. *šânâš-* 'помещаться', 'размещаться' < **šân-âš-*, ср.: др. тюрк. *šân*, туркм. *šân* 'вмещаться', 'помещаться', тат. *šânâš-*, тур. *šânâš-* и т.д.

Первоначальное значение аффикса *-š* (многократность, интенсивность, совместность) еще ощущается в чувашском глаголе *valeš-* 'раздавать', 'распределять' < **vale-š-*, др. тюрк., туркм. *üle-* 'делить', 'раздавать', 'распределять', и тат. *olâš-* 'раздавать', 'распределять'.

К этому же типу относятся: *jüneš-* 'оправдать себя', 'окупать себя в цене' < **jüne* + *-š* < **jün-e-* от *jün*, *jünâ* 'дешевый', тат., баш. *jün* 'дешевый', чув. *jünel-* 'дешеветь', *jünet-* 'снижать цену' (чув. *jün*, вероятно, из татарского, так как в анлаге *j*, а не *š*); *kârâš-* /*kârâš-* 'наиматься' от *kâr* 'входить', 'вступать'.

Аффикс *-šân/-šân*

Н.И. Ашмарин /10, стр. 262/ сближает этот аффикс с татарским

⁷² Аффикс *-š* с медиальным значением является компонентом и аффикса *-laš/-leš* /114, стр. 133/.

-sân/-sân и иллюстрирует его двумя чувашскими примерами: *jutsân-* 'чуждаться' от *jut* 'чужой' и *šikšân-* 'сомневаться' от *šik* 'сомнение'.

В "Материалах" /74, стр. 164/ отождествляются два омонимичных аффикса: -šân ~ тат. -sân и -šân < -šân (в глаголах типа *xutšân-* 'присоединяться').

Такое же смешение двух аффиксов различного происхождения произошло и у И.П. Павлова /95, стр. 206/.

Аффикс -šân (точнее, оба омонимичных аффикса), по мнению исследователей, является непродуктивным.

Аффикс -šân^{II} имеет значение 'считать за...': *jutšân-* 'считать чужим' > 'чуждаться'. Он тождествен с тюркским аффиксом -sîn/-sin, распространенным главным образом в тюркских языках северо-западной и северо-восточной групп:

тат.	<i>jatsân-</i>	'чуждаться';
баш.	<i>jathân-</i>	'чуждаться';
ног.	<i>jatsîn-</i>	'дичиться', 'чуждаться';
каз.	<i>ža tsîn-</i>	'чуждаться';
кир.	<i>adamsîn-</i>	'считать себя человеком';
узб.	<i>jâtsin-</i>	'чуждаться';
кум.	<i>jatsîn-</i>	'чуждаться';
хак.	<i>a: tsîn-</i>	'считать трудным';
алт.	<i>urziîn-</i>	'тяготиться';
тув.	<i>arziîn-</i>	'чувствовать тяжесть';

Аффикс -sîn/-sin составной: -sî, -si (с уподобительным значением -n (показатель рефлексива).

В чувашский язык производные с -šân попали из какого-то кыпчакского языка (в чувашском вместо *jut* ожидалось бы **šut*), переход *s* > *š* мог совершиться под влиянием модели -šân^{II} или так же, как в *šânšâr* 'ла' < *sinâr*, *šânšâr* 'помещаться' < **šipšâr*, т.е. перед *i*, /74.

Аффикс -šân^{II}/-šân^{II} отмечен в глаголах:

varšân- 'зарываться', 'смешиваться' /75
xutšân- 'присоединяться',

73 Возможно, сюда же относится глагол *vajšân-* 'искать удобного момента', ср.: *vajškla-*, *vâjškla-* то же.

74 В чувашских говорах встречаются единичные глаголы и с аффиксом -sân. Например, *jivâršân-* 'тяготиться' < *jivâr* 'тяжелый', 'трудный' (видимо, новообразование по модели тат. *awêrsân-* 'затрудняться', 'считать что-либо для себя трудным') и *jârsân-* 'одобрять' < *jâr* 'согласие', 'одобрение' (заимствование из какого-то кыпчакского диалекта, ср.: полов. *jôrsin-* 'принимать', 'одобрять', хак. диал. *šôrsân-* 'удовлетворяться', тат. *jûrğa-* 'поддакивать' и т.д.). Вариант последнего глагола, возможно, является *jûrsân-* /*jârsân-* 'обращать внимание'.

75 Быть может, и омонимичный ему *varšân-* 'развешиваться'.

jâršân- 'лнуть', 'приставать',

ulšân- 'меняться',

paršân- 'прижиматься', 'сжиматься',

šaršân- 'мокнуть под дождем',

târšân- 'мяться',

tipšân- 'ежиться',

ipšân- 'сохнуть',

raškân- < **raškšân-* 'нагибаться', 'наклониться', ср. чув. гов. *raškšân-* 'наклоняться' /15, X, стр. 192/.

Аффикс -šân^{II} восходит к -š + -n, где -š — показатель интенсивности действия, а -n — показатель медиума.

Так, глагол *ulšân-* 'меняться' является производной формой глагола *ulâš-* 'меняться', 'изменяться' ~ тат. *alâš-*; *šaršân-* 'мокнуть (под дождем)', 'гнить' < *šarâš-* 'гнить', 'тухнуть', 'портиться'; *jâršân-* 'лнуть', 'приставать' < **jârâš-*, ср. тат. *jabâš-* 'липнуть', 'прилипать'; *xutšân-* 'присоединяться' < **xutšâš-* 'смешиваться', 'перемешиваться'; *tipšân-* 'сохнуть', 'высыхать' < **tipâš-*, ср.: *tipšân-* 'сохнуть', 'высыхать', *ipšân-* 'высыхать', 'засыхать', тат. *kipšân-*, *kibâš-* 'подсыхать'; диал. *paršân-* 'прижиматься', 'свертываться' < **parâš-*, ср. тат. *bârâš-* 'сворачиваться', 'сморщиваться'; *raškân-* 'нагибаться', 'наклоняться' < **raškšân-* < **raškâš-*, ср. *rašk-* 'нагибать', 'наклонять'; *târšân-* 'мяться' < **târâš-*, ср. диал. *târâš-* 'тереть', 'растирать'; *varšân-* 'зарываться', 'смешиваться' < **varâš-*, ср. *var-* 'зарывать', 'смешивать'.

Аффикс -šân^{II} генетически связан с редким в чувашском языке аффиксом -šâr: *tipšâr-* 'сохнуть', *xitšâr-* 'высыхать' /15, XVI, стр. 118/.

Аффикс -a/-e

Этот аффикс в некоторых исследованиях по морфологии чувашского языка /74, 72/ даже не отмечен. Глаголы на -a приведены у Н.А. Андреева /5/ и И.П. Павлова /95, стр. 202-203/.

В тюркских языках аффикс -a/-e относится к непродуктивным /221, стр. 144; 114, стр. 203 и сл./.

Функционально он тождествен аффиксу -la/-le, который почти и вытеснил его из системы словообразовательных формантов.

Г.И. Рамстедт писал, что "приходится все же сомневаться в том, действительно ли можно, придерживаясь фонетических законов, рассматривать такой краткий гласный, как, например, здесь -a-, -â- ... как самостоятельный словообразующий элемент" /108, стр. 179/. И все-таки производные на -a < ?-ya встречаются во всех тюркских языках.

В чувашском языке глаголы с аффиксом -a/-e образованы от именных и подражательных основ:

а) *vaše-* 'завиться' от *vaš*, *vašâ* 'ярость', 'злоба', 'мсть', ср.: кир. *ojšâ-* 'задевать', 'дразнить', др. тюрк. *ošâ-* 'враждовать'; *šân-a-* 'наблюдать', 'примечать', 'производить опыт, проверку' < **šân*, ср.: тюркм. *šân* 'обзор', 'наблюдение', кир. *šân* 'испытание', 'экспертиза', каз., ккал. *šân* 'критика';

šula- 'лизать', по Э.В. Севортыну, < *šul ~ тюрк. *jal* 'жидкая пища', 'месиво для собак'; существует и параллельная форма глагола *jalra-*, т.е. *-ra/-a* или *-ra > -a*;

təše- 'указывать', 'ссылаться', 'обращать внимание', 'примечать' < *təs, ср.: тат. *təzā-*, баш. *təzā-* 'целиться' от *töz* 'прямой', 'меткий', чувашский глагол, возможно, заимствован из татарского языка, так как тат. *töz* 'прямой' ~ чув. *ütəz*;

xänc- 'бить', 'избивать' от *xäl* 'мученье', 'страдание', ср.: тат. *käjan-* 'бить', 'избить' от *käjäp* 'трудно', 'тяжело', др. тюрк. *käjin*, *kün* 'наказание', 'кара', 'мученье', 'пытка'; наверное, к этому же типу производных относится *avra-* 'завертывать', 'навивать' < *avär + -a, ср. *avärü-* 'навивать' < *avär.

б) *janära-* 76 'звенеть', 'звучать' от *janär*, ср. тат. *jaңгара-*; *jälätära-* 'блестеть', 'сверкать' от *jälätär* — подражание яркому блеску, ср. каз. *žiltüra-*;

čätre- 'дрожать', 'трепетать' от *čätär* < *titir, ср.: туркм. *titre-*, азерб. *ütürä-* и т.д.;

jaltära- 'сиять', 'сверкать', ср.: кир. *jalütära-*, тат. *jaltära-*; к той же модели, вероятно, относится *väre-* 'кишеть', 'сновать', 'горевать', 'тосковать' от *vär* — подражание движениям шумно кишаших насекомых; *läka-* 'мешать', 'взбивать', 'трясти' от *läk*, ср. *läk* — подражание однократному качанию из стороны в сторону.

Аффикс -ra/-re

И.П. Павлов /95, стр. 206/ причисляет к глаголам на *-ra/-re* следующие: *avra-* 'болтать без умолку', *čätre-* 'дрожать' и *janära-*, *janra-* 'звенеть'.

На стр. 202 той же работы два из этих глаголов отнесены им к производным на *-a* от подражательных основ: *čätre-* < *čätäre* и *janära-* < *janärä*. Такая трактовка представляется нам более правильной. В эту же группу следует, по-видимому, включить и глагол *avra-* < *avärä*.

Но в чувашском языке встречаются и "подлинные" глаголы на *-ra/-re*: *vären-* 'учиться' < *ög 'разум', 'мысль' + *-re* + *-n*, ср.: др. тюрк. *ögren-*, туркм. *öwren-*, тат. *öjrän-*, кир. *üjron-* 'учиться';

jerre- 'мокнуть', 'гноиться' < *jer-re, ср.: чув. *jerren-* 'мокнуть'; *jäpet-* 'мочить' от *järe* 'мокрый', 'влажный', кир. *ji-bi-* 'мокнуть', каз. *žapsa-* 'потеть';

kavraj- 'тлеть' из *kavraj-*, ср. тат. *köjrä-*, баш. диал. *köjörä-* 'тлеть', 'загораться' < тат., баш. *köj-* 'гореть' ~ др. тюрк. *köj-*, *küj-* 'гореть', кир. *küj-* 'гореть' и т.д.

В глаголе *köjra-* ощущается начинательное значение аффикса *-ra*, на которое указывал Г. Рамстедт /220, стр. 34/.

Быть может, аффикс *-re* содержится и в глаголах *täpren-* 'крошиться', 'размельчаться' и *täpret-* 'крошить', 'дробить' < *täpre- 'рассы-

паться' (ср. *täpreke* 'рассыпчатый' < *täpre + *-ke*) < *täpre, однако ответственность для *täpre пока остается неясными. Нельзя ли сблизить основу *täpre с глаголом *tög-*, *töu-* 'дробить', 'молотить'?

Аффикс -ka/-ke

Этот аффикс непродуктивен. Он присоединяется к глагольным основам и семантически близок к аффиксу *-k* — показателю интенсификации. В чувашском языке он часто выступает с подражательными основами.

Примеры производных глаголов на *-ka* с многократно-интенсивным значением (в большинстве случаев семантика аффикса уже стерлась):

tätkä- 'свертывать', 'завертывать', 'связывать', 'мять' от *tär-* 'собирать', 'комкать', 'мять', ср.: тат. *tör-*, туркм. *düj-* и т.д. (ср. *čätkä-* 'обвертывать', 'завертывать');

värkä- 'сновать взад и вперед', 'вертеться', 'кружиться', 'дуть':

1) 'дуть' от *vär-* 'дуть', тат. *ör-*, ноф. *ür-* и т.д.;

2) 'сновать взад и вперед' от *vär* — подражательное слово (о быстром разбегании в разные стороны);

3) диал. 'беспокоиться', 'тревожиться' от *vär* подражание (о тоске, грусти, печали);

ütürkä- 'колотить' от *ütür* подражание звуку от удара;

ünkkä- 'бить' от *ünk* подражание звонкому звуку, получающемуся от удара в доску;

sänkkä- 'плестись' от *sänk-* 'плестись', 'еле идти' (ср. *sänkälet-* от подражательной основы *sänkal*);

kaška- 'откалывать', 'колоть' от *kat-* 'колоть', 'откалывать', ср.: тат. *kit-*, туркм. *gätkä-* и т.д.;

äška- 77 'тереть', 'растирать' от *äš-*, ср.: кир. *jiš-* 'тереть', алт. *šiš-* 'тереть';

jäška- 'ныть', 'щемить', 'болеть' от *jäš-* 'мучиться', 'недомогать', 'болеть';

pätkä- 'укутывать', 'одевать с головой', ср.: кум. *bürkä-*, тат. *börkä-*, кир. *bürkä-* и т.д. < *pätkä ~ *bür* (ср.: др. тюрк. *bürün-* 'покрываться', 'закрываться', азерб. *bürün-* 'завертывать', 'закутывать') 78.

Первоначальное значение аффикса *-ka/-ke* особенно ощутимо в таких тюркских глаголах, как кум. и др. *čajka-* 'качать', 'покачивать'

77 Глагол *äška-*, возможно, из тат. *äškä-* с тем же значением: в чувашском ауслауге *ä* нередко изменяется в *a*.

78 Сюда же, вероятно, относятся чувашские глаголы *vaška-* 'торопиться', 'спешить' и диал. *kaška-* 'плесневеть (о пиве)' < мар. *kaškaš*, происхождение и этимологические связи которых для нас неясны. Глагол *vaška-* часто сопоставляют с тюрк. *ašuk-* 'спешить', 'торопиться', но фонетически они, кажется, не сводимы друг к другу. Одного происхождения с чувашским словом марийские *vaškaš* 'спешить', 'торопиться', *vaškä* 'скоро'. Быть может, к этому типу относится и *tätkä-* 'хрустеть', 'бурчаться' из *tätä* + *-ka* (ср. *ütü-* 'держаться').

76 См. также у И.И. Ашмарина /12, стр. 142-144/.

(чув. *ĕlĕ* < **ĕlĕ* < *ĕlĕ* < *ĕlĕ*) < *ĕaj* кум. 'полоскаться'; кир. и др. *tarĕ* 'разойтись', 'рассеяться' < **tar*, ср. кир. *taru* 'расходиться', 'разбредаться', где аффикс *-a*, возможно, омонимичен *-ka* либо *-ka* состоит из *-k* + *-a* 79.

Глаголов на *-ka*, образованных от подражательных основ, в чувашском языке довольно много. Например:

vĕrĕka 'копошиться', 'суетиться',
lĕrĕka 'ворчать', 'брюзжать',
paĕka 'попыхивать трубкой',
pĕška 'пыхтеть' и т.д.

Аффикс *-ka* может присоединяться и к именным основам: *kĕmĕska* 'покрываться плесенью' от *kĕmĕs* 'плесень на жидкостях'; *suĕrĕka* 'искалечиться', 'получить увечье, рану' < *suĕr-ka-n* от *suĕr* 'калека', 'нездоровый' 80.

Аффиксы *-kI* и *-kII*

Н.И. Ашмарин /10, стр. 263/ отмечал только аффикс образования глаголов от имен *-kII*. Тот же аффикс зарегистрирован и в "Материалах" /74, стр. 164/. Оба аффикса названы и проиллюстрированы многочисленными примерами в книге И.П. Павлова /95, стр. 204-205/. Но И.П. Павлов не выделил аффикс *-kI* в особую группу аффиксов, образующих вторичные глагольные основы.

Аффикс *-kI* присоединяется к глагольным основам и передает два значения — пассивное и медиальное с дополнительным оттенком интенсивности (см.: ДТС, стр. 660, там же примеры, а также: /221, стр. 164-165; 195, стр. 436 и сл./).

К старым глаголам, где *-k* имеет интенсифицирующее значение, можно отнести, например: туркм. и др. *ĕrk* 'пугаться', 'вздрагивать', *kork* 'бояться', 'труситься'; ног. и др. *silk* 'трясти' < *sil-k*, ср.: кум. *sille* < **sil-le* 'махать', 'качать'; ккал. и др. *ĕlki* 'дернуть', 'рвануть', *ĕul* 'рвать', 'выдергивать'.

С туркменским *ĕrk* 'пугаться' соотносимо чувашское *ĕrĕx* 'помогать', 'понести (о лошади)' < 'испугаться', 'быть раздраженным', ср.

79 Аффикс *-ka* < *-ka*, возможно, в ряде случаев контаминировался с *-ra/a* (аффиксом отыменного происхождения глаголов и показателем каузатива), после сонорных *-ka* иногда дает *-ra*. Поэтому без специального анализа трудно разграничить образования на *-ka* и *-ra/a*. К глаголам на *-ra/a* можно отнести: туркм. *bula* 'мешать', 'махать', но ног. *bulra* 'махать рукой' и *bĕlra* 'мешать'; туркм. *ele* 'проевывать', но хак. *ilge* и т.д.; туркм. *ĕra* 'качать', 'шатать', но кир. *ĕra* 'двигать', 'шевелить', 'трясти'; туркм. *ĕĕje*, кум. *sĕje* 'прислонять', 'подпирать', но азерб. *sĕjke* и т.д.

80 Ср. непродуктивный суффикс *-g (-k)* в современном марийском языке, возводимый к древнемарийскому *-ka* /30, стр. 113-116/.

хак. *ĕlĕk* 'пугаться', 'взбудоражиться', тат., баш. *ĕrk* 'бояться', 'пугаться (о животных)'.
Пассивное значение аффикса *-kI* особенно ощутимо в таких примерах, как: кум. *sĕlĕk* 'быть раздавленным, разбитым' от *sĕl* 'ломаться', 'биться'; чув. *ĕlĕx* 'быть опаленным, обожженным' от *ĕl* 'опалиться', 'пригорать' (см. также: /114, стр. 292 и сл./).

Аффикс *-kI* в медиальном значении представлен в небольшом количестве глаголов, при этом часть первичных глагольных основ явно тюркского (кыпчакского), а не чувашского типа, например:

asĕx 'беситься', 'войти в раж' от *as* с тем же значением, ср.: чув. *asĕx* 'распутство', тат. и т.д. *az* 'развращаться', 'дурачиться', азерб. *azĕx* 'разбушеваться', 'неистовствовать', кир. юж. *azikĕr* 'соблазнять', 'развращать' (тюрк. *az* ~ чув. *ur* 'беситься'); *jarĕx* 'становиться плохим', 'приходить в упадок', ср.: тат. *jabĕk*, кир. *jabik* 'худеть', 'истощаться', 'беднеть', 'плошеть' < **jar* (в чувашском ожидалось бы **sup*), ср. также: кир. *jaraj* 'быть низкорослым и худощавым', др. тюрк. *jabiz* 'слабый'.

Другие примеры чувашских глаголов с аффиксом *-kI*:

pĕĕx 'беспокоиться', 'тревожиться' от *pĕĕ* 'тосковать', 'кручиниться', ср.: бараб. /106, IV, стр. 1392/ *puĕk* 'сердиться', чаг. /106, IV, стр. 1871/ *buĕk* 'волноваться', 'беспокоиться', 'горевать' от *buĕ*, баш. *bĕĕ* 'грустить', 'печалиться', уйг. *ĕ puĕ* 'испытывать скуку' и т.д. (от этого глагола, видимо, надо отделить другой чувашский глагол *pĕĕx* 'запыхаться', 'потеть' < **pĕĕ*, ср. *pĕĕlat* 'пыхтеть', 'тяжело дышать');

kuĕx 'сохнуть', 'высыхать' от *kuĕ* 'сохнуть', ср.: мар. *koĕkaĕ* 'сохнуть', 'высыхать', *koĕtaĕ* 'сушить', 'высушить' (по М.Р. Федотову /140, стр. 93/: чув. > мар.);

juĕx 'тосковать' от *juĕ* 'ныть', 'стонать';

jaĕx 'ныть', 'болеть (о костях)' от *jaĕ* 'изнуряться', 'недомогать', 'мучиться';

kaĕx 'умереть (о закалываемых животных)', 'зайтись (от плача)', 'сокращаться', 'уменьшаться (т.е. 'заходить'. — Л.Л.) (о луне)' от *kaĕ* 'зайтись (от плача)'; перен. 'умереть';

juĕx 'киснуть', 'скисать' от *juĕ* 'киснуть' (но, возможно, и от *juĕa* 'кислый');

ĕarĕx 'уставать (о глазах)' от *ĕar* 'темнеть, рябить (в глазах)';
ĕarĕx 'гнить' от *ĕar* 'гнить';

riĕx 'стать выносливым', 'закалиться' от *riĕ* с тем же значением;

xĕlĕx / *xĕlĕx* 'привыкать' < **xĕl* / *xĕl*, ср.: тат. *kĕnĕk* 'привыкать', *kĕn* 'соглашаться', 'привыкать', уйг. *kĕnĕk*, *kĕn* и т.д.

Сюда же, возможно, относятся: *irĕx* 'становиться избалованным', 'капризничать', 'шалить' < **ir*, ср. *ir* 'избаловаться' /15, III/, *irĕn* 'шалить', 'баловаться'; *puĕx* 'делаться затхлым', 'портиться (о продуктах)' от *puĕ* (по Э.В. Севортыню, *puĕ* 'ступать', 'давить' и т.д.; нам кажется более вероятной основа *puĕ* < **buĕ* 'портить', 'ломать', ср.: ног. *buĕl* 'портиться', 'ломаться', 'гнить', 'тухнуть',

bužik 'тухлый (о яйце)', а также чув. *pəžək-* 'портиться' и *pəš-* 'портить' /15, X, стр. 147 и 149/; *pəžək-* 'задыхаться', 'преть', 'гнеть' < *pəž- > *pəžək* 'душный', 'спертый' или от *pəžək* 'душный', 'спертый' (в этом случае имеем -kII), ср. *pəžək-* 'задохнуться' и *pəžəkaj-*; *kəpčək-* 'свертываться от холода или жары' < *kəpč-, ср. *kəpčək* 'свернутый калачиком (например, от холода)', но *kəpčək* — подражание подмерзанию < *kəpč + -ək, т.е. возможно, *kəpčək* из мимемы *kəpč*; *antək-* 'задыхаться', 'страстно желать', 'страдать', 'мучиться', кир. *entik-* 'тяжело дышать', 'страдать одышкой', узб. *entik-* 'вздыхать', 'задыхаться', тат., баш. *intək-* 'мучиться' < *ent- (ср. кир., кал. *entel-* 'приходить в замешательство', 'теряться').

С помощью аффикса -kII образованы глаголы от именных основ. Эти глаголы, как правило, являются непереходными.

Семантическая характеристика глагольных основ на -kII подробно дана Э.В. Севорьяном /114, стр. 282 и сл./81.

Аффикс -kII является общетюркским. Он, вероятно, представлен в чувашском глаголе *ux-* 'выходить' < *talək- < *tal 'внешняя сторона' + -k, ср. *ulək-/ux-* 'подниматься'.

Другие глаголы с аффиксом -kII можно считать древнечувашскими (группа "а"), либо причислить к кыпчакскому слою чувашской лексики (некоторые глаголы группы "б"):

а) *šurək-* 'побелеть', 'поинять' от *šurək* 'белый' ~ общетюрк. *saŋr* 'желтый';

juŋək- 'произойти (о кровоизлиянии)', 'злиться', 'сердиться' от *juŋ* 'кровь' ~ общетюрк. *ka:n, kan* 'кровь', ср.: тат. *kanək-* 'наливаться кровью', тур. *kanık-* 'жаждать крови', алт. *kanık-* 'раздражаться', шор. *kanık-* 'злиться', 'сердиться';

šulək- 'приставать', 'привязываться', 'прилипать', 'осваиваться' < 'встречаться', 'попадать' от *šul* 'дорога' ~ общетюрк. *jol, jol*, ср.: тат. *julək-*, кум. *juluk-*, туркм. *juluk-* и т.д. 'встречаться', 'попадать';

vīšək- 'проголодаться', 'жадничать' от *vīšək* 'голодный' ~ общетюрк. *ač*, ср.: туркм. *ačik-* 'проголодаться', тат. *ačək-*, кир. *ačik-*, тур. *ačik-*;

sivək- 'выздоровливать' от *sivək* 'здоровый' ~ общетюрк. *sa:r, sa:r* 'здоровый', ср.: тат. *sawək-*, баш. *hawək-* 'выздоровливать', кал. *sawik-* то же82;

šəkək- 'жадничать' от *šəkək* 'жадный' ~ тат. диал. *jök*;

б) *vəžək-* 'злиться', 'раздражаться' от *vəžək* 'ярость', 'злоба', 'месть', ср.: туркм. *ö:č*, тат. *üč*, в древнечувашском ожидалось бы **vəž*; тат. *üčək-*, кум. *öčük-*, туркм. *öčük-* 'злиться' и т.д.;

jučək- 'отчуждаться', 'стать чужим' от *juč* 'чужой', ср.: тат. *jač*, кир. *jač* 'чужой';

81. См. также у Т. Ковальского /195, стр. 436/.

82 В словаре Н.И. Ашмарина /15, VI, стр. 142/ отмечен глагол *kašək-* 'запаздывать' от *kaš* + -(š)x-, ср.: тур. *geçik-* 'опаздывать' от *geç* 'поздно', туркм. *gi:ç* и т.д.

kušək- 'подвергаться сглазу' от *kuš* 'глаз' (общетюркскому *köz* в древнечувашском должно было бы соответствовать **kōz*; *kuš*, вероятно, из какого-то z-диалекта или *š* — рефлекс другого словообразовательного форманта: -rč > -š), ср.: тат. диал. *kūzək-*, баш. диал. *kūčək-*, кир. юж. *kōzük-* 'пострадать от сглаза', кал., ног. *kōzük-* 'подвергаться дурному глазу';

tarək- 'досадовать', 'сердиться' от *tar* 'узкий' (в чувашском ожидалось бы **tur*), тат. *tarək-* 'суживаться', 'испытывать стеснение', ср.: др.тюрк. *taru-* 'сердиться', 'испытывать раздражение', от глагольной основы этого типа, возможно, образовано чув. *tarək* 'досада', 'обида', 'злость';

tužək- 'ржаветь' < **tut* 'ржавчина', ср.: тат. *tužək-* 'ржаветь', чув. *tužək* 'ржавчина' ~ тат. *tužək* (о *tužək* — как заимствовании из татарского см. уже у Н.И. Ашмарина /10, стр. 263/);

mužək- 'дрябнуть' < **murt*, ср.: тат. *murt* 'прогнувшийся', 'трухлявый (о дереве)', а также: чув. *mužək* 'хрупкий', 'дряблый' и *mužək* 'хрупкий' (таким образом, возможна и глагольная основа **murt-*);

диал. *antək-*, *əntək-* 'клясться', 'божиться' (из тат.); тат. *ant* 'клятва'; *andık-* 'клясться' встречается еще у Махмуда Кашгарского.

Такого же типа образованиями являются: *sarək-* 'бледнеть', 'пожелтеть' от *sarək* 'желтый' (но: чув. *šurək* 'белый'); *šujək-* 'кричать', 'шуметь', 'скрипеть' от *šuj* 'шум', 'гам', 'гвалт'; *čalək-* 'обессилеть', 'одражлеть' < **čal* (тат. *čal* 'седой', 'старик'); *šutək-* 'светиться', 'просвечивать' от *šutək* 'свет', у которых пока не выявлены надежные признаки для причисления их в группу древнечувашских слов или группу кыпчакских заимствований. Скорее всего часть из них — неологизмы (относительно старые, возникшие на почве самого чувашского языка).

Среди глаголов на -kI И.П. Павлов /95, стр. 205/ называет также *pəgək-* 'брызгать' и *jələx-* 'надоедать', 'становиться неприятным', 'пресыщаться', 'соскучиться'.

Чувашскому *pəgək-* соответствуют баш., тат. *börk-*, ног. *bürk-*, туркм. *pürk-* (ср.: др. тюрк. *bükür-, bürkür-, būkir-*), кир. *bürk-* 'брызгать изо рта', 'сплюнуть слюну'; *pəgək-* ~ *bürk-* разложимо: *bürk-*, где основа **bür*, видимо, относится к звукоподражательным.

jələx- происходит из какого-то j-диалекта, ср.: тат. *jalək-* 'утомляться', кал. *žalik-* 'лениться', 'утомляться', 'скучать', МК: *jalk-* 'испытывать отвращение', алт. *d'alki-* 'наскучить', 'опротиветь', 'надоесть', баш. *jalkə-* 'утомиться', 'тяготиться', а также хак. *čaltan-* 'лениться', баш. диал. *jalsək-* 'утомиться', 'тяготиться'; *jələx-* < *jal-ik-* < **jal-k-*.

Аффикс -kən/-kən

Это аффикс образования глаголов от глагольных и подражательных основ. Исследователи отмечают его генетическую близость с аффиксами -an, -ran, -in /114, стр. 316 и сл./.

В чувашском языке к глаголам на *-kän* относятся:

ikän- 'устремляться', 'бросаться', 'кидаться', 'метаться'. Этимология этого глагола предложена Э.В. Севортьяном /118, стр. 119/, который сопоставляет чувашский глагол с казахским *atki-, iiki-* 'выбрасывать', 'хлынуть (о воде)', 'бить фонтаном', считая его производным от глагола *at-* (чув. *i-*) 'бросать', 'кидать'; аффикс *-ki* имеет учащательное и медиальное значение (ср. *-k^l*), аффикс *-n* — медиальное. Таким образом, *ikän-* < *at-* *k(i)*-*n-*. Функционально аффиксу *-kän* соответствует аффикс *-l* в глаголах: тур., азер. *atıl-* 'бросаться', 'устремляться', тат. *atıl-* с тем же значением и аффикс *-lik* < *-l(i)*-*k* в глаголах: тат., баш. *atılak-* 'рваться', 'стремиться', 'вытекать стремительной струей'; ног. *atlik-* то же, тув. *atük-* 'бить ключом', 'извергаться', 'лететь стрелой'. Эти производные подтверждают чувашскую этимологию: *i-* < *at-* 'бросать';

aškän- 'шалить', 'баловаться', 'буינו расти' от *ašk-*, *ašk(i)-* + *-n*, ср.: *aškän-* 'буино идти в рост', 'разрастаться', 'разжиреть', диал. *aşđx-* 'шалить', 'баловаться', 'жить роскошно', 'буино разрастаться', тат. диал. *aškän-* 'уродиться (о плодах)', 'шалить', 'озорничать', 'возгордиться', 'заязняться' и кал. *askin-* 'становиться высокомерным'. Возможна связь этого глагола с тат., баш. *aškän-* 'стремиться', 'рваться', диал. 'торопиться' и *aşđk-* 'торопиться', 'спешить', др. тюрк. *aşuk-* 'спешить', 'торопиться', 'устремляться'; *aškän-* 'буино расти', тат. диал. 'уродиться (о плодах)' сопоставимо и с др. тюрк. *aşıl-* 'умножаться', 'увеличиваться', 'прибавляться', 'размножаться' от *aş-* 'увеличивать', 'прибавлять', но ср. тат. диал. *az-* 'размножаться', 'распространяться', 'прибавиться'; 'сильно расти (о какой-нибудь части растения)';

диал. *ikän-* 'обнимать одной рукой' < **i-k(ə)-n*, ср. *itala-* 'обнимать', 'заключать в объятия' < *it-ala-*, *itam* 'объятие', 'охапка', 'бремя', диал. *itakla-* 'обнимать', 'может быть, сюда же относится кир. *atki-* 'цапать (например, когтями)', 'схватить', 'сграбастать', г.з.с.т. *atki-* 'ущипнуть', 'сильно захватить', туркм. *aüm* 'горсть', 'щепотка', сюг. *atkim* 'захват руками', но более вероятно мнение М.Р. Федотова /140, стр. 155/: *itala-* < **altala-* ~ мар. гор. *etiäläs* (элталаш), мар. *öndäläs* (там же дана ссылка на М. Рясянена). В марийском (?) находим еще *элле* 'охапка', 'вязанка', 'ноша', *элтем* (то же). Чувашское *itala-* имеет в этом случае прототипом **altala-*, ср.: мон. *aldä*, калм. *ald* 'маховая сажень', *aldala-* 'мерить маховой саженью', 'раскинуть, развести руки';

šiskän- < *šis-k(ə)-n* — 'быстро бежать', 'мчаться', 'форсить', ср.: *šisən-* 'форсить' от *šis-* 'сверкать', 'блистать', *šisše šüre-* 'форсить', 'быстро бегать'; чув. *šis-* 'сверкать', 'блистать' можно сопоставить с др. тюрк. *jašu-* в *jam-* — *jašu-* 'светиться', 'сиять' (ЛТС, стр. 243), *jaln-* *jašu-* 'сверкать и сиять' (стр. 230); *jašin* 'молния' (стр. 246), *jašik* 'солнце' (стр. 246) и *jaruk-jašuk* 'свет', 'сияние' (стр. 244); сюда же: ног. *jasin*, кум. *jašin*, *jašmin*, тат. *jašan*, узб. *jašin*, хак. сар. *čagın* 'молния';

опрокидываться', 'быстро укатить', 'индоняться', ср.: кир. *iklan-* 'изклониться', 'опрокидываться', 'бросаться', 'устремляться', др. тюрк. *ik-* (*ə*)-*n-*, где **uəj*, **vəj* остается для нас неясным. Ср.: кир. *iklan-* 'бросаться, устремляться', возможно, сопоставимо с др. тюрк. *ik-* 'лететь' от крыльев летящей птицы /15, V, стр. 291/; др. тюрк. *ik-* 'заигаться быстро с шумом' от подрожательной основы кир. 'шуметь', 'проворно', сюда же относятся глаголы: *aškak-* 'хитрить', 'шутить', *vəšlav-* 'производить шум при быстром движении'. Ср.: кир. *iklan-* и др. тюрк. прижательных основ образованы также глаголы: *vərkä-* 'стремительно нестись', 'устремляться куда-то' (ср. *vər-vər* 'быстрый', 'поярванный', 'ветеранный')⁸³ и *virkän-* 'мчаться', 'стремительно двигаться', др. тюрк. *virkän-*⁸⁴.

Аффикс *-ar/-er, -r*

При помощи этого аффикса образованы отыменные глаголы. Аффикс *-ar/-er* общетюркский, обычно его относят к непродуктивным, в новообразованных встречается очень редко (см., например: /114, стр. 247 и сл. /).

Производные с аффиксом *-ar/-er* отмечены в грамматиках чувашского языка /10, стр. 262; 74, стр. 162-163; 95, стр. 203-204/.

Аффикс *-ar/-er, -r* выступает в непереходных (а) и переходных (б) глаголах:

(а) *jeđer-* 'зеленеть' из тат. *jäsär-* от *jäs*, ср. *jäšäl* 'зеленый'; в чувашском ожидалось бы *j ~ š, š ~ l* (*šul* 'год', 'возраст' ~ общетюрк. *jaš*);

känar- 'синеть', 'седеть', 'плесневеть' от *kävak* 'синий', 'седой', ср.: тат. *kügar-*, туркм. *gö:ger-* и т.д.;

palär- 'проявляться', 'быть заметным', 'обнаруживаться' < **palə*, ср. *palä* 'признак', 'заметный', тат. *bilgä* 'признак', 'знак', 'помета', туркм. *belle-* 'отмечать', 'замечать', др. тюрк. *belgür-* 'показываться', 'обнаруживаться', 'проявляться' от *belgü* 'признак', 'примета';

pašar- 'индеветь', 'покрываться инеем' от *paš* 'иней', 'изморозь', ср.: тат. *bäs* 'иней', 'изморозь', *bäsär-* 'индеветь', 'заиндеветь', баш. *bäš* баш. диал. *bäšär-*;

šivar- 'близиться', 'приблизиться' от *šiväx* 'близкий', ср.: др. тюрк. *javuk*, *javuk* 'близкий' от *javu, javr-, javu-* 'приближаться' и т.д.;

talär- 'дремать', 'спать', 'думать' < **tal*, ср.: чув. *talək* 'сон', 'сновидение', др. тюрк. *tül* 'сон', 'сновидение' як. *tül* ~ общетюрк. *tü:š, tüš, tülš*, тит. *töš*;

83 С чувашским *vürkän-* иногда сопоставляют *vürkät-* 'бросать', 'кидать', 'швырять', тат. диал. *vürkät-*, тат., баш. *ärät-* 'бросать', 'кидать', кир., ног. *iriri-* (ср.: тат. *ärät-* и *ärät-* 'устремляться', 'рваться', 'стремительно нестись', баш., кал. *ärät-*, узб. *iri-*, кир. *iri-* 'прыгать', кум. *irri-* 'ринуться', 'резко устремиться').

84 К глаголам с аффиксом *-kän/-kən* относятся, вероятно, *vakän-* 'ходить гурьбой' и *uskän-* 'шляться' (ср. *ušan-* 'шляться', 'слоняться').

хуҗуа- 'горевать', 'печалиться', 'тосковать' от хуҗэ 'горе', 'печаль', ср.: тат. и т.д. *kaҗуа*- 'горевать', 'печалиться', др. тюрк. *kađur*- 'горе', 'печаль', *kađur-* 'горевать', 'тосковать', 'печалиться', 'грустить'; чув. *хуҗуа*, вероятно, "кыпчакизм", так как в среднечувашском, который был *г*-языком (чув. *г* ~ тюрк. *ј* ~ *š* ~ *d* ~ *t* ~ *z* в инлауте и *ауо*-лауте), ожидалось бы **хиг*, ср. чув. *хиг* 'обида', 'поношение', но *хуҗуа* 'печальный', 'грустный', 'горестный' ~ *хуҗуа*llä;

сатар- 'поседеть' от *сат* 'седой', ср. тат. *сат* то же;

б) *кэҗар*- 'привязывать (например, лошадь)' < **кэж*, ср.: туркм. *köke*- 'привязать веревкой в ряд для дойки', *köken* 'веревка для привязывания овец во время дойки'; туркм. *kök* 'тесьма из сырой кожи для связывания скрепления чего-нибудь'; кир. /102, 2, стр. 1232/: *kögön* 'веревка, к которой привязывают молодых ягнят';

пиҗар- 'запирать', 'затыкать' < **пиҗ*, ср.: *пиҗ* 'крепкий', 'прочный', 'плотный', тат. *bik* 'затвор', 'замок', 'засов', 'щеколда', тат. лит. *biklä*- 'закрывать', 'запереть', диал. *bigät*- 'закрывать', 'запереть';

пуҗар- 'начинать', 'зачинать', 'принимать' от *пу* 'начало' ~ общетюрк. *baš*;

сэвар- 'поить', 'поливать', 'орошать' от *сэв* 'вода', ср. тат. *су* от *su* 'вода'.

Г. Рамстедт /108, стр. 177/ возводил *-ar*, *-r* к *-ra*, которое сближал с монгольским *-ra* (например, мон. старописм. *харара*- 'чернеть' > *харале*, *köhere*- 'становиться синим' от *köke* 'синий', *поҗора*- 'стать зеленым' от *поҗо* 'зеленый' и т.д.).

Аффикс *-al/-el, -l*

Этот аффикс образует глаголы от именных основ. Функционально он сопоставим с аффиксом *-ar/-er*, имеющимся во всех тюркских языках, с аффиксом *-aj/-ej*, сфера распространения которого более ограничена (главным образом, кыпчацкие языки). Глаголы с аффиксом *-l/-al*, по словам Э.В. Севорьяна, "выражают переход в какое-либо состояние, положение и развитие какого-либо признака, пребывание в каком-либо состоянии, в некоторых случаях — движение" /114, стр. 277/:

чув. *сэвал*- 'выздороветь' от *сэв* 'здоровый', ср. азерб. и т.д. *сатар*- 'выздороветь' от *сар* 'здоровый'; *сүхал*- 'потеряться', 'исчезнуть' от *сүк* 'нет', 'несуществующий' (ср.: тат. *јуҗал*-, туркм. *jo:җал*- и т.д. то же);

чув. *сэрал*- 'ожить', 'выздороветь' от *сэра* 'живой', ср.: туркм. *дәрил*- 'оживать', тат. *тэрэл*- 'выздоровливать', 'выжить';

чув. *харал*- 'чернеть' от *хара* 'черный', ср.: туркм. *қарал*-, тат. *карал*-.

Некоторые глаголы на *-l*, судя по их основам, принадлежат к новым образованиям: *сарал*- 'желтеть' от *сар* 'желтый' (но: *сар*э 'белый' ~ общетюрк. *сар:ғ* 'желтый'); *ташал*- 'очищаться' от *таша* 'чистый' (из перс.). ср. тат. *таза* и *тазар*-.

Э.В. Севорьян /114, стр. 270/, на наш взгляд, справедливо ставит вопрос о связи аффикса *-al* с глагольным показителем *-l*.

Некоторые исследователи сопоставляли аффикс *-al* с самостоятельными глагольными основами: *ol*- 'быть', 'стать' (М. Казембек, К. Бр... и др.), *al*- 'брать', 'взять' ~ чув. *il*- (Б. Аталай, В.Г. Егоров).

Г. Рамстедт приводит параллели к аффиксу *-al, -l* из других алтайских языков /108, стр. 173/. С аффиксом *-al/-el, -l* в чувашском языке связаны аффиксы *-at/-et, -u*: глаголы на *-al* и *-at* образуют пары, различающиеся по признаку непереходности (*-al*) и переходности (*-at*), например: *kivetl*- 'ветшать', 'изнашиваться' ~ *kivet*- 'старить', 'износить' от *kiv* 'старый', 'ветхий'; *сутал*- 'светиться', 'осветиться' ~ *суҗат*- 'светить', 'освещать' от *суҗ* 'свет', 'сияние', но ср.: *сут*- 'зажигать' и *суҗэл*- 'светиться', 'освещаться';

сэвел- 'становиться жидким' ~ *сэвет*- 'делать жидким', 'разжижать' от *сэв*э 'жидкий', 'водянистый' (ср.: *сү*-, *сэв*- 'мокнуть', 'пропитываться водой', алт. *сују*- 'становиться жидким');

сүхал- 'теряться' ~ *сүхат*- 'терять' от *сүк* 'нет', 'несуществующий'.

В.Г. Егоров /74, стр. 163/ считает, что аффикс *-at/-et, -t* восходит к глаголу *et/ it*- 'делать'.

В других тюркских языках переходные глаголы на *-l* образуются от основ с аффиксом *-al*, например:

тат. *јуҗал*- 'теряться' ~ *јуҗалт*- 'терять'; *тэрэл*- 'выздоровливать' ~ *тэрэлт*- 'оживлять'; *карал*- 'чернеть' ~ *каралт*- 'чернеть' и т.д.;

туркм. *дәрал*- 'желтеть' ~ *дәралт*- 'желтить'; *дирел*- 'оживать' ~ *дирелт*- 'оживлять'; *дәҗал*- 'выздоровливать' ~ *дәҗалт*- 'излечивать' и т.д.

Таким образом, можно предположить, что и в чувашском первоначальное **сэрэлт*- 'оживить' превратилось в *сэрт*-85.

Аффикс *-эҗа (-эҗа, -эҗан)*

Этот аффикс, с помощью которого образуются глаголы от именных и реже глагольных основ, представлен во многих тюркских языках, древних и современных.

Наибольшее число производных на *-эҗа, -эҗан*... отмечено пока в тюркских языках Сибири: алтайском /33, стр. 48/, тувинском /52, стр. 269-270/, а также туркменском /1, стр. 140/. Обзор производных на *-эҗа* дан Э.В. Севорьяном /114, стр. 327 и сл./ (там же приведены библиографические данные).

По мнению Г. Рамстедта /220, стр. 35/, аффикс *-эҗа* монгольского происхождения и представляет собой древнюю каузативную форму глаголов на *-ra*.

В чувашском языке аффикс *-эҗа* выступает в следующих глаголах (перечень их, вероятно, здесь не исчерпан):

аҗэҗа- 'замечать', 'подмечать', 'присматривать' от *ас* 'память' ~ общетюрк. *es* 'память', 'ум', 'чувство'; от этой же именной основы

85. Сочетание *lt* в чувашском может упроститься в *t*: *хулт*- 'топить' < **хольт*, ср.: мар. *oltaš*; *путран* 'борщевник' // *пулҗаран*; *утмэл* 'шестьдесят' < **ултмәш* и т.д.

образованы др. тюрк. *esirkä-* 'жалеть', 'сожалеть', киз. *esirke-* 'то же', тур. *esirge-* 'жалеть', 'щадить', 'охранять', изер. *äsirgä-* 'жалеть', 'скупиться';

äǰǰǰa- 'быть в жару', 'разгорячиться' от *äǰǰ* 'жара', 'жаркий' ~ общетюрк. *isi* (ср. *äǰǰn-* и *äǰǰt-* 'согреваться' и 'греть', из которых восстанавливается глагольная основа **ǰǰ-*, *äǰǰ-*), ср. также тув. *izirgen-* 'разогреваться' от *izig* 'жара' и *izi-* 'становиться горячим';

xǰǰǰa- 'сохнуть', 'коченеть', 'дрожать от холода' от *xǰǰ-* 'твердеть'; 'коченеть', 'мерзнуть' или от *xǰǰ* 'твердый' (ср. туркм. *katırnan-* 'сердиться', 'горячиться');

kuǰǰǰa- 'сохнуть', 'черстветь', ср. *kuǰǰǰa-* от *kuǰ-* 'просыхать', 'подсыхать'.

И.П. Павлов /95, стр. 206/ причисляет к глаголам этого типа *ǰǰǰǰa-* 'шипеть', однако прав Ш.И. Ашмарин /15, X, стр. 183/, который пишет, что глагол *ǰǰǰǰa-* имеет значение "производить звук *ǰǰǰǰr*", "шипеть", "шуметь", т.е. он разложим на *ǰǰǰǰr* + *-a* (аффикс *-a* ~ общетюрк. *-ka*, *-ra*).

Аффикс *-ǰǰan* является производным: *-ǰǰa* + *-n* (показатель рефлексива).

Примеры:

aǰǰǰan- 'испытывать раздражение, гнев' от *aǰǰ* 'горечь', 'раздражение', 'гнев'; глагол заимствован из какого-то тюркского языка, так как в чувашском: *jǰǰä* 'кислый', 'горький' < **a: jǰǰ*; ср.: караим, трак. *adǰǰan-*, гал. *adǰǰan-* 'гневаться', 'сердиться', 'мучиться', баш. *adǰǰan-* (в *usǰǰanǰr tölön-* 'взяться за что-либо с жаром'); кир. *adǰǰkan-* 'испытывать неприятное ощущение при излишнем употреблении кислого или горького', 'чувствовать жгучую боль'; хак. *adǰǰan-* 'сокрушаться', 'печалиться', 'огорчаться', 'гневаться', 'негодовать', алт. *adǰǰkan-* 'тужить', 'грустить', 'сильно горевать', 'сердиться', 'гневаться'; сюда же: тур. *ajǰǰan-* 'быть тронутым', 'жалеть', 'сострадать' (с несколько разошедшейся семантикой);

ǰǰǰǰan- 'быть в подавленном состоянии', 'беспокоиться', 'тревожиться', 'обижаться', 'сердиться' от *ǰǰǰ-* 'тосковать', 'кручиниться', чаг. /106, IV, стр. 1871/: *buǰǰǰan-* 'рассердиться', 'сильно разгневаться', 'огорчиться', др. тюрк. (ДТС, стр. 128): *buǰan-*, *buǰurkan-* 'тревожиться', 'беспокоиться', вероятно, сюда же относится караим, трак. *buǰurǰan-* 'не послушаться' < ? 'рассердиться';

vǰǰǰǰan-, диал. *vǰǰǰan-* 'негодовать', 'сердиться', 'обижаться', 'печалиться';

vǰǰǰǰen- / *vǰǰǰǰǰen-* 'злиться', 'сердиться', 'раздражаться' от *vǰǰǰ* 'злость', 'злоба', 'месть'.

Аффикс *-ǰe*

И.П. Павлов /95, стр. 206/ приводит три глагола с аффиксом *-ǰe* *kǰǰǰe-* 'разбухать', 'раздуться'; *ǰǰǰe-* 'затягиваться (о ране)', 'отвердевать', 'грубеть' и *tǰǰǰe-* 'расспрашивать', 'выпытывать', 'допрашивать'.

Глагол *kūrĉe-*, вероятно, восходит к *kūr-* 'разбухать', 'раздувать'; ср.: тат. *kūrĉa-* 'перекисать', 'подниматься (о тесте)', кал. *kōrĉi-* 'раздуваться', 'разбухать', кир. юж. *kōrtürgü* 'закваска для теста' от *kūr-* и т.д. Чувашский глагол, возможно, заимствован из татарского: корневой *ū* не изменился в *э*, к тому же наблюдается расширение гласного в открытом слоге, т.е. *-ĉe < -ĉa < -ĉi*.

Чувашский глагол *pirĉe-* происходит из татарского *birĉaj-* 'заскорузнуть', 'стать мозолистым' < **birĉ + -aj*, ср.: кир. *berĉ* 'отвердевшая корушка', 'дикое мясо', баш. *birsā* 'шрам', 'рубец'. В этом случае в глаголе не представлен аффикс *-ĉe*. Возможно, к этому же типу относится глагол *kaŋĉej-* (диал.) 'стареть (о женщине)', ср. *kaŋĉe-* 'морщиться', 'покрываться морщинами'.

Наконец, глагол *tarĉe-* отыменного происхождения: от *tar* 'дно', 'основание' + *-ĉe < ĉa < ĉi*, ср.: тат. *tōrĉa-* 'заниматься тщательным разбором, исследованием чего-либо'; тат. диал. *tōrplān-* 'тщательно разбираться', 'детализировать', баш. *tōrsō-* 'разузнать', 'расспрашивать'.

Аффикс *-ĉi/-ĉi* Э.В. Севортян рассматривает вместе с аффиксами *-ša/-še, -ši/-ši* и т.д. /114, стр. 331 и сл./, но не раскрывает их генезиса.

В киргизском языке встречаются глаголы с аффиксом *-ša/-še, -ši/-ši* и *-ĉi/-ĉi*, так что, возможно, эти аффиксы следует разделить: *oĉšo-* 'быть похожим', *jumša-* 'смягчаться', но: *kīrĉi-* 'ущемить', 'зажать', *ĉarĉi-* 'бить передней ногой' и т.д.

Аффикс *-ĉi*, видимо, является вариантом аффикса *-ā, -ī* (ср. мон. *-i < -ii*): кир. *arĉi-* 'чистить', 'очищать' и *arī/-arī-* 'очищать', 'выщипать'; кир. *ĉimĉi-* 'щипать' ~ тат. *ĉimĉi-* 'щипать'; кир. *kīrĉi-* 'ущемить', 'зажать' и *kīmī-* 'поджимать' (ср. юж. *kīmĉi-* = *kīrĉi-*) и т.д.

Аффикс *-ĉi* встречается и в отыменных глаголах: каз. *teršä-* 'потеть' от *ter* 'пот' (в казахском языке *č > š*), возможно, *kōpäršä-* 'пениться' от *kōpär* 'пена', но ср. кал. *kōri-* 'пениться', 'пузыриться'.

Аффикс *-maš/-meš*

Исследователи чувашского языка этот аффикс, как правило, не отмечают; он представлен в ограниченном числе глаголов:

- ulmaš-* 'чередоваться', 'меняться',
- tāmaš-* 'возиться', 'копаться'⁸⁶,
- təmeš-* 'возиться', 'бороться', 'пререкаются',
- kamaš-* 'тянуться', 'стремиться дожить до какого-нибудь возраста',
- kəmeš-* 'возиться', 'копаться', 'бороться', 'стараться', 'осилить вручную',
- jetmeš-* 'связываться', 'спутываться'.

⁸⁶ В словаре Н.И. Ашмарина /15/ отмечены глаголы *tamaš-* 'возиться', 'пытаться что-либо сделать' и *temeš-* 'стараться изо всех сил', 'добиваться'. Первый из них является, вероятно, вариантом глагола *tāmaš-*, а второй генетически связан с *təmeš-* и *kəmeš-*.

Аффикс *-maš/-meš* составной: с помощью *-ma/-me* образуется вторичная глагольная основа, первоначально, возможно, с участвующим значением /114, стр. 352 и сл./; *-š* — аффикс с взаимно-возвратным значением (иногда интенсивным! — Л.Л.).

Аффикс *-maš* легко вычленяется при сравнении чув. диал. *ulmaš-* (~ тат. *almaš-*) с *ulš-* (~ *alš-*) в том же значении; чув. *jetmeš-* 'связываться' с *jer-* в том же значении (ср. баш. *əjār-*); чув. *kəmeš-* 'бороться' с тат. *kōrāš-* в том же значении.

Чувашский глагол *kamaš-* 'тянуться', 'стремиться', быть может, сопоставим с тат. диал. *kama-* 'обшаривать', кир. *kama-* 'хватать', 'ловить' и т.д.

Чувашское *təmeš-*, возможно, является вариантом *kəmeš-*, так как *t~k* встречается и в других чувашских словах, ср. также баш. *tāməš-* 'хвататься', 'цепляться'.

Производные на *-maš* встречаются и в других тюркских языках. Например: др. тюрк. (МК) *samaš-* 'помогать обвязываться'; 'запутываться', ср.: *samaš* 'обматывание', *samal-* 'обвиваться', 'обкручиваться'; *kamaš-* 'грабить', ср.: *kama* 'грабеж', *kamala-* 'грабить', *ūmaš-* 'царапаться', но: *ūmal-* 'быть поцарапанным', *tama-* 'царапать', 'скрести'; азерб. *samaš-* 'обвиваться'; азерб. *ūmaš-* 'лазить', 'взбираться'; кир. *almaš-* 'меняться'; тат. *lāmaš-* 'карабкаться', 'цепляться'; туркм. *ūmaš-* 'карабкаться', 'лазить'; тат. *ūmāš-* 'карабкаться', ср. *ūmāš-* 'лазить вверх', 'карабкаться'; тат. диал. *tāmaš-* 'царапаться', но кир. *ūma-* 'царапать', *ūmaš-* (взаимн. от *ūma-*); туркм. *ūmaš-* 'случиваться'; 'карабкаться'; узб. *čimaš-* 'обвиваться', 'сплетаться', 'карабкаться' < **čima-*, ср.: *čimāw* 'плющ', *čimāwič* 'лиана' (но: кум. *ūmaš-* 'карабкаться' и 'царапаться'; *čūma-* 'заворачивать'; 'обвивать', *setme-* (уст.) 'хватать' ~ туркм. *θeme-* 'шарить', 'искать').

Примечательно, что производные основы на *-ma* восходят к первичным основам на сонорные *g, l: čir-, sar-, ū-* и т.д.

Аффикс *-māš/-māš*

Этот аффикс представлен в немногих производных основах глагола: *jətmāš-* 'плакать', 'хныкать' от *jər-* 'плакать'; *umāš-* 'скандалить', 'бредить', 'бушевать' от *ur-* 'беситься'; *kətmāš-* 'коробиться' от **kəg-*, ср. *kətmelen-* /15, VII, стр. 292/; *tətmāš-* 'очень стараться', *letmāš-*, *tətmāš-* 'стараться изо всех сил', 'добиваться' /15, XIII и XV/87.

Аффикс *-māš*, вероятно, генетически близок к аффиксу *-maš*.

Аффикс *-rəp*

Этот аффикс встречается в нескольких глаголах, заимствованных из татарского языка:

87 Ср.: кир. *ūmāš-* 'стараться', туркм. *dūrāš-*, тат. *tərāš-* 'стараться' и *tərāš* 'старательный' < **ūr-*.

чув. диал. *tajpān-* 'поддаваться', 'подчиняться', ср.: *tajpāl-* с тем же значением, тат. диал. *tajpān-* 'стесняться', тат. *tajpāl-* 'уклоняться', 'вывихиваться' от *taj-* 'вывихиваться', каз. *taj-* 'вывихиваться', 'уклоняться';

tajpān- 'напрягать энергию', 'стремиться', ср. тат. *tajpān-* то же; *xəjāpān-* 'отрываться', 'отлепляться', *xəjāpāt-* 'отщеплять', ср. тат. *tajpān-* 'отламываться', 'откальваться'.

Аффикс *-rəp* состоит из *-rī + -p*; *-rī/-rī* приводится у М. Рясянена с пометой "очень редко" /221, стр. 148/.

Этот же аффикс отмечают К. Брокельман /179, стр. 220/ и Г. Рамстедт /220, стр. 71-72; 108, стр. 143/ (у него же даны примеры из других тюркских языков /220, стр. 68-70/88. Некоторые слова, приводимые Г. Рамстедтом, едва ли содержат аффикс *-p*, идентичный с вышеназванным *-rī*. Так, например, турецкий глагол *çür-* 'слегка бить', 'ударять', 'обозначать шнуром' и т.д., вероятно, того же происхождения, что и туркм. *çür-* 'бить', 'щелкать (кнутом)', и представляет собой звукоподражательное слово, ср. туркм. *çarp-* — подражание сильному шуму, плеску воды и глаголу *çarp-* 'хлопать', 'аплодировать' (то же в турецком и азербайджанском языках). Казахский глагол *sorpulda-t-* 'schlürfend einsaugen' ('сосать, чмокая губами'), вероятно, < **sorpul-da-t-*, т.е. образован от звукоподражательной основы *sorpul* < **sorpul*, ср. кир. *šorpulda-* (о пьющем верблюде) 'издавать шум', 'шумно втягивать (например, воду)' и, возможно, не связан с глаголом *sor-* 'сосать' (ср. кир. *šor-* то же). Поэтому тюркские производные глагольные основы с аффиксом *-p*, *-rī*, *-bi* и т.д. заслуживают специального анализа с привлечением новых языковых данных.

К приведенным у вышеназванных авторов примерам можно добавить следующие:

туркм. *çelpe-* 'бежать трусцой', 'ходить', 'бегать';
гл.с.т. *tajbal-* 'отказаться', 'отречься от данного слова'? < *taj-*;
кум. *çarpī-* 'стричь', 'отрубать';
кир. *jaipa-* 'распластаться', 'широко разлиться' (возможно, здесь представлен аффикс *-pa* с интенсивным значением);
кир. *kalpī-* 'осторожно снять верх (с молока, бульона)';
кир. *kapī-* 'захватывать много, большими кусками';
кир. *tapī-* 'бить передней ногой (о верблюде)';
кир. *terbi-* 'бродить' и т.д.

* * *

Сравнительно-исторический анализ чувашской морфологии позволяет выделить основные слагаемые чувашской морфологической системы. Прежде всего, это элементы, унаследованные от общетюркского состояния и претерпевшие в чувашской системе некоторую трансформацию (главным образом со стороны фонетики).

88 См. также: /147, стр. 83/, где отмечается в казахском языке аффиксы *-bi*, *-rī* и его варианты.

Здесь относятся количественные и порядковые числительные, шести-падежная система имени, формы притяжательного, дательного-направительного, местного и исходного падежей, формы прошедшего категорического и будущего неопределенного (восходящего к тюркскому аористу), формы 1-го и 2-го лица повелительно-желательного наклонения, деепричастие на -а, деепричастие на -са, личные и вопросительные местоимения, некоторые имена-последлоги и последлоги, многие словообразовательные аффиксы. К общетюркским относятся и форманты направительного, старого творительного, лишительного падежей; сложение же этих падежных форм, по всей вероятности, было стимулировано контактами с финно-угорскими языками. В чувашском сохранились и реликтовые формы падежей: на -ĉa > -śĉ, -l, -li.

Некоторые чувашские формы имеют своим источником тюркские языки, условно относимые к кыпчакскому типу.

Мы полагаем, что речь может идти об участии в формировании современного чувашского языка типологически сходных систем: и "булгарской" и "кыпчакской" (близкой к половецкой). К элементам "кыпчакской" системы мы относим формы настоящего времени: положительную и отрицательную, причастия на -aĉan и iĉran, деепричастия на -anĉi и -atĉĉn, некоторые последлоги и словообразовательные аффиксы.

Некоторые исследователи уже обращали внимание на огузско-булгарские параллели в области морфологии⁸⁹.

Если учесть, что подобные сходения наблюдаются и в лексике, то можно говорить о южном источнике в формировании чувашского языка. Характер этого источника для нас пока не ясен (торки > печенеги?).

Южные элементы чувашской морфологической системы — это тип падежных аффиксов, причастия на -as и -an (хотя в последнем можно предположить и болгарскую утрату гуттуральных), причастие на -rĉĉ < -dĉĉ.

Некоторые элементы чувашской морфологической системы можно условно назвать "собственно чувашскими". Среди них возможны и архаизмы и инновации. Как правило, они пока не имеют надежных генетических параллелей в тюркских языках и в языках иных систем. Это — аффикс множественного числа -sem, указательные местоимения ku, leĉĉ, причастие на -nĉ (? < -rĉĉ)⁹⁰, некоторые словообразовательные аффиксы. Своеобразно распределение чувашских притяжательных аффиксов -a/i и -śĉ.

Чувашская морфологическая система взаимодействовала с системами финно-угорских языков, особенно марийского (и близких к нему).

⁸⁹ Например: /210/.

⁹⁰ Отглагольное имя (> причастие) на -rĉĉ или -n можно, собственно говоря, считать общетюркским. "Своеобразным" является лишь его функционирование в чувашском языке. Некоторые отглагольные имена, являющиеся в большинстве тюркских языков словообразовательными формами, функционируют в отдельных языках и диалектах как причастия, например имя на -rĉĉ в сарыгюгурском и отчасти староузбекском, имя на -rĉĉ в сарыгюгурском и хотанском, имя на -rĉĉ в чулымско-тюркском, имя на -rĉĉ в локайском говоре узбекского языка и т.д.

Это взаимодействие имеет уже длительную историю. Следы его прежде всего обнаруживаются в системе склонения: выше уже говорилось, что грамматизация некоторых словообразовательных аффиксов и "продуктивность" падежных формативов была подтверждена в чувашском языке финно-угорской системой.

В чувашском и финно-угорских языках (марийском, отчасти пермских) существуют структурно тождественные модели деепричастий и словообразовательных форм. В ряде случаев возможна контаминация финно-угорских и тюркских аффиксов, близкая по семантике и сходных по звучанию.

Чувашское уступительное наклонение могло сложиться под влиянием марийских аналитических конструкций: условно-уступительным союзом ĉĉĉ. Параллелизм наблюдается в наличии двух форм количественных числительных.

В морфологической системе чувашского языка есть новообразования. Это главным образом падежные формы и деепричастия, сложившиеся из аналитических конструкций: имя (в том числе отглагольное) + последлог.

На направление развития некоторых подсистем оказали влияние и контакты с соседними тюркскими языками. Так обстоит дело с аффиксами принадлежности, которые более употребительны в зонах чувашско-татарских и чувашско-башкирских контактов.

Некоторые словообразовательные аффиксы иронили в чувашский язык из татарского языка в составе лексических единиц и дали новообразования.

Можно наблюдать и "калькирование" структурных моделей и систем.

Так, современную систему чувашских форм изъявительного наклонения можно назвать системой повелительного типа.

По одной и той же структурной модели строятся чувашские наречия на -laĉa и татарские и башкирские на -lar и т.д.

Безусловно, наши выводы схематичны. Реальный путь формирования морфологической системы современного чувашского языка был сложнее. Для нас несомненно одно, что морфологическая система чувашского языка (тюркская в своей основе) складывалась в результате длительного взаимодействия с типологически близкими языками, родственными и неродственными.

Вопрос о возможном взаимодействии со славянскими языками и его последствиях пока не исследовался. Недостаточно изученной остается и "чувашская предыстория", т.е. формирование бугарских диалектов в период общетюркской общности и взаимодействие с другими языками алтайского (и даже азиатского!) ареала.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Аффикс *-semər(in)*

В чувашском языке от слова *aça* 'ребенок', 'парень' в качестве обращения употребительна форма *açsemər* 'ребята', 'братцы'. В говорах Н.И. Ашмариным /15/ отмечены ее варианты: *atsamər, atsəmər, atsemri, atsemrin, etsemər и etsemrin*. Н.И. Ашмарин /10, стр. 146, прим. 1/ допускал, что *açsemər* < **açaseməmər*, где *-sem* – аффикс множественного числа, а *-əmər* – аффикс принадлежности 1-го лица множественного числа. О. Прицак /213/ усматривал в *-semər* двойной показатель множественности: *-sem + r*, а в *-semərin* даже тройной: *-sem + r + -in*.

Параллельное существование форм *açsemri* и *açsemrin* позволяет сделать заключение о функциональной идентичности *-i* и *-in* и видеть в них, вслед за И.А. Андреевым (во всяком случае, в *-i*) показатель звательной формы.

Что касается происхождения аффикса *-semər*, то точка зрения О. Прицака кажется вполне допустимой. В словаре Н.И. Ашмарина /15, II, стр. 176/ зарегистрированы формы *turaçəsemər* 'их ветви' и *sulçisemər* 'их листья' (< *turat-ə-semər* и *sulçə-i-semər*)², где трактовка *-semər* как *sem + əmər* невозможна.

Интенсив качественных имен

К усиленным "частицам", образующим интенсивную степень качественных имен, относятся: *təp*, *xap*, *šap* и т.д. Особенность этих частиц состоит в том, что каждый такой определитель употребляется, как правило, с одной основой – определяемым или несколькими основами, однотипными по звуковой структуре: *təp taçdər* 'совершенно гладкий', *təp tan* 'совершенно ровный', *təp tuliz* 'очень вкусный', *təp tulli* 'переполненный'.

Звуковая структура этих усиленных частиц как бы "отражает" структуру определяемой основы: анлаутный согласный повторяется, глас-

¹ Здесь рассматриваются аффиксы и лексемы, которые обычно привлекают внимание историков чувашского языка, хотя включение этого материала в историческую морфологию представляется необязательным.

² Любопытна также форма *əxiçamər* 'вы сами' < *əxi* 'ты сам' + *-samər*, ср. *əxiçem* 'они сами' < *əxi* 'он сам'.

ный обычно совпадает по ряду, ауслатный согласный – губной *p*, *m*, редко носовой *n*: *xəp xərlə* 'очень красный', *jəm ježəl* 'презеленый', *kəp kəvək* 'синий-пресиний'.

Иногда гласный усилительной частицы "варьирует" по подъему или губности: *šap šarə* и *šup šurə*, *šop šorə* 'белый-пребелый'; *xap xuga* и *xəp-xuga*, *xop xoga* 'черный-пречерный'³. Такой способ образования формы интенсивной степени качественных имен, известный в тюркских и монгольских языках, большинство исследователей называет редупликацией или частичной (неполной) редупликацией /108, стр. 219; 57, стр. 161-162/⁴.

Недавно было высказано предположение, что тюркские формы типа *kap-kara* восходят к монгольским, а не являются отражением общей алтайской модели. Хотя формы интенсивной степени являются морфологической приметой разряда качественных имен (прилагательных), их скорее следует включать в словарь, а не в грамматику, так как частицы типа *təp*, *šəp* для современного языка "закреплены" за индивидуальными лексемами.

Кроме рассмотренных выше, в чувашском языке имеются и другие усиленные частицы – показатели различной степени интенсивности качества. Употребление каждой из этих частиц строго регламентировано с точки зрения ее сочетаемости с определяемым словом (одним или несколькими), например: *jəm xuga*, *jəm xərlə*, *jəm ujar* и т.д., но *vər* только с *šəp* 'новый', и, кажется, с *təp* 'сухой'.

Частицы этого типа, в отличие от *či* 'самый', также следует рассматривать в словаре. Однако они обычно попадают в соответствующие разделы чувашских грамматик. Н.А. Андреев /74, стр. 101/ относит к усиленным частицам этого типа: *jar*, *jəm*, *vər*, *vər*, *kat*, *təp*, *čəli*, *čək*, *šəp*, *šək*. Иногда сюда же добавляют *tək*, *pəč*, *təm*, *təm*, *təm*, *šap*.

Интерес представляет генезис этих частиц. Так, например:

təm 'весь, очень, совершенно черный (?)', *təm xuga* 'черный-пречерный', ср.: тат., баш. *döm karaçı* 'совершенно темно', тат. *döm sukər* 'слепой на оба глаза', чув. *təm sukər* 'совершенно слепой', тат. диал. *təm sukər* и *töm sukər* то же, др. тюрк. *tüm* 'густой', 'чистый (о масти)', *tüm kara at* 'чисто вороной конь', туркм. *düm karaçki* 'темный-претемный', узб. *tüm ka'ra* 'совершенно черный', кирг. *tüm žaman* 'совсем плохой', квал. *düm žaksi* 'совсем хорошо', баш. диал. *töma hukər* 'совершенно слепой', уйг. *tum kara* 'пречерный'. Таким образом, эта усиленная частица представлена в тюркских языках в следующих вариантах: *düm*, *tüm*, *tum* (*töm*), *döm* < *düm*, *tüm*. То же "чередование" гласных находим у частицы *čim* (туркм. *čim kirdil* 'ярко-красный'), ср.: баш. диал. *šöm*, *səm*, *səm*, *söm* < **čüm*, *čüm*, *čim*, *čüm*, тат. *čəm kara* 'очень черный' и т.д.;

³ Некоторые исследователи полагают, что *a* в *xap-xuga* удерживается под ударением и отражает исконный гласный определяемого слова: **xap-xuga*.

⁴ Ср.: /200, стр. 116/.

vər *šəna* 'совершенно новый' сопоставимо с тат. *ör jaça*, баш. *ör jañ* и каз. *ür žaça* в том же значении; *vər* ~ *ör*, вероятно, < *ür. Сюда же относится чув. *vər ĩpə* 'совершенно сухой'⁵;

läk в *läk tullı* 'совершенно полный' (ср. *läk tolnä* 'битком набит', 'наполнен') < *lĭk* 'полный', ср.: кир. *lĭk* 'полно', 'полностью', узб. *läk* *ıbla* 'совершенно полный', тат. диал. *läkka* 'доверху', 'до краев', баш. *läkka tulä* 'переполненный'⁶;

jäm 'ослепительно яркий', откуда глагол *jämäx-* 'ослепляться', хотя наличие слова *jämäx* 'яркий (о цвете)' позволяет предположить существование глагольной (глагольно-именной?) основы **jäm*: *jäm ujar* 'совершенно ведренный (ясный)'; *jäm simäs* 'чисто-зеленый'; *jäm xarle* 'совершенно красный'; *jäm xura* 'блестяще-черный'; *jäm kävak* 'очень синий' (ср.: *jämäx kävak* 'ослепительно синий', *jämäx sarä* 'очень желтый', *jämäx xarlä* 'ослепительно красный', *jämäx xura* 'пречерный' и т.д.). Чувашское **jäm*, возможно, генетически связано с тюрк. **kam* в др. тюрк. *kama-* 'слепить', 'рябить (о глазах)', сюда же: туркм. *kamaş-*, тур. *kamaş-* 'быть ослепленным ярким светом', туркм. *kamaşık* 'ослепленный (о глазах) от яркого света'. Соответствие чувашского *j-* общетюркскому *k-* общеизвестно;

čält в *čält šurä* 'совершенно белый' — из какого-то кыпчакского диалекта, ср.: баш. диал. *sält* (< *čält) в *sält ak* 'белый-пребелый', *sält kük* 'совершенно синий', а также тат. *čalt* 'совершенно': *čalt jaktä* 'совершенно светлый', баш. *salt*.

Генетические связи "частиц" *tär* (*tär kävak* 'очень синий'), *šap* (*šap kävak* 'совершенно седой'), *jar* (*jar šurä* 'совершенно белый') остаются пока неясными. *Tär*, возможно, происходит из *tärä* 'прозрачный', 'чистый', ср.: туркм. *duñ* 'то же', тур., азерб. *duñ*, чув. *tär uxtax* 'чистый дурак', *tärä* 'дурак', 'глупый' (? < *tärä uxtax*). С точки зрения семантики ср.: тат. диал. *apı* 'совсем', 'совершенно' и *apı* 'чисто', 'чистый'; тат. *apı* 'совсем', 'совершенно' имеет в некоторых говорах лексическое соответствие *šär*. Это же *šär* встречается в башкирских говорах: *šär jalapças* 'совершенно голый', *šär ülä* 'круглый дурак' (ср. чув. *tär uxtax*).

Форма на -sarä/-serä

Н.И. Ашмарин /10, стр. 328-329/ отмечает глагольную форму на -*sarä*/*serä*, происхождение которой остается для него неясным (см. еще: /48, стр. 174-175/). Форма на -*sarä* встречается в тексте чувашской песни. Семантика формы, судя по контексту, будущее время. (Например: *Ješäl kuräk šimeškan suräx kätü kätseri; suräx kätü kätmeškan vañ vüräs ittsarä*

⁵ Ср. чув. *vär* в *vär šavraça* 'совершенно круглый', хотя здесь возможна контаминация с *pär* (*pär šavra*) — подражание быстрому повороту и вращению.

⁶ Возможно, *-lĭk* — лексикализованный аффикс, см.: /21/.

... влж (была, чтобы есть зеленую траву), станут пастись стада. ... была пастись стадо овин, наймут старого русского'⁷.
Н.И. Ашмарин предположил, что форма тина *šäsenä* 'вспомнил', глагольная форма, вероятно, глагольная частица, и -*sarä* соотносимо с формами будущего времени на -*sarä* (*-*sarä*), как формы будущего времени, которые не сохраняются при сопоставлении текста и текста: *kuñäk xäl kajäk xäl xälleg; kajarı, ilün-kämöl kšmarä itün; sarä /15, VI, стр. 17/ и tärä: tärer kajäk xäl xälleg; sarä /15, VII, стр. 17/.
Формы *šäsenä*, *šäsenä* в том случае можно было бы интерпретировать как глагольную форму будущего времени: допринимать глагольную форму глагола *jar-* 'остаться', 'оставаться' законности действия: *kajsa jarä > kajsarä* 'уйдет', 'уйдет'; *jułsa jarä > jułsarä* 'останется'⁹.*

Никакого ряда примеров из того же Словаря Н.И. Ашмарина показывающего такую трактовку формы на -*sarä* не представляется единственно возможным.

niğerä 'помер, значит' /15, V, стр. 235/;

niğserä 'значит, кончился' /15, X, стр. 250/;

jułsarä — архаичная глагольная форма = 'остался?' /15, IV, стр. 319/;

appin o polsarä-xa o! ün aça iläm 'да, оказывается, это он был, я только сейчас вспомнил' /15, III, стр. 3/10.

Чув. *pultaş* ~ тат. *buldač*

В словаре Н.И. Ашмарина /15, IX, стр. 282/ отмечена форма *pultaş* 'важно' (*Veşem vđmana kajñ pultaş* 'Они, вероятно, ушли в лес'). *Pultaş* — производное с аффиксом -*taş* < **tač* от глагола *pul-* 'быть', 'становиться', по всей вероятности, восходящее к тому же источнику, что и татарские диалектные формы *buldač*, *buldačä*, отмечаемые в мишарских говорах (кузнецком, хвалынском, чистопольском и др. в Ялновском) /76, стр. 168-169, 207-208; 7, стр. 17/.

Аффикс на -*dačä*/*-tačä* с семантикой абсолютного будущего или будущего общего времени встречается в памятниках древнетюркской

Ср. строки из чувашской народной песни:

Käčäpärä xäl tuššine
tušä šerem šerem tušä?
tušä šerem šerem tušä
šerä kšpü ittsa jar

Ср. также: /15, IV, стр. 320 и 15, XVII, стр. 17/.

Ср. /15, XVII, стр. 138/: *šäsarä* — то же, что *šäsenä* *šarä*.

Ср. /15, VI, стр. 17/: *kajsarä, kajsaräñ, kajsarä, kajsaräs* (различные формы от глагола *kaj-*, означавшего приближение к месту).

письменности в языке Codex Cumanicus¹¹. Единичное образование на *-dači* имеется в караимском: *biḏači* /230, стр. 98-99/. Махмуд Кашгарский, как отмечено К. Брокельманом /179, стр. 96/, очерчивая ареал формы на *-dači*, называл и сувар.

Причастие на *-dači* представлено и в средневековом памятнике кыпчакского языка "Китāб ал-идрāk ли-лисāн ал-атрāk"¹².

Наречие времени *rajan* 'сегодня'

Чувашское *rajan* 'сегодня' имеет диалектальные варианты: *rajkən*, *rajaḱən*. Некоторые этимологи сопоставляли *rajan* с общетюркским *bu-gün* 'сегодня' < *bu* 'этот' + *kün* 'день'. Правильность этого сопоставления вызвала сомнение у В.Г. Егорова, который возводил чувашское *rajan/rajaḱən* к **rajaḱənak*, сравнивая последнее с тат. диал. *bajayənak* < *baja* 'недавно' + *ḱən-uk* (частицы с выделительно-ограничительным значением).

Уже в древнетюркском отмечено *baja* 'недавно', 'вот-вот' и *baja-ok*. В татарском и башкирском языках и их диалектах мы имеем: *baja* 'не так давно', *baja ḱna*, *baja uk* и *bajuk* 'только что'; *baja ḱnak*, *baḱnak*, *bajnak*, *bajanak* 'недавно', 'давеча', *baḱna*. От того же *baja* употребительна форма на *-ḱḱ*, типа: баш. диал. *bajaḱḱ* 'давеча' < 'давешний' и т.д.

Этимологию В.Г. Егорова подтверждает и чувашское *rajsḱr* (*paḱḱr*, *paḱḱr*) 'давеча'. Оно образовано по той же модели, что и *kaśsḱr* 'раньше вечера' от *kaś* 'вечер' + *-sḱr* 'без' (ср.: баш. *kışkəḱ* 'до вечера', *ḱḱḱḱ* 'до полудня'), т.е. *rajaḱḱr* > *rajḱḱr* > *rajsḱr* > *paḱḱr* (*s* > *ś* после *j*) и *paḱḱr*. *Paḱḱr* первоначально означало 'до сегодняшнего', 'до недавнего' > 'давеча'.

¹¹ См.: /221, стр. 120/ (там же основные гипотезы о происхождении аффикса); /179, стр. 96-97, 261; 200, стр. 131/.

¹² См., например: /109/.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Усманов И. Туркмен дили, Ашгабат, 1950.
2. Андреев И.А. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках, — "Ученые записки НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 32, 1966.
3. Андреев И.А. Причастие в чувашском языке, Чебоксары, 1961.
4. Андреев И.А. Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных, — "Материалы по чувашской диалектологии", вып. 3, Чебоксары, 1969.
5. Андреев И.А. Краткий грамматический очерк чувашского языка, — в кн.: "Чувашско-русский словарь", М., 1961.
6. Андреев И.А. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных надписей, — "Ученые записки НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 14, 1956.
7. Арсланов А.Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР, а.к.д., Казань, 1966.
8. Ухитов Г.Х. Диалект западно-сибирских татар, Уфа, 1963.
9. Ашмарин Н.И. Заметки по грамматике чувашского языка (Рукопись. Научный архив НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР, отд. IV, ед. хр. 142).
10. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1. Учение о звуках (фонетика), ч. 2. Учение о формах (морфология), Казань, 1898.
11. Ашмарин Н.И. Общий обзор народных тюркских говоров гор, Нухи, Баку, 1926.
12. Ашмарин Н.И. О морфологических категориях подражания в чувашском языке, Казань, 1928.
13. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. 1, Казань, 1903.
14. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. 2, Симбирск, 1923.
15. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка, вып. I-XVII, Казань — Чебоксары, 1928-1950.
16. Ашиц Ф.Л. Указательные частицы в тюркских языках, — "Известия О.Т.И. АН СССР", т. XVII, вып. 5, 1958.
17. Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи), М., 1966.
18. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, ч. 1. Части речи и словообразование, М., 1952.
19. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении условной формы на *-ca -c-* в тюркских языках, — сб. "Академику В.А.Гордлевскому к его семидесятилетнему юбилею", М., 1953.
20. Баскаков Н.А. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках, — "Труды Московского института востоковедения", вып. 6, М., 1951.

21. Баталов И. А. История лексикализации аффиксов в тюркских языках, — "Башкирско-филологический сборник", вып. IV, М., 1966.
22. Баталов И. А. Грамматика киргизского языка, вып. I-III, Фрунзе — Казань, 1939-1940.
23. "Башкирская диалектология", Уфа, 1963.
24. "Башкирской диалектологический сборник", Уфа, 1956.
25. Богородицкий И. А. Введение в татарское языкознание и связи с другими тюркскими языками, Казань, 1953.
26. Борозков А. К. Очерки истории узбекского языка, II. Область грамматической характеристики языка средневекового "тофсири", XV — XV вв., — "Советское востоковедение", т. VI, М.—Л., 1949.
27. Бурицкая И. Б. Из наблюдений над говором параназальных татар, — "Известия Казан. ФАН СССР", вып. I, 1955.
28. Вербицкий В. Словарь алтайского и алдагского наречия тюркского языка, Казань, 1884.
- 28а. "Вопросы методов изучения истории тюркских языков", Мухомб., 1961.
29. Гаджи И. С. Историческая грамматика марийского языка, Морфология, ч. I, Йошкар-Ола, 1964.
30. Гаджи И. С. Историческая грамматика марийского языка, Морфология, ч. II, Йошкар-Ола, 1966.
31. Гаринов Т. М. Башкирское именное словообразование, Уфа, 1959.
32. Гордеевский В. А. Числительное 50 в турецком языке, — "Известия ОЛЯ АН СССР", т. IV, вып. 3-4, 1945.
33. "Грамматика алтайского языка", Казань, 1869.
34. Грунина Э. А. Форма времени на -а/-е по памятникам турецкого языка, — "Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова", М., 1966.
35. Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, а. д. д., Ташкент, 1955.
36. Джанмагов Ю. Д. Леспричастия в кумыкском литературном языке, М., 1967.
37. Дмитриев И. К. Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948.
38. Дмитриев И. К. Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940.
39. Дмитриев И. К., Горский С. П. Краткий грамматический очерк чувашского языка, — в кн.: "Русско-чувашский словарь", М., 1951.
40. "Документы на подовенком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)", М., 1967 (Памятники письменности Востока, III).
41. Дыренкова И. П. Грамматика шорского языка, М.—Л., 1941.
42. Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, докт. дисс., Чебоксары, 1950.
43. Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I, Чебоксары, 1954.
44. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.
45. Жалал Д. Татар диалектологиясе, Казань, 1947.
46. Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках, — сб. "Проблемы тюркологии и истории востоковедения", Казань, 1964.
47. Золотницкий И. И. Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуски согласных горланных звуков, — "Ученые записки Казанского ун-та", 1877, № 2.
48. Иванов А. И. Несколько слов об образовании форм спряжения в чувашском языке, — "Ученые записки ИИЯЛИИ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 16, 1958.
49. Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке, I, — "Ученые записки ИИИ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 34, 1967; II, — там же, вып. 39, 1968.
50. Инкижекова-Грекул А. И. Причастия в хакасском языке, — сб. "Академику В. А. Гордеевскому к его семидесятилетию", М., 1953.
51. "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч. 2, Морфология, М., 1956.
52. Исхаков Ф. Г. и Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961.
53. Калмыкова С. А. Акногайский диалект ногайского языка, а. к. д., М., 1965.
54. "Карикалпако-русский словарь", М., 1958.
55. "Киргизско-русский словарь", Оренбург, 1897.
56. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956.
57. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960.
58. Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках, Л., 1969.
59. Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках, — "Тюркологический сборник", I, М.—Л., 1951.
60. Кононов А. Н. Тюркологические этюды, — "Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятилетию академика И. И. Копрда", М., 1967.
61. Кононов А. Н. Тюркские этимологии, — "Ученые записки ЛГУ им. Жданова", № 179, Л., 1954.
62. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке, М., 1970.
63. Корнилов Г. Е. К вопросу о центрально-азиатской прародине тюркских предков чувашей, — "Ученые записки ИИИ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 36, 1967.
64. Котвич В. Исследование по алтайским языкам, М., 1962.
65. Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках, — сб. "Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика", М., 1960.
66. Кюннап А. Показатели множественного числа имен существительных в камасинском языке, — "Советское финно-угроведение", Тарту, 1967, № 4.
67. "Лингвистическая типология и восточные языки", М., 1965.
68. Максютова Н. X. Говор айских башкир, а. к. д., М., 1964.
69. Малов С. Е. К изучению турецких числительных, — Сб. "Академия наук СССР академику Н. Я. Марру", М.—Л., 1935.
70. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.
71. Малов С. Е. Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957.
72. Матвеев Т. М. Грамматика чувашского языка. Морфология, Симбирск, 1919.
73. Матвеев Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных — сб. "Вопросы чувашского языка, литературы и искусства", Чебоксары, 1960.
74. "Материалы по грамматике современного чувашского языка", ч. I. Морфология, Чебоксары, 1957.
75. "Материалы по диалектологии", Казань, 1955.
76. "Материалы по татарской диалектологии", 2, Казань, 1962.
77. "Материалы по чувашской диалектологии", вып. I, Чебоксары, 1960.
78. "Материалы по чувашской диалектологии", вып. II, Чебоксары, 1963.
79. "Материалы по чувашской диалектологии", вып. III, Чебоксары, 1969.
80. Махмуд Кошгарий, Девону дуготит турк, т. I-III, Ташкент, 1960-1963.
81. Медиев К. Имена действия в современном уйгурском языке, М., 1964.
82. Медиаоранский П. М. Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900.
83. Медиаоранский П. М., Краткая грамматика казах-киргизского языка, ч. I. Фонетика и этимология, ч. 2. Синтаксис, СПб., 1896-1899.

84. Михайлов М.С. О форме на *-(y)asi* в турецком языке, — сб. "Вопросы языка и литературы стран Востока", М., 1958.
85. Мураталиев А.Дж. Последлоги в киргизском языке, Фрунзе, 1958.
86. Муратов С.И. О тюркских аффиксах *-таш/-даш* и *-турук/-дурук* в свете данных других алтайских языков, — сб. "Проблема общности алтайских языков", Л., 1971.
87. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка, М., 1964.
88. Мухамедова З.Б. Исследования по истории туркменского языка XI-XIV вв., докт. дисс., М., 1969.
89. Мухамедова З.Б. К этимологии слов типа "боюнса", — "Известия АН Туркм. ССР, серия общественных наук", 1966, вып. 4.
90. Насилов В.М. Аффиксы включения, — сб. "Вопросы языка и литературы стран Востока", М., 1958.
91. Насилов В.М. Типологические черты уйгурского языка, — "Труды Московского института востоковедения", вып. 3, М., 1946.
92. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников, М., 1960.
93. Насилов Д.М. Структура времен индикатива в древнесуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма), а.к.д., М., 1963.
94. Павлов И.П. К вопросу о происхождении двух деепричастных аффиксов в чувашском языке, — "Ученые записки НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 14, 1956.
95. Павлов И.П. Хальхи чăваш литература чĕлхи, морфологи, Шупашкар, 1965.
96. "Памяти В.А. Богородицкого", Казань, 1961.
97. Пашков Б.К. Маньчжурский язык, М., 1963.
98. Петрова Т.И. Язык ороков (ульча), Л., 1967.
99. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка, М., 1964.
100. Поливанов Е.Д. Фонетические особенности Касимовского диалекта, М., 1923.
101. Поппе Н.Н. Монгольские числительные, — сб. "Языковедные проблемы по числительным", Л., 1927.
102. Поппе Н.Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке, — "Вестник Научного общества татароведения", № 7, Казань, 1927.
103. Поделуевский А.П. Проблемы стадияльно-сравнительной грамматики тюркских языков, — "Известия Туркм. ФАН СССР", 1946, № 3-4.
104. Рагимов М. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, а.д.д., Баку, 1966.
105. Рагимов М.Ш. Форма на *-са, -се* в памятнике "Китаби-Деде Коркуд", — сб. "Исследования по грамматике и лексике тюркских языков", Ташкент, 1965.
106. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I-IV, СПб., 1893-1911.
107. Рамазанова Д.Б. Говоры татар Среднего Прикамья, а.к.д., Казань, 1970.
108. Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание, М., 1957.
109. Расулова И.А. Исследование языка "Китаб ал-идрак ли-льисан ал-атрак", а.к.д., Ташкент, 1969.
110. Решетов В.В. О наманганском говоре узбекского языка, — сб. "Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию", М., 1953.
111. Ряснян М. Об урадо-алтайском языковом родстве, — "Вопросы языкознания", 1968, № 1.
112. Самойлович А.П. Турецкие числительные количественные. Обзор попыток их толкования, — сб. "Языковедные проблемы по числительным", Л., 1927.
113. Санжеев Г.Л. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, М., 1963.
114. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, М., 1962.
115. Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966.
116. Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках, — сб. "Тюркологические исследования", М.—Л., 1963.
117. Севортян Э.В. О глаголообразующем аффиксе *-са///-сы///-сын-* в тюркских языках, — сб. "Исследования по истории культуры народов Востока", М.—Л., 1960.
118. Севортян Э.В. Тюркские *ас, асқыр-, аст, асы* и др., — "Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова", М., 1966.
119. Сергеев Л.П. Урмарский говор чувашского языка, а.к.д., М., 1965.
120. Серебренников Б.А. Заметки по исторической грамматике чувашского языка, — "Ученые записки НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 16, 1958.
121. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков, М., 1967.
122. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков, М., 1963.
123. Серебренников Б.А. К вопросу о происхождении элемента *k* (*g, q, γ*) в окончании дательного-направительного падежа в тюркских языках, — "Краткие сообщения Института народов Азии", вып. 83, М., 1964.
124. Серебренников Б.А. К истории суффикса деноминативных глаголов *-la* в тюркских языках, — "Советская тюркология", 1972, № 5.
125. Серебренников Б.А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках, — "Советская тюркология", 1970, № 1.
126. Серебренников Б.А. О типологических параллелях сундырской формы прошедшего предварительного времени типа *кайрăмчă* "я ходил раньше", — сб. "Вопросы чувашского языка, литературы и искусства", Чебоксары, 1960.
127. Смирнов А.П. Волжские булгары, М., 1951.
128. "Современный казахский язык. Фонетика и морфология", Алма-Ата, 1962.
129. "Современный татарский литературный язык", М., 1969.
130. Тенишев Э.Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна, — сб. "Тюркологические исследования", М.—Л., 1963.
131. Тенишев Э.Р. Саларский язык, М., 1963.
132. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров, М., 1966.
133. Тимофеев Ф.Т. Морфология чувашского языка (Рукопись. Научный архив НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, отд. IV, ед. хр. 117).
134. Тумашева Д.Г. Көнбатыш Сөбер татарлары теле, Казань, 1961.
135. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар, ч. 2, Казань, 1968.
136. Турсункулова К.А. Перифрастические формы глагола в узбекском и казахском языках, а.к.д., Ташкент, 1972.
137. Урусбиев И.Х. Спряжение глаголов в карачаево-балкарском языке, Черкеск, 1963.
138. Фазылов Э. Староузбекский язык, т. 1, Ташкент, 1966.
139. Фазылов Э. Староузбекский язык, а.д.д., Ташкент, 1967.
140. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. 1. Чувашско-марийские связи, Чебоксары, 1965.
141. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, Чебоксары, 1968.
142. Федотов М.Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (лексико-семантический обзор и словарь), — "Ученые записки НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чуваш. АССР", вып. 26, 1963.
143. Федотов М.Р. Средства выражения модальности в чувашском языке, Чебоксары, 1963.

144. Хаджилаев Х.М.И. Последологи и послеоложноименные слова в карачаево-балкарском языке, Черкесск, 1962.
145. Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы, Казань, 1954.
146. Харитонов Л.И. Современный якутский язык, ч. I. Фонетика, морфология, Якутск, 1947.
147. Хасенова А. Қазақ тіліндегі тубиды тубір етістіктер, Алматы, 1959.
148. Ходжаев Б. Условная форма глагола в современном туркменском языке, а.к.д., Ашхабад, 1958.
149. Пинциус В.И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках, — "Ученые записки ЛГУ", серия филол. наук, т. 69, вып. 10, 1946.
150. Чуркин Т.Я. Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района, — сб. "Тюркологические исследования", М.—Л., 1963.
151. Шакирова Р.Ф. Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области, — сб. "Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятиятиелетию", М., 1953.
152. Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка, а.к.д., Ташкент, 1960.
153. Шербак А.М. Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962.
154. Шербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана, М.—Л., 1961.
155. Шербак А.М. "Деепричастие" на *-a~a (-j)* в тюркских языках, — "Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова", М.—Л., 1960.
156. Шербак А.М. Формы числа у имен в тюркских языках, — "Вопросы языкознания", М., 1970, № 3.
157. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь, М., 1965.
158. Юдахин К.К. Некоторые особенности карабулакского говора, — сб. "عَرْدُ الْجَبَانِ", В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели", Ташкент, 1927.
159. Юдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., 1965.
160. Юдашев А.А. Звательные слова в тюркских языках, — "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч. 2. Морфология, М., 1956.
161. Юдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке, М., 1968.
162. Юсупов Х.Г. Асинский говор башкирского языка, канд. дисс., М., 1955.
163. Юсупов Ф.Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей), а.к.д., Казань, 1972.
164. "Языки народов СССР", I-V, М., 1966-1968.
165. Atalay B. Türkçemizden *men-man*, İstanbul, 1940.
166. Bang W. Aus türkischen Dialekten, - KStz, t. XVIII, 1918.
167. Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, - «Turan», 1918, II, 5.
168. Bang W. Das negative Verbum der Türksprachen, - SBAW, 1923, XVII.
169. Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte, Heidelberg, 1918.
170. Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, - SBAW, 1916, XVII, XXXVII, LI.
171. Bang W. Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, Fünfter Brief, - UJb, Bd X, H. 1-2, Berlin, 1930.
172. Bang W. Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, Siebenter Brief, - UJb, Bd XIV, H. 3, Berlin, 1934.
173. Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, I, - ABAW, 1917.
174. Bang W. Zu den türkischen Zeitbestimmungen, - «Turan», 1918, II, 1-2.
175. Becke O. Zur Geschichte einiger gemischten Nominalbildungssuffixe, - ALJ, t. II, fasc. 2-4, 1953.
176. Benzing J. Das Tschuwaschische, - «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. I, 1959.
177. Benzing J. Tschuwaschische Forschungen, I, - ZDMG, Bd 94 (19), H. 2, 1940; II, - Bd 94 (19), H. 3, 1940; III, - Bd 95 (20), H. 1, 1941; IV, - Bd 96 (21), H. 3, 1942; V, - Bd 104 (29), H. 2, 1954.
178. Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten, St.-Pbg., 1851.
179. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasien, Leiden, 1954.
180. Budenz J. Reguly csuvas példamondattai, - NyK, II, 1863.
181. Caferoglu A. Abü-Hayyân, Kitâb al-Idrâk li-Lisân al-Atrâk, İstanbul, 1931.
182. Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), Paris, 1921.
183. Deny J. L'améno-coman et les "Ephémérides" de Kamieniec (1604-1613), Wiesbaden, 1957 (Ural-Altäische Bibliothek, IV).
184. Doerfer G. Türkisch-m tschuwaschisch-m? - UAJb, Bd 39, H. 1-2, 1967.
185. Donner K. Zu den ältesten Berührungen zwischen Samojedem und Türken, - JSFOu, XI:1, Helsinki, 1924.
186. Gabain A. von. Altürkische Grammatik, Leipzig, 1950.
187. Grönbech K. Komanisches Wörterbuch, Kopenhagen, 1942.
188. «Handbuch der Orientalistik», I. Abt., 5. Bd. Altaistik, I. Abschn., Turkologie, Leiden, 1963.
189. Hartmann M. Zur türkischen Dialektkunde - KStz, t. I, 1900.
190. Hovdhaugen E. Some Remarks on the Development of Nasal Phonemes in Chuvash, - UAJb, Bd 44, 1972.
191. Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, - MSFOu, CIII, 1952.
192. Kotwicz W. Contributions a l'histoire de l'Asie Centrale, - ROu, t. XV, 1949.
193. Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, II, - ROu, t. VII, 1930.
194. Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936.
195. Kowalski T. De la nature du causatif et du passif dans les langues turques, - ROu, t. XV, 1949.
196. Kowalski T. Dialektes tures-osmanlis, - «Encyclopédie de l'Islam», IV, liv. 0, Leiden - Paris, 1931.
197. Kowalski T. Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar, -lär* in den Türksprachen, Kraków, 1936.
198. Lewicki M. Turcica et Mongolica, - ROu, t. XV, 1949.
199. Menges K. Etymologica, - «Studia Orientalia», 28:8, Helsinki, 1964.
200. Menges K. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, Wiesbaden, 1968.
201. Munkácsi B. Az altaji nyelvek számképzése, - Budenz-Album, Budapest, 1884.
202. Munkácsi B. /Pen nar/ W. Bang, Vom Köktürkischen..., - KStz, t. XVII, 1918.
203. Németh J. Die türkisch-mongolische Hypothese, - ZDMG, Bd 66, H. 4, 1912.
204. Németh J. Zu den F-Lauten im Türkischen, - «Studia Orientalia», 28:14, Helsinki, 1964.
205. Patrubány L. A csuvas többszámról, - NyK, XVII, 1881-1883.
206. «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. I, 1959.
207. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies, - MSFOu, CX, 1955.
208. Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages, - UAJb, Bd 24, H. 3-4, 1952.
209. Poppe N. Studies on Altaic and Uralic Plural Suffixes, - FUF, Bd 31, 1953.
210. Poppe N. Türkisch-Tschuwaschische vergleichende Studien, - «Islamica», Bd I, fasc. 4, Lipsiae, 1925.
211. Pritsak O. Bolgaro-Tschuwaschica, - UAJb, Bd 31, 1959.
212. Pritsak O. Die Herkunft des tschuwaschischen Futurums, - WZKM, Bd I, VI, 1960.

213. Pritsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe, Wiesbaden, 1957 (Ural-Altäische Bibliothek, V. Studia Altaica).
214. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, St.-Pbg., 1897.
215. Ramstedt G.J. Die Vemeinung in den altaischen Sprachen, - MSFOu, LII, 1924.
216. Ramstedt G.J. Studies in Korean Etymology, - MSFOu, ICV, 1949.
217. Ramstedt G.J. Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, - JSFOu, XXIV:1, 1907.
218. Ramstedt G.J. Zu den samojedischen-altaischen Berührungen, - FUF, Bd 12, 1912.
219. Ramstedt G.J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, - JSFOu, XXXVIII, 1922-1923.
220. Ramstedt G.J. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, - JSFOu, XXVIII:3, 1912.
221. Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957.
222. Räsänen M. Türkische Nomina Instrumenti auf -man(-män) und Entsprechungen in den slawischen Sprachen, - «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», seria B, XXVII, 1932.
223. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969.
224. Schott W. De lingua Tschuwaschorum, Berlin, 1842.
225. Schott W. Versuch über die tatarischen Sprache, Berlin, 1836.
226. Schütz E. An Ameno-Kipchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620-1621, Budapest, 1968.
227. Serebrennikov B.A. Über tschuwaschische Themen, - AOH, t. XVIII, fasc. 2, 1964.
228. Sinor D. On some ural-altaic plural Suffixes, - AM, New Series, vol. II, pt 2, 1952.
229. Wichmann Y. Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre, - JSFOu, XXX, 1913-1918.
230. Zajaczkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraïmskim, Kraków, 1932.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A. Названия языков и диалектов

азер.	— азербайджанский язык
айск.	— говор айских башкир
алт.	— алтайский язык
ар.	— арабский язык
ар. кып.	— армяно-кыпчакский язык
балк.	— балкарский язык
бараб.	— язык барабинских татар
баш.	— башкирский язык
булг.	— болгарский язык
бур. мон.	— бурят-монгольский язык
бурз.	— бурзянский говор башкирского языка
венг.	— венгерский язык
гаг.	— гагаузский язык
гал.	— галицкий диалект караимского языка
г.з.с.т.	— говоры западносибирских татар
гольд.	— гольдский (нанайский) язык
др. русск.	— древнерусский язык
др. тюрк.	— древнетюркский язык
др. уйг.	— древнеуйгурский язык
др. чув.	— древнечувашский язык
ен. орх.	— язык енисейско-орхонских памятников
з.г. йомуд. диал.	— западные говоры йомудского диалекта туркменского языка
ишлейск.	— ишлейский говор чувашского языка
каз.	— казахский язык
калм.	— калмыцкий язык
камас.	— камасиновский язык
карабулак.	— карабулакский говор узбекского языка
караг.	— карагасский (тофаларский) язык
караим.	— караимский язык
касим.	— говор касимовских татар
кач.	— качинский диалект хикасского языка
кбал.	— карачаево-балкарский язык
кир.	— киргизский язык
ккы.	— каракалпакский язык
красночет.	— красночегайский говор чувашского языка
крым.	— крымский диалект караимского языка
кыт.	— крымско-татарский язык

кубалак.	– кубалакский говор башкирского языка
кубин.	– кубинский диалект азербайджанского языка
кум.	– кумыкский язык
кюзр.	– кюзрикий язык = язык чулымских татар
лапл.	– лапландский (саамский) язык
леб.	– язык лебединских татар
лобн.	– лобнорский язык
мар.	– марийский язык
мар. вост.	– восточный диалект марийского языка
мар. гор.	– горномарийский язык
мар. луг.	– луговой марийский язык
мары	– марыйский говор туркменского языка
мишар.	– мишарский диалект татарского языка
мокш.	– мокшанский язык
мон.	– монгольский язык
моргауш.	– моргаушский говор чувашского языка
морд.	– мордовский язык
морд. эрз.	– эрзя-мордовский язык
ног.	– ногайский язык
осм.	– османский язык
перс.	– персидский язык
полов.	– половецкий язык
саг.	– сагайский диалект хакасского языка
салар.	– саларский язык
салыр.	– салырский диалект туркменского языка
ст. узб.	– староузбекский язык
сундыр.	– сундырские говоры чувашского языка
сюг.	– сарыгюгурский язык
табас.	– табасаранский говор азербайджанского языка
тат.	– татарский язык
тел.	– телеутский диалект алтайского языка
тобол.	– язык тобольских татар
томск.	– язык томских татар
трак.	– тракайский диалект караимского языка
тув.	– тувинский язык
тунг.	– тунгусские языки
тур.	– турецкий язык
туркм.	– туркменский язык
тюрк.	– тюркские языки
удм.	– удмуртский язык
узб.	– узбекский язык
уйг.	– уйгурский язык
фин.	– финский язык
хак.	– хакасский язык
хорезм.	– хорезмийские говоры узбекского языка
хотан.	– хотанский диалект уйгурского языка
чаг.	– чагатайский язык
чув.	– чувашский язык
шор.	– шорский язык
як.	– якутский язык

Б. Прочие сокращения, принятые в работе

а.д.д.	– автореферат докторской диссертации
а.к.д.	– автореферат кандидатской диссертации

вин. пад.	– винительный падеж
гов.	– говор
д.	– диалект
дат.-вин. пад.	– дательно-винительный падеж
диал.	– диалектальный
ед. число	– единственное число
инстр. пад.	– инструментальный падеж
исходи. пад.	– исходный падеж
л.	– лицо
лит.	– литературный
лишит. пад.	– лишительный падеж
местн. пад.	– местный падеж
мн. число	– множественное число
общетюрк.	– общетюркский
осн. пад.	– основной падеж
пад.	– падеж
пр.-цел. пад.	– причинно-целевой падеж
прим.	– примечание
притяж. пад.	– притяжательный падеж
род. пад.	– родительный падеж
см.	– смотри
совм. пад.	– совместный падеж
ср.	– сравни
ср. тюрк.	– среднетюркский
творит. пад.	– творительный падеж
ук. мест.	– указательное местоимение
усл.	– условное наклонение
уст.	– устаревшее
юж.	– южный

ДТС	– Древнетюркский словарь, Л., 1969.
ИбМ	– Ибн Муханна (Aptullah Battal, Ibnü-Mühenna lügati, İstanbul, 1934).
МК	– Махмуд Кашгарский (Divanü lügat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay, I-II, Ankara, 1939-1941 (см. также: /80/)).
XIII	– "Хосров и Ширин" (A. Zajaczkowski, Najstarsza wersja turecka Husräv u Širîn Qutba, t. III. Słownik, Warszawa, 1961).
СС	– Codex Cumanicus (см.: /187/).
Gr. In.	– Grammatischer Index, - в кн.: A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950.
V	– гласный
8	– неопределенный гласный

Артемьев	– А. Артемьев, Алтйр җәлтәр, Шупашкар, 1963.
Иванов	– К. Иванов, Ҷырнисен пухи, Шупашкар, 1957.
Кербабасв	– Б. Кербабасев, Айсолтан, Ашгабат, 1951.
Эльгер	– С. Эльгер, Ҷырнисене пухса кӀларни, 4-мӀн том, Шупашкар, 1963.

ABAW	– "Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften", Berlin.
AM	– "Asia Major", Leipzig.
AOH	– "Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae", Budapest.
FUF	– "Finnisch-Ugrische Forschungen", Helsinki.
JFOU	– "Journal de la Société Finno-Ougrienne", Helsinki.

KSz	- "Keleti Szemle (Revue orientale)", Budapest.
MSFOu	- "Mémoires de la Société Finno-Ougrienne", Helsinki.
NyK	- "Nyelvtudományi Közlemények", Budapest.
ROr	- "Rocznik Orientalistyczny", Lwów (Kraków), Warszawa.
SBAW	- "Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften", philosophisch-historische Klasse, Berlin.
UAJb	- "Ural-Altäische Jahrbücher", Wiesbaden.
UJ	- "Ungarische Jahrbücher", Berlin - Leipzig.
WZKM	- "Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes".
ZDMG	- "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", Leipzig - Wiesbaden.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Источники	5
Данные чувашской диалектологии	5
Памятники языков чувашской (булгарской) группы	7
Основные методы и приемы исследования	7
Транскрипция	8
Словоизменение	9
Имя	9
Форма множественного числа	9
Формы принадлежности	14
Звательные формы	16
Формы падежей	17
Притяжательный падеж	17
Дательно-винительный падеж	18
Местный падеж	20
Исходный падеж	21
Совместный падеж	22
Литительный падеж	24
Причинно-целевой падеж	25
Направительный падеж	26
Инструментальный падеж	27
Остаточные падежные формы	27
История происхождения падежных форм	28
Местоимения	29
Личные местоимения	29
Лично-возрастное местоимение	31
Указательные местоимения	32
Вопросительные местоимения	35
Определительные местоимения	37
Числительные	38
Количественные числительные	38
Атрибутивная и субстантивная форма количественных числительных	45

Порядковые числительные	47
Собирательные числительные	49
Разделительные числительные	52
Числительные количественные приблизительные	53
Глагол	53
Отрицательная форма	53
Форма возможности	54
Учащагательные и интенсивные формы глагола	55
Аффиксы лица	57
Аффикс множественного числа -š	58
Формы глагола <i>e<er></i> 'быть'	59
Настоящее время	59
Будущее время	63
Прошедшее многократное время	65
Прошедшее "категорическое" время	67
Диалектная форма давнопрошедшего типа <i>kaʔəm</i> 'да'	69
Прошедшее время на <i>-sa/-se</i>	70
Давнопрошедшее на <i>-saččə/-seččə</i>	72
Прошедшее на <i>-nā/-nə</i>	73
Давнопрошедшее на <i>-nāččə/-nəččə</i>	74
Повелительное наклонение	75
Предлагательно-желательное наклонение	78
Форма на <i>-maqajə/-mekəjə, -maqaj/-mekəj</i>	79
Сослагательное наклонение	80
Уступительное наклонение (концессив)	81
Временные формы, образованные с помощью глагола <i>pul-</i>	84
Причастия	85
Причастие на <i>-tə/-tə</i>	85
Причастие на <i>-as/-es</i>	86
Форма на <i>-aslək/-eslək</i>	91
Форма на <i>-asla</i>	92
Причастие на <i>-an/-en</i>	92
Причастие на <i>-aŋan/-eŋen</i>	93
Причастие на <i>-atəran</i>	94
Причастие на <i>-malla/-melle</i> (причастие долженствования)	95
Причастие на <i>-maləx/-mələx</i> (причастие достаточности)	97
Причастие на <i>-i</i> (причастие возможности)	99
Причастие на <i>-anši/-enši</i>	99
Причастие на <i>-iš, -əš</i> (<i>-miš, -məš</i>)	100
Деепричастия	101
Деепричастие на <i>-a/-e</i>	101
Деепричастие на <i>-maqəŋer/-meqəŋer</i>	102
Деепричастие на <i>-sa/-se</i>	103
Деепричастия на <i>-san/-sen</i> и <i>-sassaŋn/-sessaŋn</i>	104
Деепричастие на <i>-ušəŋn/-üšəŋn</i>	106
Деепричастие на <i>-atšəŋn/-etšəŋn</i>	107
Деепричастие на <i>-iðəŋn</i>	108
Деепричастие на <i>-masseren/-messeren</i>	110
Деепричастие на <i>-nāšəŋn/-nāšəŋn</i>	110

Деепричастие на <i>-nāŋanpa/-nāŋanpa</i>	111
Деепричастие на <i>-kaš/-kaš</i>	111
Инфинитивы (супины)	112
Наречия	113
Наречия на <i>-ən/-ən</i>	114
Наречия на <i>-la/-le</i>	114
Некоторые наречия, соотносительные с формами современных пространственных падежей	115
Наречия на <i>-laša</i>	116
Послелоги	116
Частицы	121
Указательные частицы	122
Ограничительные частицы	122
Модально-экспрессивные частицы	122
Усилительные частицы	124
Словообразование	126
Имя	126
Продуктивные аффиксы образования имен от имен	126
Аффикс <i>-lā/-lə // -llā/-llə</i>	126
Аффикс <i>-lāx/-ləx</i>	127
Аффикс <i>-sər/-sər</i>	128
Аффикс <i>-sə/-sə, -šə, -š</i>	130
Аффикс <i>-šə/-šə, -šə, -š</i>	130
Аффикс <i>-xi</i>	132
Непродуктивные и малопродуктивные аффиксы образования имен от имен	133
Аффикс <i>-an/-em</i>	133
Аффикс <i>-anlā/-enlā</i>	134
Аффикс <i>-as/-es</i>	135
Аффикс <i>-man</i>	135
Аффиксы <i>-mar, -məŋer</i>	137
Аффикс <i>-na/-ne</i>	137
Аффикс <i>-sa/-se</i>	138
Аффикс <i>-šax, -šax</i>	139
Аффикс <i>-šan/-šen</i>	140
Аффикс <i>-taš/-teš</i>	140
Аффиксы субъективной оценки	141
Аффикс <i>-a/-e</i>	141
Аффикс <i>-ak/-ek, -ak</i>	141
Аффикс <i>-čək/-čək</i>	142
Аффикс <i>-k/-x</i>	143
Аффикс <i>-xe/-ke</i>	143
Аффикс <i>-ka/-ke</i>	144
Аффикс <i>-kə/-kə</i>	144
Аффикс <i>-luk/-lek</i>	145
Аффикс <i>-mas/-mes/-mas</i>	146
Аффикс <i>-rax/-rek</i>	147
Аффикс <i>-ska/-ske</i>	149
Аффикс <i>-ska/-ske</i>	149

Аффикс -ś, -śā /-śa	150
Аффикс -iaj/-iej	151
Некоторые аффиксы, встречающиеся в единичных образованиях	151
Аффиксы образования имен от глагольных основ	152
Аффикс -a/-e	152
Аффикс -ā/-ā	153
Аффикс -k, -āk/-ək	154
Аффикс -kā/-kə	155
Аффикс -kām	155
Аффикс -kān/-kən	156
Аффикс -kās, -kās/-kās, -kās	156
Аффикс -m ^I , -ām/-ām	157
Аффикс -m ^{II}	158
Аффикс -ma/-me	159
Аффикс -mak, -mak/-mek	160
Аффикс -mās/-mās	161
Аффикс -u/-ū, -v	162
Аффикс -ś	163
Аффикс -š	164
Аффикс -šāk/-šək	164
Глагол	165
Аффиксы -la/-le, -lan/-len, -lat/-let, -laš/-leš	165
Аффикс -an, -n	166
Аффикс -ś	167
Аффикс -šān/-šən	167
Аффикс -a/-e	169
Аффикс -ra/-re	170
Аффикс -ka/-ke	171
Аффиксы -k ^I и -k ^{II}	172
Аффикс -kān/-kən	175
Аффикс -ar/-er, -r	177
Аффикс -al/-el, -l	178
Аффикс -āra (-āra, -āra)	179
Аффикс -če	180
Аффикс -mās/-mās	181
Аффикс -mās/-mās	182
Аффикс -pān	182
Приложение	186
Аффикс -sem(er)in	186
Интенсив качественных имен	186
Форма на -sarə/-serə	188
Чув. pulśās ~ тат. buldaç	189
Наречие времени rajan 'сегодня'	190
Список использованной литературы	191
Список сокращений	198

Лия Сергеевна Левитская
ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

Редактор Л.С. Ефимова
Младший редактор Р.Г. Стороженко
Художник Е.И. Бекетов
Художественный редактор Э.Л. Эрман
Технический редактор Т.А. Сударева
Корректор Г.В. Стругова

Сдано в набор 10 XI-75 г. Подписано к печати 15/VII-76 г.
А-06656. Формат 60x90 1/16. Бум. № 1. Печ.л. 13. Уч.-изд.л. 14,26
Тираж 1700 экз. Изд. № 3282. Зак. № 299. Цена 1 руб. 43 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1